

Annotation

Детектив Джек Шпротт работает в Отделе сказочных преступлений. Каждый день подбрасывает ему все более и более запутанные дела. Только он в состоянии разобраться, насколько невинны три поросенка и так ли уж виноват серый волк, живьем сваренный этими маленькими садистами. Только он может принять решение, по какой статье сажать Румпельштильцхена, который превращал солому в золото. С древней сказочной жутью невероятно трудно бороться, но вот Джеку Шпротту вновь приходится сжать волю в кулак и как можно быстрее приступить к расследованию загадочной смерти мецената и филантропа, да и вообще хорошего парня Шалтая-Болтая...

- [Джаспер Ффорде](#)
 - [Примечания автора](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

Джаспер Ффорде

«Тайна выеденного яйца, или Смерть

Шалтая»

Моему брату
Мэтью,
любовь к абсурду,
причём глубокая,
озаряла дни моего
детства

Шалтай-Болтай
сидел на стене,
Шалтай-Болтай
свалился во сне.

Вся королевская
конница,
Вся королевская
рать

Не может Шалтая,
не может Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая
собрать!

Перевод С. Маршака

Примечания автора

Отдел сказочных преступлений, Редингское полицейское управление и полицейское управление Оксфорда и Беркшира — вымышленные учреждения. Любое сходство с соответствующими полицейскими процедурами, протоколами или судебными методами случайно.

Все книги о Джеке Шпротте созданы в качестве кураторов в рамках Программы по обмену персонажами. Права всех персонажей защищены директивой Совета жанров GBSD/211950.

Роман «Тайна выеденного яйца» снабжен специальными приложениями, включающими документальный фильм «Создание романа», вырезанные сцены из всех четырёх книг и многое другое. Чтобы получить все три бонусных приложения, зайдите на сайт www.nurserycrime.co.uk/special/jsl.html и введите пароль, как указано.

Глава 1

Мэри Мэри

Если бы королева Анна не страдала так от подагры и водянки, то Рединг мог бы и вовсе заглохнуть. В 1702 году венценосная больная, подыскивая место для облегчения своих царственных недугов, случайно наткнулась на Бат. А куда монарх, туда и высшее общество. В результате Рединг, до той поры неприметный городок на маленьком притоке Темзы, сделался оживленным перевалочным пунктом на дороге в Бат, которая потом превратилась в шоссе А4 и в конце концов в трассу М4. Город разбогател на торговле шерстью, а позже на его территории разместились несколько крупных фирм, впоследствии прославившихся на всю страну. Когда в 1822 году здесь заработали пекарни «Хантли и Палмерс», пивоварня «Саймондс» уже пользовалась широкой известностью, а с открытием в 1853 году фабрики «Пемзс — средства по уходу за ногами» благополучие города упрочилось окончательно.

[\[1\]](#)

История Рединга

В Рединге тянулась послерожественская неделя, и уже никто не помнил, когда в последний раз видел солнце. Ветер, холодный и пронизывающий, словно острый нож, гнал по небу серые облака. Унылая зимняя погода, вязкая, как густой смог, не желала ослаблять свою хватку. Даже ранние цветы отказывались появляться. Лишь отважные крокусы украшали городской парк, а желтые нарциссы, обычно смотревшиеся весёлым ярким пятном на зимней серости, только вдохнули разок зимнего сырого воздуха и отложили цветение на следующий год.

Привлекательная и хорошо одетая женщина лет тридцати со смешанными чувствами взирала на мрачный городской пейзаж с седьмого этажа Редингского центрального полицейского управления. Дисциплинированная и трудолюбивая, рядом с незнакомыми людьми она чувствовала себя неловко. Звали её Мэри. Мэри Мэри. Она была родом из

Бейзингстока, в чем нет ничего постыдного.^[2]

— Мэри! — окликнул её полицейский, тащивший оккупированную большим растением кадку с таким видом, словно вне служебных обязанностей только тем и занимался. — Вас хочет видеть суперинтендант Бриггс. Как часто надо поливать эту штуку?

— Эту? — безразлично отозвалась Мэри. — Да никогда. Она пластиковая.

Я полицейский, а не садовник, — обиженно ответил он и потопал прочь, недовольно ворча себе под нос.

Женщина отвернулась от окна, подошла к закрытой двери в кабинет Бриггса и остановилась. Собралась с мыслями, глубоко вздохнула, выпрямилась. Не всякий выбрал бы перевод в Рединг, но для Мэри Рединг обладал одним качеством, которое отсутствовало у других городов: здесь работал старший инспектор Фридленд Звонн, истинный светоч всех сыщиков. Карьера старшего инспектора представляла собой череду вдохновенных полицейских расследований — его несравненный сыскной талант питал газетные передовицы уже более двух десятилетий. Именно благодаря Звонну Мэри выбрала карьеру полицейского. С тех пор как отец подписал её на «Криминальное чтение» — ей тогда едва исполнилось девять лет, — она пропала с концами. Её завораживала «Тайна чужого носа», охватывала дрожь при чтении «Отравленной туфли» и воодушевлял «Знак трёх с половиной». Она успела вырасти, а Фридленд и поныне оставался серьёзным международным игроком в мире состязательного сыска, и Мэри не пропускала ни одного издания серии. На данный момент Звонн числился вторым в ежегодном рейтинге «Криминального чтения», сразу после неувядаемого оксфордского инспектора Моржа.^[3]

— Хмм, — промышчал суперинтендант Бриггс, внимательно изучая её заявление о приеме на работу.

Мэри Мэри, чувствуя себя не в своей тарелке, сидела на краешке пластикового стула. В кабинете, кроме стола, двух кресел, двух полицейских да лежащего на потрепанной кушетке тромбона, ничего не было.

— Резюме у вас просто замечательное, Мэри. Вижу, вы работали с инспектором Хебденом Фулвом.^[4] И как оно вам?

Честно говоря, хуже некуда, но она не думала, что об этом стоит рассказывать.

— У нас был хороший уровень раскрываемости, сэр.

— В этом я и не сомневался. Важнее другое: публикации есть?

Это был тот самый вопрос, который все чаще задавали ей на заседаниях аттестационной комиссии и на собеседованиях по переводу, а также требовали на него ответа в служебных характеристиках. Недостаточно быть добросовестным и бесценным помощником определённого инспектора — ты должен уметь написать читабельный отчёт для любившегося публике журнала. Предпочтительнее всего «Криминальное чтение», а если туда не получится, так хоть для «Иллюстрированного сыскаря».

— Только один рассказик, сэр. Но я была самым молодым полицейским в Бейзингстоке, которого повысили до сержанта, и ещё у меня две благодарности за храб...

— Видите ли, — перебил её Бриггс, — полицейское управление Оксфорда и Беркшира гордится тем, что из его рядов вышли самые читаемые детективы в стране. — Он подошёл к окну и посмотрел на бегущие по стеклу струйки дождя. — Современная полицейская работа состоит не только из ловли преступников, Мэри. Это ещё и хорошая рукопись, и возможность представить дело в виде лучших документальных фильмов на телевидении. Одобрение публики в наши дни важнее всего, а приливы и отливы бюджетного финансирования полиции зависят от тиража и показателей зрительского рейтинга.

— Да, сэр.

— Описание приключений Фридленда Звонна сержантом Хламмом — вот эталон, на который вы должны ориентироваться, Мэри. Продажа прав на экранизацию «Фридленд Звонн и запах страха» стала моментом славы Редингского управления, и по праву! Вы говорите, только одна опубликованная работа? С Фулвом?

— Да, сэр. Рассказ в двух частях в «Криминальном чтении», январь — февраль девяносто девятого. Его адаптировали для телевидения.

Бриггс одобрительно кивнул.

— Впечатляет. Показывали в лучшее эфирное время?

— Нет, сэр. Документальный фильм на кабельном канале «Крот — шестьдесят два».

Он помрачнел. Откровенно помрачнел. В Рединге ожидали большего. Бриггс сел и снова посмотрел на её заявление.

— Здесь говорится, что у вас имелось одно взыскание: вы ударили инспектора Фулва ониксовой пепельницей. Почему?

— Настольная лампа была слишком тяжелой, — честно ответила она, — а если стулом, то могла бы и убить.

— А это, разумеется, противозаконно, — заметил Бриггс, радуясь

возможности продемонстрировать юридическую подкованность. — Что случилось? Личные разногласия?

— Тут виноваты обе стороны, сэр, — ответила она, сочтя за лучшее проявить объективность в этом деле. — Я сглупила. А он повел себя... непорядочно.

Бриггс закрыл папку.

— Ладно, я вас не виню. Хебден всегда был хамоват. Однажды на корпоративной вечеринке он дёрнул застёжку лифчика моей партнерши, знаете ли. Правда, тогда на ней не было лифчика, — добавил он, — но намерения были очевидны.

— Очень похоже на инспектора Фулва, — ответила Мэри.

Бриггс с минуту барабанил пальцами по столу.

— Хотите послушать, как я играю на тромбоне?

— А если нет, это отрицательно повлияет на мою карьеру?

— Весьма вероятно.

— Тогда с удовольствием послушаю.

Бриггс подошёл к кушетке, взял тромбон, подвигал кулису и извлек несколько звуков — к великому раздражению обитателей соседнего кабинета, которые принялись сердито молотить в стенку.

— Там отдел по борьбе с наркотиками, — печально сказал Бриггс, опуская инструмент. — Законченные варвары. Не способны оценить хорошую мелодию.

— Мне бы хотелось узнать, — сказала Мэри прежде, чем он успел ещё что-нибудь сыграть, — какой род деятельности предполагает должность сержанта, на которую я претендую. С кем мне придётся работать?

Бриггс посмотрел на часы.

— Отличный вопрос. Через десять минут начнётся пресс-конференция. У меня имеется следователь, которому отчаянно нужен сержант, и, по-моему, вы вполне подходите. Идем.

Конференц-зал располагался пятью этажами ниже, но возбужденный гул нетерпеливых журналистских голосов достиг их слуха, ещё когда они шли по коридору. Мэри с Бриггсом пробрались в зал и устроились со всеми возможными удобствами — если можно удобно стоять в дальнем углу большой просторной комнаты. Окинув взглядом сцену, над которой висел транспарант с надписью «Полицейское управление Оксфорда и Беркшира», и многолюдную аудиторию, Мэри поняла, что к пресс-конференциям здесь относятся куда серьёзнее, чем она привыкла. Видимо, это отражало превосходство данного города перед Бейзингстоком в смысле серьёзных преступлений. Не то чтобы здесь убивали чаще, чем в Бейзингстоке, просто

убийства были выше качеством. В Рединге и других городах долины Темзы предпочитали убийства из серии «пирожное со стрихнином» или «удушение шелковым платком», где всегда имелась куча интересных подозреваемых, сложные мотивации и незначительные на первый взгляд улики, спрятанные в клубке невероятно запутанных свидетельств, который тем не менее разматывался за неделю-другую. Убийства же в Бейзингстоке в основном являлись обычной пьяной бытовухой, и на их расследование уходило не больше часа, а то и вовсе ничего. Мэри работала по шести убийствам и, к великому своему разочарованию, ни разу не обнаружила той чудесной улики, которая на первый взгляд казалась бы совершенно незначительной, но в самый критический момент переворачивала бы всё дело с ног на голову и проливала свет на убийцу, прежде успешно избегавшего подозрений.

Но времени на раздумья о недостатках воображения у преступного сообщества Бейзингстока уже не оставалось, поскольку журналисты вдруг зашикали, зал взорвался аплодисментами и из боковой двери эффектно появился красивый мужчина лет пятидесяти.

— Господи! — воскликнула Мэри. — Да это же...

— Именно, — подтвердил Бриггс с гордостью отца, только что пронаблюдавшего, как его отпрыск выиграл все состязания в День спорта. — Старший инспектор Фридленд Звонн!

Фридленд Звонн! Собственной персоной! Под восхищенный шёпот знаменитый детектив поднялся на сцену. Два десятка собравшихся в зале корреспондентов занесли над блокнотами ручки, готовясь записывать его слова.

— Спасибо, что пришли, — начал он, отбрасывая со лба светлые волосы и окидывая комнату живым взглядом голубых глаз, от прикосновения которого розовели женские щечки.

Мэри тоже зарумянилась. Она обнаружила, что её влечет к нему почти рефлекторно. Он был силен, красив, умен, бесстрашен — самый доминантный среди доминантных самцов. Работать с ним — высокая честь.

— Все прояснилось, когда я обнаружил следы выпечки вокруг огнестрельной раны на груди полковника Пибоди, — начал великий детектив. Его звучный голос заполнял зал, словно музыка. — Это были остатки корочки. Соотношение масла и муки в ней, как я выяснил, идентично соотношению данных ингредиентов в небольшом пирожке с ветчиной. Убийца стрелял через пирожок, дабы заглушить звук выстрела. Выстрел, прозвучавший позже, оказался хлопком шутихи, подожженной

запальным шнуром и тем самым обеспечившей убийце алиби. Этим убийцей, как я теперь могу вам сказать, была...

Вся комната подалась вперёд в ожидании финала. Звонн, чьим единственным недостатком являлась склонность к игре на публику, для пушного эффекта сделал паузу, прежде чем назвать убийцу.

— ...мисс Клеа Мангерзен! Невеста жертвы и, о чём никто из нас не подозревал, единственная наследница по завещанию, спрятанному, как и ожидалось, в пустотелом бюсте сэра Вальтера Скотта. Да, мистер Рубайлис? У вас есть вопрос?

Джош Рубайлис из газеты «Жаб» тянул руку с первого ряда.

— А какое значение имели следы заварного крема, найденные на подтяжке носка полковника?

Фридленд поднял палец.

— Блестящий вопрос, мистер Рубайлис! Мне пришлось напрячь дедуктивные способности до предела. Потерпите немного, сейчас я поведаю вам о последних минутах жизни полковника Пибоди. Смертельно раненный, понимающий, что жить ему осталось несколько секунд, он должен был оставить нам какое-то указание на убийцу. Записка? Разумеется, нет: убийца найдёт её и уничтожит. Безошибочно предположив, что убийство подобного масштаба попадёт в мои руки, он решил оставить подсказку, которую мог разгадать только я. Зная пристрастие полковника к анаграммам, я быстро понял, что он пытался донести до меня. Подтяжка для носка была сделана во Франции. Заварной крем по-французски звучит как «крем англез», а анаграмма даёт нам «Кле Мангерз», и это не просто прямо указывает на убийцу, но также говорит о том, что полковник умер, не успев закончить анаграмму!

Снова аплодисменты. Звонн поднял руку, чтобы утихомирить собравшихся, и продолжил:

— Но поскольку суд не примет в качестве доказательства улику, завязанную на анаграмму, мы отослали пирог с ветчиной на анализ и сумели найти булочную, где он был куплен. Предположив, что подозреваемая может иметь пристрастие к пирожкам, мы взяли магазин под наблюдение и вчера вечером арестовали мисс Мангерзен, после чего она разрыдалась и призналась в убийстве. На этой драматической ноте расследование было завершено. Мой верный жизнерадостный кокни, мой помощник и биограф сержант Хлам, конечно же, напишет полный отчёт для «Криминального чтива» в должный срок, после окончания всех судебных формальностей. Леди и джентльмены, дело закрыто!

Журналисты, все как один, вскочили и разразились аплодисментами.

Звонн прекратил восторги скромным мановением руки и отбыл, пробормотав, что ему нужно ещё посетить госпиталь для бедных больных сирот.

— Он великолепен! — выдохнула Мэри, каким-то образом убедив себя (как и все дамы в помещении), что Звонн подмигнул лично ей, отметив именно её в этом забитом народом зале.

— Согласен, — ответил Бриггс, отходя в сторону и пропуская репортеров, которые цепочкой потянулись к выходу, торопясь поместить новости в вечерний выпуск. — Вам понравилось это «дело закрыто»? Мне бы такую фирменную фразу! Он сокровище не только для Рединга, но и для всей нации: лишь немногие страны не обращались к нему за советом по поводу какого-нибудь трудного или абсурдно запутанного случая.

— Он блистателен, — выдохнула Мэри.

— Да уж, — продолжал Бриггс, который, похоже, впал в пароксизм возвышенного героевосхваления. — К тому же он хороший рассказчик, выиграл гандикап по гольфу, дважды чемпион мира по высшему пилотажу и играет на кларнете, как Арти Шоу.^[5] Говорит на восьми языках, и сам Джеллимен^[6] нередко консультируется с ним по важным государственным вопросам!

— Мне будет очень приятно работать с ним, — обрадовалась Мэри. — Когда приступать?

— Со Звонном? — отозвался Бриггс с еле слышным, но явно покровительственным смешком. — Господи боже мой, нет! Со Звонном вам работать не придётся!

Мэри постаралась скрыть своё разочарование.

— Тогда с кем же?

— Да вон с ним.

Мэри проследила за направлением Бриггсова указующего перста и увидела неопрятного мужчину лет сорока с небольшим, в свою очередь поднимавшегося на сцену. Волосы его уже тронула седина, а один глаз был чуть выше другого, отчего лицо казалось перекошенным, словно в глубокой задумчивости. Если он действительно глубоко задумался, подумала Мэри, то явно о более важных вещах, чем собственный внешний вид. Его костюм следовало хорошенько отгладить, а волосы — подстричь как угодно, но не как сейчас. И хорошо бы ему бриться не так поспешно и не оставлять попыток обрести хоть каплю уверенности в себе. Мужчина порылся в бумагах и проводил покорным взглядом торопливо уходящих репортеров.

— Вижу, — отозвалась Мэри куда холоднее, чем хотела. — И кто это?

Бриггс отечески похлопал её по плечу. Он понимал её разочарование, но ничего не мог поделать. Звонн сам подбирает себе людей.

— Это инспектор Джек Шпротт из отдела сказочных преступлений, сокращенно ОСП. Вы будете работать с ним. Это один из наших самых маленьких отделов. — Он задумался на мгновение и добавил: — Вернее, самый маленький отдел, если не считать ночной смены в столовой.

— А какой у него рейтинг в «Криминальном чтиве»? С этим-то как?

— Он не рейтингуется, — как можно небрежнее отозвался Бриггс, чтобы скрыть смущение. — По-моему, он даже не состоит в Лиге.

Мэри снова посмотрела на неопрятную фигуру, и сердце у неё упало. Инспектор Фулв внезапно показался ей не таким уж плохим.

Джек Шпротт окинул взглядом зал. Большинство репортеров уже ушли, и кроме Бриггса и незнакомой Шпротту женщины у дверей в зале оставалось всего двое. Первый, крупный мужчина по имени Арчибальд Макхряк, являлся издателем местного светского еженедельника «Слепень». Второй, младший репортер из «Редингского еженедельного вырвиглаза», не то спал, не то пребывал глубоко во хмелю, не то помер, не то все разом.

— Спасибо, что пришли на пресс-конференцию, — уныло обратился к почти пустому залу Джек. — Постараюсь не задерживать вас дольше необходимого. Сегодня Редингский центральный уголовный суд оправдал трёх поросят по всем пунктам обвинения в убийстве первой степени мистера Волка.

Он вздохнул. Из затеи с драматичным заявлением ничего не вышло, да и не осталось в зале значительных лиц, перед кем стоило катать драму. До его слуха доносился возбужденный, но всё более удаляющийся гомон репортерских голосов в коридоре, вскоре заглушённый ревом мотора тронувшегося с парковки фридлендовского автомобиля «Дилейдж D-8 суперспорт» 1932 года выпуска. Джек подождал, пока шум затихнет, и храбро продолжил говорить. Абсолютное отсутствие интереса к нему никак не сказалось на его поведении. За двадцать без малого лет он в общем-то привык.

— Поскольку гибель мистера Волка в кипятке последовала в результате его злополучного проникновения в печную трубу домика поросенка «В», ОСП заключил, что в данном случае имел место не акт самозащиты, а жестокое предумышленное убийство, совершенное тремя индивидами, которые, отнюдь не являясь невинными жертвами волко-свинского преступления, сознательно искали ссоры, а затем действовали, явно выходя за рамки необходимой самозащиты.

Джек остановился перевести дыхание. Если он надеялся, что его

опасения по поводу исхода суда попадут на первые полосы, то сильно ошибался. Скорее всего, краткое изложение этого дела осядет на шестнадцатой странице «Слепня», позорно втиснутое между рекламой «Геморрелифа» три на два дюйма и еженедельной колонкой о зубной гигиене от очень преподобного Конрада Пуха.

— Мистер Шпротт, — начал Арчибальд, медленно разгибая конечности, словно замерзший геккон, — это правда, что мистер Волк некогда входил в Братство Волка, тайное общество, предающееся незаконным волчьим оргиям вроде Полночного Воя?

— Я понял, на что вы намекаете, — ответил Джек, — но с тех пор минуло больше пятнадцати лет. Мы не отрицаем, что потерпевший привлекался по нескольким обвинениям, основанным на факте разрушения двух жилищ, построенных младшими поросятами, а также на высказанной им угрозе «всех их съесть». Но мы сочли данное заявление пустой бравадой: найдены свидетели, под присягой показавшие, что мистер Волк уже много лет как вегетарианец.

— Тогда на чем вы строили обвинение в убийстве? — спросил Арчи, почёсывая затылок.

— Мы исходили из убеждения, — ответил Джек устало, поскольку уже не в первый раз приводил те же самые аргументы в том же самом зале той же паре совершенно незаинтересованных журналистов, — что варение мистера Волка живьём выходит далеко за пределы необходимой обороны, а то обстоятельство, что большой котёл воды нужно держать на огне как минимум шесть часов, прежде чем он закипит, указывает на предумышленность действий.

Арчибальд ничего не ответил, и Джек, которому не терпелось попасть домой, сложил свой отчёт.

— Несмотря на очередной оправдательный приговор, ОСП считает, что мы выдвинули вполне обоснованное обвинение и наши действия полностью правомерны. Чтобы покончить с этим, мы не станем добиваться пересмотра дела или допрашивать кого-либо ещё в связи со смертью мистера Волка.

Джек вздохнул и опустил взгляд. Похоже, он окончательно выдохся.

— Лично я, — заметил вполголоса Бриггс, — не думаю, что присяжные на это пойдут. Маленькие поросятки вызывают острое сочувствие, а большие волки — нет. В том-то и проблема. К тому же у них имелся веский повод прибегнуть к самообороне: мистер Волк нарушил границы частного владения, когда полез к ним в печную трубу. На самом деле всё зависит от того, верите ли вы, будто поросята вскипятили большой

котёл воды исключительно на предмет помывки. Присяжные поверили, им хватило восьми минут. Хотите, чтобы я вас представил?

— Лучше завтра, когда я официально выйду на работу, — быстро ответила Мэри, мечтая сбежать отсюда и как следует выплакаться.

Бриггс понял.

— Не стоит недооценивать отдел сказочных преступлений, Мэри. Шпротт неплохо справляется. Сами понимаете, дела не высшего класса, но важные. Он расследовал серийные убийства жён Синей Бороды, и это была... по большей части добротная полицейская работа.

— Так ими занимался Шпротт? — переспросила Мэри.

В памяти что-то смутно шевельнулось. Разумеется, в «Криминальное чтиво» то дело не попало. Всего лишь одна из проходных историй, обычно печатаемых в «подвалах» ежедневных газет вместе с городскими ценами, гороскопами для песиков и фоторепортажами «из жизни». Она шла под заголовком: «Ярко крашенный лохматый джентльмен убивает девять своих жён. Потайная комната скрывала страшную тайну».

— Он. Джек занимался Синей Бородой и сильно опережал события.

— Если погибли девять женщин, значит, не так уж он и преуспел.

— Я же сказал: это была добротная полицейская работа... по большей части. Гораздо известнее произведенный им арест Румпельштильцхена по делу о превращении соломы в золото, а ещё он участвовал в задержании крайне опасного маньяка-психопата Пряничного человечка.^[7] Возможно, вы также слышали о Джеке в связи с великанами.^[8]

Снова что-то шевельнулось у Мэри в памяти, и она подняла бровь. Полицейские не должны убивать людей — по возможности. И великаны не исключение.

— Не беспокойтесь, — заверил её Бриггс. — Это была самооборона. В большинстве случаев.

— В большинстве случаев?

— Последнего он сбил машиной.

— Последнего? — недоверчиво уточнила Мэри. — И сколько же их было всего?

— Четверо. Но не стоит затрагивать данную тему: Джек немного нервничает по этому поводу.

Настроение у Мэри и так уже упало, но теперь оно просто кануло в пропасть.

* * *

— Вот и всё, что я хотел сказать, — обратился Джек к рассеянной по залу жалкой аудитории. — Есть ещё вопросы?

Арчибальд Макхряк поерзал, нацарапал что-то в своем блокноте, но промолчал. Репортер из «Редингского еженедельного вырвиглаза» во время отчёта Джека медленно клонился вперёд, пока его голова не упала на спинку стоящего впереди кресла. Он начал похрапывать.

— Хорошо. Что ж, спасибо за внимание. Не вскакивайте слишком поспешно, а не то Джима разбудите.

— Я не сплю, — сказал Джим, не открывая глаз. — Я всё слышал. До последнего словечка.

— Даже о медведях, которые ворвались в торговый центр «Оракл» и сожрали торговца воздушными шариками?

— Конешшн...

Бормотание Джима плавно перешло обратно в храп.

— А что, на его отчётах всегда так мало народу? — спросила Мэри в ужасе от перспективы ухнуть в эту карьерную чёрную дыру, будто кролик-самоубийца.

— Ни в коем разе, — ответил Бриггс ошеломленно. — Зачастую прессы вообще не бывает.

Он посмотрел на часы.

— Господи, уже так поздно? Утром первым делом зайдите ко мне, я представлю вас Джеку. Он вам понравится. Шпротт не настолько харизматичен, но прилежен и, как правило, не ошибается в большинстве... в некоторых своих предположениях.

— Сэр, я хотела спросить...

Бриггс перебил её, в точности угадав, о чём пойдёт речь. Причина была проста: все назначенные к Джеку сержанты задавали один и тот же вопрос.

— Считайте это крещением огнём. ОСП — хорошая школа.

— Школа чего?

Бриггс на мгновение задумался.

— Нетрадиционного подхода к полицейской работе. Вы недаром потратите время. Да, и еще...

— Да, сэр?

— Добро пожаловать в Рединг.

Глава 2

Джек Шпротт

Лига выдающихся детективов была основана Холмсом в 1896 году с целью защиты интересов самых влиятельных и достойных известности британских сыщиков. Членство в Лиге находится под строгим контролем, но приносит большие дивиденды: члены Лиги получают в расследование лучшие дела в Англии и Уэльсе, возможность «мозгового штурма» с помощью соратников в мудреных случаях и эксклюзивные договоры с весьма придирчивыми издателями «Криминального чтива». Юридический отдел Лиги часто выступает посредником при заключении контрактов с телевидением, киностудиями и распространителями их продукции. К тому же членство в Лиге обычно влияет на присяжных при рассмотрении запутанных дел. Словом, система работает, и довольно успешно. Единственные, кому не нравится Лига, — полицейские, в неё не входящие.

В Лиге детективов

В тот день Джек ехал домой совершенно убитый. Хорошо ещё, что он был готов к такому исходу. И сам Шпротт, и прокурор представили дело поросят в самом недвусмысленном свете, но по какой-то причине присяжные не поддержали их усилия. Бриггс пока ничего ему не сказал, но выдвижение обвинения «Корона против трёх поросят» явно обошлось дорого. А после прошлогодней неудавшейся попытки добиться обвинительного приговора мошенникам, провернувшим знаменитую аферу под названием «Новое платье короля», Джек понимал, что теперь за ОСП очень крепко возьмутся крохоборы из бухгалтерии. Не сказать, чтобы отдел преследовали неудачи, вовсе нет, но, как ни прискорбно, его расследования крайне редко привлекали внимание публики. К тому же в свете повышения значимости таких факторов, как общественное доверие, бюджетность проектов и рост тиражей «Криминального чтива», шоу Фриденда на потребу толпе далеко оторвались от неудач Джека — и приносили

редингской полиции немалую выгоду. Но всё это вряд ли утешит мистера Волка, который сошел в могилу обваренным и неотмщенным.

Джек проехал по Пеппард и свернул на развилке влево, на Кидмор-Энд.

— Чёрт, — ругнулся он вполголоса при мысли, что целых шесть месяцев следственной работы — коту под хвост.

Конечно, он не хотел, чтобы появлялись новые дела об убийствах, — лучше бы убийств вовсе не случилось, — но вместе с ними возникала некая сладостная дрожь. Вслед за первоначальным всплеском знаменитых расследований в ОСП незаметно наступила череда рутинных будней. Рано или поздно устаешь от вечно теряющихся овечек, от подпольных цехов по переработке соломы в золото, от крысоловов, приезжающих в город и пытающихся выманить деньги у властей под предлогом истребления грызунов, от вечно колотящего жену и спускающего младенца с лестницы мистера Панча. Джек не питал иллюзий относительно престижности своей работы, но тут имелась и обратная сторона: его практически оставили в покое.

Он остановился возле своего дома и тихонько заглянул в кухню, где его жена Мадлен пыталась накормить младшего из пяти отпрысков. У обоих супругов имелось по двое детей от предыдущих браков: двое старших, Пандора и Бен, — у Джека, а Меган и Джером — у Мадлен. И словно чтобы скрепить их союз окончательно, у них появился общий ребёнок, Стиви, которому едва исполнился годик.

— Вот почему я этим занимаюсь, — прошептал Джек, открывая дверь машины.

Сунув под колесо «аллегро» деревянный брусок, дабы автомобиль не скатился по склону, он взял портфель, пожелал доброго вечера своему соседу мистеру Коммиксу, подозрительно наблюдавшему за ним поверх забора, и через боковую калитку вошёл к себе.

— Милая, — без энтузиазма позвал он, плюхнув портфель на столик в прихожей, — я пришёл.

Она ласково откликнулась из кухни, и звук её голоса сделал все тяготы прошедшего дня куда более переносимыми. Они поженились почти три года назад, и ни один из них ни разу не пожалел о своем выборе. Мадлен выскочила из кухни, поцеловала мужа и нежно обняла.

— Отто звонил мне насчёт дела Волка, — прошептала она ему на ухо. — Какое свинство! Эти поросята заслуживают вертела. Мне так жаль! И она снова обняла его.

— Я бы добавил: «Когда-нибудь ты выиграешь», но не уверен...

Мадлен прижала палец к его губам, взяла его за руку и повела на кухню, где Стиви пытался размазать ужин тонким слоем вокруг себя — при надлежащем старании он сумел бы покрыть липкой пленкой всё помещение.

— Привет, ребята! — не слишком бодро воскликнул Джек.

— Привет! — отозвался Джером, которому только что стукнуло восемь, которого всё интересовало и от которого пахло рыбными палочками. — Я научился шевелить ушами!

Он тут же попытался продемонстрировать новообретенный навык и после минуты пыхания, покраснев от натуги (причём уши даже не дернулись), спросил:

— Ну как?

— Потрясающе, — ответил Джек, драматически закатив глаза. — Научишься шевелить ими получше — взлетишь!

— Джек! — начала Меган с набитым ртом. — Моя учительница мисс Клаар ест... щенков!

— Откуда ты знаешь?

— Джонни говорит, — уверенно заявила девочка (сплошные кудряшки и большие пытливые глаза цвета воды в карибской лагуне).

— Понятно. А Джонни может чем-то подтвердить свои слова?

— Конечно, — пожалала плечами десятилетняя правдоискательница, уже усвоившая кое-какие полицейские методы. — Джонни сказал, что Роджер сказал ему, что его друг, который живёт рядом с человеком, который знает мисс Клаар, сказал, что на её улице об этом все знают. Ну что, заводим дело?

— Разумеется, — ответил Джек. — Я часто и с меньшим в суд прихожу.

— Па-а-а! — завопил Стиви, размахивая ложкой и распределяя еду по кухне к великому удовольствию кошки, с которой, как все единодушно признавали, у Стиви сложилось полное взаимопонимание.

Рипван (ну, в честь Винкля, естественно) была самой ленивой кошкой в мире. Она могла спать в коридоре, на дороге, на тропинке, в луже, в сточной канаве — везде, где её заставляла усталость. Она скорее предпочла бы сидеть на морозе, чтобы потом её спасали от гипотермии феном, чем подняться и войти в дом через кошачью дверцу. И не будь у неё соображения лежать под стульчиком у Стиви с открытой пастью, она сохла бы от голода.

Мадлен протиснулась туда, где Джек стоял, рассеянно глядя на поглощающих ужин детей, и обняла его за талию.

— Как ты? — спросила она.

— Выдохся, — ответил он. — А Фридленду пресса вновь аплодировала стоя.

— Да плюнь ты на Фридленда! — ободряюще сказала Мадлен. — Он получает выигрышные дела только потому, что состоит в Лиге детективов.

— Не говори мне о Лиге. Слышала поговорку: «Если ты в ней, ты с головой. Если не в ней — навек постовой»?

— Не раз слышала. Но ты же не постовой.

— Через недельку посмотрим.

— Ты ведь подал прошение, как мы обсуждали, дорогой?

— Да.

— Правда?

— Нет. Послушай, членов Лиги лепят из другого теста. Скажи, многие ли захотят читать о поросятах сомнительного поведения и волке-наркомане со склонностью к разрушению жилых зданий?

— Если бы ты состоял в Лиге, читатели, может, и нашлись бы.

— Не уверен. Лиге я не нужен. Списком обвинительных приговоров ОСП даже... подтереться нельзя.

— Это всё потому, что власти не ценят твою работу. Будь ты в Лиге, Бриггс и служба уголовного преследования быстро запели бы по-другому. Кроме того, Бен и Пандора через пару лет поступят в университет, а значит, нам понадобятся деньги.

— Верно. Фастфуд, пиво и марихуана в наши дни влетают в копеечку! Как думаешь, не взять ли по сходной цене товару из отдела по борьбе с наркотиками?

— Джек, я серьёзно.

— Ладно, ладно. Завтра подам заявление, честное слово.

— Можешь не утруждаться. Я взяла на себя смелость сделать это за тебя. Вот, смотри.

Жена протянула ему листок бумаги.

Джек взял его с нехорошим предчувствием в душе, не зная, злиться ли на супругу за вмешательство в его дела или радоваться, что она сняла с его плеч бремя выбора.

— Мне назначили испытательный срок, — сказал он, прочитав коротенькое сообщение дважды, чтобы удостовериться, что понял все правильно. — Им нужно денек понаблюдать за мной с целью высчитать мой сыскной коэффициент. Если он окажется выше шести целых трёх десятых, они представят мою кандидатуру на рассмотрение. Он перевернул листок.

— Здесь не говорится о точном дне наблюдения.

— Я думаю, день назначается случайным образом, чтобы объект не мог немного «подправить» ситуацию, «найдя» какую-нибудь голову в мешке или что-нибудь в этом роде, — заметила Мадлен.

Она была совершенно права. Отчаянно стремившиеся попасть в Лигу детективы порой брали напрокат трупы из анатомического театра, а затем держали их в холодильнике в надежде поразить наблюдателей из Лиги своим «открытием».

— Меня удивляет, что мою кандидатуру вообще приняли во внимание, — сказал Джек.

— Ну, это просто. Я сказала им, что ты не вынимаешь сигареты изо рта и водишь старый «роллс-ройс». А ещё ты алкоголик, разведен и не способен на серьёзные отношения. И любишь Пуччини, Генри Мура и Магритта.^[10] И большие трубки.

— А как насчёт охотничьих шляп?

— Нет... Думаешь, стоило?

— Ни в коем разе. Зачем ты всё это напридумывала?

— Мне надо было написать о тебе что-то интригующее. Если твои расследования станут публиковать в «Криминальном чтиве», тебе придётся обзавестись какими-нибудь характерными пунктиками. По-моему, «счастливый муж и отец пяти детей» в наши дни не способен привлечь интерес.

Джек вздохнул. Мадлен была права.

— Ладно, — сказал он, ласково обнимая жену, — я стану бабником, выучусь курить трубку, сделаюсь фанатом оперы, буду ездить на старинной машине и обрасту алкогольными проблемами. Надо бы попрактиковаться, чтобы войти в образ. Для начала могу попытаться заигрывать с твоей новой помощницей... как там её зовут?

— С Дианой? Неплохая идея. Вчера она сказала, что ты очень милый.

— Правда?

— Она говорит, ты напоминаешь ей отца.

— Хмм. А какую трубку ты для меня придумала?

Они рассмеялись. Лига, чёрт побери! Если потребуется, он возьмет эту высоту.

— Ой! — воскликнула Мадлен, глянув на стенные часы. — Опаздываю!

— Опаздываешь? Куда?

— На благотворительный вечер фирмы «Пемзс — средства по уходу за ногами». У меня на календаре отмечено.

Джек подошёл посмотреть. День был обведен чёрной шариковой ручкой. Он не особенно следил за такими вещами и всегда попадал врасплох.

— Болтать или щёлкать?

Она потрепала его по плечу.

— Щёлкать, дурачок. Кто-то же должен заснять ослепительное высшее общество Рединга, пожимающее руки третьестепенным знаменитостям, которых лорд Пемзс сумеет затащить к себе.

— Наверное, это серьёзное повышение после бала фруктоводо- долины Темзы, где ты снимала всего лишь «будущих знаменитостей низшего сорта»?

— Естественно, дорогой! Рывок по карьерной лестнице. К лету я дорасту до портретных снимков оболтусов на Хенлейской регате.

— Тогда тебе следует принарядиться.

— Всеми своё время, муженек. Ты можешь отвести Меган в кружок скаутов?

— Конечно. Когда он?

— В семь, — сообщила Меган и, поблагодарив, встала из-за стола.

— Как дела в школе, Джером? — спросил Джек, когда Мадлен упорхнула наверх переодеться во что-нибудь похитрее (негоже появляться на благотворительной пьянке без надлежащей упаковки, даже если ты всего-навсего фотограф).

— Да так, ничего.

— Может, тебе и вовсе нет смысла туда ходить? Почему бы нам вообще не бросить школу? Сидел бы дома и... ну, не знаю... ел шоколад да смотрел телик день-деньской.

Джером тут же ухватился за эту соблазнительную возможность.

— Правда?

— Нет. Неправда.

Парнишка поник головой.

— В школе так ску-у-у-учно...

— Согласен. Зато это почти идеальная подготовка для блестящей карьеры в «Шизбургере».

— Но я не собираюсь работать в «Шизбургере»!

— А придётся, если будешь филонить за партой.

— Бу-у-у-у! — возопил Стиви, подпрыгивая на стульчике.

Поскольку ничего более продуктивного ему не подворачивалось, он хватал обеими руками омлет и сжимал кулаки так, что тот выдавливался между пальцами, словно желтая зубная паста.

— Ха, — сказал Джером, — и ты ещё запрещаешь мне ковырять в носу!

— Он не ковыряет, — заступился за младшего Джек, который сам втайне любил покопаться в носу и не хотел лицемерить. — Он ест!

Разговор резко прервался, когда в кухню вошёл Бен. Обуреваемый гормонами долговязый шестнадцатилетний подросток чувствовал себя неуютно в форме школьного оркестранта. Он записался в оркестр не из любви к музыке, а из-за нежных чувств к Пенелопе Лидделл, арфистке. «Эти тонкие пальчики, перебирающие струны, — с придыханием рассказывал он несколько дней назад Джеку о предмете своего обожания, — и эта сосредоточенность! Дьявол! Если она взглянет на меня, я просто лопну!»

«Лучше не надо, — отсоветовал сыну Джек, — будет очень грязно».

Бен весьма неплохо играл на тубе, но, поскольку духовые сидят дальше всего от арфы и туба «не источает мужской сексуальности» (разве что по мнению другой тубы), он перешёл в группу ударных, чтобы подобраться ближе к предмету страсти. Паренек выволок из чулана под лестницей два тяжелых футляра и надел куртку с капюшоном.

— Тебе помочь? — спросил Джек.

— Спасибо, пап. Скоро подъедет машина.

Снаружи послышался гудок. Джек попытался приподнять один из футляров, но он оказался таким тяжелым, словно корни пустил.

— Что у тебя там за хреновина?

— «Травиату» ставим, — объяснил Бен. — Мистер Мур говорит, что мы должны экспериментировать. Потому у нас настоящие молоты и настоящие наковальни.

Они в четыре руки кое-как протащили футляры по полу, перевалили их через порог, проволокли по дорожке к ожидающей машине и впихнули в багажник. Кузов зловеще осел.

Через полчаса из спальни спустилась Мадлен в красном вечернем платье без плеч, державшемся исключительно на честном слове. Когда она, красуясь, закружилась по кухне, никто глаз не мог от неё отвести.

— Как я выгляжу?

— Вау! — воскликнула Пандора, только что вошедшая в дом. — Мэдди в детском платице!

— Замечательно, — выдохнула Меган.

Она прижала руки к груди, мечтая о той поре, когда сама сможет надевать вечерние платья и ходить на вечеринки и когда её поцелует прекрасный принц. Впрочем, она согласилась бы и на рыцаря, если принцы

окажутся в дефиците.

— Оно очень яркое, — только и сказал Джером.

— Бу-у-у-у! — прогудел Стиви.

— Я думал, ты будешь там единственным фотографом, — заметил Джек. — В смысле, как ты попадешь на собственные снимки? Нажмешь на кнопку и — бегом на место?

— Дорогой, это же благотворительный бал фирмы «Пемзс». Пока у меня сохранились жалкие остатки былой юности и красоты, грех не использовать их в качестве приманки для работодателей. Родители дебютанток платят хорошие деньги за портреты.

— Ладно, — сдался Джек, — только не позволяй лорду Пемзсу себя обхаживать. Сама знаешь, какая у него репутация.

— Я, наоборот, решительно настроена позволить лорду Пемзсу поухаживать за мной, — с улыбкой ответила Мадлен. — Мне нужна любая работа, какую он может предложить.

Она обняла Джека за шею и прошептала ему прямо в ухо:

— Это платье ужасно обтягивающее, и молнию вечно заедает. Так что тебе, наверное, придётся разорвать его, чтобы снять с меня.

Она поцеловала мужа, улыбнулась и отпустила его.

— Я не буду ложиться до твоего прихода, — пообещал Джек.

— О, это как раз не обязательно, — игриво ответила Мадлен.

— В самом деле?

Мадлен рассмеялась и вдруг взорвалась кипучей энергией:

— Меган, а ну быстро обувайся! Не можешь найти своё бойскаутское кольцо для галстука — возьми резинку! Остальным — слушаться Джека! Я вернусь поздно.

Она перецеловала всех, схватила сумку с фотоаппаратом, разрушив иллюзию светской утонченности, и в мгновение ока выпорхнула за дверь.

— Бу-у-у! — протянул откровенно восхищенный Стиви.

* * *

Время близилось к одиннадцати, младших детей уже уложили спать, а Джек с Пандорой остались сидеть в гостиной. Телевизор работал, хотя особого внимания на него никто не обращал. Пандора угнездилась на диване и что-то проверяла, обложившись учебниками по физике элементарных частиц. Ей скоро исполнялось двадцать, и она ещё не вышла

из того возраста, когда тебе наплевать, что папа думает о твоём выборе жизненного пути, и хочется, чтобы папа об этом знал. На самом деле его мнение было для неё очень важно, но она ни за какие коврижки не созналась бы в этом. А Джек, со своей стороны, не мог удержаться от советов, на его взгляд важных и уместных, хотя они не имели никакого смысла, в основном потому, что с тех пор, как он был в возрасте Пандоры, прошло много лет, а он все никак не мог этого понять. Но маленькие победы все же случались. Например, Пандора не делала себе никакого пирсинга и татуировок. Отчасти здесь играло роль мягкое поведение Джека, благодаря которому потрепанные паруса её бунтарства малость опадали. Порой ей казалось, что Джек испытывает на ней приемы реверсивной психологии, а значит, следует противопоставить его двойному блефу собственный двойной блеф. Она так и сделала бы, не вызывая у неё тошноты мысль о татушках и пирсинге.

Джек тупо пялился в свой кроссворд. Триста сорок четвертый, который он не смог решить до конца. Новый личный рекорд.

— Слушай, — сказала Пандора, — до чего же тебе не повезло с этим делом трёх поросят! Уж на что я упертая вегетарианка, а и то думаю, что этих гадов стоило сварить да подать с картошечкой и горошком под петрушечным соусом!

— Ну, — отозвался Джек, глотнув пива, — мы надеялись заставить Джеральда — это поросенок «А» — сдать своих старших братцев в обмен на более мягкий приговор, но он на это не купился. Как дела в школе?

— Папа, мне почти двадцать. Я уже не в школу хожу. Это называется у-ни-вер-си-тет, и там все отлично. Не сможешь мне с домашней работой по квантовой механике?

— Конечно.

— Здорово! Вот вопрос: «Решите уравнение Шрёдингера для частицы с массой m в постоянном ньютоновском гравитационном поле: $V=mgz$ ».

Джек на мгновение задумался.

— Определенно «Б».

— Что?

— Ответ «Б», если только предыдущий ответ не был «Б». В таком случае «В». Это же тест, да?

Пандора рассмеялась.

— Нет, папа. Физика элементарных частиц несколько сложнее.

— Ответ «А»?

Она игриво шлёпнула его по руке.

— Папа! Да от тебя никакого толку!

По телевизору пошли местные новости. Сюжет про Звонна и дело Пибоди, конечно же, и ещё про субботний визит Джеллимена на торжественное открытие Центра Священного Гонго. Потом немного о благотворительном вечере «Пемзса», прямой репортаж из танцзала «Дежавю». Оба они вытянули шеи, высматривая Мадлен в её красном платье, — и высмотрели. Она промелькнула на заднем плане во время интервью в прямом эфире Рэндольфа Пемзса, директора АО «Пемзс — средства по уходу за ногами».

— Наряду с представителями компаний «Пан энд Пропалл» и «Квантекс» сегодня вечером нашим глазам предстали целые созвездия редингских знаменитостей, — радостно вещал симпатичный репортер, — которые решили помочь нам собрать деньги для замены устаревшего и удручающе скудного оборудования психиатрической лечебницы Святого Церебраллума. Мы действительно очень благодарны мистеру Гранди,^[11] мистеру Шмыко Даву, Синему Бабуину, мистеру Почесончику, Лоле Вавум и, конечно, мистеру Донгу,^[12] который любезно согласился развлечь нас своим светящимся носом.

— О, мисс Вавум, — воскликнул репортер из «Жаба», подкатываясь к ушедшей на покой звезде экрана и сцены, — до чего же приятно снова видеть вас в редингском обществе! Кстати, как вы оцениваете эпитет «некогда блистательная»?

— А вот так, — ответила Лола, укладывая борзописца встречным в челюсть.

Раздался крик, сработала вспышка, и прямой репортаж сменился выпуском новостей, где растроганный диктор, пряча улыбку, рассказал душещипательную историю о том, как пожарная команда выручала застрявшего в трубе котенка. Затем он представил любимую редингскую ведущую прогноза погоды, Банта Мактвинкль.^[13]

— Жителей Рединга ожидает ещё один облачный день почти без солнца, — бесстрастно заговорила Банта. — Живем, словно в пластиковом контейнере.

Пандора нажала кнопку на пульте, и экран погас.

— Я надеялся хоть на сей раз попасть в местные новости, — уныло сказал Джек, — даже если бы меня разнесли в пух и прах.

* * *

Бен приполз в одиннадцать, причём шумел больше обычного. В спальне у мистера и миссис Коммикс зажегся свет, что всегда служило недобрым знаком. Джек как можно быстрее затащил сына в дом.

— Пил?

— Перебрал. Высосал целых два шанди. [\[14\]](#)

— Да ты почти алкоголик. Как твоя арфистка? Ей понравились наковальни?

— А, эта, — фыркнул сын, снимая куртку и заталкивая её в гардероб. — Она ушла с Брайаном Ивзом, который играет на тубе. Она сказала, что это самый сексуальный инструмент среди духовых.

— Ох, Бен, — вздохнул Джек, — какая жалость.

— А ну её к чёрту! — ответил тот, пробираясь по лестнице в спальню, к долгожданному забвению любовных страданий с помощью небольшой дозы алкоголя. — Да, к чёрту!

* * *

Джек лег в полночь и проснулся на заре, разбуженный Мадлен, которая юркнула в постель, благоухая шампанским, канапе и тяжелым трудом.

— Угадай! — громко шепнула она ему на ухо.

— Дом горит?

— Нет! Я щёлкнула Лолу Вавум, когда та двинула журналисту в зубы! Завтра снимок попадёт на первые страницы «Крота» и «Жаба». У неё такой удар! Ему придётся челюсть проволокой прикручивать!

Несмотря на все провокационные разговоры насчёт срывания красного платья с её тела, оба слишком хотели спать, поэтому ничего такого делать не стали. К тому же платье было взято напрокат.

Глава 3

Жертва падения

ПЕРВОЕ ПОВЫШЕНИЕ В ОТДЕЛЕ СКАЗОЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вчера свершилось историческое событие. Инспектор Фридленд Звонн из отдела сказочных преступлений был переведен с повышением. Это первый случай за двадцать шесть лет существования ОСП. Обычно данный отдел считается свалкой для одиночек, неудачников, чудаков, а также уволенных по сокращению, не соответствующих должности и впавших в немилость у начальства сотрудников. Повышение Звонна доказало, что ОСП всё-таки может выдвигать достойных Лиги полицейских, которые способны защищать нацию, служить ей и развлекать её.

«Слепень», август 1984 г.

— Японские киношники снова хотят взять у тебя интервью, — сообщила Мадлен, скармливая Стиви банановое пюре и украдкой поглядывая в окно. — Чего им надо-то?

— Поговорить со мной о Фридленде Звонне и Пряничном человечке, — ответил Джек, разбирая почту и доставая письмо из Клуба владельцев «аллегро» по поводу проверки крепления заднего колеса.

— А почему бы им не поговорить с ним самим?

— Дорогая, им не нужна правда. Они хотят, чтобы я подтвердил версию Звонна о том, будто он спас всё дело и в одиночку накрыл этого психопата.

Джек доел свой тост и посмотрел на сделанный Мадлен снимок, помещенный на обложке свежего «Жаба» и снабженный подписью: «Отставная звезда, страдающая избыточным весом, нападает на журналиста». «Крот», чей репортер вчера уберег свою челюсть, писал: «Бей первой, Лола!»

— И что с ним случилось? — спросила Мадлен.

— С Фридлендом Звонном? Понятия не имею.

— Нет, дурачок. С Пряничным человечком.

— Насколько я слышал, он всё ещё сидит в психушке Святого Церебраллума, в крыле для неизлечимых. У него срок четыреста лет. Хотели вкатить пятьсот, но нам так и не удалось доказать, что сто сороковую жертву убил тоже он.

— Надеюсь, ему оттуда не сбежать, — заметила Мадлен. — Как ни крути, он пообещал сделать с тобой и Фридлендом нечто непрзнсмое.

— Если сбежит, я первым об этом узнаю. — Джек вздохнул. — Нет, всё-таки я буду вторым.

Валявшийся на кухонном столе мобильник Джека завибрировал и плюхнулся в помойное ведро. Джек извлек его оттуда, смахнул налипшие макаронины и, нахмутив брови, взглянул на текстовое сообщение.

— «Прнчлвк сбежал двое готовы», — пробормотал он. — Надо же, какое совпадение!

Мадлен уронила ложку, и Джек захихикал:

— Шучу. На самом деле тут говорится: «Большое яйцо упало. Уайетт». Что бы это значило?

— Не знаю, — ответила Мадлен, — но если муж со склонностью к идиотским шуткам хочет прожить ещё десять минут, то лучше ему обратиться из дому.

Уайетт был заместителем Бриггса и не самым вежливым человеком.

— Сегодня придешь? — спросил он, как только Джек позвонил.

Джек посмотрел на часы. Едва пробило девять.

— Конечно. А в чем дело?

— Падение со стены на Гримм-роуд. Похоже, это твой клиент. Бриггс уже выехал и хочет видеть тебя как можно скорее.

Джек пообещал поторопиться, записал адрес и отключился.

— Что стряслось?

— Судя по всему, дело для ОСП.

— Очередной последователь Синеи Бороды?

— Надеюсь, нет. Ты сегодня будешь ещё говорить с потенциальными квартирантами?

— С двумя.

— Хорошо. Только никаких чудаков, ладно? Я тебе позвоню.

Он поцеловал её, потом окинул взглядом Стиви на предмет обнаружения наименее липкого участка. Нашёл маленький пятачок на макушке и чмокнул его туда, ещё раз поцеловал Мадлен и вышел.

Джек водил «Остин аллегро Mk-3»-универсал жуткого ядовито-зелёного цвета, который какой-то неизвестный маркетолог со странным чувством юмора обозвал «цветом яблочной водки». Согласно уставу Лиги,

детективам полагалось водить старинные или классические машины. Джеку это казалось нелепостью. Звонновский «Дилейдж D-8» 1932 года выпуска являл собой типичный пример подобной нелепости. Шпротт же водил самую неприметную машину, какую только сумел добыть, — маленький, бессмысленный и совершенно никем не замеченный акт протеста. Отец Джека купил автомобиль в 1982 году совсем новеньким и усердно ухаживал за ним. Машине только что стукнуло двадцать два года, она намотала почти триста пятьдесят тысяч миль, износив по дороге два мотора и четыре сцепления.

Джек не поехал сразу на Гримм-роуд. Первым делом ему нужно было заскочить к матери.

Она открыла дверь через пару секунд после того, как Джек нажал звонок. Из двери хлынули кошки, мелькая так быстро и хаотично, что казалось, вокруг несется сплошной пушистый мурлыкающий поток. Количество кошек колебалось от трёх до ста восьми — из-за опасной гиперактивности предмета никому не удавалось подсчитать точно. Годы были благосклонны к миссис Шпротт: несмотря на возраст, она была свежа как огурчик и явно не утратила юношеского пыла. Джек относил данное обстоятельство на счёт числа её детей. От этого либо крепчают, либо выматываются — в последнем случае, без Джека и его девяти старших сестёр и братьев, она могла бы прожить до ста шестидесяти. Мать-героиня писала маслом портреты домашних любимцев, потому что «кто-то же должен», коллекционировала фарфоровых зверюшек, пластинки Голубого Бабуина и памятные тарелочки с Джеллименом. Она уже семнадцать лет вдовела.

— Привет, малыш! — весело воскликнула миссис Шпротт. — Как поживаешь?

— Хорошо, мама. И я уже давно не малыш. Мне сорок четыре.

— Для меня ты навсегда останешься малышом. Что, поросята на виселице?

Джек покачал головой.

— Мы вывернулись наизнанку, но убедить присяжных не удалось.

— Неудивительно, — фыркнула она, — если учесть, насколько они были пристрастны.

— Может, подсудимые и свиньи, мама, но они тоже имеют право на суд равных. В нашем случае это были двенадцать других свиней. Так гласит Великая Хартия тысяча двести пятнадцатого года, и ни я, ни обвинение с этим ничего не можем поделать.

Она пожала плечами и украдкой огляделась по сторонам.

— Давай-ка в дом. Мне кажется, пришельцы пытаются влиять на моё сознание через мобильную связь.

Джек вздохнул.

— Мама, если ты встретишь пришельца, то быстро поменяешь своё мнение. Они совсем такие же, как мы с тобой, только синие.

Мать подтолкнула его внутрь и закрыла дверь. В доме пахло лавандовой водой, акриловыми красками и свежей выпечкой, его наполняло величественное тиканье дедовых часов на кухне. Ещё один котоквант вылетел из гостиной и пронёсся наверх по лестнице.

— Думаю, это из-за диеты, на которой я их держу, — пробормотала миссис Шпротт, протягивая Джеку холст в оберточной бумаге.

Вообще-то она не хотела продавать корову работы Стаббза,^[15] но после того, как она обнаружила в интернет-магазине кучу жизненно необходимых вещей, иного выхода у неё не осталось.

— Не забудь, — жестко сказала она. — Отвези её мистеру Туппердэйсу, и пусть оценит. После этого уже решу.

— Ладно.

Миссис Шпротт на мгновение задумалась.

— Кстати, когда ты заберешь три мешка шерсти^[16] из сарая? А то я его никак снести не могу.

— Скоро, мамочка. Обещаю.

* * *

После ночного ливня дождь немного поутих. На дорогах, там, где переполненные водоотводы не справлялись с потоком, стояли лужи шириной с внутреннее море. Гримм-роуд находилась в районе, ещё не вкусившем своей доли городского процветания. По обе стороны от ухабистой дороги лепились друг к другу многоквартирные домики, в дальнем конце возвышались два огромных газгольдера, отбрасывая тень на улицу круглый год, кроме июля. Здешние дома строились в конце девятнадцатого века по типичной для того времени схеме: две комнаты наверху, две внизу, за ними кухня, удобства на заднем дворике, выходящем в переулок. Мощенная булыжником проезжая дорога, заваленная мусором и остовами автомобилей, служила здешней детворе излюбленным местом для игр.

Из-за жутких пробок последнюю часть пути Джек проделал

черепашьям шагом и теперь опаздывал минут на двадцать. Пока он полз по Гримм-роуд, пытаясь разглядеть номера домов, ему дважды звонили, спрашивая, где он, и было понятно, что Бриггс не в самом радужном настроении. Джек припарковался и надел плащ, тревожно поглядывая на темнеющее небо.

— Хорошая машина, мистер, — заявил чумазый нахальный пацан, не оставляя попыток подбросить ногой дырявый футбольный мяч.

Его приятель, чьё лицо матушка нынче утром бессердечно забыла вымазать грязью, подошёл к ним.

— Нифигасе! — восторженно взвизгнул он. — «Остин аллегро Мк-три делюкс»-универсал на один и три десятых литра, модель восемьдесят второго года! «Яблочная водка» с подголовником, сиденье для собаки и однодиапазонное радио «моторола» устанавливаются по желанию заказчика заводом-изготовителем! — Он перевел дух. — В наши дни таких мало осталось. — И добавил: — Неудивительно, это ж сущее дерьмо.

— Слушайте, — предложил первый очень деловым тоном, — давайте пятьдесят фунтов, и мы её подожжем, а вы получите страховку!

— Лучше десять, — ухмыльнулся второй. — Больше полусотни он за неё всё равно не получит.

— Полиция, — сказал Джек. — Валите отсюда.

Пацаны уперлись:

— Ас копов двойная такса. Хотите спалить тачку — давайте двадцать.

Оба гаденко захихикали и удрали что-то ломать. Джек подошёл к нужному дому. Снаружи тот выглядел сущим убожеством. Водосточные трубы оторвались, кирпич порос мхом, вместо выбитых стёкол в гнилых оконных рамах торчали куски картона. На одном из них хозяйка успела написать: «Сдается комната. Никаких животных, аккордеонов, статистиков, курильщиков, насмешников, паразитов и пришельцев».

Джека ждал молодой констебль, едва переступивший порог юности, не говоря уже о стажировке, что по обоим параметрам соответствовало истине. Три месяца назад его назначили констеблем и направили в ОСП для подготовки к настоящей работе. Но кто-то потерял бумаги, и парнишка все ещё считался на полгода моложе нужного возраста, что его вполне устраивало.

— Доброе утро, Тиббит.

— Доброе утро, сэр, — ответил энергичный юноша. На безупречно отглаженных форменных брюках красовались стрелочки. «Наверное, мать постаралась», — подумал Джек.

— Где начальство?

Тиббит кивнул в сторону дома.

— На заднем дворе, сэр. Поосторожнее с хозяйкой: суцая мегера. Ткнула меня зонтиком за то, что я ноги не вытер.

Джек поблагодарил его, тщательно поелозил подметками по выцветшему коврику с явно издевательской надписью «Добро пожаловать» и вошёл в дом. Внутри пахло плесенью, на стенах расползались большие пятна сырости. Он прошёл мимо отрывающихся обоев, под которыми виднелись дранка и штукатурка, в мрачную кухню, открыл дверь и вышел на задний двор.

Продолговатый двор, футов примерно пятнадцать на тридцать, окружала высокая кирпичная стена с выкрашивающимся цементом. Большую часть пространства покрывали кучи хлама, покореженные велосипеды вперемешку с обломками мебели, тут же валялась пара отслуживших своё матрасов. Но в одном конце, где теснились переполненные мусорные баки, на земле валялись осколки яичной скорлупы, указывая место недавней и жестокой смерти. Джек сразу же понял, кто погиб, — он уже много лет подозревал, что этим всё кончится. Шалтай-Болтай. Вечная жертва падения. Если кто-то скажет, что это дело не подпадает под юрисдикцию отдела сказочных преступлений, то что тогда подпадает, хотелось бы знать?

Миссис Сингх, судебный патологоанатом, стояла на коленях рядом с останками, наговаривая что-то в диктофон. Она помахала Джеку, но работу не прекратила. Эксперт указала фотографу особенно интересные для неё места. В тесноте тёмного двора вспышка показалась необычайно яркой.

Бриггс сидел на низкой стене и разговаривал с женщиной-полицейским в штатском, но, когда Джек вошёл, суперинтендант встал и махнул рукой на труп.

— Похоже, он умер от несовместимых с жизнью травм, причиненных падением со стены, — изрек Бриггс. — Несчастный случай, самоубийство — кто знает? Его обнаружили сегодня утром, в семь двадцать две.

Джек посмотрел на стену. К ней была прислонена крепкая лестница.

— Наша?

— Его.

— Что-нибудь ещё для меня есть?

— Несколько моментов. Во-первых, на седьмом этаже ты сейчас отнюдь не мистер Популярность. Кое-кто наверху считает, что профукать двести пятьдесят тысяч фунтов на провальное обвинение трёх поросят — напрасная трата денег. Особенно когда шанс попасть в «Криминальное читиво» — нулевой.

— По-моему, правосудие существует не для того, чтобы вешать на него ценники, сэр.

— Естественно. Но здесь всё упирается в общественное мнение, Шпротт. Поросята симпатичны, а волки — нет. Можешь точно так же попытаться обвинить жену фермера в жестоком обращении с животными, когда она станет рубить мышам хвосты разделочным ножом.

— Уже пытался.

— И?

— Недостаток свидетельств.

— Хорошо, что я об этом не слышал. Значит, так. С падением Болтая ты разберешься тихо, без шума и пыли, — это во-вторых. Мне от тебя нужно чистое, быстрое и дешевое расследование, и больше чтоб никакого очеловеченного зверья!

— Включая поросят?

— Особенно поросят. Только посмотри на булочку с ветчиной — и ты уволен.

— А что в-третьих?

— На следующей неделе предстоит ежегодный пересмотр бюджета, и из-за провала с поросятами будущее ОСП висит на волоске. Ещё одна заваруха — и отправишься регулировать движение на М-четыре.

— Я бы предпочел это и при двух первых пунктах.

Слушай, Джек, — продолжал Бриггс, — ты хороший полицейский, хотя порой чересчур вьедлив, а ОСП нам необходим, хотя всем на него вроде бы наплевать. В общем, так: разберись с этим бывшим яйцом как можно скорее, и чтобы отчёт лежал у меня на столе утром в среду. В субботу Джеллимен открывает Центр Священного Гонго, и для обеспечения его безопасности мне понадобятся все люди, включая вашу шарашку.

— Вы хотите, чтобы я возглавил его охрану, сэр? — спросил Джек с блеском в глазах.

Ему понравилась мысль находиться рядом с этим великим человеком, а уж поработать его телохранителем и того лучше.

— Нам нужен человек с безупречной репутацией, опытный и инициативный. Звонн уже составляет схему расположения наших сил. Нет, от тебя мне потребуется обеспечение безопасности самого Священного Гонго. Антисплутвианцы могут попытаться сорвать церемонию открытия. Так что ты и твоё подразделение отвечаете за него головой. Соломон Гранди заплатил сорок миллионов, чтобы артефакт остался в стране, и мне бы не хотелось его расстраивать. Ты пойдёшь и проверишь территорию

Центра. Брифинг для охраны Джеллимена состоится в четверг в пятнадцать ноль-ноль.

— Сэр, я...

— На твоём месте я бы очень обрадовался этому назначению, — заметил Бриггс. — После провала с тремя поросятами тебе понадобятся друзья.

— Мне поблагодарить вас за это?

— Да. — Бриггс подозвал женщину-полицейского. — Джек, я хочу представить тебе сержанта Мэри.

— Привет, — сказал Джек.

— Мэри Мэри, — сказала Мэри.

— Привет-привет?

— Не прикидывайся идиотом, Джек, — встрял Бриггс.

— Мэри Мэри — так меня зовут, — объяснила Мэри.

— Мэри Мэри? И откуда же вы родом? Из Баден-Бадена?

— В первый раз слышу, сэр. За сегодня.

Джек вздохнул. Он машинально улыбнулся, она машинально улыбнулась, и они пожали друг другу руки.

— Приятно с вами познакомиться, сэр, — сказала она.

— Аналогично, — ответил Джек. — С кем вы работаете?

Девушка многозначительно посмотрела на Бриггса.

— Мэри — твой новый напарник, — сообщил тот. — Переведена из Бейзингстока с отличной характеристикой. Она будет работать с тобой по этому делу и по любым другим.

Джек вздохнул.

— Не считите за обиду, сержант Мэри, но я надеялся, что повысят Эшли, Бейкера или...

— Ни в коем разе, Джек, — безапелляционным тоном заявил Бриггс и посмотрел на зловещее небо. — Ладно, я поехал. Оставляю вас с Мэри, чтобы вы познакомились как следует. Запомни: отчёт мне нужен как можно скорее. Усвоил?

Джек усвоил, и Бриггс уехал.

Шпротт поёжился от холода и взглянул на Мэри.

— Значит, Мэри Мэри?

— Да, сэр.

— Довольно необычное имя.

Мэри прикусила губу. Для неё это был чувствительный момент, и с годами злость на детские дразнилки по поводу упрямства^[17] не угасла. Да, имя странное, но она старалась не подавать виду.

— Просто меня так зовут, сэр. Я происхожу из длинной череды Мэри Мэри. Это нечто вроде семейной традиции. А что, — вызывающим тоном спросила она, — вас это напрягает?

— Вовсе нет, — ответил Джек, — если только вы не пытаетесь таким образом потакать вкусам Лиги. Бриггс, к примеру, угрожал сменить фамилию на Фёнготскилерни.

— Зачем?

— Расследования Фриденда Звонна, как вам известно, обычно заканчиваются статьей в прессе, — сказал Джек, — а Бриггс, как правило, не упоминается. Он считает, что странная фамилия и несколько эксцентричных привычек сделают его более... приметным.

— Отсюда и тромбон?

— Именно.

Ненадолго воцарилось молчание. Джек прикидывал, кого предпочел бы иметь сержантом, а Мэри думала о своей карьере.

— Значит, ОСП распустят? — произнесла она самым скорбным голосом, словно услышала ужасную новость. — И весь персонал распределят по другим отделам?

— Думаю, да. Вместе со стульями и настольными лампами.

— А когда состоится заседание по бюджету?

— В тот четверг.

Мэри сделала себе мысленную заметку. Чем скорее она покинет этот отдел неудачников, тем лучше.

Джек повернулся к останкам Шалтая. Мэри поняла намек и раскрыла блокнот.

— Имя трупа...

— Шалтай-Болтай.

— Вы его знали?

— Разок видел. — Джек печально покачал головой. — Очень-очень давно.

Округлое тело Шалтая разбилось почти вдребезги и лежало среди мусорных баков и хлама в дальнем углу двора. Ночной ливень смыл почти все его жидкое содержимое, но даже сейчас в воздухе стоял характерный запах желтка. Джек посмотрел на тоненькую безволосую ногу — всё ещё в носке и башмаке, — отходившую от небольшого участка скорлупы, закрытого лохмотьями прозрачной пленки. На самом большом осколке, лежащем между двумя мусорными контейнерами, проступало лицо Болтая. Физиономия его имела мучнисто-белый цвет, за исключением носа, покрытого некрасивыми красными прожилками. Один глаз был открыт.

Молочно-белый, незрячий глаз. Лицо пересекала трещина. Покойный был в смокинге с галстуком или с поясом — сейчас уже не разберешь. Травма получилась ужасной, и неопытный глаз мог принять его тело за кучу битой яичной скорлупы и мокрых тряпок. Джек опустился на колени, чтобы взглянуть поближе.

— А почему он так вырядился?

Мэри открыла блокнот.

— Он провел вечер на каком-то мероприятии под названием «Благотворительный бал фирмы «Пемзс — средства по уходу за ногами»...

— Что? — перебил её Шпротт. — На попойке у Пемзса? Вы уверены?

— У него в кармане рубашки лежит приглашение.

— Хмм, — протянул Джек.

Имело смысл посоветоваться с Мадлен. Она могла ведь даже сфотографировать его.

— Дорогое развлечение. Надо поговорить с кем-нибудь, кто там был. Одновременно надлежит связаться с его врачом и выяснить, как у нашего клиента обстояли дела со здоровьем. Депрессии, фобии, болезни, головокружения — всё, что может пролить какой-то свет на его смерть.

Джек внимательнее присмотрелся к лицу Болтая. Тот выглядел старым. Годы и излишнее пристрастие к выпивке взяли своё. Лицо трупа казалось бледным подобием лица того Болтая, каким инспектор видел его в последний раз. Тогда это был весёлый парень, полный жизни и сыпавший шутками. Джек немного постоял, молча глядя на труп.

Мэри, для которой каждая проведенная здесь секунда являлась потерянным в смысле карьерного роста временем, решила не возникать и постараться добиться хороших отзывов к тому моменту, когда отдел распустят. Если она сумеет отличиться при Джеке, то, возможно, Звонн её заметит. Возможно.

— Вы его знали? — спросила она.

— Он обычно читал лекции по детской литературе и бизнесу в Редингском университете. Компанейский парень и весельчак, но немного плутоват. Университет допрашивал его в восемьдесят первом, когда мы со Звонном взяли за него...

— Вау! — вдруг воскликнула Мэри. — Вы работали под началом Фридленда Звонна?

— Да нет, — вздохнул Джек. — Мы с Фридлендом работали вместе. Вы разве не знали, что он начинал в ОСП?

— Нет.

— Он не особенно по этому поводу распространяется. У нас тут

служили хорошие полицейские, но надолго не задерживались.

— Правда? — с самым невинным видом спросила Мэри.

— Да. ОСП — стартовая площадка для карьеры, если, конечно, по-вашему, есть карьера лучше этой. А если вы руководите этим отделом, тогда...

Он не закончил фразы, но Мэри поняла, что он имел в виду.

— А... а сколько вы тут служите?

— С тысяча девятьсот семьдесят восьмого, — пробормотал Джек, всё ещё вглядываясь в незрячий глаз Болтая.

— Двадцать шесть лет, — произнесла Мэри чуть с большим недоверием в голосе, чем ей хотелось бы.

Джек остро глянул на неё, и она тут же сменила тему:

— Я слышала, с Фридлиндом Звонном приятно работать.

— Он амбициозный карьерист, который будет лгать, подличать и красть, шагая к вершине по чужим головам.

— Неужели меня ввели в заблуждение? — воскликнула девушка, не поверив ни единому его слову: она знала, что неудачники часто завидуют звездам.

— Выходит, что так. Полагаю, вы слышали об убийстве петушка Робина?^[18]

— Нет.

Джек вздохнул. Теперь никто уже не помнил об этом. Звонн постарался. Да и всё равно дело было двадцать лет назад.

— Ладно, не берите в голову. Это старая история. Давайте вернёмся к Болтаю. Мы с Фридлиндом допрашивали его по делу о рэжете, когда Шолти ввез в страну восемь контейнеров прялок за неделю до правительственного запрета. На компенсационной сделке он наварил почти полмиллиона, но ничего незаконного не совершил. Он всегда был таким. Вечно что-то затевал. Юлил, хитрил, изворачивался и плел. Его выгнали из университета, когда заподозрили, что он запустил руку в кассу.

— Но ведь по одному подозрению его не могли выгнать?

— Не могли. Но он совершил ошибку, заведя шашни с женой ректора, а этого ему уже не спустили. По последним моим сведениям, он капитально вляпался и сделался предметом досужих толков. — Джек снова вгляделся в лицо Болтая. — Сколько ему было?

Мэри проверила водительские права покойного.

— Шестьдесят шесть.

Джек смерил взглядом стену. Шалтай всегда сидел на стене — привычка у него была такая. Он соорудил себе стену даже в аудитории, где

читал лекции. Деревянный макет на колесиках, покрытый штукатуркой, который по необходимости можно вкатить в комнату.

— Послали констебля сообщить миссис Болтай?

— Да, сэр.

— Надо потом поговорить с ней, выяснить, в каком она состоянии. Доброе утро, Глэдис. Что скажете?

Миссис Сингх поднялась на ноги и потянулась. Патологоанатом недавно разменяла пятый десяток и по умолчанию вела все дела ОСП. Официально она являлась всего лишь помощником судебно-медицинского эксперта, но ведущий специалист не станет заниматься сказочными преступлениями — засмеют ведь. Так что он посылал на такие дела миссис Сингх и подписывал её отчёты, не читая. Подобно Джеку, она стремилась добиться максимального результата при ограниченных ресурсах. В отличие от Джека она любила кошек и котофилов, и ещё у неё имелось шестеро внуков.

— За этих трёх поросят нам всыпали по первое число, Джек, — сказала она. — Мне очень жаль.

— А вас это удивило?

— Честно говоря, нет. Когда в последний раз нам вообще удавалось добиться обвинительного приговора?

— Пять лет назад, — ответил Джек, даже не задумавшись, — тому парню, который содержал нелегальные притоны по превращению соломы в золото. Как там его звали?

— Румпельштильцхен, — ответила с едва заметной улыбкой миссис Сингх. — Двадцать лет без права на амнистию. Да, было времечко... А кто у нас на новенького?

— Сержант Мэри Мэри, — представил девушку Джек. — Мэри, это миссис Сингх.

— Добро пожаловать в наш дурдом. Скажите, а вы правда сами попросились на работу в наш отдел?

— Не... ну, типа того.

Миссис Сингх проказливо улыбнулась Джеку.

— Нет, сюда никто не просится. — Она показала затянутой в резиновую перчатку рукой на останки Шалтая. — Такая куча скорлупы... Я никогда не видела его при жизни. Какого он был размера?

Джек на мгновение задумался.

— Около четырёх футов в высоту и около трёх в ширину.

Она кивнула.

— Тогда понятно. Довольно грузный, да ещё и упал с двенадцати

футов. Я узнаю побольше, когда заберу его в лабораторию, но пока могу сказать, что он либо погиб в результате несчастного случая, либо совершил самоубийство.

— А насчёт времени смерти?

— Трудно определить. Ночной ливень многое смыл. Остались лохмотья внутренней и внешней мембраны и вот это.

Она подняла желеобразный предмет.

— Медуза? Так далеко от моря?

— Я не специалист по яйцам, — призналась миссис Сингх, — но попытаюсь идентифицировать.

— И всё же — время смерти?

Она бросила внутренности Шалтая в пластиковый мешок — те упали с громким шлепком — и задумалась на минутку.

— Оставшиеся внутренности до сих пор влажные и упругие, значит, скончался он не больше суток назад. Понимаете, грохнулся он со стены накануне, птицы бы уже всё расклевали. Следовательно, можно предположить, что это произошло где-то между шестью часами вчерашнего вечера и тремя часами сегодняшнего утра. Произойди несчастье позже, дождь не успел бы смыть весь белок.

Мэри записала всё в блокнотик. Джек не сомневался, что у Шалтая найдутся родственники и почти наверняка все они будут задавать один и тот же вопрос.

— Он быстро умер?

Миссис Сингх посмотрела на останки.

— Думаю, да. Ударившись о землю, он умер мгновенно.

Джек поблагодарил её. Патологоанатом бросила несколько слов на хинди своему ассистенту, который очень осторожно, как и подобает вести себя с покойниками, начал собирать скорлупу и складывать её в пластиковый мешок.

Джек осторожно взобрался по лестнице на стену и осмотрел её верхнюю часть. Она едва достигала фута в ширину и имела посередине овальную выемку, просиженную Болтаем за долгие годы. Затем детектив спустился, и они с Мэри вошли в соседний дворик, чтобы обследовать стену с обратной стороны.

— Что вы ищете? — спросила Мэри.

— Предмет, которым его могли столкнуть.

— Столкнуть? Вы подозреваете, что имело место преступление?

— Я просто стараюсь сохранять объективность, Мэри, что бы там ни говорил Бриггс.

Но если Джек надеялся обнаружить что-нибудь подозрительное, то его постигло разочарование. Двор пустовал, под Шалтаевой стеной рядом с переполненными мусорными баками громоздилась неустойчивая куча хлама. Чтобы толкнуть беднягу в спину, убийце пришлось бы штурмовать эту гору отбросов. Однако мусор выглядел нетронутым. Джек как раз шарил в сарайчике в поисках грабель или иного подходящего инструмента, когда заметил, что из окна кухни на него смотрит маленький мальчик. Джек помахал ему рукой, в ответ мальчик показал средний палец. Тут его схватили за ухо и оттащили в сторону, а на его месте возник очень маленький человечек в ночной сорочке и колпаке. Вид он имел туповатый и некоторое время бестолково дергал шпингалет, прежде чем открыть кухонное окно. Джек продемонстрировал ему своё удостоверение.

— Инспектор Джек Шпротт, отдел сказочных преступлений. Ваше имя?

Человечек потер глаза и прищурился.

— Винки, — ответил он, устало моргая. — Уильям Винки. [\[19\]](#)

— Мистер Винки, прошлой ночью тут произошел несчастный случай. Мистер Шалтай свалился со стены.

— Я слышал.

— Слышали, как он упал?

— Нет, слышал, что он упал. Он был хорошим парнем. Обычно играл в футбол и всякое такое с ребяташками в переулке. Мои дети в шоке от его гибели.

Один из упомянутых шокированных детишек продолжал корчить Джеку рожи в окне. Мистер Винки крутанул ему ухо, и проказник с воем убежал.

— Вы прошлой ночью ничего необычного не слышали?

Вилли-Винки зевнул.

— Простите. Я вернулся со смены в «Пан энд Пропалл» около двух и сразу же лег. У меня бессонница, приходится пить таблетки.

— А остальные домочадцы тоже спали?

Вилли обернулся и заорал:

— Кисонька! Ты ничего прошлой ночью не слышала? Это про мистера Шалтая.

К окну подплыла крупная краснолицая женщина в бигуди и алом нейлоновом платье. Прилипшая к нижней губе маленькая незажженная сигаретка подскакивала, когда она говорила:

— Перед рассветом пару раз грузовик проезжал в ту сторону. Только в этом ничего необычного нет. Мы с Вилли спим в разных комнатах, чтобы

он меня не будил. Извини, милый, хотела бы помочь, да нечем.

Джек кивнул и сменил тактику:

— Когда вы в последний раз видели покойного?

— Прошлым вечером где-то в полвосьмого. Он попросил меня погладить галстук.

— Галстук?

— Или пояс. С ним не поймёшь.

— И как он вам показался?

— Да нормально. Мы поболтали о том о сем, и он занял у нас немного сахара. Настаивал, чтобы я деньги взяла. Такой уж он был. Я часто гладила ему рубашки — на котелке с выпуклым дном, чтобы те форму держали, конечно же, — а он всегда платил с избытком. Иногда подкидывал нам денюжат, а прошлым летом отправил наших детей на школьную экскурсию в Лландудно.^[20] Очень щедрый был. Настоящий джентльмен.

— Кто-нибудь его посещал?

— Он жил для себя. Всегда хорошо одевался, прямо денди. Я слышала, он был изрядный ловелас. Если подумать, то недавно к нему приходила женщина. Высокая девушка, очень молоденькая. Брюнетка.

Джек поблагодарил их и дал Вилли свою визитку на случай, если тот вдруг что-то вспомнит, затем снова вернулся во двор, где миссис Сингх все ещё искала хоть какой-нибудь ключ к произошедшему.

— Где была его комната? — спросил Джек.

Мэри показала на окно, выходящее на задний двор.

Они вошли в дом и поднялись по скрипучей лестнице. Здесь пахло сыростью, повсюду виднелась плесень, плинтуса отставали от стен. Дверь в комнату Шалтая закрывалась неплотно, и Джек осторожно отворил её. Скучная обстановка пребывала в том же плачевном состоянии, что и весь дом. На стене висели в рамках изображение яйца Фаберже и портрет Шалтая из иллюстраций Джона Тенниела к «Алисе в Зазеркалье». На полу лежал потёртый ковер, не чищенный, похоже, с прошлого века, у стены рядом с раковиной и плитой высился платяной шкаф. В центре комнаты стояло большое бюро красного дерева с небольшой кучкой аккуратно сложенных кирпичей перед ним. Болтай обычно сидел здесь. На столе помещалась пишущая машинка, какие-то бумаги, факс и два телефона. Бюллетень «Акции на выбор» за прошлую неделю был открыт на странице редких металлов, и рядом с очками Болтая покрывался пленкой нетронутый кофе в чашке. На столе красовалось в золоченой рамке фото хозяина в кабриолете с красивой брюнеткой, рука Шалтая лежала у девушки на колене. Пара сфотографировалась где-то в Вене. Джек один раз

был там и узнал видневшийся на заднем плане Пратер.^[21] Оба выглядели нарядными, словно только что вышли из оперы.

— Подписана?

Мэри посмотрела на обороте фотографии. Пусто.

Даже после беглого осмотра становилось ясно: Болтай не просто изучал рынок акций, но существенно влиял на него. Большая часть сваленных в кучу документов представляла собой беспорядочную мешанину сделок. В открытом на бизнес-странице номере «Жаба» от прошлого четверга Джек заметил подчеркнутые красным карандашом названия двух биржевых компаний: «Пан энд Пропалл фармасьютикалс» и «Пемзс — средства по уходу за ногами». Обе компании — открытые с ограниченной ответственностью, обе торговали средствами по уходу за ногами. При этом первая процветала, а вторая почти разорилась. Мэри наткнулась на папку с подборкой газетных вырезок, иллюстрирующих падение «Пемзса» в течение десяти лет, от первого публичного размещения акций до падения их курса ниже уровня двадцати пенсов в прошлом месяце. Джек открыл другую папку. В ней оказались накладные, подтверждающие покупку акций «Пемзса» в разных количествах и по различным ценам.

— Скупал акции «Пемзса»? — пробормотал Джек. — Откуда деньги-то брал?

Мэри передала ему пачку банковских счетов. Если сам Болтай разбился практически вдребезги, то компания «Болтай холдинге лимитед» была целехонька и стоила аж девяносто восемь тысяч фунтов.

— Нехило, — заметила Мэри.

— Да уж. А работал в такой дыре!

Джек нашёл завещание Болтая и вскрыл его. Датированное 1963 годом, оно содержало одну-единственную фразу: «Все — жене».

— Что вы на это скажете?

Мэри протянула Джеку пухлый конверт с фотографиями. На всех фигурировал Центр Священного Гонго в различных стадиях строительства. За год с лишним снимков накопилось немало, но последний показался детективу наиболее интересным: на заднем сиденье машины глуповато улыбался молодой человек. Снимал водитель, вероятно сам Болтай, и в правом крайнем нижнем углу виднелась дата — чуть больше года назад.

— Священный Гонго, — сказала Мэри, думая о церемонии открытия в субботу. — Почему Шалтай им интересовался?

— В Рединге все этим интересуются, — ответил Джек. — Тут чуть мятеж не поднялся, когда его вздумали продавать какому-то коллекционеру

из Лас-Вегаса.

Они занялись платяным шкафом, где висело несколько костюмов от Армани, причём все они были сшиты по индивидуальному заказу и хранились на вешалках в виде обручей. Джек проверил карманы. Пусто. Под грязными рубашками обнаружили захватанные номера «Всемирного яичного обозрения» и альманаха «Параболические и яйцеобразные геометрические сооружения».

— Типичный хлам из комода, — заметил Джек, выкапывая из-под полного набора яиц-неваляшек видеокассеты с записями телепрограммы «Играем в школу» и кинофильма «Людвиг»^[22] и зелёный брезентовый мешок для инструментов.

Он открыл его и увидел вороненое дуло обреза. Детективы переглянулись. Расследование явно выходило за рамки стандартного.

— Может, это ничего и не значит, — сказала Мэри, не желавшая тратить на ОСП ни минуты сверх необходимого. — Наверное, кто-нибудь из друзей попросил его подержать мешок у себя.

— И сколько же обрезов вы храните по просьбе друзей?

Она пожала плечами.

— Вот именно. Не слушайте вы Бриггса. Лучше вызвать отсюда опергруппу, пусть снимут с ружья отпечатки и бегло осмотрят комнату. Попросите Шенстона — он хороший парень. Что-нибудь ещё заметили?

— Тут нет кровати.

— Верно. Он здесь не жил. Пойду побеседую с миссис Хаббард.^[23]

Джек направился вниз, но по пути задержался и поправил галстук перед облупившимся настенным зеркалом.

Глава 4

Миссис Хаббард, псы и кости

«Остин-аллегро» был разработан в середине семидесятых как замена очень популярному «Остину-1100». Оснащенный хорошо зарекомендовавшим себя серийным мотором «А», он уродился гадким утенком: из-за поперечного расположения двигателя капот получился горбатым, что отнюдь не улучшало его внешнего вида. Наделенный причудливым массивным рулем, расположенным под прямым углом к приборной панели, и многочисленными уникальными чертами, включая оптимальные аэродинамические характеристики при езде задом, колеса из пористого сплава на спортивной модели и заднее стекло, выскакивающее, если слишком резко поднять машину домкратом, «аллегро», как незаслуженно сказали бы многие, символизировал самую мрачную главу в истории британской автомобильной промышленности.

А. МОРРИС «Полным ходом в забвение»

Джек вежливо постучал в дверь. Та чуть приоткрылась, и на детектива с подозрением уставилось остренькое личико. Он показал своё удостоверение.

— Вы насчёт комнаты? — скрипучим голосом спросила миссис Хаббард, напомнив Джеку дурную актрису в роли колдуньи. — Если вы играете на аккордеоне, можете сразу забыть о ней.

— Нет, я инспектор Шпротт из отдела сказочных преступлений.

Она прищурилась на удостоверение, прикидываясь, будто может читать без очков, затем скривилась.

— Так в чем дело? — спросила она.

— В чем дело? — переспросил Джек. — Да в мистере Болтае, конечно!

— А, — небрежно отозвалась она. — Думаю, вам лучше войти.

Она открыла дверь пошире, и сразу в нос ударил мощный запах, напомнивший Джеку о лимбургском сыре, который он однажды купил по случаю, а потом был вынужден закопать в саду, ибо мусорщики отказались его забирать. Маленькую и грязную гостиную распирало от ветхой мебели. В мойке громоздилась застарелая гора немытой посуды, кокетливо осененная жёлтыми сетчатыми занавесочками. Сушилка для тарелок служила подставкой большой коллекции пустых банок из-под собачьих консервов. Одноглазый кот с наполовину отъеденным ухом злобно тарачился на Джека из-под старого шкафа, и четыре одинаково пятнистых бультерьера с удивлением взирали на него из собачьей корзинки, явно рассчитанной на двоих.

Сама миссис Хаббард оказалась сморщенной старушенцией неопределённого возраста — где-то между семьюдесятью пятью и ста пятью. Редкие седые волосы она забирала в неопрятный пучок и при ходьбе опиралась на клюку дюймов на шесть короче, чем надо. По количеству морщин её чумазое личико превосходило любую черносливину.

Хозяйка сверлила визитера тёмными недобрыми глазками.

— Если хотите чаю, заварите сами. И мне заодно.

— Спасибо, не хочу, — ответил Джек как можно вежливее.

Миссис Хаббард фыркнула.

— Он мёртв? — уточнила она, с подозрением глядя на Шпротта.

— Увы, да. Вы хорошо его знали?

Старуха зашаркала по комнате, из-за короткой палочки хромая сильнее, чем нужно.

— Да не особо, — ответила она, усаживаясь в старое кожаное кресло, из которого по всем швам лезла волосяная набивка. — Он был всего лишь квартирантом.

Это прозвучало так, будто речь шла о каком-то клопе.

Джек попытался вообразить, каким фантастическим невезением надо обладать, чтобы твоей домохозяйкой оказалась такая вот старая хрычовка.

— Как долго он снимал у вас комнату?

— Около года. Заплатил вперёд. Аванс я не возвращаю, так что эти деньги останутся у меня. Сейчас трудно найти квартирантов. Если б я пускала к себе пришельцев, паразитов и проклятых статистиков, то могла бы в два раза больше народу тут поселить, но приходится поддерживать определённый уровень.

— Да уж, — пробормотал Джек себе под нос, пытаясь дышать ртом, чтобы не сомлеть от вони.

В этот момент одна из собак покинула корзину, выставила передние

лапы и потянулась. Сухожилия на её задних ногах задрожали от напряжения, и в самый пиковый момент псина опустила голову, подняла хвост и пукнула так громко, что её товарки посмотрели на неё с ужасом и восхищением. Затем тварь подошла к миссис Хаббард, положила морду ей на колени и жалостно заскулила.

— Долг зовет, — изрекла миссис Хаббард, кладя морщинистую ручку на голову пса.

Она с трудом поднялась на ноги и пошаркала к небольшому шкафу рядом с холодильником. Даже отсюда Джек видел, что там нет ничего, кроме старой жестянки из-под порошкового заварного крема и банки консервированного пирога с почками. Миссис Хаббард искала в чулане, пока не убедилась в отсутствии костей и там, затем вернулась к собаке, которая терпеливо сидела у неё за спиной, колотя хвостом по ковру, протертому до блестящего дерева.

— Извини, малыш. Сегодня косточек не будет.

Псина вернулась к своим сородичам. Похоже, она понимала все до последнего слова. Миссис Хаббард снова села.

— Ну, молодой человек, на чем мы остановились?

— Каков он был в личном плане?

— Довольно приятный, по-моему, — нехотя ответила старушенция тоном луддита на диализе при виде искусственной почки. —хлопот не доставлял, хотя я мало с ним общалась.

— А он часто сидел на стене во дворе?

— Когда не работал. Подолгу там сиживал. Не знаю, думал о чём-то, наверное.

— Вам приходилось видеть его в компании с кем-то?

— Нет. Я не пускаю посетителей. Но прошлой ночью сюда все же проникла женщина. Выла и верещала так, что дом едва не рухнул. Похоже, и впрямь сильно расстроилась. Пришлось пригрозить, что спущу собак, — только тогда ушла.

Джек показал ей тот венский снимок с девушкой.

— Эта?

Миссис Хаббард прищурилась и несколько мгновений рассматривала фотографию.

— Возможно.

— Вы знаете, как её зовут?

— Нет.

Вторая собака вылезла из корзины и заскулила перед хозяйкой, как и первая. Старушенция встала и пошла к тому же шкафу, точно так же

открыла его, и собака точно так же забила хвостом на том же самом протертом до блеска месте. Джек вздохнул.

— Прости, собачка, — сказала домовладелица. — Для тебя тоже ничего нет.

Бультерьер вернулся на место перед камином, а миссис Хаббард снова плюхнулась в кресло, спихнув с него кота, который попытался занять место в её отсутствие, и вопросительно уставилась на Джека.

— Все?

— Нет. Что произошло вчера вечером после ухода женщины?

— Мистер Болтай отправился на вечеринку.

Заскулила очередная собака, старушка снова встала и снова заглянула в шкаф. Судя по дырке в ковре и участку до блеска натертого собачьими хвостами пола, Джек решил, что этот маленький спектакль повторялся бесчисленное количество раз.

— Когда он вернулся? — продолжил Джек, когда хозяйка завершила интермедию.

— Кто?

— Мистер Болтай.

— Около половины одиннадцатого. Приехал на самой большой и чёрной машине, какую я только в жизни видела. Я всегда встаю проследить, чтобы жильцы не привели с собой гостей. Греху не место под этой крышей, инспектор!

— Как он выглядел?

— Пьяный в стельку, — с отвращением сказала она. — Но со мной поздоровался — он всегда был вежлив, несмотря на распутный образ жизни, — и поднялся к себе наверх.

— Он всегда ночевал здесь?

— Иногда. И в таких случаях спал на стене. Последний раз я видела его покойником — или, точнее говоря, упокоенным вдребезги — на заднем дворе, когда шла выносить мусор.

Она ожидала, что Джек рассмеется на её маленькую шуточку, но он не развеселился. Вместо этого он задумчиво пососал кончик карандаша.

— А у вас имеются другие жильцы?

— Только Прометей. Наверху, в передней комнате.

— Прометей? — с некоторым удивлением переспросил Джек. — Тот самый титан Прометей? Который украл огонь у богов и отдал его людям?

— Мне наплевать на его частную жизнь. Он платит вовремя, и мне этого довольно.

Джек сделал несколько замечок, поблагодарил миссис Хаббард и с

радостью удалился, когда она в четвертый раз направилась к шкафчику.

Глава 5

Прометей

И С КАВКАЗА УШЕЛ, И ОТ ЗЕВСА УШЕЛ, И ОТ ОРЛА УШЕЛ

Вчера завершилось сомнительной адекватности наказание Прометея, когда бессмертный титан, создатель человечества и даритель огня, освободился из оков, коими был прикован к скале на Кавказе. Детали побега неясны, но пресс-секретарь Зевса Ральф Меркурий спешно опубликовал заявление, в котором говорится, что заточение Прометея остается исключительно «внутренним делом между богом и титаном» и что орел, ежедневно прилетавший клевать печень Прометея, заново отравившую каждую ночь, «являлся обоснованной карой за преступление». Радостные участники кампании «Свободу Прометею» собрались в Дуврском порту, дабы встретить прибывающего титана и помешать властям взять его под стражу согласно договору об экстрадиции.

*Лондонский иллюстрированный
«Крот», июнь 1984 г.*

Джек поднялся по скрипучим ступеням на верхнюю площадку. Не успел он протянуть руку, чтобы постучаться в дверь напротив жилища Болтая, как глубокий мужской голос прогудел:

— Минутку!

Джек озадаченно опустил руку. Внутри послышалась возня, и дверь приоткрылась на шесть дюймов. Оттуда выглянул молодежавый смуглый мужчина со светлыми курчавыми волосами. Черные глаза и выдающийся греческий нос, такой прямой, что хоть угольник клади, придавали его чертам суровость. Судя по виду, он только что вылез из душа, поскольку из всей одежды у него имелось лишь не первой свежести полотенце на бедрах. Мощный пресс покрывала такая густая сеть перекрещивающихся шрамов, что талия представляла собой один сплошной рубец. При взгляде на идеально выбритый подбородок Джек подумал, что у титанов, наверное,

вообще волосы на лице не растут. Хозяин комнаты смотрел на посетителя взглядом человека, привыкшего к физическим испытаниям.

— Да?

Голос продолжал гудеть в воздухе, даже когда он закрыл рот.

— Мистер Прометей?

— Просто Прометей.

— Я инспектор Шпротт из отдела сказочных преступлений. Мы расследуем смерть мистера Болтая. Можно с вами поговорить?

Титан с облегчением впустил гостя, и голос его перестал рокотать, поскольку его обладатель перестал видеть в Джеке угрозу.

Комната пребывала в таком же плачевном состоянии, как и у Шалтая. Но Прометей хотя бы попытался придать ей обжитой вид, развесив повсюду постеры с видами греческих островов. Из-под рамы зеркала торчали открытки от других титанов и младших полубогов с пожеланиями удачи в обретении политического убежища. На полу лежал застеленный мятыми простынями матрас, а на тумбочке рядом с платоновской «Республикой» стояла пустая бутылка из-под рецины^[24] и мисочка с оливковыми косточками. На единственном столе лежал открытый том Шелли с описанием побега Прометея со скалы. Джек взял книгу.

— Несколько надуманно, — заметил титан. — Он немного погрешил против правды. С Азией и Пантеей я встречался только раз на одной вечеринке и, конечно, никогда не был влюблен в Азию. Насколько помню, она была близорука и картавила. А то, что у нас был ребёнок, — это чистая выдумка. Я привлек бы его за клевету, но он умер, тем самым сильно затруднив мои планы.

— Да, пожалуй, — согласился Джек, понимая, что для бессмертного Прометея смерть — это всего лишь такая вещь, которая случается с кем-то другим.

— Мне очень жаль Болтая, — сказал титан, колотя по дрожащим трубам деревянным молотком, чтобы заставить воду течь из ржавого крана на его зубную щетку.

— Вы хорошо его знали?

Прометей выдавил остатки зубной пасты из тюбика на щетку.

— Не особенно, но достаточно, чтобы разглядеть хорошего человека, инспектор. Я неплохо разбираюсь в таких предметах, как добро и зло. Несмотря на преступное прошлое, он был честным малым.

Прометей прополоскал рот, бросил щетку в стакан, без всякого смущения скинул полотенце и завернулся в халат, некогда принадлежавший отелю «Мажестик».

— Мы любили поболтать, когда нечаянно пересекались, — продолжил титан. — Он всегда был занят, но старался уделять мне внимание.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Прошлым вечером около шести. Он попросил меня помочь ему завязать пояс.

— Пояс?

— Или галстук. С ним не поймёшь. Он поссорился со своей девушкой. Миссис Хаббард уже говорила вам?

— Упомянула. Вы знаете, как её зовут?

— Кажется, Бесси, — сказал титан.

— А фамилия?

— Наверняка есть, но не знаю какая. Вряд ли между ними было что-то серьёзное, но она приходила чаще остальных.

— Остальных?

— Болтай был самым большим бабником, какого мне доводилось видеть. Я не одобрял его образ жизни, но, по-моему, сердце у него было доброе. Конечно, Гримм-роуд не лучшее место, чтобы приглашать женщин, но, насколько я знаю, он получал отдельное удовольствие, тайком проводя их под носом у миссис Хаббард.

— О чем ещё вы говорили прошлым вечером?

— Да так, ни о чём, но мне показалось, что он чем-то встревожен, или расстроен, или попросту нездоров. Словом, вид у него был бледный. Когда ему пришла пора уходить, он поблагодарил меня за дружеское отношение и пожал руку. Обычно он так себя не вел, и теперь мне кажется, что он... прощался.

— А в последнее время он не казался вам подавленным?

Титан на мгновение задумался.

— Он сделался менее разговорчив. Похоже, его терзали какие-то мысли.

— Когда вы снова с ним встретились?

— Больше я его не видел. Только слышал, как он зашёл к себе в комнату около половины одиннадцатого. А потом ко мне постучалась миссис Хаббард и спросила, не хочу ли я занять комнату Болтая за дополнительные пятьдесят фунтов в неделю.

Похоже, на текущий момент Джеку тут больше ничего не светило.

— Спасибо за помощь. Я смогу вас найти здесь?

Прометей вздохнул:

— Половину за меня платил Болтай. И теперь эти апартаменты мне не по карману. Но вы можете оставить мне записку у Зорбы ^[25] — я работаю у

него официантом три дня в неделю.

И тут Джека осенило.

— Нам нужен жилец. Приходите нынче вечером около семи по этому адресу и поговорите с моей женой.

Прометей взял визитку.

— Спасибо, — сказал он. — Думаю, придётся.

* * *

Мэри опрашивала соседей. Поначалу они относились к ней недоверчиво, но стоило им услышать о смерти Болтая, как они сразу шли на контакт. По-видимому, он действительно был очень добр.

— Ну, что вам удалось накопать?

— Двое человек показали, что слышали грохот мусорных баков, хотя никто не вышел посмотреть, в чем дело. Я получила заявление от мистера Винки. Думаю, он нарколептик или что-то в этом духе: заснул прямо во время допроса. Криминалисты на месте тоже нашли не много. Никаких отпечатков пальцев на ружье, только два необычных следа на ковре да человеческий волос.

— Чёрный? Как у женщины с венской фотографии?

— Нет, рыжий. И длиной в двадцать восемь футов.

Она протянула ему пакетик с длинным каштановым волосом, аккуратно свернутым напоподобие лески.

— А вот это уже интересно. Наводит на разные мысли. Как миссис Болтай?

— Ее не назовешь скорбящей вдовой. Строго говоря, она вообще не вдова. Болтаи развелись больше года назад. Она сказала, что мы можем заехать к ней в любое время.

— И заедем. Нам действительно крайне необходимо найти женщину с венского снимка. Они с Болтаем прошлой ночью поцапались.

— По поводу?

— Спросим её, когда найдём. Её зовут Бесси.

— Я выясню в офисе, — сказала Мэри. — А наверху кто? Прометей?

— Да. Создатель человечества квартирует у миссис Хаббард. Как по-вашему, Болтай упал случайно?

Джек открыл дверь машины и убрал какие-то бумаги с пассажирского кресла, освободив место для Мэри. Садясь в машину, девушка заметила на

заднем сиденье детское креслице.

— У вас есть дети, сэр?

— Как и у многих других. У меня пятеро.

— Пятеро?

— Ага. Честно говоря, моих только двое. Ещё двое — моей второй жены, и ещё один у нас общий. Вы замужем?

— Я? Нет. Я коллекционирую бывших бойфрендов. Согласно последнему подсчету их уже более пяти.

Джек рассмеялся, завел двигатель и включил первую передачу. Из недр машины послышался зловещий рёв, и они выехали на дорогу и направились в район Кэвершемских высот, к миссис Болтай.

— И каковы ваши предположения? — поинтересовалась Мэри, все ещё не сумевшая смириться со своей новой работой.

Она решила пока не рассказывать об этом своим друзьям в Бейзингстоке, а то и вовсе промолчать. Джек на мгновение задумался.

— «Большое яйцо напивается в дым и бросается со стены в припадке пьяной депрессии»? Или: «Болтай идёт на вечеринку, напивается вдрызг и... разбивается вдребезги».

У Мэри зазвонил мобильник. Она глянула на определитель. Снова Арнольд.

— Я не могу сейчас говорить, — выпалила она прежде, чем звонивший успел раскрыть рот. — Я на работе. Перезвоню вечером. Обещаю. Пока.

Она нажала кнопку окончания связи, и Джек поднял бровь.

— У меня с мамой тоже так, — заметил он.

— Это не мама, — мрачно отозвалась Мэри. — Это мой бывший бойфренд, который не понимает слов «видеть тебя больше не хочу».

С кругового перекрестка выезжали молча. Наконец Джек счел момент подходящим для стандартной ознакомительной речи.

— Я понимаю, сказочные преступления не для всякого лакомый кусочек, но основные факты следует знать. ОСП занимается персонажами детских стишков, сказок, анекдотов и всем, что напрямую с этим связано. Если в дело вовлечено обычное гражданское лицо, расследование может взять на себя обычная полиция, но, как правило, не берет. Я подотчётен Бриггсу, но в остальном независим. Поскольку мы имеем дело с типичными ситуациями, схема происходящего, как правило, проявляется сама. Сказать, чем именно обернется то или иное обстоятельство, нельзя, но иногда можно полагаться на догадку.

— Например?

— Исключая людей вроде миссис Хаббард? Ну, часто наблюдается троичность. Этот количественный аспект всегда присутствует в случаях с участием мишек, козликов, поросят, скрипачей, мешков с шерстью или подобных им объектов, а в качественном смысле — маленькое, среднее, большое или тупое, ещё тупее, наитупейшее. Если в деле замешана мачеха, то она, как пить дать, злая, дровосеки всегда получают славу и богатство, сирот здесь фунт на грош, а поросята, коты, медведи и волки нередко антропоморфны.

— А я-то все удивлялась, почему в Рединге звери разговаривают, — задумчиво протянула Мэри, хотя прежде эта мысль её не посещала.

— Вы ещё с тремя козликами^[26] не знакомы, — сказал Джек. — Тоже не подарки. Как-нибудь увидите.

— А что с троллем?

— Сидит. От восьми до десяти лет за угрожающее поведение.

— А они в курсе?

— В курсе чего?

— Что они — сказочные?

— Думаю, порой подозревают, но по большей части понятия не имеют. Что касается трёх козликов, Джека и Джил, а также Пряничного человечка, то они живут как обычные люди. Да вы не беспокойтесь — привыкнете.

Мэри замолчала, не в силах представить, как это сказочные персонажи могут не сознавать своей сказочности. Джек, внезапно о чём-то вспомнив, достал мобильный и нажал автодозвон.

— Привет, Мэдс. Скажи, ты не снимала Шалтая-Болтая у Пемзса?.. Нет, Шалтая-Болтая... Да, вроде того, огромное яйцо с ручками и ножками. Буду очень благодарен. До встречи.

Он отсоединился.

— Нам повезло: моя жена вчера вечером работала фотографом на вечеринке у Пемзса. У неё могут оказаться нужные нам снимки.

Некоторое время они ехали молча. Мэри все не решалась взять быка за рога и заявить, что она не подходит для ОСП. Может, Джек переговорит с Бриггсом и у неё получится уйти незаметно, не прослышав при этом трусихой. Она закусила губу и постаралась придумать, как бы это сформулировать, но, к счастью, Джек нарушил молчание и избавил её от перспективы выставить себя дурой.

— Откуда вы, говорите, приехали?

— Из Бейзингстока.

— В этом нет ничего зазорного.

— Да я и не стыжусь.

— И сколько лет вы служите?

— Восемь. В сержантах — четыре. Я три года проработала с инспектором Фулвом.

— Как одобренный Лигой помощник? — уточнил Джек, удивленный тем, что Бриггс спихнул ему профессионала. — То есть Хебден ведь состоит в Лиге, верно?

— Да. Хотя только один из моих рассказов попал в «Криминальное чтение».

— А вы знаете, что я не состою в Лиге, Мэри? — сказал Джек, чтобы удостовериться, что не произошла какая-то ошибка.

Он решил пока не сообщать напарнице о поданном Мадлен заявлении от его имени.

— Да, сэр, я знаю.

— О каком расследовании шла речь в опубликованном отчёте?

— Подставные бои в Бейзингстокской Шекспировской компании.

— Расскажите.

Мэри глубоко вздохнула. Неизвестно, насколько Шпротт в курсе дела. А вдруг он испытывает её на скромность? Девушку хвалили за участие в расследовании, и она, естественно, гордилась своей работой. Она посмотрела на Джека, но тот сосредоточился на дороге.

— Оказалось, мошенничество длилось уже больше года, — заговорила она. — Всё началось в последнюю ночь тура по центральным графствам с «Ромео и Джульеттой». Действие шло нормально до поединка Ромео и Тибальда в третьем акте.

— И что случилось?

— Тибальд победил.

Джек нахмурился. Он не принадлежал к фанатичным поклонникам искусства, но понял, в чем дело.

— И пьеса закончилась?

— Да там едва мятеж не поднялся! Среди зрителей оказался спортивный судья, его вызвали на сцену, и он заявил, что поединок был честный. Пришлось импровизировать на ходу. В результате Парис женился на Джульетте и покончил с собой, поскольку так и не смог занять в сердце супруги место погибшего первого мужа, горячо любимого ею.

— Быстро сообразили.

— Именно.

— И в чём же преступление?

— В действиях букмекеров. Тибальд никогда не числился в фаворитах, но ставки на него искусственно вздули до шестидесяти к одному, и кто-то

выиграл примерно триста тысяч. Нас поставили об этом в известность, но дело выглядело так, будто и сами букмекеры пострадали, поскольку им пришлось платить. Мы ничего не смогли предпринять до утреннего представления «Макбета» через три недели, когда банда нанесла новый удар. В финальной битве Макдуф шёл чистым фаворитом при равном счете. Букмекеры, уже более осмотрительные, поставили на Макбета три к одному. Итог нетрудно предугадать: Макдуф был на пятьдесят восемь фунтов тяжелее и на восемь лет старше Макбета, да ещё надо учесть работу ног и литературный прецедент длиной в четыре сотни лет.

— Значит, Макбет победил? — спросил Джек.

Мэри покачала головой.

— Нет. Все гораздо хитрее. Победил Банко.

— Банко? — изумленно воскликнул Джек. — Но разве его не убили ещё раньше по ходу действия?

— Как правило, его убивают, — ответила Мэри. — Но на сей раз он снова вышел на сцену и произнёс краткую речь, объясняя, почему он подстроил собственную смерть, а затем убил Макбета.

— Готов поспорить, букмекеры не обрадовались, — заметил Джек.

— Ещё бы! Такого разорения они не знали с тех пор, как Давид победил Голиафа. Вал последних ставок сбил шансы Банко с пятисот к одному до ста к одному, но и этого хватило.

— И сколько наварила банда?

— Десять миллионов.

Джек присвистнул, и Мэри продолжила:

— На сей раз ошибки быть не могло. Кто-то устраивал договорные бои. Расследование возглавил Фульв, а я внедрилась в труппу на роль леди Анны в грядущей постановке «Ричарда Третьего». И вскоре мы накрыли их в последнем акте. После утреннего представления я увидела, как режиссер раздаёт измененный текст пьесы. Я предупредила Фульва, и в тот вечер среди зрителей под видом продавцов попкорна, туристов из центральных графств и критиков из «Бейзингстокского рупора» сидели восемь полицейских в штатском. Мне удалось прочесть переделку, и мы поняли замысел преступников. В нужный момент мы выскочили, прекратили битву при Босуэлле и арестовали не только Ричарда, но и лордов Ричмонда и Стэнли. Они хотели свести битву к ничьей, а затем сформировать правительственную коалицию — неожиданный результат, который принес бы негодьям более трёх миллионов фунтов. Фульв в результате поднялся в рейтинге «Криминального чтива» на двенадцать пунктов и занял почетное двадцать пятое место. Ни один полицейский из Бейзингстока никогда не

забирался так высоко.

— А вам вынесли благодарность?

Она вспыхнула и скромно кивнула:

— И это тоже.

Джек вспомнил теперь, где прежде встречал её имя. Она получила благодарность не только за безупречную полицейскую работу, но и за незабываемое исполнение роли леди Анны.

— Впечатляет. А вы хотите что-нибудь узнать обо мне, кроме того, что я не в Лиге?

— Да, — ответила Мэри. — Что случилось с вашим прежним сержантом?

— Его звали Алан Мяснейк. Хороший был человек. Погиб в автомобильной катастрофе.

— Сожалею.

— Наверняка не так сильно, как я. Ведь это я сбил его на «вольво» моей жены. Но я не виноват: он выскочил прямо передо мной.

— Он был... рослый? — несколько опрометчиво спросила Мэри.

Джек печально покачал головой.

— Вам уже доложили об убийствах великанов? Иногда кажется, будто в нашем управлении больше и поговорить не о чём. Ладно, послушайте из первых уст: кроме случая с Мяснейком, я действовал в рамках самозащиты. Когда какой-нибудь верзила кидается на вас с ножом, о превышении необходимых мер самообороны думать не приходится. Либо он, либо я. Кстати, в прямом смысле слова великаном являлся только один из них. Остальные просто отличались высоким ростом. Но знаете, что меня на самом деле бесит?

— Нет. Так что же вас бесит?

— Вы слышали о том, как я спас Гензеля и Гретель от ведьмы-людоедки?

— Боюсь, не доводилось.

— Или как я отбил сотню детишек у Гаммельнского крысолова?

— Не думаю...

— А о том, как я обезвредил серийного женоубийцу Синюю Бороду?

— Только вчера от Бриггса.

— А о том, как я прикрыл нелегальный притон по превращению соломы в золото?

— Нет.

— Обвинил Джил в нападении на Джека с отягчающими обстоятельствами?

— Ни слова.

— Не дал мистеру Панчу сбрасывать детей с лестницы?

— Наверное, я прослушала.

— В том-то и дело. Двадцать шесть лет я усердно трудился, пытаюсь принести справедливость всем, кто подпадал под мою юрисдикцию. Я вел большинство расследований ОСП, и мне хотелось бы думать, что я не рядовой детектив. И какие из моих дел помнят? Да ни одного! Я прикончил несколько верзил, и теперь я почему-то всего лишь истребитель великанов!

Через несколько минут они подъехали к дому миссис Болтай. По иронии судьбы он назывался «Веселое яичко».

Глава 6

Миссис Лора Болтай

УСТРИЦЫ В ШАГЕ ОТ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ!

Вчера свершился самый большой исторический прорыв в деле защиты прав животных со времен средневековья: был принят билль о равенстве животных (антропоморфных) и человека. Этот законодательный акт гарантирует права животных, считающихся достаточно очеловеченными, на функционирование внутри общества *homo sapiens*. Соискатель должен пройти тест «на речевые и познавательные способности», и, будучи одобрен советом, состоящим из пяти человек, он получает удостоверение личности, которое позволяет ему спокойно жить в отведенном для этого безопасном участке Беркшира. «Это большая победа, — сказал мистер Козлик Билли, один из главных лоббистов. — Общество и так слишком долго нас игнорировало». Права обычных неантропоморфных животных под этот акт не подпадают, потому на них по-прежнему можно охотиться, убивать их, выращивать и поедать безнаказанно.

«Сова», январь 1962 г.

— Доигрался-таки! И кто же его убил — ревнивый муж?

— Мы не говорили, что это убийство, миссис Болтай.

Бывший дом Болтая представлял собой большое строение в духе Тюдоров, но только в духе. Он отличался нарочито дешевой элегантностью: мебель и картины — сплошь имитации и репродукции, пол в холле покрыт линолеумом «под мрамор». Они беседовали с миссис Болтай в большой кухне, сидя за столиком с пластиковой столешницей «под дерево». Облаченная в жакет из искусственного леопардового меха хозяйка с преувеличенной грацией курила «Собрание» через позолоченный серебряный мундштук. Волосы её были покрашены в чёрный цвет, а лицо после недавней подтяжки представляло собой застывшую маску. Она

растягивала слова на великосветский манер и выглядела так, словно жидкую пудру на её физиономию накатывали валиком. Все в доме было искусственным, включая саму миссис Болтай, не сводившую с Джека жесткого взгляда.

— Какая разница? Он ведь мёртв, не так ли?

— Значит, вы не были близки?

Она снова рассмеялась.

— Когда-то были, инспектор. «Верность» — слово не из лексикона Шалтая, точно так же, как...

Она умолкла, подыскивая пример.

— Словарь? — предложила Мэри.

— Точно. «Верность» — слово не из лексикона Шалтая, точно так же, как «словарь» — не из моего. Я знала, что он спит с кем попало. Наделенный редкостным шармом, он на любую юбку, какая попадалась ему на глаза, смотрел как на добычу.

Миссис Болтай помолчала минутку. Ни Джек, ни Мэри не проронили ни слова, и она продолжила:

— Он женился на мне ради денег. Моя девичья фамилия Гарибальди. Как я понимаю, это вам о чём-то говорит?

— Говорит, — согласился Джек.

Он не хуже других знал, что семейство Гарибальди имеет большой вес на рынке выпечки. Компания «Выпечка и сладости ням-ням» стоила более ста тридцати миллионов, а её редингское производственное отделение выпускало более пяти тысяч пакетиков шоколадных изделий в день, и это только ассорти из молочного шоколада.

— Умирая, отец целиком оставил кондитерский концерн мне. Шолту понадобились мои деньги.

— Для роскошной жизни? — спросил Джек, не понимая, почему тогда Шалтай работал в этой дыре на Гримм-роуд.

— Для игры на бирже, — ответила миссис Болтай, вынимая окурочек из мундштука и гася его в пепельнице из поддельной черепаховой кости.

— А на чем он играл?

— По большей части на банкротствах или тому подобных делах. Он скупал акции, когда те падали перед возможным слиянием предприятий, а затем продавал, когда они вырастали в цене — если, конечно, вырастали. Он вел очень рискованную игру. Около восьми миллионов фунтов моих денег спустил на свои дурацкие планы. Южноамериканский цинк, североамериканский цинк, канадский цинк... Вообще, — она на мгновение замолчала, — сдается мне, не много найдётся цинка, на котором он не

спекулировал. Иногда срывал куш, но по большей части терпел убытки. Мы прожили вместе восемнадцать лет, и за это время он пять раз сколачивал состояние и пять раз разорялся. И, оказавшись при деньгах, всегда пускался во все тяжкие. Я думала, что он поутихнет, что эти выходы просто помогают ему доказать самому себе собственную привлекательность в глазах дам. Но все продолжалось, мистер Шпротт, и приобретало все более вопиющий характер, пока я не велела ему прекратить. Он отказался, и тогда я сказала ему, что из моих денег он больше ни пенни не получит.

— И как он себя повел? — спросил Джек.

Миссис Болтай немного помолчала.

— Так же, как поведет себя в подобной ситуации любой мужчина. Ушёл. В то же утро.

Она закурила очередную сигарету.

— Я сменила замки. Получила развод. Железный брачный контракт, в котором учитывалась супружеская измена, лишил его прав на мои деньги от «Ням-ням». Я ничего не знаю о его дешевых похождениях, потому что решила ничего не знать. Боюсь, больше ничем не смогу вам помочь.

Она умолкла и уставилась на кончик своей сигареты.

Мэри сверилась с блокнотом.

— Вы знаете, где он поселился после того, как ушёл от вас?

— Понятия не имею. Думаю, у одного из своих трофеев.

— У вас есть предположения о том, чем он собирался заняться?

— Нет. Я вычеркнула его из своей жизни.

— А он никогда не впадал в депрессию? — спросил Джек.

Миссис Болтай вздрогнула и переспросила с лёгким удивлением:

— В депрессию? Вы думаете, он мог совершить самоубийство?

— Извините, но я вынужден задать вам этот вопрос, мэм.

Она взяла себя в руки и снова надела маску надменного безразличия.

— А мне-то что, инспектор? Он давно уже вычеркнут из моей жизни. Да, он часто впадал в депрессию. Состоял на учете в клинике Святого Церебраллума ещё до того, как я с ним познакомилась. Сами понимаете, в Пасху ему бывало особенно худо, и он всегда слетал с катушек, когда видел в меню омлеты или яйца «Бенедикт». Каждый раз, как появлялась сальмонелла, жизнь казалась ему полной страданий. Иногда он просыпался в поту с воплем: «Помогите, спасите, выньте меня, я варюсь!» Ну и что тут смешного, сержант?

Последнее замечание было адресовано Мэри, которая не вовремя фыркнула и постаралась замаскировать смешок чиханьем.

— Нет-нет, мэм, у меня сенная лихорадка весь год.

— Миссис Болтай, — продолжал Джек, не желая упускать нить разговора, — вы знаете эту женщину?

Он положил перед ней фото из Вены.

— Нет.

— Было бы лучше, посмотри вы на этот снимок прежде, чем отвечать.

Дама коротко глянула на фотографию и глубоко затянулась сигаретой, выпустив в воздух облачко дыма.

— Одна из его шлюшек, смею вам сказать. — Она подняла на Джека глаза и нехорошо прищурилась. — Я два года с ним не виделась, мистер Шпротт. Мы разведены.

Вдова встала, подошла к окну и повернулась к ним спиной. А через мгновение спросила спокойным голосом:

— Он сильно мучился?

— Вряд ли, миссис Болтай.

Похоже, она облегченно вздохнула.

— Спасибо, инспектор. Несмотря ни на что, я рада это слышать.

Она выглянула из окна. Посреди лужайки красовалась кирпичная стена шести футов высотой, в фут шириной и в два фута толщиной. Сооружение поросло мхом, раствор начал выкрашиваться.

— Он любил стены, — рассеянно сказала миссис Болтай, отводя взгляд от строения в саду, и уставилась в пол. — У него было невероятное чувство равновесия. Как-то раз он заснул на стене пьяным в стельку и всё равно не упал. Я возвела эту стену к его пятидесятилетию. Он все говорил мне, что, когда придёт время, хотел бы умереть на какой-нибудь своей любимой стене и сидеть на ней мертвым, пока его не снимут.

Она ещё раз глянула на кирпичный монолит на заднем дворе и произнесла почти шёпотом:

— Теперь это его надгробие.

Джек увидел позади стены Болтая большое деревянное сооружение со стеклянной крышей. Миссис Болтай догадалась, куда он смотрит.

— Это был его бассейн. Он построил его, когда мы сюда переехали. Он хорошо плавал — единственный вид физической деятельности, в котором он преуспел. Хорошая плавучесть, природная обтекаемость, особенно при плавании в обратную сторону — острым концом вперёд, я хочу сказать. Если у вас больше нет вопросов...

— Пока нет, миссис Болтай, спасибо.

— Миссис Болтай! — послышался голос от двери. — Вам пора на получасовую разминочку.

Они обернулись и увидели атлетического сложения блондина лет тридцати, одетого в банный халат. У него были кудрявые волосы и большие карие коровьи глаза.

— Это мистер Грилькур, — быстро сказала вдова, — мой личный тренер.

Грилькур кивнул в знак приветствия. Полицейские оставили их наедине и пошли к машине.

— Думаете, это она прикончила Болтая? — спросила Мэри.

— Да нет. Она не верит, что он мог сам свалиться. Помните, её слова: «заснул на стене пьяным в стельку и всё равно не упал»? Мне кажется, она чего-то недоговаривает. У неё имеются секреты. Может, с его смертью это не связано, но всё равно.

— У большинства людей есть секреты, — заметила Мэри. — Куда мы теперь?

— В «Палитру» к мистеру Туппердядису.

— Как он связан с Болтаем?

— Никак.

* * *

Мистер Туппердядйс был крупным добродушным мужчиной с красным лицом. Джек хорошо знал его — их сыновья вместе играли в футбол. Лавка одновременно служила и галереей. На стенах висели картины художников-абстракционистов.

— Мистер Шпротт! — радостно воскликнул мистер Туппердядйс. — Не ожидал вас тут увидеть!

— Я сам этого не ожидал, Эдди. Вы хоть одну из этих картинок продали? — спросил Джек, показывая на заляпанные краской холсты.

— А как же! Двести восемьдесят фунтов за штуку.

— Двести восемьдесят?! Да это ж макакина мазня!

Туппердядйс ахнул и украдкой огляделся по сторонам.

— Невероятно! У вас, детективов, дьявольское шестое чувство! Понимаете, их и правда рисовала обезьяна, шимпанзе, но это между нами, ладно?

Джек положил на прилавок картину.

— Это принадлежит моей маме, — сказал он. — Нарисована тут корова. Она говорит, это Стаббз.

Туппердядйс ничего не сказал и развернул холст.

— Как поживает миссис Шпротт? Кошек прибавилось?

— И не спрашивайте.

— А ваша очаровательная жена? Её снимок на обложке в нынешнем утреннем номере — это просто... Ой!

Он ойкнул так внезапно, что Джек не понял, позитивное это «ой!» или негативное. Туппердядйс достал из кармана зеркальце и несколько мгновений изучал картину, нависая над ней, словно хирург. Несколько раз он хрюкнул, наконец снова выпрямился, снял очки и постучал ими по зубам.

— Да, в одном вы правы.

— Это Стаббз?

— Нет, это корова.

— Не говорите мне, что это подделка.

Мистер Туппердядйс кивнул:

— Боюсь, что так. Написано в его стиле, вероятно в начале того столетия, в котором он жил. Интересно, что нарисована именно корова. Обычно Стаббз писал лошадей, поэтому очень странно, что фальсификатор написал в его стиле корову, а не излюбленный объект мастера.

Джек выдвинул теорию:

— Вероятно, в его стиле это было написано совершенно без задних мыслей, а затем кто-то поставил подпись, намереваясь выдать картину за работу Стаббза?

Туппердядйс улыбнулся.

— Вам бы заниматься расследованиями в нашей области, мистер Шпротт! Наверное, вы правы. В любом случае она тянет максимум на сто фунтов. Может, на аукционе дадут больше, если её примут к торгам.

Джек вздохнул. Когда мама это услышит, она ужасно расстроится. Он подтянул картину к себе и взглянул на неё. Это была хорошая работа. Единственная из принадлежащих матери картин, которую он повесил бы у себя дома.

— Уж постарайтесь, мистер Туппердядйс.

Галерейщик улыбнулся и поставил картину позади прилавка, затем вдруг ему пришла в голову идея, и он вытащил маленькую картонную коробочку.

— Может, вашу маму заинтересует вот это?

Он открыл коробочку. Внутри лежали шесть ярко раскрашенных кормовых бобов величиной с грецкий орех. Они сверкали и сияли на свету. Даже на скептический взгляд Джека они были невероятно красивы.

— Это что?

По лицу мистера Туппердяйса расплылась улыбка.

— Вчера купил у торговца. Он сказал, что они волшебные и очень ценные. Если их посадить, непременно произойдет нечто замечательное.

Джек с сомнением посмотрел на него:

— Так и сказал?

Мистер Туппердяйс пожал плечами:

— Отнесите их своей маме, и если они ей понравятся, то назовем это обменом. Если она не согласится, я заплачу ей сто фунтов за картину. Идёт?

— Идет.

Они пожали друг другу руки, и мистер Туппердяйс опустил крышечку коробки и стянул её резинкой для дополнительной сохранности. Мать Джека любила разные безделушки. Её дом был почти до отказа забит всевозможными пустяками. Такие штучки могут скрасить ей разочарование от того, что Стаббз оказался вовсе не Стаббзом.

Джек вышел из магазинчика и остановился на мостовой, охваченный внезапным любопытством.

— Волшебные бобы за корову Стаббза, — прошептал он себе.

Что-то невероятно знакомое было в том, что он сейчас проделал, но он никак не мог вспомнить, что именно. Он пожал плечами и пошёл к Мэри, ожидавшей его в машине.

Глава 7

Отдел сказочных преступлений

Отдел сказочных преступлений был создан в 1958 году старшим инспектором Хорнером, которого беспокоила недостаточная подготовленность регулярной полиции к решению зачастую уникальных проблем, возникавших в ходе разработки стандартных дел ОСП. После особо эксцентричного расследования, в котором были замешаны огниво, солдат и несколько говорящих котов с глазами различной степени деформации, он сумел доказать своему растерянному начальству, что необходимо пересмотреть все дела, включающие «любые персонажи и сюжеты детских стихов и сказок». Хорнеру выделили финансирование, дали небольшой кабинет и двух никому больше не нужных полицейских, и он заведовал ОСП вплоть до ухода на пенсию в 1980 году. Привитые им честность, неподкупность и беспристрастность остаются неизменными характеристиками отдела вплоть до наших дней — как и бюджет, размеры кабинета, обои и ковры.

Краткая история ОСП

— Чувствуйте себя как дома, Мэри.

Она огляделась. Кабинет ОСП был тесным и неопрятным. Нет, даже хуже. Он миновал период тесноты и неопрятности, ненадолго задержался на стадии маленького и запущенного и окончательно остановился на состоянии убогого и сырого. Вдоль стен жались помятые и выщербленные стальные шкафы, отчего помещение казалось ещё меньше. Здесь едва хватало места для стола, не говоря уже о трёх стульях.

— И сколько времени ОСП находится в этом кабинете, сэр?

— С самого начала существования отдела. А что?

— Ничего. Правда, он кажется мне немного... тесноватым.

— Он мне нравится, — мягко ответил Джек, доставая из ящика ближнего шкафа телефон. — У нас есть ещё соседняя комната, но большую её часть занимают картотека и Гретель. Как правило, нам этого помещения

хватает, если только мы не приходим на работу все одновременно.

— Гретель?

— Она специалист по судебной бухгалтерии, но помогает нам, когда у нас не хватает штатных работников, так что мы считаем её своей. Вам она понравится. Она хорошо считает и умеет разговаривать бинарным кодом.

— Это важно?

— Да. Констебль Эшли обычно понимает всё, что мы говорим, но сложные случаи ему лучше объяснять на его родном языке.

— Эшли — рамбозиец?

— Да. Первый полицейский из их расы.

Повисло молчание.

— Вы что-то имеете против пришельцев, Мэри?

— Я никогда с ними не встречалась, — просто ответила она. — Я принимаю людей такими, какие они есть. А чем это пахнет?

— Тушеной капустой. Через дверь — кухня столовки. Не беспокойтесь, на третий год этого запаха уже и замечать не будете.

— Хм. Надо бы решить проблему с окном, — протянула Мэри, с отвращением оглядывая комнатенку и горы неряшливой документации.

— С каким окном?

— В том-то и проблема.

— В это мгновение в комнату вплыло облачко простудных микробов, кое-как державшихся в человеческих очертаниях. Мэри догадалась, что это ещё один член ОСП. И оказалась права.

— Доброе утро, сэр, — произнёс болезненного вида субъект.

Он прыснул себе в ноздри «виксом» и вытер красный нос платком.

— Доброе утро, Бейкер. — ответил Джек. — Насморк не прошёл?

Насморк Бейкера не проходил никогда. Постоянно текущий нос стал его вечным опознавательным знаком с тех пор, как восемь лет назад он подхватил простуду. Он носил шарф даже по жаре, а кожа его отливала восковой бледностью.

Несмотря на то что вид у него был такой, будто ему осталось всего три недели до того, как болезнь милосердно прервет его страдания, Бейкер обладал чрезвычайно крепким здоровьем: он проходил ежегодную диспансеризацию на ура и каждый июнь завершал редингский марафон с похвальным результатом.

— Это Чарли Бейкер, наш ипохондрик, — представил коллегу Джек. — Я зову его офис-терьером. Даешь ему задачу, и он не возвращается, пока не справится с ней. Он также уверен, что жить ему осталось не больше месяца, поэтому во время облавы не боится входить в

дверь первым.

— Как поживаете? — сказала Мэри, пожимая Чарли руку.

— Да не очень, — ответил Бейкер. — Недавно головокружения усилились, на мошонке образовалась крапивница, а боль в колене может оказаться приступом подагры. — Он показал ей руку. — Вам не кажется, что она распухла?

— Ты не видел Эшли или Гретель? — спросил Джек в надежде сменить тему прежде, чем Бейкер начнёт всерьёз распространяться о своих болячках.

— Эшли жжет прялки, которые сдали в обмен на амнистию, — сказал тот, капая себе в глаза «ортекс» и быстро моргая, — а у Гретель утром выходной. Помнится, её собирались проверить на синдром Ожеховского.^[27] Это такая странная болезнь, которая вызывает хаотическое расстройство периферийной нервной системы, отчего подергиваются руки, ноги и веки. Насколько известно, это неизлечимо.

Джек с Мэри уставились на него, и он пожал плечами.

— Или она просто ждёт водопроводчика.

— Ладно. Мэри, позвоните в клинику Святого Церебраллума и узнайте имя лечащего врача Болтая. А ты, Бейкер, раскопай какую-нибудь информацию о прошлом покойного и выясни, не было ли у него судимостей. Надо узнать, что он затевал. Я вернусь через полчаса. Кофе мне с молоком и кусочком сахара.

Джек взял пакет с обрезом и вышел.

* * *

Похоже, отдел сказочных преступлений нечасто фигурировал в заголовках местной печати. Последние вырезки, что висели на стенах, представляли собой выцветшие колонки новостей из немногочисленных газет, публиковавших подобные истории. Присутствовали заметки об аресте Синей Бороды, о печально известном криминальном боссе Джорджо Порджа^[28] и ещё несколько — за сорок-то лет. Среди них выделялась единственная статья с первой полосы «Жаба» о Пряничном человечке, но, поскольку Джек упоминался там в качестве «помощника Звонна», Мэри поняла, почему она висит не на виду.

— Я так понял, вы любите кофе, — послышался сзади голос.

Мэри обернулась и увидела молоденького констебля, которого уже

встречала на Гримм-роуд. Он обходил соседей. Тогда они перекинулись парой слов, но только по работе. Она даже не знала его имени.

— Спасибо. — Мэри взяла кофе и показала на выдержки из прессы. — Что вы обо всем этом знаете?

— Дело было ещё до моего рождения, — ответил Тиббит, — но, судя по словам Гретель, Джорджо Порджа засадили скорее благодаря Шпротту, а не Звонну. Начальство почесалось лишь тогда, когда дела пошли плохо. Никому нет дела до сказочных персонажей, пока они мочат друг друга. Порджа сделал ошибку, прикончив настоящего человека. Все улики добыл начальник, но дело закрыл Звонн — и выслужился.

— Немудрено, что Шпротт его не любит.

— Более того. Он даже почти не говорит о нём.

Мобильник Мэри зазвонил. Она выудила его из кармана и посмотрела на определитель: опять Арнольд.

— Тут звонит парень по имени Арнольд, — сказала Мэри, протягивая все ещё звонящий телефон Тиббиту. — Скажите ему, что я умерла, а?

Тиббит недоверчиво нахмурился, но все же взял телефон и нажал кнопку «ответить».

— Привет, Арнольд, — сказал он. — Говорит констебль Тиббит. Боюсь, что сержант Мэри погибла в автомобильной катастрофе. — Он кривился, произнося эти слова. — Да, это действительно очень трагично и совершенно неожиданно, — согласился он после паузы, выслушав ответ Арнольда. — Без проблем. Я ей передам. Пока.

Он нажал кнопку «конец связи» и вернул ей мобильник.

— Он сказал, что ему очень жаль и что он вам перезвонит. Боюсь, он мне не поверил.

— Чтобы он от меня отвязался, нужно что-нибудь посерьёзнее смерти. Но всё равно спасибо. Как вас зовут?

— Констебль Тиббит.

— Сержант Мэри Мэри.

Молодой полицейский на мгновение задумался, затем произнёс:

— Режиссер антимира...

— Простите? — подняла бровь Мэри.

Тиббит ещё пару мгновений не отвечал, снова крепко задумавшись, и наконец с торжествующим видом выдал:

— Ррежимная смерть!

— У вас всё в порядке?

— Конечно! — радостно ответил констебль. — Это анаграмма! Если вы возьмете «сержант Мэри Мэри» и переставите буквы, то получите

«режиссер антимира» и «ррежимная смерть» или что-нибудь ещё. Вся штука в том, чтобы получилось нечто осмысленное. Я бы мог сказать «мистер ёж и мера рн», но это только звучит как анаграмма, правда?

— Вам виднее.

Мэри думала, что Тиббит станет той соломинкой здравого смысла, за которую она сможет уцепиться, чтобы не спятить в этой дыре, но эта надежда быстро угасала. Понятно, почему он оказался в таком отделе.

— Это палиндром, — объяснил юный констебль.

— Извините?

— Тиббит. Легко запомнить. С конца и с начала читается одинаково.

Тиб-бит.

Мэри подняла брови.

— Вы имеете в виду «А роза упала на лапу Азора»?

Он горячо закивал.

— Я предпочитаю более изящные, мэм, например: «Меня истина манит сияньем».

Мэри вздохнула.

— А вы уверены, что правильно выбрали работу?

Поскольку эти слова ошеломили Тиббита, Мэри быстро сменила тему:

— И сколько вы здесь служите?

— Шесть месяцев. Меня направили на три месяца, а потом обо мне, кажется, забыли. Я не против, — быстро добавил он. — Мне тут нравится.

— А как ваше имя?

— Отто, — ответил он и добавил, объясняя: — Тоже палиндром. Мою сестру зовут Анна. Папа любил играть словами. Он четырнадцать раз становился чемпионом мира по скрэбблу. Когда он умер, мы похоронили его в Квинзиберне, чтобы это трехсложное слово даром не пропадало. Большую часть жизни он отыскивал слова, которые вроде бы произносятся неправильно, но на самом деле правильно.

— То есть?

— Например, «кофе», который не «оно», а «он». Он также считал, что слово «аббревиатура» слишком длинное для своего смысла, а слово «односложный» должно состоять из одного слога. Человека, неспособного обучиться чтению, следовало бы обозначать буквой «О», а прилагательное «непроизносимый» должно произноситься как «непрзнсмый».

— И насколько он преуспел?

— Если не считать последнего предложения, которое нашло некоторую поддержку, то не особо.

Мэри сузила глаза: ей показалось, что юноша её разыгрывает, но он,

похоже, был вполне искренен.

— Ладно. Короче, вы не мешаете мне, я не мешаю вам. Дайте мне телефон Церебраллума и сделайте Джеку кофе.

Глава 8

Арсенал

Криминалистическая лаборатория Рединга была независимой и занималась всеми аспектами судебно-медицинской экспертизы, а также временами служила научно-исследовательской лабораторией для Звонна. Отдел обслуживал не только полицейское управление Беркшира и Оксфорда, но также Уилтшир и Гемпшир. Звонн давно уже добился, чтобы лаборатория находилась поближе, дабы он мог наносить туда личные визиты, что всегда было эффективнее, чем просто отправка материалов и получение отчёта по ним. Это чрезвычайно бесило оксфордского инспектора Моржа, но наверняка у Звонна имелись причины так поступать.

Звонн — друг или враг?

Криминалистическая лаборатория являлась вотчиной Джорджа Скиннера, крупного, очень сутулого мужчины с седеющими волосами и постоянно виноватым выражением лица. Он носил очки с толстыми линзами и потёртый костюм в елочку, явно доставшийся в наследство от отца. Однако внешность бывает обманчива, и в данном случае это утверждение оказывалось верным на сто процентов. Скиннер был не только блестящим баллистиком и экспертом по оружию, способным квалифицированно и сжато рассказать о чём угодно, от небольшого крупнокалиберного пистолета до базуки, но и великолепно смотрелся в документальных фильмах, часто снимавшихся по расследованиям Звонна. Обладая внешностью закоренелого трезвенника, он активно участвовал в ночной жизни Рединга: мог перепить почти любого, а если проскальзывало сообщение, будто кто-то отплясывал нагишом на столе в «Синем попугае», то можно было спокойно заключать пари, что это Скиннер.

Джек постучал в открытую дверь.

— Привет, Джордж.

— Заходи, Джек, — не оборачиваясь, сказал Скиннер.

Шпротт вошёл и пару мгновений рассматривал хозяина лаборатории. Как и миссис Сингх, Скиннер принадлежал к немногочисленной группе

полицейских, которые не смеялись над ОСП. Презрительное отношение к Джеку и его отделу считалось в управлении хорошим тоном. Фридленд доверял Скиннеру как самому себе и в ответ ожидал исключительного к себе отношения, поэтому его несколько раздражало, что тот по-дружески держится с Джеком. Шпротт терпеливо подождал, пока Скиннер закончит то, над чем работал, а затем показал ему обрез.

— Что скажешь? — спросил он.

— Ага... — задумчиво протянул эксперт, внимательно изучив этикетку на пакете с уликой, прежде чем извлечь оружие и осторожно проверить, не заряжено ли оно. — Сдается мне, что это дробовик «маркетти» двенадцатого калибра. Противозаконно, как все помповухи, а уж уродовать его так и вовсе преступление.

Скиннер снова нацепил очки, отчего его глаза стали казаться в два раза больше. Он пристально взглянул на Джека, затем снял с полки папку. Пробежал взглядом список номеров пропавшего или краденого оружия.

— О! — воскликнул он тоном, от которого Джек занервничал:

— Что?

Эксперт ещё раз посмотрел на серийный номер.

— Есть. Джек, познакомься с ружьем, украденным у мистера Кристиана. Оно вполне может оказаться орудием убийцы из Андерсеновского леса. Это ведь Фридлендовское дело, да?

— Одно из многих, — вздохнул Джек.

Дело лесных убийц относилось как раз к той разновидности драматических случаев, которые так любил распутывать Звонн. Одиннадцать месяцев назад мистер Кристиан вместе со своей женой был убит в Андерсеновском лесу, большом зеленом массиве к западу от Рединга. Единственной возможной мотивацией сочли солидную сумму наличными, хранившуюся в их жалкой лачуге на краю леса. Мистер Кристиан был бедным дровосеком, но в его жилище обнаружили около семи тысяч фунтов, и как он их добыл, было совершенно непонятно. Фридленд в типичной для него хвастливой манере вычислил извилистый путь отмывания денег, начинавшийся в Восточной Мыльвании и контролируемый несколькими доселе неизвестными и не вполне благовидными тайными обществами, связанными с Ватиканом. В ходе дерзкого налета на некий адрес в Клиторпе два главных подозреваемых получили смертельные ранения и было изъято большое количество денег и оружия. Расследование получилось таким сложным, что его пришлось публиковать в двух выпусках «Криминального чтива» подряд. Единственный преступник, уцелевший после налета, раскололся через пару

недель и теперь отбывал срок в редингской тюрьме.

— Значит, чету Кристиан застрелили из этого дробовика?

— Нет, он принадлежал дровосеку. Из этого ли ружья его убили или нет, я смогу тебе сказать, сравнив две гильзы, найденные на месте убийства. У кого оно хранилось?

— У Шалтая-Болтая.

— Который «сидел на стене»?

— Нет, который «свалился во сне». Его обнаружили мертвым сегодня утром.

— А, — понимающе кивнул Скиннер. — Я думал, убитые дровосеки находятся под юрисдикцией ОСП.

— Фриденд настаивал, что дровосеки настоящие, и Бриггс с ним согласился. И оказался прав. Спасибо, Скиннер, ты мне очень помог.

* * *

Джек вышел из лаборатории, сел в лифт и нажал кнопку «вниз». Однако лифт уже вызвали наверх, так что Джек отправился на экскурсию на седьмой этаж. Этот обрез не выходил у него из головы. Болтай был откровенно с гнильцой, но жестокостью никогда не отличался.

Лифт остановился на шестом этаже, и в кабину вошёл самый неприятный для Джека человек во всём Редингском управлении — Фриденд Звонн. Некогда они были напарниками по ОСП, пока Фриденд не решил, что это ниже его достоинства, и не свернул на лёгкую дорожку Лиги выдающихся детективов, въехав в рай на двух последних делах, в расследовании которых львиная доля лавров принадлежала Шпротту, а не ему. Это Джек с Уилмотом Снаарбом взяли той ночью Пряничного человечка, а вовсе не Фриденд, как тот любил рассказывать. Неудивительно, что бывшие коллеги друг друга на дух не выносили. Фриденд нажал кнопку первого этажа и уставился на индикатор этажей над дверью. После двадцатилетней вражды лучше всего было ограничиться односложным приветствием.

— Привет, Джек.

— Привет, Фриденд.

Но Звонн не был бы Звонном, если бы не подпустил шпильку.

— Я знал, что поросята уйдут безнаказанно, старина, — высокомерно заявил он. — По-моему, у тебя не было достаточных оснований для

обвинения в преднамеренном убийстве.

— Основания были, — ответил Джек. — Только защита посадила в присяжные свиней. Мне нужен был хоть один волк, но ты же знаешь, как они заняты.

— Нельзя каждый раз, проваливая дело, доставать из рукава козырь, Джек.

Несколько мгновений они молчали. Лифт миновал четвертый этаж.

— Я знаю, что ты подал заявление в Лигу, — с покровительственным смешком сказал Фридленд.

— Любой полицейский имеет право подать заявление, Фридленд.

— Ну что ты оцетинился, старик?

— Я не оцетинился.

— И с чем ты туда сунешься? С поиском овечек крошки Бо-Пип? С проваленным обвинением против трёх поросят?

— Что-нибудь придумаю.

— Конечно. Я слышал, Шалтай таки сверзился со стены? Самоубийство?

— Выводы делать рано, — быстро ответил Джек, не желая открывать никаких, даже самых тривиальных деталей.

— Болтай... стена... самоубийство... убийство, — задумчиво пробормотал Звонн. — Похоже, тут наклеывается просто конфетка. Хочешь, отдай мне.

— Нет.

— Меняю на удавленника в Арборфилде.

— Фридленд, я сказал — нет.

— Ладно. Удушение в Арборфилде и священник — отравитель ботулотоксином. С потенциальной сексуальной интрижкой! То, что нужно, Джек. Это тебе не твои занудные сказочные преступления!

— Нет. Ты ведь так торопился выбраться из ОСП! И где твои обещания помочь, когда мистер Панч бил свою жену? А Синяя Борода? Вот тогда мне помощь не помешала бы!

Дружеские шутки-прибаутки сразу кончились.

— Слушай, — резко сказал Звонн, — хватит пороть чепуху. Я хочу получить это расследование, и я его получу.

— Ты слово «нет» понимаешь?

— Это твоё последнее слово?

— Мое последнее слово тебе не понравится.

— Ладно, — снисходительно улыбнулся Звонн. — Надеюсь, ты не пожалеешь о своем решении.

Лифт остановился на первом этаже. Фридленд вышел, обернулся и бросил:

— Вот тебе совет старого солдата: не суетись с расследованием. В управлении поговаривают, что в гробу мистера Волка следовало оставить местечко для ОСП.

Он двинулся прочь, но Джек ещё не закончил.

— Я нашёл обрез дровосека, — тихо сказал он. — И хочу проверить, не это ли оружие было задействовано в его деле.

Фридленд резко остановился, нажал кнопку блокировки дверей и уставился на Джека.

— Вряд ли это уместно. Ты что, не читал хвалебных отзывов в «Криминальном чтиве»? Как киевская мафия пыталась внедриться в редингскую наркоторговлю через Клиторп при поддержке различных могущественных и невероятно древних тайных обществ? Дело закрыто, Джек. Макс Зоткин уже сидит.

Джека это ничуть не смутило.

— Даже если и так, я всё равно хочу проверить. У тебя остались гильзы с места убийства? Скиннер сравнит их с найденным нами стволом.

Звонн несколько мгновений сверлил его взглядом, потом вроде бы сдался:

— Я пришлю их. Пока, Джек.

Двери закрылись. Шпротт закрыл глаза и глубоко вздохнул. В этот момент он снова вспомнил, почему ему никогда не хотелось в Лигу.

Глава 9

Снова в конторе

Ван Болтам Шолти (Шалтай) Иосафат Алоизий Стьювесант. Бизнесмен, филантроп, большое яйцо. Дата рождения/кладки 6 июня 1939 года, Оксфорд, Англия. Образование: замок Лланаба.^[29] Университет: Крайстчерч, Оксфорд. Карьера: лектор в Баллиоле (1954–1964); старший фининспектор в «Порджа холдинге инкорпорейтед» (1965–1969); заведующий прачечной в Редингской тюрьме (1969–1972); Совет по развитию Огапоги (1973–1978); профессор детской литературы, Редингский университет (1979–1981); главный исполнительный директор «Болтай холдинге» (с 1983); главный исполнительный директор ЗАО «Всемирный цинк» (1987–1989). Женат: 1. Люсинда Маффет^[30] -Болтай (1962–1970, умерла). 2. Лора Гарибальди (1984–2002, разведена). Детей нет. Хобби: чтение, овология.

Кто есть кто. 2002 г.

Когда Джек вошёл в комнату, Мэри лишь подняла голову, но Тиббит встал навытяжку, что показалось ей бесполезным соблюдением протокола.

— Ну что, повезло с обрезом?

— Можно и так сказать. Помните убийство в Андерсеновском лесу?

— Конечно, — ответила Мэри. — Статья была озаглавлена «Из России с дурью», появилась в «Криминальном чтиве», номер двенадцать, том сто первый, перепечатана в семнадцатом томе «Расследований Фриденда Звонна». Чрезвычайно запутанный случай. Он...

Она осеклась, увидев, как зло смотрит на неё Джек.

— Наверное, вы и номер страницы помните?

— Извините, я не подумала. Но разве Звонн не нашёл оружие, которым были убиты дровосеки? В конце концов, именно обнаружение гравированного ружья «Холланд и Холланд» заставило его проделать ужасно сложное и утомительное путешествие по Европе, прежде чем ему удалось разрешить эту загадку.

— Звонн так и не доказал, что стреляли именно из этого оружия. Он обещал прислать гильзы, так что мы сможем проверить.

— Но если обрез, найденный у Болтая, окажется орудием убийства дровосеков...

— Да, — ответил Джек. — Звонн может ошибаться. Немыслимо, правда?

Мэри хотела искренне с ним согласиться, но вместо этого сказала:

— Тут для вас есть кое-какая информация.

— Давайте.

— Звонила миссис Сингх. Они не уверены, поскольку почти весь белок смыло дождём, но анализы показали, что уровень алкоголя в теле Болтая превышал допустимые для вождения нормы в двадцать шесть раз. Но даже и в этом случае она полагает, что он мог быть в сознании с учетом его объемного коэффициента.

— Пьяное всмятку яйцо, — пробормотал Джек. — Что ещё?

— Я сравнила факты из полицейской базы данных с некоторыми основными деталями, выуженными Бейкером у информатора в «Редингском вестнике».

— Продолжайте.

Мэри заглянула в блокнот, откашлялась и начала:

— Шолти Иосафат Алоизий Стьювесант ван Болтай родился шестого июня тысяча девятьсот тридцать девятого года. Его отцом был Гайлорд Ллевелин Стьювесант ван Болтай, мелкий баронет и преподаватель классического греческого в Оксфорде. Личность его матери неизвестна. Окончил школу в замке Лланаба, затем оксфордский колледж Крайстчерч по математике и детской литературе. Играл в регби за Оксфорд и чуть было не попал в сборную Англии, но повредил колено.

— Наверняка игрок из него был непобедимый, — заметил Джек, прикинув, что пытаться остановить такого нападающего — всё равно что ловить пушечное ядро.

— Если только ему не приходилось бегать на своих коротеньких ножках, — добавила Мэри. — Короче, в шестьдесят втором он женился на Люсинде Маффет, и какое-то время о нём ничего не было слышно, пока в шестьдесят четвертом его не попросили покинуть место преподавателя в Баллиоле, уличив в махинациях с недвижимостью. Освобожден за недостатком улик. В шестьдесят девятом ему повезло меньше. Его посадили на пять лет по обвинению в отмывании денег преступного синдиката семейки Порджа. За него крепко взялся отдел по борьбе с организованной преступностью, но он молчал о своих связях. Когда через

три года его выпустили, он получил квартиру — по слухам, в подарок от самого Джорджо Порджа. Первая жена Болтая погибла в автомобильной катастрофе в семидесятом году, пока он сидел в тюрьме. Следующие пять лет он жил и работал в Огапоге. Очередной раз он всплыл в семьдесят восьмом, когда попросил политического убежища в британском консульстве в Пога-Сити. Огапогское правительство обвиняло его в контрабанде драгоценных камней, и в результате быстрой дипломатической сделки его депортировали. Он вернулся в Англию в семьдесят девятом, в восьмидесятом переехал в Рединг и стал читать лекции в университете. В восемьдесят первом году служащие ОСП допрашивали его по поводу нелегального ввоза в страну прялок, в том же году его вышвырнули из университета по недоказанному обвинению в растрате денег. В восемьдесят четвертом он женился на Лоре Гарибальди. В восемьдесят девятом сменил поприще, занявшись внешнеторговыми операциями. Он получил ссуду в сорок миллионов фунтов на выпуск ограниченного количества акций для выкупа монополии на разработку минеральных ресурсов Сплутвийской республики. Спустя полгода к власти пришла новая администрация и национализовала недра, и он потерял все. Держатели акций подали жалобы, было проведено расследование, но обвинения ему опять-таки не предъявили. Между восемьдесят пятым и девяносто первым годами он сделал состояние на цинке, затем потерял все в единый момент в девяносто третьем, когда попытался монополизировать рынок талька на Гонконгской товарной бирже. Допрашивался по поводу продажи акций при обладании конфиденциальной информацией на Токийской товарно-сырьевой бирже в девяносто девятом, но под обвинение снова не попал. — Пауза. — Это всё, что у нас на него есть.

— Столько расследований и всего один приговор? За отмывание денег Порджа?

— Я зачитала лишь основные моменты. Он привлекался по ста двадцати восьми делам, обвинялся двадцать шесть раз и, как вы и сказали, только один раз был осужден.

— Ну, мы же знаем, что он был изрядным проходимцем.

— Однако в его жизни имелась и другая сторона. В течение многих лет он занимался благотворительностью и потратил кучу времени, собирая деньги на мириады хороших дел. Клиника Святого Церебраллума числилась у него в фаворитах.

— Думаю, что потерявшие деньги на сплутвийских минеральных ресурсах чрезвычайно этому порадуются. А откуда такое трепетное отношение к Церебраллуму?

— Он сорок лет там наблюдался, — ответила Мэри, заглянув в свои заметки. — Сейчас его лечащий врач — некто по фамилии... Кватт.

Джек и Тиббит замерли на месте и уставились на неё. В комнате воцарилось молчание. Можно было расслышать, как за стеной в столовке подсыхает корочка на заварном креме.

— Вы шутите? Из всего персонала — доктор Кватт?

— Я что-то не понимаю, — медленно проговорила Мэри. — Кто это такой?

— Такая. Доктор Кватт в своё время возглавляла собственный отдел генетических исследований, пока не разразился скандал по поводу этически сомнительных медицинских экспериментов.

— Каких таких экспериментов?

— Живые обезьяньи мозги в банках, оживление мёртвых тканей — обычный набор. Мы от неё ничего толком не добились: чокнутая, как мартовский заяц.

Вошёл клерк и передал Джеку плотный коричневый конверт. В нем лежали пять черно-белых глянцевых снимков семь на восемь и записка от Мадлен с просьбой позвонить, если он будет опаздывать к ужину.

— Ха! — воскликнул Джек, просматривая содержимое конверта. — Вот он!

На двух фотографиях, где красовались другие знаменитости, Болтай мелькал на периферии. На одной он сидел за столом и наливал себе выпивку, на второй получился не в фокусе. На третьей он фигурировал крупным планом: стоял за кафедрой и явно толкал речь.

— А видок-то у него поддатый, — прокомментировала Мэри.

На четвертом снимке Болтай пожимал руку представителю пожилому господину, которого Джек сразу же узнал.

— Это Соломон Гранди, исполнительный директор фармацевтического концерна «Пан энд Пропалл» и девятый в списке богатейших людей страны. В субботу он будет обниматься и всячески демонстрировать свою тесную дружбу с Джеллименом. Кто тут у нас ещё есть?

На пятой фотографии Болтай чуть пьяно смотрел в камеру, пожимая руку хмурому мужчине лет пятидесяти.

Джек перевернул снимок и прочел пометку Мадлен:

— «Местная знаменитость мистер Чарльз Пьютер и местная знаменитость Ш. Болтай на благотворительном вечере Пемзса». Чарльз Пьютер. Кто-нибудь что-нибудь о нём знает?

Тиббит удалился в соседнюю комнату на поиски сведений.

Шпротт пришил фото Болтая кнопкой к доске и некоторое время

смотрел на него.

— Джек... — В дверях появился Бриггс. — Можно тебя на пару слов?

— Конечно.

Бриггс поманил его к себе и вышел в коридор. Он посмотрел налево, затем направо и понизил голос, прежде чем заговорить:

— Мне только что звонил старший инспектор Звонн...

Джек шумно выдохнул.

— Перебьется. Ни за что на свете, сэр. ОСП — моя епархия. Болтай — моя епархия. И это дело — моё.

Он чувствовал, что голос его выдает.

— Знаю. — Бриггс старался говорить одновременно и примирительно, и властно. — Просто я хочу, чтобы ты подумал ещё раз. Звонн занимает высокое положение в Лиге. Если ты передашь ему расследование, отделу станет только лучше.

— Нет, сэр. Фридлинд слишком часто меня третировал. Можете меня отстранить, но добровольно я не сдамся.

Бриггс глубоко вздохнул и умоляюще посмотрел на Шпротта.

— Джек, ну прошу тебя! Не зли Звонна. Если вмешается Лига детективов, тут такое начнётся!

— Значит, начнётся, — отрезал Джек. — Разрешите идти, сэр?

Бриггс ожег его взглядом, затем кивнул, и Джек ушёл. Завернув за угол, он расстегнул воротник. Сердце в груди бухало. Болтай... Чутьё подсказывало ему, что дело будет не из лёгких.

Когда он вернулся, Тиббит и Мэри уже ждали его с толстым томом «Кто есть кто в Рединге». Мэри вопросительно взглянула на него, но Джек отмолчался.

— Пьютер, Чарльз Уолтер, — зачитал Тиббит. — Торговый посредник. С тысяча девятьсот восемьдесят шестого года состоит компаньоном в «Живчик и партнеры». Активно занимается благотворительностью, женат, имеет сына. Интересы: викторианская эпоха, прогулки. Живёт и работает на Брикфилд-террас.

Джек снял трубку и набрал номер Пьютера. После всего двух гудков ответил хорошо поставленный женский голос:

— «Живчик и партнеры». Чем могу служить?

— Инспектор Шпротт, отдел сказочных преступлений. Могу я поговорить с мистером Пьютером?

— Конечно, сэр. Пожалуйста, подождите минуточку.

В трубке зазвучала плохая запись Вивальди. Через мгновение секретарша вернулась:

— Извините, сэр. Мистер Пьютер на заседании.

— Он может вам перезвонить?

От него явно пытались отделаться, и Джек это понял.

— Передайте ему, что я расследую смерть Шалтая-Болтая.

После непродолжительной паузы в трубке послышался мужской голос:

— Инспектор Шпротт? Я Чарльз Пьютер. Мне кажется, вам стоит подъехать ко мне.

Глава 10

Чарльз Пьютер

ОПАСНЫЙ ПСИХОПАТ ПОЙМАН!

Минувшей ночью Фриденд Звонн почти в одиночку арестовал ужасного маньяка-убийцу, известного как Пряничный человек. Этот сладкий сумасшедший, последние полгода державший в страхе весь Реддинг, был взят под стражу старшим инспектором Звонном и ещё несколькими полицейскими в результате хрестоматийного «вдохновенного расследования». «На самом деле всё было не так уж сложно, — скромно заявил Звонн. — Я и несколько моих коллег просто-напросто сделали то, чего ждут от любого полицейского». Психопат из муки, масла, имбиря и сахара, печально знаменитый своим пристрастием буквально разрывать жертвы на части, помещен в особое крыло клиники Св. Церебраллума, где и проведёт, несомненно, остаток жизни».

«Жаб», март 1984 г.

Трехполосная улица Брикфилд-террас, застроенная домами конца 1890-х годов, находилась всего в нескольких милях от центра города. Дом мистера Пьютера, как выяснил Шпротт, стоял последним и, кажется, единственный не был разделен на безликие квартиры. Потянув за шнурок звонка, Джек заметил некрасивую дырку на месте скобы для чистки обуви. Спустя мгновение дверь отворилась, и на пороге появился крупный мужчина в костюме времен королевы Виктории, с большой бородой и лицом, напоминающим морду волкодава.

— Если вы из «Совы», — начал мистер Пьютер, не удосужившись поинтересоваться личностями визитеров, — то вы неправильно напечатали моё имя в списке гостей благотворительного вечера Пемзса. Я не Путер, а Пьютер, понятно?

Гулкий, почти лишённый эмоций голос бородача дышал таким же здоровьем, как и весь его облик.

— Инспектор Джек Шпротт из отдела сказочных преступлений. Это

сержант Мэри Мэри.

— А! — воскликнул Пьютер. — Насчёт мистера Болтая? Милости прошу.

Детектив поблагодарил, и они вошли. Джеку и Мэри показалось, что они попали в музей, поскольку все украшения и обстановка в доме соответствовали стилю среднего класса викторианской эпохи. Дорогая мебель отсутствовала: сплошь низкосортный самшит и убогий шпон. Пара гипсовых оленьих рогов, выкрашенных в коричневый цвет, ждала очереди быть повешенной на стену, все свободное место занимали веера и прочие характерные безделушки. Мистер Пьютер с гордостью проследил за изумленным взглядом Джека.

— Это все оригиналы, мистер Шпротт! Каждый предмет, от ширм у постели до вееров на серванте. Поскольку низкокачественных вещей той эпохи сохранилось очень немного — и это вполне закономерно, — они практически бесценны. Эти гипсовые олени рога я купил на прошлой неделе на аукционе «Кристи» за семь тысяч фунтов. Пришлось изрядно побороться с конкурентом из Японии. Им такие штуки нравятся почти так же, как и мне. Может, пройдем в кабинет?

— Будьте так любезны.

Мистер Пьютер привел их в библиотеку, забитую тысячами антикварных книг.

— Впечатляет, а?

— Очень, — сказал Джек. — Как вам удалось столько собрать?

— Ну, — потупился Пьютер, — слыхали о человеке, который постоянно берет книги почитать и никогда не возвращает?

— И?..

— Вот это я и есть.

Он загадочно улыбнулся и предложил им обоим сесть, затем опустился в кресло сам.

— Итак, чем могу быть полезен?

— Вы присутствовали вчера на благотворительном вечере Пемзса в танцзале «Дежавю»?

— Присутствовал.

— Вы разговаривали с мистером Болтаем?

— Да, инспектор. Правда, честно говоря, особого толку от него не добился.

— Мистер Болтай был пьян, когда прибыл?

— Мистер Болтай вечно подшофе. Он наделен блестящим умом, но растрчивает себя по пустякам. Я подсел к нему в надежде уговорить его

присоединиться к одной из наших групп взаимопомощи. Возможно, вы не в курсе, мистер Шпротт, но я возглавляю редингское Общество трезвости. Мы делаем, что можем, для людей вроде мистера Болтая, сочетая работу в группах доверия, молитвы и электрошоковую терапию. Когда он занял своё место за столом, я очень сурово побеседовал с ним о его привычках.

— И что он ответил?

Мистер Пьютер вежливо кашлянул.

— Он сказал: «Наливай, старый... овощ, у меня во рту сухо, как в Гоби». Я отказал, и он кликнул Марджори, чтобы та дала ему выпить. Я попытался воззвать к его рассудку, но он лишь обозвал меня старым... то есть...

— Хреном? — подсказала Мэри.

— Именно так, юная леди. Я вновь попробовал вразумить его, но он начал язвить. Я его и насчёт этого предупредил, ведь я ещё возглавляю редингское отделение Общества анонимных язвителей...

— А после того, как он начал язвить? Что было потом?

— Он все пил и пил, пока не принялся спорить вообще по всякому поводу. Кульминации это безобразие достигло, когда лорд Пемзс поднялся на сцену и объявил, что организует фонд в пятьдесят миллионов фунтов на восстановление клиники Святого Церебраллума — ветхой и прискорбно устаревшей в плане оснащения психиатрической лечебницы. Мистер Болтай вскочил и прежде, чем кто-либо успел его остановить, заявил, что все пятьдесят миллионов и любые «подарки», которые могут понадобиться, берет на себя. Воцарилось ошеломленное молчание, коим его лордство и воспользовался, дабы обратить все в шутку. Мистер Болтай крикнул, что через пару месяцев у него будет куча денег, назвал Рэндольфа уродом, а затем рухнул ничком.

— Без сознания?

— Не совсем. Лорд Пемзс вместе с одним из официантов вывели его из зала. Вернувшись, его лордство извинился за долгое отсутствие и сообщил, что отправил мистера Болтая домой на своей личной машине.

— Когда это было?

— Около одиннадцати.

— Вы хорошо знали мистера Болтая?

— В обычной жизни — почти не знал. Но в деловом отношении имел причины неплохо его изучить.

Джек и Мэри подались вперед.

— Продолжайте, — сказал Джек.

Пьютер нажал кнопку внутренней связи и сказал:

— Пожалуйста, дело Болтая, мисс Длинноноуг... Года полтора назад он подъезжал к «Живчику и партнерам» насчёт покупки кое-каких интересовавших его акций. Поскольку он выразил готовность вложить в дело изрядную сумму, в консультанты ему предпочли назначить одного из партнеров фирмы. Так я стал его личным брокером. — Он печально покачал головой. — Мистер Болтай мёртв! Жуткое дело. И кто унаследует его состояние?

Джек и Мэри переглянулись. Никто из них и не подумал о завещании. Оно гласило: «Все — жене», но покойный был разведен. Вопрос оставался открытым.

— Мы пока не знаем. А почему вы спрашиваете?

— Только потому, что я должен действовать очень быстро, чтобы реализовать эти акции. Если не случится чуда, Пемзс через пару месяцев обанкротится и доля мистера Болтая не будет стоить ни пенса. Если нам удастся без проволочек разобраться с завещанием, я, может, и сумею хоть что-то извлечь из этого кошмара.

Джек все ещё не понимал.

— И сколько у него было акций?

В этот момент вошла мисс Длинноноуг с пухлой папкой. Мистер Пьютер поблагодарил секретаршу, почти в открытую подмигнув ей, а затем сверился с папкой.

— По самым грубым прикидкам, я бы сказал... двенадцать миллионов.

Джеку пришлось попросить его повторить. Он записал цифру в своем блокноте и подчеркнул.

— Двенадцать миллионов. И в скольких компаниях?

— О! Я думал, вы знаете, — удивился мистер Пьютер. — Все акции до единой — это акции компании «Пемзс — средства по уходу за ногами»!

Воцарилось молчание, пока Джек и Мэри переваривали услышанное.

— Значит, наше яйцо сложило все яйца в одну корзину, — резюмировала Мэри. — Это нормально?

— Это идёт вразрез со всякой логикой, мисс Мэри. Если вы владеете большим портфелем акций, всегда разумнее распределить риски.

— И сколько же эта гора стоит? — поинтересовался Джек.

Пьютер взял калькулятор и сверился с последней биржевой сводкой в «Сове», затем нажал несколько кнопок.

— По нынешнему курсу — более миллиона фунтов.

Джек присвистнул:

— Весьма солидный портфель.

Пьютер не согласился. Он откинулся на спинку вращающегося кресла,

которое зловеще заскрипело.

— Нет, инспектор. Это очень хилый портфель. Болтай потратил на его покупку почти два с половиной миллиона.

— Боюсь, вы меня дурачите, мистер Пьютер.

Брокер на мгновение задумался.

— Он продолжал скупать акции, хотя я советовал ему этого не делать. Он покупал их, даже когда они падали в цене час от часу. Болтай держит... держал тридцать восемь процентов Пемзсова бизнеса.

Джек не слишком разбирался в биржевых махинациях, но один вопрос был настолько очевидным, что не задать его он просто не мог.

— Зачем?

Повисла пауза.

— Понятия не имею, мистер Шпротт. Могу только предполагать. Видимо, мой клиент считал, что акции Пемзса скоро взлетят и он продаст их с прибылью.

— Сколько они могли бы стоить?

Пьютер улыбнулся.

— В период зафиксированного максимума, в шестидесятых годах, все акции Болтая могли бы стоить почти триста миллионов. Но с учетом стойкой тенденции акций Пемзса к понижению вероятность такого взлета бесконечно мала. С тем же успехом их обладатель мог бы вывалить свои деньги в мясной подливке и скормить их львам в зоопарке.

Джек на мгновение задумался.

— Неужели мистер Болтай так мало понимал в денежных делах?

Пьютер был ошеломлен вопросом.

— Нет, что вы! Он прекрасно в этом разбирался. Он играл на бирже куда дольше, чем я его знаю, хотя, насколько мне известно, у него возникли некоторые проблемы в Сплутвии. Он создал компанию по разработке полезных ископаемых, но к власти пришло правительство левого толка и национализировало недра. Он очень много на этом потерял.

Пьютер примолк, задумчиво катая карандаш по столу.

— Так что он затевал? — спросил Джек.

— Решительно не представляю. Идея скупить акции Пемзса захватила его около восемнадцати месяцев назад. Я так и не сумел понять почему. Акции Пемзса обязательно упадут, это лишь вопрос времени. Разве что, — добавил он, — у него имелся другой план.

— Например? — подхватил Джек, подаваясь вперед и понижая голос.

Мистер Пьютер пригвоздил его стальным взглядом.

— «Пан энд Пропалл фармасьютикалс» немало заплатили бы, чтобы

заполучить его акции. Они много лет пытались захватить «Пемзс». Они бы с лихвой компенсировали ему затраты.

— Сколько?

— На сегодняшний момент? Десять миллионов. Пятнадцать, застань он Гранди в хорошем расположении духа. Но должен сказать, что если его план состоял в этом, то удивительно, зачем он так с ним тянул. Разорение Пемзса неизбежно, так что «Пан энд Пропалл фармасьютикалс» могут спокойно дожидаться конца, а затем подобрать обломки.

— Соломон Гранди был на вечеринке у Пемзса, верно?

— Он никогда их не пропускает, инспектор. Наряду с Рэндольфом Пемзсом и Хитри-Вихляем^[31] он самый щедрый редингский филантроп. Знаете, кто лично заплатил сорок миллионов фунтов, чтобы Священный Гонго остался в Рединге, когда музей угрожал продать его?

— Конечно, — сказал Джек. — Это всем известно. Спасибо, мистер Пьютер, вы очень нам помогли.

— Рад был услужить, инспектор. Если понадобится, вы всегда найдёте меня здесь.

Мистер Пьютер проводил их до дверей, и они вернулись к «аллегро».

— Можете сесть за руль, — сказал Джек, бросая Мэри ключи.

Она втиснулась на водительское место и с сомнением осмотрела спартанскую панель.

— Классический дизайн семидесятых, — прокомментировал хозяин автомобиля. — «Аллегро» куда лучше, чем люди о нём думают. Сцепление на износе и потому барахлит, и не дергайте за рычаг передач — я недавно сломал его и до сих пор жду замены.

Мэри повернула ключ, и маленький мотор ожил. Джек оказался прав: сцепление и правда барахлило, но за исключением этого вести машину было легко, да и ехать оказалось весьма комфортно.

— Водно-газовая смесь, — пояснил Джек, когда напарница задала соответствующий вопрос. — Самое лучшее топливо для этой машины.

— Значит, Болтай скупал акции конкретной фирмы, которые стремительно падали в цене, — вернулась Мэри к обсуждению рабочих дел, когда они снова оказались в центре города. — Как вы думаете, зачем?

— Не знаю. Наверное, хотел оптовых скидок на мозольные пластыри. Или ему нравился Рэндольф. А может, он спятил. Посмотрим, кстати, не удастся ли вытянуть что-нибудь из доктора Кватт. Но не сейчас. Сверните направо и после «Арго» притормозите. Я бы хотел сходить на разведку в Центр Священного Гонго, нам в субботу там дежурить.

Глава 11

Священный Гонго

СВЯЩЕННЫЙ ГОНГО ПОВЫШЕН В СТАТУСЕ

Персонал и организаторы Центра Священного Гонго возрадовались всем сердцем, когда вчера Всемирный совет по объектам почитания (ВСПОП) возвел этот сплутвийский артефакт в ранг священнейшего начиная с момента провозглашения. «Это огромнейшая честь, — сказал профессор Хардиман, чей дед выкрал Священный Гонго из раздираемой войнами Сплутвии в 1876 году, — и очень своевременная, поскольку в эту субботу Джеллимен открывает наш Центр». Представитель ВСПОП подчеркнул, что «священнейший» — чисто церемониальный термин и реликвия двенадцатого столетия по-прежнему может называться просто Священным Гонго, что вовсе не будет считаться преуменьшением его значимости.

«Редингский вестник», апрель 2004 г.

Машина остановилась у края тротуара, и Мэри заглушила двигатель. Тот немного подребезжал, прежде чем замолкнуть окончательно.

— И его тоже надо будет проверить.

Они выбрались из автомобиля и окинули взором возведенную на Форбери-Гарденз конструкцию из стекла и стали. Не будь день такой мрачный, она смотрелась бы по-другому. Солнечные лучи наверняка стекали бы водопадом по многогранной стеклянной крыше, придававшей зданию сходство с волшебной драгоценностью. Предмет, которому оно служило домом, усиливал бы впечатление. Но сейчас с крыши стекала по трубам только дождевая вода.

— По-моему, страшно, как смертный грех, — скривился Джек.

— Прекрасное архитектурное сооружение, — одновременно заметила Мэри. — Не будем переубеждать друг друга, — добавила она. — Изысканные здания всегда вызывают противоречивые мнения. А что этот постовой так уставился на вас?

— О чёрт, — прошипел Джек. — Продолжаем идти и делаем вид, что не заметили её.

Но поздно. Постовой, женщина примерно возраста Джека (хотя с ней годы обошлись куда суровее, чем, скажем, с Лолой Вавум), потрусила к ним. Выражение её лица не предвещало ничего хорошего.

— Джек! — воскликнула она с преувеличенной яростью. — Ты так и не позвонил мне!

— Привет, Агата, — отозвался Шпротт со всей вежливостью, на какую был способен. — Прекрасно выглядишь.

— Не пытайся улестить меня, скотина! Думаешь, можно просто отшвырнуть меня в сторону, как... как... как старую тряпку?

— Спокойно, Агата.

Мэри с любопытством разглядывала втиснутую в полицейскую форму кучу негодования. Боевая раскраска из туши и помады покрывала лицо женщины толстым слоем.

— Никаких «спокойно», Джек! Ты не звонил, не писал...

— Агата, все кончено. Причём давным-давно.

— Для тебя — может быть, — окрысилась она. — А вот я пойду и расскажу все твоей женушке Саре! И что она скажет?

Джек вздохнул.

— Сара умерла десять лет назад. Я уже успел второй раз жениться...

— Второй раз? — потрясенно переспросила женщина. — Когда?

— Пять лет назад. Послушай, между нами всё было кончено ещё до того, как я познакомился с Сарой.

— А ты представляешь, каково мне?

— Нет, — ответил Джек, преодолевая искушение унизить её запретительным приказом, поскольку она давно жила с Бриггсом. — Понятия не имею. Как поживает Джеффри?

— Хуже некуда. Этот тромбон сводит меня с ума. И ещё он хочет поменять фамилию на Фёнготскилерни.

— Сочувствую. Я занят, Агата.

Она взяла себя в руки, высморкалась в сиреневый платочек, наклонилась ближе, жеманно улыбнулась и пробежалась пальцами вверх по его галстуку.

— Буду ждать твоего звонка, Джек. В любое время. Буду ждать. Твоего звонка. Всегда.

— Пока, Агата.

Джек поспешно повернулся и рванул вперёд.

— Чёрт, — буркнул он в сторону шагавшей рядом Мэри. — Это была

Агата Дизель. После неё доктор Кватт покажется воплощением здравомыслия.

— Человек имеет полное право разозлиться, если его отвергают, и ничего безумного в этом нет, — сказала Мэри, полагавшая, что даже у людей вроде Агаты должен быть защитник.

— Недельная интрижка в семьдесят девятом, — устало вздохнул Шпротт. — К тому же она сама порвала со мной, переметнувшись к Фридленду. К нему Агата не пристаёт только потому, что он оформил запретительный приказ, не позволяющий ей приближаться к его особе ближе чем на сто ярдов.

— А-а, — сокрушенно протянула Мэри. — Вы правы. Чокнутая, как мартовский заяц.

* * *

Они подошли к главному входу Центра — литым бронзовым дверям, украшенным барельефом с изображением бурных событий сплутвийской истории со дней Сплутвана I Немытого и средневековых гражданских войн до нынешней социалистической республики, которая все никак не могла прийти к внутреннему согласию после свержения Сплутвана XIV Низложенного, отстраненного от власти в 1990 году.

Тяжелые створки были заперты на массивный засов, и полицейским пришлось обойти Центр в поисках служебного входа. Тот тоже оказался крепко заперт, но здесь, по крайней мере, имелись переговорник и телекамера. Джек позвонил и представился. Дверь тут же отъехала в сторону, и их впустили во внутреннюю кабинку, из которой не было другого выхода, кроме как через входную дверь либо через вторые двери ровнехонько напротив, также запертые. Справа за толстым пуленепробиваемым стеклом сидел дежурный в форме. Дверь у них за спиной бесшумно закрылась.

— Добро пожаловать в Центр Священного Гонго, — произнёс охранник с заметным сплутвийским акцентом. — Положите, пожалуйста, ваши удостоверения в контейнер.

Под стеклом открылся стальной ящик. Они сделали, как их просили. Ящик втянулся внутрь, человек за стеклом изучил удостоверения и проверил их по базе данных, и перед полицейскими открылась внутренняя дверь в здание.

— Спасибо. — Дежурный вернул им удостоверения. — Присядьте, пожалуйста, профессор Хардиман сейчас подойдет.

Мэри внимательно осмотрелась. Модернистский в целом интерьер был слегка разбавлен геометрическими мотивами, характерными для сплутвийской архитектуры. Это было приятно, и ей понравилось.

— Инспектор Шпротт? — послышался голос с другого конца комнаты.

Они обернулись и встали поприветствовать профессора, невысокого франтоватого мужчину с румяными щечками, свидетельствовавшими о цветущем здоровье.

— Меня зовут Брюс Хардиман. Именно экспедиция моего деда обнаружила Священный Гонго. А вы, наверное, сержант Мэри. Как поживаете?

Он пожал руки обоим и горячо поблагодарил их за готовность пожертвовать жизнью ради защиты исторического артефакта.

— Ради защиты и охраны, — сухо ответил Джек.

— Очень по-гонговски, — почтительно заметил Хардиман. — Умереть, защищая Священный Гонго, — воистину достойная смерть.

— Профессор, — сказал Джек, — мы совершенно не намерены умирать. Уверен, всё будет хорошо.

— Прошу прощения. Меня иногда заносит. Как видите, Священный Гонго расположен в современном музее-сейфе, газо-, бомбо-, воро- и сейсмоустойчивом, а также противоманитном. Он полностью самодостаточен во всех отношениях. В случае перебоев с электричеством инерционные батареи, расположенные у нас под ногами, способны снабжать здание энергией в течение трёх недель, а воздуходобывание, контроль влажности, противопожарная система и замкнутая сеть телемониторинга управляются изнутри. Позвольте вам продемонстрировать.

Он подошёл к панели на стене и прижал большой палец к освещённому квадратику, затем набрал код. Дверь отъехала в сторону, и они очутились в огромном помещении. За спиной у них оказались бронзовые створки главного входа, а перед ними на стенах развернулась вся история Священного Гонго. Имелись здесь и другие предметы раннего сплутвийского искусства.

— Это открытая для публики часть экспозиции, — сказал профессор. — Двери позади нас выходят на улицу, и именно здесь формируется очередь. Пока сгорающие от любопытства посетители продвигаются ближе к Палате Священного Гонго, вот у этих столиков их обыщут охранники, просканируют скрытые в стенах металлодетекторы.

Затем посетители проходят сквозь эти двойные двери, которые дают нам возможность быстро перекрыть помещение в случае тревоги.

Он приложил большой палец к другому квадратику на панели, набрал другой код, и трехфутовой толщины дверь медленно отворилась.

— Только один вход, он же выход. Пол, стены, потолок из двухфутовой стали. Все окружено внешней бетонной стеной. Пожалуйста, разуйтесь.

Они сели на банкетку, разулись и сняли носки. Этого требовал церемониал Священного Гонго. Хардиман был в мокасинах без носков. Сняв обувь, он босиком вошёл в Палату, прежде чем дверь открылась до конца. Джек и Мэри догнали профессора и встали рядом. Выложенная красным мрамором с обсидиановыми прожилками комната представляла собой восьмиугольник. В середине под толстым стеклянным куполом находился сам Священный Гонго, подсвеченный снизу. Остальная часть комнаты тонула в полумраке, что придавало всему зрелищу мистический оттенок.

— Воззрите же! — торжественно возгласил Хардиман, простирая руку. — Се — Священнейший Гонго!

Ни Мэри, ни Джек прежде никогда не оказывались так близко к Священному Гонго. Конечно, они повидали немало снимков, но ничто не сравнится с личным впечатлением.

— Он... он... восхитителен, — выдохнула Мэри. — А что это за участок, похожий на перевернутую карту Уэльса?

— А! — воскликнул профессор Хардиман. — Это пваарл, который связывает квасекс с лимбреллом. Как видите, три из восьми лимбреллов отсутствуют. Говорят, когда восемь лимбреллов объединятся внутри могучей сферы Священного Гонго, истинный Гонго явится миру. Вижу, вас восхитили приззуки, инспектор?

— Так вот как выглядит приззук, — пробормотал Джек.

На свету приззуки играли искрами и покачивались.

— А почему они так странно покачиваются?

— Странное покачивание приззуков — лишь одна из многих тайн Священного Гонго. — Профессор улыбнулся. — Позвольте мне кое-что вам показать.

Он поставил Джека по одну сторону комнаты, а Мэри — по другую, чтобы Священный Гонго оказался прямо между ними, и велел закрыть глаза.

— Теперь загадайте число, — прошептал профессор на ухо Джеку.

— Восемь, — назвала Мэри первое пришедшее в голову число. — Четыре. Шесть. Двенадцать.

— Она правильно угадала?

— Да. Но как?

— Мы понятия не имеем. Священный Гонго таит много секретов, добрых и злых. Тысячи жизней были положены за долгие годы ради их разгадки. Невзирая на требования сплутвийского Министерства древностей, Священный Гонго останется в Рединге.

Джек указал на прозрачный купол над артефактом:

— Из чего он сделан?

— Из закаленного стекла. Выдержит выстрел из гранатомета, восемьдесят килограммов семтекса, артиллерийский снаряд восемьдесят восьмого калибра. Вору придётся каким-то образом проникнуть сквозь стекло, взять Священный Гонго и убраться — и всё это в течение тридцати секунд, если, конечно, его не перехватят четверо вооружённых охранников или он не потеряет сознание от быстродействующего нервно-паралитического газа.

— Похоже, вы никому не оставили шанса.

— Ни единого. Церемония открытия назначена на полдень. Около четырнадцати часов начнётся впуск публики. Мы ожидаем до десяти тысяч посетителей завтра и более миллиона в последующие шесть месяцев. Оно и неудивительно: после того как три года назад Священный Гонго пытались украсть, он ни разу не выставлялся.

Они снова надели носки, обулись, и профессор проводил их к выходу.

— Телохранители Джеллимена будут распоряжаться здесь с девяти утра до полудня, все оставшееся время караул предстоит нести нам с вами и четырьмя вооружёнными охранникам музея.

— Похоже, работы здесь немного, — заметил Джек.

— То же самое я говорил суперинтенданту Бриггсу, — ответил Хардиман с неприятной прямоотой. — Я сказал, что, если придётся, смогу обеспечить безопасность объекта даже с командой лоботомированных обезьян. — Он хлопнул в ладоши, давая понять, что и так уже потратил на них слишком много своего драгоценного времени. — Ладно. Спасибо, что пришли. Увидимся в субботу в тринадцать тридцать, но если опоздаете — ничего страшного. Уверен, мы и сами справимся.

Они миновали двойные двери и оказались на улице. После идеального микроклимата Центра здесь было мокро и холодно.

— Вы никогда не чувствовали себя лишней? — спросил Джек по дороге к машине. — По-моему, Бриггс таким образом пытается подвести меня к мысли о возможном роспуске ОСП.

Мэри промолчала. Похоже, Бриггс именно это и имел в виду.

— Поедем посмотрим, что скажет нам доктор Кватт. Чёрт! Агата выписала мне штраф!

Глава 12

Клиника Св. Церебраллума

СКАНДАЛ СОТРЯСАЕТ ОСНОВЫ ФОНДА КВАТТ

Вчера вечером генно-техническая промышленность Рединга понесла тяжелый удар: Фонд генетических исследований Кватт был закрыт после того, как его владелица призналась в проведении сомнительных с этической точки зрения экспериментов. «Ну да, я держала в банке живые обезьяньи мозги, — заявила бессовестная доктор Кватт. — И что с того? У всех свои маленькие радости». Некогда крупнейший специалист по составлению генома рептилий, блестящий мастер пересадки лягушачьих голов гончим, доктор Кватт навсегда отстранена от исследований Фонда. Ни одна приличная больница не желает иметь дела с изгоем медицинского истеблишмента. Только клиника Св. Церебраллума запросила разрешение на допуск мисс Кватт к работе с понеделника».

«Сова», август 1994 г.

Ветхая и прискорбно отсталая психиатрическая клиника Св. Церебраллума была построена в 1831 году. В то время она считалась очень даже современной. Используя раздельное лечение незамужних матерей, больных с аллергией на лактозу, нежелательных родственников и настоящих помешанных, она некогда могла похвастаться длинным списком непродуманных экспериментальных методов лечения. По высокому уровню посещений (за плату) жаждущей развлечения публики, что являлось показателем успеха заведения, Св. Церебраллум превосходил даже Бедлам. На тамошние представления с участием сумасшедших народ слетался стаями со всех концов страны. Но те дни, когда любопытные могли за грош полюбоваться на того, кто считает себя Наполеоном, давно миновали. Несмотря на постоянную и неустанную модернизацию, клиника оставалась анахронизмом в мире высокоразвитой — за этим единственным исключением — редингской психиатрии.

Джек и Мэри вошли в главный вестибюль клиники и, получив пропуск, призванные в случае чего уберечь посетителей от попадания на больничную койку, двинулись по простым белым коридорам следом за крепким санитаром с рацией и связкой ключей на поясе.

— Вы слышали о плане перестройки Святого Церебраллума? — спросил санитар.

— Конечно, — ответил Джек. — Говорят, миллионов на пятьдесят потянет.

— И как раз вовремя. Мы ведь не только лечим амбулаторно, но и являемся тюремной клиникой для сумасшедших преступников. И хотя эти две категории пациентов никогда не встречаются, лучше бы разделить их полностью.

— Несомненно, — поддакнула Мэри, в то время как по коридору эхом раскатился странный жутковатый смех.

— Доктор Кватт — замечательная женщина, — продолжал как ни в чём не бывало санитар, когда они на лязгающем лифте поднялись на третий этаж. — Одни считают её чокнутой, другие усматривают в её работе подрыв общественных устоев, но ведь и о Галилее то же самое говорили.

— Что-то я не припомню, чтобы Галилей пришивал инвалидам лошадиные ноги, — пробормотала Мэри.

— Или подвергал жаб воздействию айронмейденовского «Числа Зверя» на такой громкости, что те лопались от децибелов, — добавил Джек.

— Все её труды были направлены на облегчение страданий, — резко возразил санитар. — Когда ей запретили работать, все медицинское научное сообщество погрузилось во тьму. Мы думаем, непосвященные просто не способны оценить её гениальность.

Похоже, клиника Св. Церебраллума представляла собой отдельный замкнутый мирок.

Рация что-то прохрипела. Санитар отцепил её от халата и знаком приказал остановиться. Затем последовал почти нечленораздельный диалог о «переводе пациента», санитар подтвердил прием и тут же бросился к ближайшей камере, подобрал нужный ключ и открыл её.

— Мы переводим одного из наших пациентов-заключенных, — сказал санитар, заталкивая их в небольшую камеру. — Лучше запереться, пока его ведут.

Клацнул замок, и санитар что-то быстро залопотал по рации. Вдоль всего коридора послышалось хлопанье дверей и щёлканье запираемых замков.

— Это кто? — спросил Джек.

Санитар показал на стеклянное окошечко в двери.

— Посмотрите сами.

Джек осторожно выглянул, хотя опасаться было нечего, учитывая окованную железом дубовую дверь. Спустя несколько мгновений он увидел шестерых крепких санитаров, окружавших высокую фигуру в смирительной рубашке и наморднике. Все шестеро работников клиники удерживали пациента при помощи длинных шестов, присоединенных к ошейнику. Когда они подошли ближе, Джек разглядел коричневую тестообразную текстуру кожи больного и, содрогнувшись, понял, кто перед ним. Он надеялся вообще больше никогда его не встретить, но, по крайней мере, порадовался, что из этой клиники не убежать. Поравнявшись с камерой, пациент посмотрел на Джека своими сахарно-вишневыми глазами, и его тонкие лакричные губы изогнулись в усмешке. Он подмигнул инспектору и прошёл мимо.

Джек отпрянул от окошечка. У него вспотели ладони. Снова нахлынули воспоминания о той ночи, когда они с Уилмотом Снаарбом взяли Пряничного человечка. Перед ним как наяву встало полное ужаса и боли лицо товарища, когда пряничный психопат играючи вырвал из суставов обе его руки.

— С вами всё в порядке, сэр? — спросила Мэри.

— Да-да, все нормально.

Санитар рассмеялся и подошёл к окну, дожидаясь, пока все пройдут.

— Поверьте мне, никто не хочет подходить к нему ближе, чем сейчас, — сказал он, вставляя ключ в замок. — Он убьёт вас сразу, как увидит.

— Знаю, — ответил Джек. — Я его брал.

— Врите больше! — хмыкнул санитар. — Все знают, что его взял Фридленд Звонн!

* * *

Их проводили в кабинет доктора Кватт, светлую и просторную комнату с окнами от пола до потолка, из которых открывался прекрасный вид на Проспект-парк. По стенам висели приветственные адреса и письма поддержки, а все свободное рабочее пространство занимали склянки с образцами каких-то изуродованных существ. Джек и Мэри присмотрелись и поняли, что содержимое склянок представляет собой причудливые

синтетические формы животных.

Через несколько секунд в кабинет из приемной быстро вошла элегантно одетая женщина, примерно ровесница Джека. Она сняла резиновые перчатки и бросила их в бак. Под белым лабораторным халатом виднелся шерстяной костюм с блузкой. На шее красовалось жемчужное ожерелье. Косметика едва заметно оттеняла её точеные черты, а волосы были стянуты в самый тугий узел, какой Мэри доводилось видеть. Дама вовсе не казалась чокнутой, как мартовский заяц, и выглядела вполне современно.

— Доктор Дебора Кватт? — уточнил Джек. — Я инспектор Джек Шпротт из отдела сказочных преступлений, а это сержант Мэри Мэри.

— Джек Шпротт? — переспросила хозяйка кабинета и озадаченно посмотрела на него. — Мы раньше никогда не встречались?

— Мы вместе учились в младшей школе в Кэвершем-парке, — ответил Джек, пораженный цепкостью её памяти.

— Конечно же! Вы всегда были старостой класса — прирожденный полицейский.

Она произнесла это с лёгким оттенком пренебрежения, и Джеку это не понравилось.

— А вас исключили за то, что вы пришли школьного кота к уборщику.

— О милая пытливость детских лет! — воскликнула доктор, искренне рассмеявшись при этом воспоминании. — Как же было весело! А вы зашли исключительно навестить одноклассницу?

— Вовсе нет. Мы хотели поговорить об одном из ваших пациентов — о мистере Болтае.

Доктор Кватт медленно покачала головой.

— Я не обсуждаю истории болезни моих пациентов, инспектор. Это нарушение врачебной тайны. Однако я могла бы выйти за пределы возможного за определённое вознаграждение. Мы сойдёмся на пятидесяти фунтах?

— Доктор, вы знаете, что он мёртв?

— Меня рядом с ним не было, — надменно заявила доктор Кватт. — Если хотите допросить меня по поводу неправильного лечения, то вам придётся предъявить мне обоснованное обвинение. А у меня достаточный опыт защиты, уверяю вас.

Она осеклась и уставилась на Джека.

— Мистер Болтай? Мертв?! Какая жалость! Какая огромная, огромная потеря!

— Да, согласен, смерть его была трагической, — подтвердил Джек.

— Смерть ждёт всех нас, инспектор. Да нет, мне жаль, что теперь медицинская тайна пациента не имеет силы. Так что я упустила пятьдесят фунтов. Цены на лабораторное оборудование нынче сногшибательные.

Доктор Кватт огляделась по сторонам, понизила голос и подалась вперёд.

— А вы знаете, что я успешно пришила голову котенка треске?

— А зачем вы мне это рассказываете? — таким же тихим голосом спросил Джек.

Она выпрямилась и вскинула брови.

— Это не противоречит закону. У меня просто не хватило средств на полномасштабное исследование из-за этого чертова Джеллимена с его устаревшими моральными принципами. В мире передовой генетики не сделаешь яичницы, не разбив яиц.

— Что возвращает нас к мистеру Болгаю, — подхватил Джек. — Как долго вы были его лечащим врачом?

— Пять лет, — ответила доктор Кватт, садясь за свой большой стол и жестом предлагая им занять стулья. — С тех пор, как приехала в эту дыру. Прежде чем заняться генетикой, я работала психиатром. Что вы хотите узнать?

— Нас интересует его психическое состояние.

— А! — откликнулась она, роясь в ржавом каталожном ящичке. — Думаете, он совершил самоубийство?

— Вероятно.

— Да уж, — сказала доктор Кватт, внимательно читая историю болезни. — Физически он был в очень плохом состоянии. Всю жизнь страдал сальмонеллезом с частыми рецидивами. Сильные приступы еле переживал. Пил больше, чем следует, часто переедал и мало двигался. Да и далеко ли он мог уйти на своих коротких ножках?

— А в смысле душевного здоровья?

— Не очень, но вполне дееспособен. Страдал заниженной самооценкой, что выражалось в частых пьянках и волокитстве. Нередко впадал в депрессии, длившиеся порой по несколько дней, и в такое время мог только сидеть на стене, и больше ничего. Кроме этого, у него имелись проблемы с разграничением реальности и вымысла. Он боялся, что за ним охотится гигантский мангуст, боялся суфле, меренг и мутовок, и его мучил повторяющийся кошмар, что его живьем варят всмятку.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Шесть дней назад. Сами понимаете, на Пасху ему становилось

особенно худо. Повсюду бьют и едят яйца — он буквально запирался в доме. На прошлой неделе у нас состоялись две встречи, и мне показалось, что мы нащупали какой-то выход.

— Он не рассказывал о своей работе?

Она покачала головой.

— Никогда. Всё было чисто на бытовом уровне.

— Но вы допускаете наличие у него суицидальных настроений?

Доктор Кватт на мгновение задумалась.

— Как ни грустно об этом говорить, но, несмотря на все мои старания, этого исключить нельзя.

Джек медленно кивнул. Именно это он и ожидал услышать.

— Еще одно: как долго он наблюдался в клинике Святого Церебраллума?

— Сорок лет, инспектор. Здесь был почти его второй дом.

Джек поднялся.

— Спасибо, доктор Кватт. Вы очень нам помогли. Можно задать вам один личный вопрос? Чисто из любопытства: вы действительно пришили голову котенка треске?

Глаза доктора Кватт вспыхнули юношеским энтузиазмом.

— Хотите посмотреть?

* * *

— Жуть какая! — выдохнула Мэри, когда они через несколько минут отъехали от клиники Св. Церебраллума.

— Да. Но в определённом сладострастном, мерзком смысле все эти резания лягушек, мозги в банках весьма впечатляют. А ошейничек с колокольчиком? Прямо-таки шедеврально, и было любопытно наблюдать, как это существо пытается играть с мокрым деревянным мячиком, плавая в баке.

— Сэр!..

— Я пошутил. Да, это отвратительно, и доктор Кватт правда сумасшедшая. И кстати, я никогда не хотел быть старостой в школе. Куда вас подвезти?

* * *

Джек высадил свою напарницу возле Редингского полицейского управления. Они пожелали друг другу доброй ночи, и Мэри двинулась к парковке за своим «БМВ», размышляя, а не лучше ли, учитывая текущее состояние её карьеры, прямо сейчас вернуться в Бейзингсток и ещё разок стукнуть Фулва ониксовой пепельницей. Просто для ровного счета.

Но, сев в машину, Мэри обнаружила там нечто неожиданное: под дворник был тщательно подсунут конверт. Она решила, что это, наверное, записка от Арнольда, но ошиблась. Девушка прочла письмо раз, другой, третий, подумала немного и побежала в участок, чтобы привести себя в порядок перед зеркалом в туалете. Если вас приглашает в редингское отделение Лиги выдающихся детективов сам старший инспектор Звонн, то выглядеть надо как можно лучше.

Глава 14

Встреча с детективом

Сначала возник журнал «Стрэнд», в котором доктор Ватсон так старательно освещал приключения Холмса. Когда Шерлок удалился на покой, для «Стрэнда» настали трудные времена, пока он не возродился в двадцатых годах под названием «Ежемесячное расследование», представив новичков Лиги детективов — мисс Мурпл и Эркюля Поворотта. Летом 1928 года обе эти личности перебежали во вновь образованный «Журнал настоящих детективов», а патер Брайан вместе с лордом Питером Флимси предпочли журнал «Деяния выдающихся сыщиков», который закрылся после двух номеров и сменился «Иллюстрированным сыскарем». Конец «золотого века» ознаменовался радикальным пересмотром прав на публикацию подлинных преступлений, и «Настоящие детективы» и «Иллюстрированный сыскарь» слились в «Криминальное чтение», которое теперь считается мировым лидером по публикациям настоящих детективных приключений.

МЕЙЗИ ГРЕЙ «Детективы как они есть»

Мэри нервно поднялась по ступеням старого городского дома в георгианском стиле на Фраер-стрит и назвалась привратнику. Он смерил её надменным взглядом, но потом увидел письмо за подписью Звонна и тут же чудесным образом преобразился: пригласил её в клуб, принял у неё пальто, показал, где находятся удобства, на случай если ей захочется освежиться, и позвонил в маленький колокольчик. Несколько минут он поддерживал с гостьей вежливую беседу, показывая газетные вырезки в рамочках и художественные обложки «Криминального чтения», висевшие на стенках вестибюля, пока не пришёл лакей в ливрее и не пригласил её следовать за ним. Они миновали вращающиеся двери матового стекла, затем двинулись по обшитому деревянными панелями коридору, увешанному ещё большим

количеством газетных вырезок и благодарственных писем от знаменитостей. Мэри проводили в бар, элегантно отделанный мореным дубом, устланный красными коврами и украшенный бронзовыми лампами. Вокруг сидели небольшими группами, смеясь и разговаривая, свободные от дел полицейские, но не простые работяги, каких полно в «Псе и дубинке». То были совсем другие полицейские: элитные напарники, работавшие исключительно на пятерых редингских следователей «Криминального читива», самым влиятельным и успешным из которых являлся, конечно, Звонн. Каждый из пятерых детективов имел собственную свиту преданных ему помощников во главе с официальным напарником, из коих четверо присутствовали сегодня здесь, и троих Мэри даже знала по именам.

Лакей представил её группе, сидевшей возле бара, поклонился и удалился.

— Вы сержант Мэри? — осведомился мужчина с большой сигарой, окинув девушку с ног до головы профессиональным взглядом.

— Да, сэр.

— Звонн подойдет с минуты на минуту. Он попросил развлечь вас. Не желаете ли вина?

— Спасибо, мне хватит полпинты пива. Мужчина кивнул бармену, который незаметно маячил поблизости.

— Вы знаете, кто я? — спросил мужчина.

— Да, вы сержант Эдди Хламм. Вы официальный напарник Звонна уже шестнадцать лет и написали более семидесяти рассказов о нём, но вы не настолько кокни, как я ожидала.

— Я совсем не кокни, — признался он. — И не такой уж я весельчак. Просто мы с Эф-Зэ с самого начала придумали этот типаж и использовали как тактический рекламный ход. Похоже, сработало.

— Да. До поступления на службу я была большим вашим фанатом.

— Но вы и сами служили официальным напарником, — заметил Хламм.

— Я проработала четыре года с инспектором Фулвом.

— Мы знаем, — ответил Хламм, передавая ей принесенное пиво. — Ваше личное дело было приятно читать. Ваше здоровье.

— Ваше здоровье... Хм... а разве личные дела предназначены для открытого пользования?

Он рассмеялся:

— Это Лига, сестренка. Позвольте, я представлю вас всей шайке.

Члены «шайки» многократно упоминались в расследованиях Фридленда Звонна, но их литературные персонификации, как и в случае с

Хламмом, не особенно совпадали с реальностью, так что угадать, кто есть кто, оказалось нелегко.

— Это Варне, Гамильтон, Горн и Хайнс. Сигроув висит на телефоне. Наверное, с букмекером треплется.

Все они кивнули Мэри в знак приветствия. Вопреки слухам они показались ей вполне дружелюбными.

— Я читал ваш отчёт о подставных шекспировских боях, — сказал один, по фамилии Горн. — Мне он понравился. Темп хороший, напряжение нарастало почти с самого начала, и вам удалось держать его до самого конца. — Он пожал ей руку и добавил: — Да и само полицейское расследование было весьма грамотным, хотя на месте Фулва я бы позволил одному члену шайки сбежать для придания драматизма повествованию. Потом схватил бы и его. Это позволило бы растянуть сюжет ещё на пару дней.

— На тот момент это было наше самое крупное дело, — принялась оправдываться Мэри. — Думаю, Фулв не хотел им рисковать ради пары сюжетных поворотов.

— Вот чем хорошее отличается от лучшего, — сказал Гамильтон, потягивая мартины. — Если хотите обрести популярность и подогнать расследование под формат телевидения, приходится идти на риск.

— А Фридленд поступает именно так?

Никто не ответил, и Мэри сочла молчание знаком согласия. Нельзя получить второе место в рейтинге «Криминального чтива», если играть только наверняка. Изменять, приукрашивать или опускать относящиеся к делу факты расследования ради придания большей эффектности отчёту не позволялось, но все делали это так или иначе. Если результат был положительным, то никто и не возражал. Все вдруг оказалось ещё более восхитительным и дерзким. Сплоченная команда Фридленда под руководством Хламма прошла через многое и теперь пожинала плоды — и в профессиональном, и в финансовом смысле. Официального напарника в «Фридленде Звонне и карнавале смерти» играл Риану Кивз, и за права на персонаж Хламму хорошо заплатили.

— А чего хочет от меня старший инспектор Звонн?

— В следующем месяце Варне увольняется, — сказал Хламм, показывая на человека из «шайки», крутившего в пальцах сигарету. — «Крот-ТВ» хочет взять его в консультанты для своих телешоу.

Мэри отказывалась верить своим ушам.

— И что, меня могут взять в группу?

— Пока ещё все на стадии обсуждения, — пожал плечами Хламм, —

но вы квалифицированный работник и симпатичная девушка.

— Это важно?

— Для телевидения — да. Шеф не хочет, чтобы нас принимали за мужской клуб. Поэтому нам требуется дама. Но второсортный товар ему не нужен, а за исключением вас вокруг никого подходящего нет.

— Но я сейчас работаю в ОСП.

В ответ раздались снисходительные смешки.

— Тут нечего стыдиться. Варне и Сигроув тоже начинали там. Кстати, как поживает Джек?

— Как... Джек, [\[32\]](#) — выдавила Мэри.

Она сочла, что слишком уж легко заработать очки, мешая его с грязью, хотя здесь это пошло бы на ура. Пусть Джек был неприметным человеком и служил в захудалом отделе, но с ней он обращался хорошо.

Подручные Звонна сочли её слова унижительными для Джека и рассмеялись. У Хламма запищал телефон, он взглянул на текстовое сообщение, затем отложил сигару и поправил галстук.

— Это шеф. Он готов встретиться с вами.

* * *

Мэри провели в святая святых, персональное убежище великих детективов. Стены комнаты были обшиты мореным дубом. Здесь корифеи сыска еженощно встречались для мозговых штурмов, обсуждения текущих дел или просто чтобы расслабиться среди интеллектуально равных. Мэри чуть не разинула рот при виде шести-семи знаменитостей, которых узнала с первого же взгляда. В Бейзингстоке такого не водилось, но бейзингстокские детективы и не поднимались в рейтинге выше двадцать пятого места.

— Добрый вечер, шеф, — поприветствовал Фридленда Хламм.

Сидевший рядом со Звонном элегантно одетый детектив, по виду иностранец, встал и вежливо поклонился Мэри. В присутствии столь высокого общества девушку бросило в жар, но она сумела выдавить нечто учтивое в ответ на поклон. Невысокий человечек поблагодарил именитого коллегу, взял свой шерри и удалился в другой конец помещения.

— Эркюль очарователен, — произнёс Звонн с улыбкой победителя, добавив, как только маленький иностранец оказался вне досягаемости слуха: — Но его слишком уж переоценивают. Все говорит о своих «серых

клеточках», а на деле ему по большей части чертовски везёт. Садитесь, сержант. Хламм хорошо вас развлекал?

— Очень хорошо, сэр.

— Прекрасно. Спасибо, Эдди.

Хламм подобострастно поклонился и исчез. Звонн с минуту молча рассматривал Мэри. Знаменитый детектив был крупным мужчиной с глубоким, вызывающим доверие властным голосом, да к тому же ещё и красавцем, и ей померещилось, что глаза его сверкнули при взгляде на неё. В комнате внезапно стало жарко.

— Вы работали в Бейзингстоке с Фулвом?

— Да, сэр.

— В этом нет ничего постыдного.

— В Фулве или в Бейзингстоке, сэр?

Звонн рассмеялся и отпил виски.

— Итак, как поживает мой друг Джек?

— Я не настолько близко знакома с ним, сэр, — ответила Мэри, пытаюсь обойти вопрос.

Но Звонн пошёл ва-банк.

— Я ценю верность, Мэри, потому скажу вам: Джек поживает очень плохо. Он в полном дерьме. То свинское дело — последний удар по его карьере, даже по жалким стандартам ОСП. Он понятия не имеет о том, как выгоднее представить сложный случай, чтобы добиться обвинительного приговора, и не умеет ни выстроить дело, ни рассчитать время для пущего драматизма, чтобы уложиться в формат «Криминального чтения». И как он намеревается попасть в Лигу? На ваш взгляд, Джек здесь будет уместен?

Она огляделась по сторонам. Инспектор Морж, прислонившись к резному мраморному камину, тихо разговаривал с Ромбусом,^[33] который приехал из Эдинбурга, вероятно, с целью допросить подозреваемого.

— Честно говоря, нет, — ответила Мэри, быстро отбросив мысль о непорядочности, чтобы освободить в голове побольше места для размышлений о развитии карьеры.

— Согласен, — произнёс Звонн, наклоняясь ближе. — Как продвигается дело Болтая?

— Почти наверняка самоубийство.

Звонн покачал головой.

— Готов поспорить, что нет. Я чую хорошее дело, как парфюмер — каплю лаванды в футбольной раздевалке. Здесь пахнет уголовщиной. Место преступления — как выходная ария в хорошей опере: несколько отдельных нот предвещают начало великих событий. Я построил на этом

карьеру. Уверяю вас, в деле Болтая кроется гораздо больше, чем видно на первый взгляд. Мне нужно что-нибудь для летнего спецвыпуска «Криминального чтения», и, по-моему, дело Болтая вполне подойдет.

— Но ведь оно же в юрисдикции ОСП.

— Для меня не существует проблем, только решения, — спокойно ответил Звонн. — Я обязательно получу дело Болтая, но пока оно ещё не у меня. Нужно тщательно подгадать время для пущего драматического эффекта. И здесь мне потребуется ваша помощь.

— Моя?

— Конечно. Мне надо знать, как продвигается расследование. Вы будете моими ушами и глазами.

Он почувствовал её лёгкое замешательство.

— Я не останусь неблагодарным. Я читал ваш отчёт по шекспировским подставным боям, и он меня впечатлил. У вас хороший слог, а вскоре мне может понадобиться свежий взгляд и свежее перо. Барнс не единственный, кто уходит в отставку.

Звонн повелительно вскинул бровь и уставился на девушку. Мэри взвесила все за и против. Долго ей думать не пришлось.

— Что именно вы хотите знать?

— Просто держите меня в курсе. Но лично мне сведения не передавайте, говорите с Хламмом. Когда ОСП распустят, думаю, мы найдём вам достойное место в нашей компании.

— Спасибо, сэр.

— Хорошо. Что ж, я рад, что мы сумели договориться. Это может оказаться к нашей обоюдной пользе.

— Я уверена в этом. Спасибо, сэр.

Мэри поймала себя на том, что повторяется, но ей было уже всё равно. Она покинула внутренний зал и присоединилась к группе в баре, где теперь обсуждались прошлые расследования, о многих из которых Мэри читала. Это было потрясающее приключение, словно Зевс вдруг взял да и пригласил её на краткий тур по Олимпу, а затем невзначай обмолвился, что Нептун уходит в отставку, и поинтересовался, не хочет ли Мэри занять его место.

Глава 15

Недовольство миссис Шпротт

ПО ОБВИНЕНИЮ В УБИЙСТВЕ ПЕТУШКА РОБИНА РАЗЫСКИВАЕТСЯ ВОРОБЕЙ

Полицейские из отдела ОСП хотят допросить неизвестного воробья в связи с убийством петушка Робина накануне вечером в Подосиновиковой роще. Свидетель, называющий себя комариком, сказал нам: «Своим маленьким глазом я это видел». Предполагаемое орудие убийства — лук — ещё не обнаружено. «Пока ещё рано, — ответил нам сержант Шпротт из ОСП, — но у нас есть описание преступника, и мы допросим все триста пятьдесят шесть тысяч воробьев Рединга». Похороны петушка Робина состоятся в четверг, церемонию проведёт священник Грач. Венки направлять ближайшему родственнику убитого, Голубку.

«Слепень», февраль 1980 г.

— Бобы? — переспросила матушка Джека. — Бобы?! — повторила она уже громче, звенящим от ярости голосом. — За корову работы Стаббза? Ты спятил, что ли? На что они мне?

Она держала бобы в дрожащей руке. От теплоты её ладони они чуть изменили цвет, но даже их неповторимое изящество не приглушало её разочарования и гнева.

Джек вздохнул. Он рассказал всю историю от начала до конца, но родительница явно не улавливала сути дела. Он начал по новой:

— Картина оказалась поддельной, я...

Она перебила сына:

— Она не поддельная! Я проводила экспертизу в шестидесятых годах. Тогда она стояла больше тысячи!

— Правда? — спросил Джек, внезапно почувствовав себя идиотом.

— Да. Похоже, у мистера Туппердяйса размягчение мозгов. Завтра же поезжай к нему и разберись. А что до твоих бобов, то вот что я про них думаю!

И она царственным жестом выбросила блестящие штучки в окно.

Сын и мать несколько мгновений стояли и смотрели друг на друга, и тишину нарушало только тиканье дедовских часов на кухне да тихое шуршание неизвестного количества кошек, безостановочно шнырявших по мебели.

— Отлично, — сказал Джек, повернулся и вышел во французское окно.

— Подожди! Ты куда?

— Я хочу их подобрать, — ответил Джек из сада. — Иначе мистер Туппердэйс сдерет с меня сотню фунтов за них.

— Ой! — воскликнула миссис Шпротт и присоединилась к поискам. — Кажется, я зашвырнула их куда-то за сарай, — приговаривала она, оглядываясь по сторонам в свете садового фонаря. — Кстати, почему мы до сих пор держим там три мешка шерсти?

— Это улика, мама, но в участке места нет... Ты только посмотри! — так и подскочил Джек, указывая на грядку.

— Что?

— Бобы! Они светятся и вроде бы сами закапываются в землю!

— Невозможно, — отрезала миссис Шпротт, похлопывая его по плечу. — Я завтра их отыщу. Пошли в дом, накрапывает.

Но Джек так легко не сдавался и ещё минут двадцать рыскал по участку, прежде чем бросить поиски. Он пообещал приложить все усилия для возвращения Стаббза, поцеловал маму и уехал.

* * *

— Не беспокойся, — утешила мужа Мадлен, как только он вернулся домой и рассказал ей о Стаббзе. — Все могло быть и хуже.

— Куда уж хуже!

— Мог пойти дождь.

— Да он и пошёл тогда. Понимаешь, когда она выбросила бобы в окно, меня охватило странное чувство. Как будто всё это уже было.

— Дежавю?

— Вроде того. Но не только. Ощущение неизбежности. Тебе это не кажется странным?

— Похоже, ты немного волнуешься насчёт Лиги. Или насчёт этого свинского дела. Или насчёт отпуска ОСП. Или насчёт Звонна. Или насчёт

нынешнего твоего дела. Или...

— Ладно, ладно! — улыбнулся он. — Я все понял.

— Вот, — сказала она и протянула ему мисочку Стиви, — попытайся скормить ему это. Ужин приготовить осилишь?

— Конечно.

Мадлен сняла фартук и присела отдохнуть за кухонный стол. Она не успевала сдать к сроку несколько работ, но слишком любила Стиви, чтобы завести няню.

— Как дела на работе?

— Звонн пытался надавить, чтобы ему передали дело Болтая, но, похоже, все его происки не увенчались успехом.

— Опасайся Звонна, дорогой, — предостерегла Мадлен.

— Я справлюсь с ним.

В последнем он очень сомневался, но на душе у него полегчало.

В дверь постучали, Мадлен открыла. На пороге стоял Прометей, одетый совершенно не по погоде — в помятый белый льняной костюм и панаму.

— Миссис Шпротт, — сказал он и приподнял шляпу, — меня зовут Прометей.

— Джек! — позвала она. — Похоже, это к тебе.

Он мигом появился из кухни.

— А, Прометей! Добро пожаловать. Это моя жена Мадлен. Дорогая, это тот самый квартирант, о котором я тебе говорил. Он сказал, если потребуется, то и с ребенком посидит.

— Минутку. — Мадлен отозвала Джека к лестнице, чтобы перекинуться парой слов наедине. — Надеюсь, этот жилец не будет похож на ту шлюшку Китти Фишер?^[34]

— Нет-нет!

— Я не хочу, чтобы бабушкин флигель превратился в бордель!

— Тише. Прометей совсем другой. Кроме того, Джером пишет реферат по Древней Греции, и ему понадобится помощь. Что мы-то с тобой понимаем в истории?

Мадлен пожала плечами и вернулась к входной двери, где терпеливо мок под дождём Прометей.

— Входите, пожалуйста — сказала она, — и обсудим наши условия.

— Спасибо.

Они прошли на кухню. Стиви дали печенину, тут же отправленную на пол. Кошка приоткрыла глаз и снова закрыла его. Малыш уставился на Прометея со всей серьёзностью годовалого человека.

— Дю-дю, — сказал он наконец.
— Агу, — ответил Прометей.
— Дю? — засомневался Стиви.
— Бу-бу. Буль-буль, — ответил Прометей с широкой улыбкой.
— Дю-дю! — расхохотался Стиви.
— Вы говорите на детском? — удивился Джек.
— Свободно. В учебном центре для взрослых читают курс, а у меня много времени.

— И что он сказал?

— Не знаю.

— Но я думал, что вы говорите по-детски!

— Говорю. Но ваш ребёнок по-детски не говорит. Похоже, он общается на смеси предходункового языка, форме детского бормотания или на неразборчивом диалекте длиннословного сленга. В любом случае я ни словечка не понял.

— О-о.

— Вау! — воскликнула Меган, которая только что вошла в комнату. Она подскочила к матери и стиснула её руку. — Ведь это Прометей, да? Ну скажи, что да! Я же знаю! Завтра всем в школе расскажу! Мисс Долбник большая его фанатка! А он не может прийти в школу и рассказать, как орел клевал его печень? Мама! Ну пожалуйста!

— Милая, я...

Тут появился Бен. Поскольку ему уже исполнилось шестнадцать лет, он, следуя подростковой моде, ничему и никому не удивлялся. Однако Прометей оказался исключением.

— Огнедаритель! — ахнул он. — С ума сойти! Парень, ты мне нравишься!

— Это ты парень, — спокойно поправил его титан. — А я — Прометей.

Бен разинул рот. Ну что тут скажешь? Прометей скромно улыбнулся. Ему нравились поклонники из среды бунтующей молодежи. В конце концов, он ведь сам был мятежником из мятежников: нужно немало пороку, чтобы восстать против Зевса.

— А я Бен, — сказал наконец парнишка. — Ты тут надолго?

— Возможно, это наш новый жилец, — вклинился Джек.

Бен округлил глаза.

— Суперкруто! А ты расскажешь про этих... как их... арфий?

— Щас! — взвилась Меган, скрещивая руки на груди и надувая губы. — Это мой хит! Твои тупые подружки подождут!

— Перебьешься!

В кухню сунулась Пандора в коротком махровом халатике, с влажными после душа волосами. Она ещё не знала, что у них гость.

— Ой! — вспыхнула она и бросилась по лестнице наверх одеться, но на полпути остановилась, чтобы украдкой ещё раз глянуть на Прометей.

Тот смотрел ей вслед, и Джеку пришлось ткнуть его в бок, чтобы тот прекратил пялиться.

Мадлен смягчилась. Она беспокоилась насчёт детей, но, похоже, Прометей неплохо с ними поладил.

— Добро пожаловать, мистер Прометей.

— Спасибо, — улыбнулся титан. — И зовите меня Прометеем, без всяких «мистеров».

Мадлен поставила чайник и продолжила:

— Нечасто доводится принимать у себя политических эмигрантов. Я с интересом наблюдала за вашей борьбой. Может, поговорим чуть позже о Древней Греции?

Прометей ещё раз коротко поклонился и вежливо улыбнулся.

— Понимаете, — начал он, — «Древняя Греция» — термин не совсем корректный. Когда я там жил, это был просто конгломерат городов-государств: Афины, Спарта, Фивы, Дельфы и так далее. Спарта — суровое место для подрастающего поколения, но Афины — сущий кошмар. Всюду народ в простынях, набитый всяческими идеями. Нам приходилось использовать такую штуку — остракизм, чтобы выставлять из города тех, кто пришелся не ко двору. Мне кажется, передача «Я идиот, пустите меня в телек!» функционирует примерно в том же формате. Ваше представление о Греции как таковой начинается только со времен её разделения Диоклетианом в двести восемьдесят шестом году. Я расскажу тебе о гарпиях, Бен, и с удовольствием поработаю твоим хитом, Меган. Джек, я неплохо разбираюсь в регулировке колесной оси «аллегро».

— А готовить вы умеете? — спросила Мадлен.

— Обожаю. Вы любите средиземноморскую кухню?

Все ошеломленно уставились на него. Он прожил на свете более четырёх тысяч лет и знал почти все и обо всем. Он и правда был божественным квартирантом.

— Где тут у нас туалет? — поинтересовался Прометей, несколько пошатнув имидж всеведущего мудреца. — Не терпится облегчиться.

Глава 16

Миссис Сингх даёт делу новый поворот

ПОСМЕРТНЫЕ ПОЧЕСТИ ТАЙНЕ «ЗАПЕРТОЙ КОМНАТЫ»

Вчера все сообщество писателей-детективщиков с горестью попрощалось с последней тайной «запертой комнаты» на большом банкете в честь оной. Излюбленная изюминка детектива, остававшаяся таковой на протяжении полувека, болела уже много лет и в прошлый четверг была обнаружена почившей в бозе в 3.15 пополудни. В своей пылкой речи издатель «Криминального чтиво» заявил: «Сюжетный поворот "запертая комната" прошёл весь путь от безвестного начала до пика популярности и навсегда останется в наших сердцах». Затем пламенную хвалу покойнице вознес старший инспектор Звонн, но его речь прервали шокирующим сообщением, что концепция «запертой комнаты» была убита — в запертой комнате. Банкет свернут, полиция ведёт расследование.

*«Криминальное чтиво», февраль
2001 г.*

Джек зашёл позавтракать в столовую участка. Сел за пустой столик и рассеянно уставился в окно на Внутреннюю разгрузочную улицу. ВРУ, как её называли горожане, была задумана для облегчения движения, но обошлась так дорого, что муниципалитет едва потянул её строительство. Чтобы её проложить, пришлось снести несколько красивых кварталов. Старому городу словно сердце вынули. В итоге проект оказался практически ни к чему, когда М4 оттянула на себя почти весь транзитный транспорт с А4, которая, несмотря на огромную дорожностроительную программу, по-прежнему страдала пробками.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, Бейкер. Как дела?

Задавать подобный вопрос ипохондрику точно не следовало. Но было уже поздно.

— Не так чтобы плохо, сэр, — ответил тот, доставая из ранца пластиковую коробочку и вываливая на блюдце жуткий набор таблеток всех форм и оттенков.

Джек мог поклясться, что большую часть составляли «Тик-так», «Ментос» и прочие псевдолечебные конфетки, но промолчал.

— Видите ли, — продолжил Бейкер, проглотив несколько голубеньких таблеточек и закусив красненькими, — я проснулся нынче утром с насморком и, честно говоря, забеспокоился.

— Неужто?

— Да. Сначала я решил, что это туберкулез, проказа или третья стадия сифилиса.

Джек подыграл ему, поскольку все разговоры с Бейкером обычно сводились к одной теме.

— Но ведь тебя вроде бы проверяли в прошлом году на проказу?

— Да, так что это не может быть проказа. Туберкулез тоже исключается, поскольку кашля у меня нет, и вряд ли сифилис, потому как я слишком молод, чтобы получить сразу третью стадию без переходной.

— Значит, обычная простуда?

— С первого взгляда похоже, но потом я подумал, что из носа у меня вовсе не сопли текут.

Джек поднял брови.

— А что же?

— Спинномозговая жидкость. В субботу я играл в футбол, и мне здорово залепили. Возможно, у меня треснула черепная коробка.

— И такое действительно может быть?

Бейкер посмотрел на блюдце и проглотил ещё несколько таблеток.

— Да вряд ли.

Он снова взглянул на шефа.

— Сэр, думаю, вы не обидитесь, если я скажу вам, что мы с Гретель и Эшли будем только рады поработать сверхурочно, если это поможет раскопать ещё что-нибудь против трёх поросят. Я знаю, они отмазались от обвинения в предумышленном убийстве, но если удастся подвести их под статью об умышленном нанесении тяжких телесных повреждений или о нарушении техники безопасности при кипячении воды в большом котле, то мы готовы.

— Ты же знаешь ответ Бриггса на запрос о сверхурочной работе ОСП.

— Мы не за деньги, сэр.

Бейкер продолжал выжидательно смотреть на Джека. На мгновение он даже перестал шмыгать носом и забыл о таблетках и витаминах.

— Я благодарен тебе, Бейкер, но, по-моему, поросят придётся оставить в покое. Мы проиграли.

Сзади послышался голос, заставивший обоих обернуться:

— По-вашему, это очень умно?

Суперинтендант Бриггс пребывал отнюдь не в лучшем расположении духа.

— Что, сэр?

Бриггс бросил к ним на стол номер «Совы».

— Восьмая страница, Джек, — пробрюзжал он. — Восьмая страница, четвертая колонка.

Джек открыл нужную страницу.

— «Сплутвийский министр антиквариата требует возвращения Священного Гонго».

— Ниже.

— «Любимый герой детских стишков погибает, упав со стены. Полиция спрашивает, не столкнули ли его?»

— Хорошо, что это только на восьмой странице, — зло сказал Бриггс. — Если вы пытаетесь таким образом подхлестнуть общественный интерес, дабы сохранить ваш ненаглядный отдел, то меня это вовсе не радует! И не думайте, что бюджетная комиссия тоже этому обрадуется!

— Но я никому ни слова не говорил, сэр.

— Тогда кто же спрашивает, не столкнули ли его?

— Да никто. Это выдумки прессы. Он сам упал. Тяжелый случай пасхальной депрессии. Мы уже говорили с его бывшей женой и лечащим врачом, которые это подтвердили.

— Когда я увижу отчёт?

— Как только миссис Сингх пришлет результаты вскрытия. Экспертизу обещали закончить к среде. Поскольку ничего интересного нет, то, думаю, эта статья первая и последняя.

Бриггс вроде бы поверил и глубокомысленно кивнул.

— Прекрасно. Хорошая работа, Шпротт, и без убитых великанов.

— Не смешно, сэр.

— Неужели? Да, ещё одно. Кто-то распускает по участку невероятные слухи, будто ты подал заявление в Лигу детективов. Как думаешь, кому подобное могло прийти в голову?

— Это не слухи, сэр.

В первое мгновение Бриггс смешался, затем спросил:

— Фридлинд знает?

— Он-то здесь при чем?

— А при том. Он входит в выборный комитет Лиги от Южной Англии и, скорее всего, не обрадуется, если кто-то из Рединга попытается составить ему конкуренцию. Но он хороший и честный человек. Надеюсь, он рассмотрит твоё заявление с должным беспристрастием.

— Не сомневаюсь, сэр.

Бриггс пропустил сарказм мимо ушей, зыркнул на Бейкера и его таблетки, покачал головой и удалился, сделав себе заметку использовать освободившиеся после ОСП комнаты для музея трофеев Звонна.

— В чем дело? — спросила Мэри, входя в столовую.

Джек пожал плечами и показал на газету.

— «Сумасшедший учёный выделяет из собаки чистое махание хвостом»?

— Выше.

— А!.. «Любимый герой детских стишков погибает при падении со стены».

— Читайте.

Она откашлялась и начала:

— «Шалтай-Болтай, известный любимец детских стишков и большое яйцо, вчера разбился насмерть, свалившись со своей любимой стены в восточной части города. Щедрые благотворительные пожертвования сделали Болтая любимцем Рединга, а его смерть стала настоящей трагедией. Четырежды убийца великанов инспектор Джек Шпротт, бывший помощник великого Фридленда Звонна, уволенный за некомпетентность и чаще упоминаемый в связи с дурацкими попытками обвинить трёх поросят в преднамеренном убийстве...»

— Все ясно, — перебил её Джек. — Похоже, Звонн уже начал осложнять мне жизнь.

Мэри молчала. У Звонна имелись все основания подогревать эту историю и топтать Джека, если он планировал отнять у него расследование. Она сглотнула и подумала, подозревает ли Джек вообще, что она фактически работает на Фридленда. Она искоса взглянула на Джека, но тот старательно отделял жир от своего ломтика бекона.

— Вы не любите сало?

— Ненавижу. А моя бывшая жена обожала. Из нас получилась прекрасная пара. От окорока оставалась одна косточка.

— Она любила сало? — недоверчиво переспросила Мэри.

— Да. Ничего другого не ела.

— Но ведь это вредно для здоровья!

— Очень. Она умерла.

Мэри растерянно прикрыла рот ладонью и покраснела.

— Извините, я не знала.

— Ничего. Это было десять лет назад, и я снова женился. На самом деле именно дети...

Заверещал мобильник. Звонила миссис Сингх. Джек несколько секунд внимательно слушал, затем взглянул по очереди на Мэри и Бейкера и ответил, что сейчас будет. Мэри беспокойно посмотрела на него.

— Вы не боитесь моргов, Мэри?

— Нет, сэр, — честно ответила девушка. — Моргов я не боюсь. Но тамошних постояльцев не очень жалую.

— Хорошо, — весело сказал Джек. — Доедайте свои почки с пряностями, и пойдёмте полюбуемся на кое-какие трупы.

* * *

Запах формальдегида полицейские учуяли задолго до проходной маленького здания в викторианском стиле, находившегося через две улицы от управления. Но когда они толкнули вращающуюся стеклянную дверь, вонь сделалась вообще невыносимой. Окна прозекторской выходили на две стороны, неоновые лампы заливали помещение резким неестественным светом. В центре стояли четыре белых эмалированных хирургических стола, рядом с каждым на столиках из нержавеющей стали были разложены скальпели, пилы и прочие инструменты, о назначении которых Мэри даже думать не хотелось. Над каждым столом с потолка свисал микрофон и операционная лампа. Неделя выдалась спокойная: все столы пустовали, за исключением того, на котором лежал Болтай. Подойдя ближе, они увидели, что миссис Сингх и её помощник собирают разбитую скорлупу Болтая, склеивая её киперной лентой, — так скрепляют собранную из осколков вазу, пока клей сохнет. Миссис Сингх подняла взгляд и улыбнулась.

— Значит, вам удалось сделать то, с чем не справилась вся королевская рать! — восхищенно проговорил Джек.

Обычный патологоанатом просто бегло осмотрел бы тело, но только не миссис Сингх. Работа в ОСП была для неё всем, и она не желала упустить хоть малейший след преступного деяния.

— Ничего себе пазл, — выдохнула Мэри.

— Сто двадцать шесть осколков, — гордо ответила миссис Сингх. — Говорят, что мертвые не болтают. Так вот, этот наговорил на целые тома.

Взгляните-ка.

Болтай лежал на боку, спиной к ним. Она показала на нижнюю часть его туловища рядом с маленькой татуировкой в виде льва. Там была настоящая мозаика из мельчайших фрагментиков с разбегающимися в разных направлениях трещинками.

Джек поднял брови.

— Он этим местом упал?

Миссис Сингх ничего не сказала, но жестом подозвала его к передней части Болтая, где продемонстрировала менее стройный узор разлома прямо над левым глазом Болтая, на сей раз без определённого центра. Тысячи крошечных осколочков отмечали предполагаемую точку второго удара.

— Значит, он подскочил при падении?

— Нет. Ваш черед, Мэри.

Миссис Сингх посмотрела на девушку, и та несколько струсилась, поскольку не ожидала экзамена.

— Тупой инструмент? — брякнула она наугад.

— Мимо. Ещё раз осмотрите как следует заднюю часть.

Они послушно обошли стол и пригляделись. Там имелось четкое входное отверстие, очень маленькое и обесцвеченное по краям.

— Мать вашу, — прошептал Джек. — Выстрел...

— Молодец! — похвалила миссис Сингх. — Обесцвечивание — явный результат действия взрывчатого вещества. Кто-то подошёл с другой стороны стены и выстрелил в него. Я запросила данные по прохождению пули сквозь большое яйцо, но в МВД практически ничего не нашлось, и понятно почему. Рискну предположить, что при прохождении пули через жидкий центр образовалась ударная гидростатическая волна. Когда пуля вышла наружу, волна распространилась по его телу, и... бах! Бедняга рассыпался на кусочки. Он умер, не долетев до земли.

— О чёрт, — выдохнул Джек.

— Что такое?

— Я полчаса назад сказал Бриггсу, что Болтай покончил с собой из-за пасхальной депрессии. Вы уверены?

— Конечно. Знаете ли, впавших в депрессию тоже убивают.

Джек обошел стол, чтобы ещё раз взглянуть на входное отверстие в собранном по кусочкам трупке Болтая.

— Калибр?

Миссис Сингх на мгновение задумалась.

— Трудно сказать. Но оружие наверняка очень мощное, Скиннер подтвердит. Расстояние между входным и выходным отверстиями

составляет около четырёх футов. У белка высокая вязкость, и, чтобы прошить его насквозь, требуется крупная пуля. Если вам непременно хочется знать моё мнение, я предположила бы тридцать шестой или сорок четвертый калибр. Пуля должна была войти в землю не более чем в пятидесяти футах. Думаю, на ней даже царапины не окажется. Найдите оружие, и баллистики с легкостью проведут сравнение.

— Что-нибудь ещё?

— Немного. Мы можем с уверенностью сказать, что он погиб между полночью и двумя часами утра, а насчёт уровня алкоголя в теле вы мой отчёт уже получили. Но мне не даёт покоя кое-что ещё. Вот здесь, — она показала на труп, — на линии груди... или шеи, как вам будет угодно.

Они присмотрелись и увидели маленькую дырочку.

— Идеи есть? — спросил Джек.

— Отверстие диаметром ровно в четверть дюйма, и, сдаётся мне, его просверлили, причём нарочно.

— Почему вы так думаете?

— Его прикрывал пластырь.

— Наркотики?

— Очень возможно. Я взяла стандартные пробы. Как только что-то получу, скажу вам.

Она протянула Джеку предварительный отчёт. Он получился небольшим: всего несколько машинописных страничек и схема тела Болтая с кривой хода пули, нарисованной красной ручкой.

— Вы чудо, миссис Сингх.

— Нет, — устало ответила женщина. — Просто я упорно работаю.

Они возвращались в управление в глубокой задумчивости. Джек прикидывал, с какого конца братья за расследование, а Мэри думала, как же прав оказался Звонн. Убийство Болтая куда запутаннее, чем представлялось Джеку. Если кто и раскроет это дело, то только Звонн. Они успели привыкнуть к формалину, и воздух на улицах Рединга показался им куда свежее, чем прежде.

Глава 17

Расследование начинается

КАК ПОКАЗЫВАЮТ ОПРОСЫ, ПРИШЕЛЬЦЫ — СКУЧНЫ

Результаты официальных опросов подтверждают то, что большинство из нас уже давно подозревало: пришельцы, неожиданно появившиеся на нашей планете четыре года назад, не очень умны и не особенно интересны. Тринадцатистраничный правительственный документ описывает наших инопланетных приятелей как «тупых» и «неспособных к долговременному планированию». Доклад, составленный по анкетам граждан и интервью, даёт нам картину расы, которая «считает очень важным несущественное и кратковременное» и «легко отвлекается от важных тем». Судя по результатам совершенно отдельного исследования, пришельцы адаптируются в человеческом обществе гораздо лучше, чем ожидалось. Почему — непонятно.

«Сова», июнь 2001 г.

Вернувшись в контору, они увидели Тиббита, с виноватым видом стоящего у кресла Джека, которое все ещё вращалось. Он напоминал щенка, застигнутого спящим на диване. Джек спрятал улыбку.

— Мокруха, Тиббит, — сказал он.

— Убийство?..

— Похоже на то. Болтай не упал и не прыгнул. Мэри, нам надо ещё раз побеседовать с его бывшей женой.

Сержант сняла трубку, а Джек взглянул на фотографию, на которой Болтай разговаривал с Чарльзом Пьютером, биржевым маклером. Ничем не обоснованное приобретение Болтаем акций Пемзса было вполне подходящей отправной точкой для расследования. Джек взял в руки фотографию Болтая с Соломоном Гранди. Прежде он не принимал магната во внимание, но теперь любой, кто имел личную заинтересованность в финансовом благополучии «Пемзса», вызывал подозрение. Джек

пришпилил снимок на доску и уставился на него.

Тиббит протянул ему небольшой пакетик для улик с двумя гильзами внутри.

— Прислали из офиса Звонна, сэр. Их доставил сам сержант Хламм. И знаете что? Он вовсе не весёлый и не кокни!

— Это все игра на «Криминальное чтение», Отто. Не передашь их Скиннеру? Он знает, что с ними делать.

Мэри открыла блокнотик, выделила пустую страничку для Звонна и написала на ней: «Гранди», «44-й калибр», «28-футовый рыжий волос» и «миссис Болтай». Затем виновато захлопнула его и подняла глаза, но никто на неё не смотрел.

В эту минуту в комнату вошли два полицейских, один приземистый, другой высокий.

Низенький имел бледно-голубую кожу и совершенно человеческое телосложение, если не считать того, что локти и колени у него гнулись в обе стороны, а на каждой руке было по два больших пальца (второй — на месте мизинца). Полицейскую униформу удачно подогнали по его фигуре, но всё равно ему явно было в ней неудобно. Мэри видела инопланетян на фотографиях, но никогда не встречала живьём и поймала себя на том, что откровенно таращится на него.

— На что вы так смотрите? — невинно поинтересовался Эшли, мигая вертикальными веками, что по первости нервировало.

— Да так, — проямлила Мэри, изо всех сил стараясь отвести взгляд.

Маневр удался, но это выглядело так неуклюже и грубо, что она снова посмотрела на пришельца и опять ощутила, что пялится, — и все пошло по кругу. Она почувствовала, как лицо её заливают краска, но Джек, то ли уловив её дискомфорт, то ли случайно, выручил её из неудобного положения, сказав:

— Констебль один-ноль-ноль-один-один-один — рамбозиец. Его полное имя 10011111001000100111011100100, но это уж слишком длинно, и мы зовем его просто Эшли. Эшли, это сержант Мэри Мэри.

— Привет! — сказал Эшли, протягивая Мэри руку.

Ладонь у него оказалась необычно тёплой и с приятной сухой липкостью, что было странно, но отнюдь не противно. Однако, как только она его коснулась, у неё в голове промелькнуло чрезвычайно живое изображение: она и это загадочное существо, нагие, сжимали друг друга в липких и сладострастных объятиях в неглубоком болоте под двойным садящимся солнцем. Эшли быстро отдернул руку, сделался ярко-синим и нервно заморгал.

— Неужели уже столько времени? — быстро сказал он. — Я только что вспомнил об одном неотложном деле. До свидания.

И бросился к двери.

— Рамбозийцы иногда передают при прикосновении свои мысли, — объяснил Джек. — Вы ничего не видели?

— Ничего, — слишком твёрдо и потому неубедительно ответила Мэри.

— Хороший парень, — заметил Джек, выглянул за дверь, дабы убедиться, что Эшли не услышит, и понизил голос: — Он здесь по Программе равных возможностей для инопланетян. Никто не захотел с ним работать, и его отправили к нам.

— А он может проделывать этот фокус с мыслями в обратную сторону? — спросила Мэри. — Могло бы пригодиться.

— Я не спрашивал, — ответил Джек. — Почему бы вам самой у него не поинтересоваться? Но будьте осторожнее. При общении с инопланетянами в первую очередь следует учитывать, что они не до конца... понимают.

— Что понимают?

— Нас. В целом. Сами увидите. Во-вторых, они на самом деле не настолько интересны, так что не начинайте разговора без веских на то оснований. При всем при том Эшли блестяще работает с отчётами, проводит систематизацию, составляет указатели и чистит базу данных.

— Не то чтобы я так уж хотел быть полицейским, — сказал Эшли, который вернулся почти сразу же, — но за здешнюю систематизацию жизнь отдать можно!

— Здесь — это на Земле? — уточнила Мэри без намека на высокомерие.

— Нет, — ответил Эшли, ничуть не обидевшись. — Здесь — это в Рединге.

Второй полицейский оказался женщиной, очень высокой и гибкой, с заплетенными в косу длинными прямыми волосами. Выглядела она так, словно её при рождении нагрели, а затем вытянули, будто свечу из мягкого воска. Росту в ней было больше шести футов двух дюймов, и на бегу она напоминала жирафа, заснятого в ускоренном режиме. В парке, где она каждое утро совершала пробежку, собиралось не меньше полудюжины мужчин и двух женщин — исключительно с целью поглазеть на неё.

— Мэри, это констебль баронесса Гретель Лейбниц фон Канн де л'Абр, прямо из Кёльна. Гретель не понимает, что она здесь делает, мы — тоже, но рады ей, ибо она блестящий специалист. Прежде работала со Звонном.

— Правда? — воскликнула Мэри, сразу заинтересовавшись. — А что

случилось?

— Я оказалась, мягко говоря, не столь почтительна, как от меня требовалось. Если Звонн попросит вас о чём-то, откажитесь на свой страх и риск. Я ведь могла уже быть сержантом, только взгляните на меня!

— Спасибо, Гретель, — вмешался Джек, которого подобные умозаключения не радовали. — Гретель у нас специалист по судебной бухгалтерии.

— Судебной бухгалтерии? — удивилась Мэри. — Это что ещё такое?

— По большей части рытье в бумагах, — ответила баронесса. — Если вам понадобится узнать, куда делись деньги или откуда они взялись, обращайтесь ко мне.

— Лучший специалист в стране, — подтвердил Джек. — Потому Звонн и использует вас даже после вашего — как бы это выразиться? — бурного обмена любезностями.

Гретель наклонилась к Мэри и прошептала:

— Я послала его в задницу.

— Смело.

— Нет, глупо, — вздохнула Гретель.

— Ладно, — продолжал Джек, — прошу всех садиться. Я хочу рассказать вам о текущем состоянии дел.

— Сэр...

— Что, Эшли?

— У нас появятся новые сотрудники?

Джек обвёл компанию взглядом.

— Я, конечно, спрошу, но вы сами знаете, как Бриггс относится к ОСП. Нехватка кадров — стандартная ситуация в нашем отделе, так что придётся работать за двоих. Перейдем прямо к делу.

Будь у них нормальное помещение, все бы расселись, но места не хватало, поэтому сотрудники отдела прислонились к шкафам и дверям, за исключением Эшли, который ловко приклеился к стене.

— Добро пожаловать на охоту. Мэри в этом расследовании мой заместитель, и, поскольку она в Рединге новичок, прошу вас по мере сил ей помогать. Эшли останется здесь для отслеживания событий и чтобы находиться поближе к своему любимому Интернету. Эшли...

— Да, сэр?

— Не ищите необычных подставок под пивные кружки на сетевом аукционе.

Джек выложил на стол сделанное Мадлен фото Болтая с Чарльзом Пьютером.

— Имя жертвы Шалтай (Шолти) Иосафат Алоизий Стьювесант ван Болтай, больше известный как Шалтай-Болтай. Ему было шестьдесят пять лет, он погиб вчера примерно в час ночи от выстрела в спину. Умер мгновенно. Имел злую жену, с которой состоял в разводе, и девушку, которую мы пока не нашли. Свидетелей нет. Подозреваемых нет. Оружия нет. Мотива нет.

Он написал на доске фломастером: «МОТИВ — ОРУЖИЕ — ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ» — и подчеркнул каждое слово.

— Последний год Болтай управлял своими делами из кабинета на Гримм-роуд, обратив прибыль в два с половиной миллиона фунтов в убыток на полтора миллиона. Да, Бейкер?

— Он и жил тоже на Гримм-роуд?

— Хорошее замечание. Похоже, только работал, так что надо выяснить, где он жил. У него на столе был обнаружен вот этот снимок.

Джек показал им венскую фотографию Болтая, на которой он вместе с неизвестной девушкой сидел в экипаже.

— Надо найти эту женщину. Они с Болтаем вместе были в Австрии. Больше нам о ней ничего не известно.

Он взял со стола рыжий волос.

— Еще одна находка из кабинета Болтая. Это человеческий волос каштанового цвета, длиной в двадцать восемь футов. Определить владельца не составит труда. Тиббит, что мы имеем после первичного опроса соседей?

Тиббит был польщён. Наконец-то ему выпала настоящая полицейская работа. Он торопливо открыл блокнот и зачитал сводку. Желая произвести впечатление, накануне вечером юноша переписал свои заметки начисто.

— Кое-кто слышал, как после полуночи громыхали мусорные баки.

— И?

— За несколько ночей до смерти Болтая на улице был замечен фургон типа «лутон».

Тиббит перевернул ещё несколько страничек.

— Также был замечен серебристый «фольксваген-поло» с женщиной за рулем.

— Больше ничего?

— Нет. Хотя... Все, с кем я говорил, любили покойного.

— Отлично. Мы узнали, что он пользовался популярностью, и не только у дам. Надо проверить все «фольксвагены-поло» по именам владелиц Бесси или Элизабет. Отто и Бейкер, я хочу, чтобы вы вернулись на Гримм-роуд и попытались найти пулю. Свяжитесь с миссис Сингх и

Скиннером, они подскажут, куда она могла упасть. Нужно перерыть все канализационные стоки, обшарить мусорные баки, равно как и все другие места, где может оказаться оружие. Эшли, начните стандартную процедуру отслеживания нашей «мисс Вена» и обзвоните парикмахерские на предмет длинных каштановых волос.

Он взял в руки фотографию дробовика «маркетти».

— И вот ещё. Это оружие было найдено в кабинете Болтая. Оно связано с одним из дел Зонна — двойным убийством восемнадцать месяцев назад. Примерно в то же время Болтай вопреки всякому здравому смыслу начал скупать акции стремительно разоряющейся империи Пемзса. Возможно, это просто совпадение, но точно так же между этими двумя фактами может обнаружиться связь.

— Но разве дробовик не доказывает это, сэр? — спросил Бейкер.

— Вовсе нет. С тех пор он мог сменить много владельцев. Скиннер в данный момент сравнивает гильзы на предмет идентификации орудия убийства. Гретель...

— Откуда он взял деньги на все эти акции?

— Еще один хороший вопрос. Мы не знаем. Он торговал облигациями, товарами, валютой, дерьмом, соусом «Бернез», клубникой — всем, что под руку попадалось. Неплохо бы выяснить, откуда взялся его капитал. За восемнадцать месяцев он сделал на пустом месте два с половиной миллиона — и ухнул кучу денег на акции гибнущей педикюрной империи. По-моему, нам следует разобраться, какая муха его укусила.

— За это возьмусь я, — сказала Гретель, потирая руки в радостном предвкушении бухгалтерского расследования.

Бейкер изучал снимок Болтая.

— Мне кажется, у него была машина, сэр.

— Почему вы так решили?

— Ножки коротенькие. Далеко на них не уйдёшь — выдохнешься.

— Дайте я проверю, — сказал Эшли, поворачивая к себе монитор и набирая код на клавиатуре.

— Параллельно, — продолжал Джек, — запускаем стандартную проверку его окружения. Важна любая информация.

Эшли оторвался от монитора. Он нашёл машину Болтая.

— Зарегистрирована на имя мистера Ш. А. Болтая, красный «форд-зефир» тысяча девятьсот шестьдесят третьего года выпуска, модифицированный, регистрационный номер «эхо-гольф-гольф-три-один-четыре».^[35] С тех пор сменил одного владельца, месяц назад сменил наклейку об уплате дорожного налога. Адрес регистрации — Гримм-роуд.

— Разыщите эту машину. Мэри, поговорите с патрульными и сделайте сводку. Бейкер, послушайте, что говорят в городе. Последний год он сидел тише мыши. Постарайтесь выяснить, где и почему.

Мэри посетила идея, и девушка принялась рыться в коробке с вещественными доказательствами. Наконец она нашла то, что искала: фотографии со стола Болтая с видами Центра Священного Гонго. Все кадры были сделаны из окна машины. Красной машины.

— Ребята, — она показала снимки Эшли и Бейкеру, — это часом не «форд-зефир»?

— Он самый, — обрадовался Бейкер. — У моего дяди такой был.

Джек взял снимок, на котором был запечатлен некий молодой человек, и протянул его Тиббиту.

— Тогда нам нужен ещё и этот тип. Он известен как приятель Болтая, и, судя по дате на фотографии, год назад они ещё общались. Тиббит, сделайте копии и пустите по участку. Если парень здешний и проходил по какому-нибудь делу, его могут опознать.

Юный констебль схватил фотографию и выскочил за дверь.

— Миссис Болтай, его бывшая жена, до сих пор влюблена в него и все ещё злится. Мэри, вы с ней побеседовали?

— Нет, сэр. Её нет ни дома, ни на работе. Я оставила ей записку.

Джек посмотрел на часы.

— Пока все. Встретимся после ланча.

Он взял пальто и направился к двери.

— Эшли, постарайтесь, чтобы миссис Болтай, Рэндольф Пемзс и Соломон Гранди знали, что мы к ним едем. Мэри, за мной.

Он снова чувствовал себя прекрасно — впервые за очень долгое время.

— Куда мы, сэр?

— Разузнать побольше о педикюрной империи Пемзса.

Глава 18

Лорд Рэндольф Пемзс IV

«Пемзс — средства по уходу за ногами» — островок индустриализации с человеческим лицом, медленно размываемый волнами перемен. Всеми остальными компаниями уже руководят практичные дельцы, для которых прибыль превыше всего, а работники — просто цифры в отчёте. Конечно, «Пемзс» вряд ли долго протянет.

«Жаб-финанс», июнь 1986 г.

Джек припарковал «аллегро» на пустой гостевой парковке рядом с огромным стилизованным изваянием ноги. Он поднял воротник — шёл дождь — и взглянул на фабричное здание из красного кирпича в неоготическом стиле. Если бы не сочившиеся из труб струйки дыма и не доносившийся изнутри приглушенный гул машин, фабрика казалась бы брошенной. Да и вид она имела потрепанный. Со стен большими кусками отваливалась штукатурка, кирпичную кладку покрывала копоть, окна потрескались и заросли грязью.

Поднимаясь по ступеням к главному входу, детективы получили возможность оценить окаймляющий двери барельеф в десяти сценах, живописующий эволюцию ноги от плавника до ступни современного человека. Вокруг никого не наблюдалось, и Джек толкнул тяжелую дверь сам. Внутри было так же безлюдно, и затхлый запах сырости напомнил им обоим Гримм-роуд. Привыкнув к полумраку, они разглядели обширный вестибюль. Свет с трудом пробивался сквозь витражное окно высотой до самого потолка. Витражи отражали величайшие моменты педикюра. Тема не ограничивалась окном — детективы стояли на огромной мозаике, изображавшей ступню с мозольным пластырем «Пемзс» на большом пальце, выложенным золотом и лазурью. Под картинкой виднелся знакомый логотип фирмы «Пемзс», начертанный бронзовыми буквами в ярд высотой. Стены также украшали изысканные фрески с изображением мифических существ под сенью летнего леса. Там купались в лучах света сатиры, нимфы, херувимы и кентавры — и все поголовно страдали от различных ножных недугов. Рядом с каждым из них был изображен

продукт фирмы «Пемзс», любезно преподносимый облаченными в подобающие наряды прекрасными девами. Написанное на лицах персонажей удовольствие не оставляло сомнения в эффективности средств.

— «Угадай продукт», — пробормотал Джек, озираясь по сторонам, разглядывая любопытный декор и две огромные одинаковые мраморные лестницы, уходящие налево и направо вверх.

— Да, но до чего же тут сыро! — откликнулась Мэри, показывая на оцинкованные ведра, расставленные на ступенях для сбора протекающей сквозь крышу дождевой воды.

— Мой дед работал на «Пемзс», — сказал Джек. — Он всегда говорил, что это самое лучшее место работы в Рединге. Они жили по соседству в Пемзвилле, и мой отец ходил в школу, которую финансировала компания. Когда дед заболел, он ложился в Мемориальный госпиталь Пемзса, а выйдя на пенсию, поселился в одном из пемзсовских домов престарелых, разбросанных по всей стране.

— И его похоронили в саване из мозольного пластыря?

— Должно быть, вы инспектор Шпротт, — раздался сзади гулкий голос.

Вопрос прозвучал так внезапно, что оба детектива подпрыгнули. Они обернулись и увидели в шаге от себя высокого мужчину в чёрном рабочем халате. Он подкрался беззвучно, словно кот.

Лорд Рэндольф Пемзс IV был красивым мужчиной средних лет. Тронутые сединой чёрные волосы обрамляли изборожденное морщинами улыбчивое лицо. Глаза сверкали от скрытого веселья.

— Угадали, сэр, — ответил Джек. — А это сержант Мэри Мэри.

Хозяин по очереди пожал гостям руки и изящно поклонился, затем повел их вверх по лестнице.

— Спасибо, что уделили нам время, лорд Пемзс, — начала Мэри, но Пемзс перебил её:

— Хватит и просто «мистер Пемзс», сержант. Я редко пользуюсь титулом. Не считайте за суетность, но «з» краткое, а «с» длинное: покатайте звук во рту, прежде чем произнести.

— Пемссс? — попробовала Мэри.

— Довольно близко, — с хитрой улыбкой ответил Пемзс. — Притормозите чуть раньше, и выйдет как надо.

Тростью с серебряным набалдашником он указал на сатира с гнойниками на копыте и положил ласковую руку на плечо Мэри. Её это вовсе не порадовало, но, поразмыслив, она решила, что смогла бы к такому привыкнуть, предоставься ей подобная возможность.

— Очаровательная картина, не правда ли, сержант?

Мэри, прищурившись, посмотрела на странное существо.

— Боюсь, не очень.

Рэндольф Пемзс помолчал минутку, снова посмотрел на картину и вздохнул.

— Конечно, вы правы, — сказал он наконец. — Всё это нарисовал для моего деда Диего Ривера^[36] в тысяча девятьсот двадцать первом году. Он, Ривера, сильно страдал от плоскостопия, слышали, наверное?

— Должен признаться, не слышал, — сказал Джек.

— Все равно. В результате получился классический этюд на мифологические темы. Мой дед искал способы представить свою продукцию в необычном свете и потребовал, чтобы мифические существа страдали от разных ножных болезней. Ривера, естественно, отказался, и тогда редингский рисовальщик афиш Дональд Шкиллет закончил работу, намалевав всю эту рекламную шелуху. Иногда я подумываю убрать мазню Шкиллета, но реставрация художественных произведений не самая главная проблема «Пемзса» на данный момент.

Они двинулись следом за хозяином предприятия. Тот проворно взбежал по мраморной лестнице, искусно обходя расставленные повсюду ведра. Коридор наверху мог бы потягаться шириной с двухполосной магистралью, когда бы не груды кое-как наваленной бумаги вдоль стен.

— Это все ведомости, — объяснил Пемзс, проследив за взглядом Джека. — У нас сыровато в подвалах. Подождите! Взгляните вот на это!

Он остановился перед портретом почтенного джентльмена — одним из многочисленных полотен, висевших на стенах коридора.

Пемзс взирал на него с явным обожанием.

— Лорд Рэндольф Пемзс Второй, — заявил он.

С портрета смотрел косоглазый старик, стоявший босиком на кресле.

— Мой дед. Погиб в сорок втором году, пытаясь установить национальный рекорд скорости. Великий человек и выдающийся химик. В тысяча девятьсот семнадцатом он изобрел препарат от траншейной стопы,^[37] благодаря чему компания возглавляла мировой рынок средств по уходу за ногами последующие тридцать лет. Он был ведущим мировым специалистом по карбункулам и работал над лекарством от грибка, когда его настигла смерть. Мой отец продолжил его работу, и в пятидесятых годах мы решили данную проблему. Это помогло нам продержаться на плаву чуть дольше. Сюда, пожалуйста.

Он повел их по заваленному бланками коридору, и наконец они

подошли к большой двери красного дерева. Пемзс открыл её и отступил в сторону, пропуская гостей.

В просторном кабинете Пемзса с высоким потолком и дубовыми панелями на стенах доминировал портрет человека, который, как решили детективы, был первым доктором Пемзсом. В дальнем конце комнаты раскинулся стол размером с бильярдный, весь заваленный отчётами, а посередине красовался макет фабрики в кубе прозрачного стекла. Свет проникал сквозь окно в потолок, дождевая вода тоже. Для неё по полу были расставлены ведра и старая цинковая ванна.

Пемзс прочел по лицу Джека его мысли и нервно рассмеялся.

— Это не тайна, инспектор. Мы сейчас в финансовом штопоре, и я не могу позволить себе даже крышу починить. Сигарету не желаете?

— Спасибо, я не курю, — ответил Джек, заметив, что в сигаретнице вообще-то пусто.

Пемзс улыбнулся.

— Мудрый выбор. Незадолго до смерти мой отец пытался доказать связь между никотином и плоскостопием.

— И доказал? — спросила Мэри.

— Нет. Её не существует. Но это мы выяснили благодаря трудам моего отца. Я узнал о смерти Болтая вчера из вечерних новостей. Мы почти год благодарили небеса за то, что они ниспослали компании такого благодетеля.

Он жестом подозвал их к окну и указал на большое здание в модернистском стиле — офисный блок с зеркальными панелями в окружении фабрики в стиле хай-тек.

— Знаете, что это такое?

Джек прожил в Рединге всю свою жизнь и был прекрасно осведомлен о соперничестве двух компаний.

— Конечно. Это «Пан энд Пропалл».

— Верно. Они только и ждут момента, чтобы поглотить нас. Семье Пемзсов в настоящий момент принадлежит только сорок процентов акций компании, так что опасность вполне реальна. В течение последних двадцати лет мы занимали средства под наши активы, лишь бы сохранить старую фабрику. Даже Касл-Пемзс заложен.

Лорд обвёл рукой стол, прогибавшийся под тяжестью различной продукции Пемзса.

— Это наши лучшие линии. Необходимость оставаться конкурентоспособными ограничивает размер прибыли, и к тому же мы, по горькой иронии, страдаем от самой распространенной рыночной болезни.

— То есть?

— От успеха.

— Успеха?

— Успех товара, инспектор, не есть финансовый успех. Вам когда-нибудь приходилось пользоваться продукцией «Пемзс»?

— Да.

— И подействовало?

— Насколько помню, очень даже.

— Тогда вы поймете нашу проблему. Мы способствуем излечению, тем самым постепенно сужая собственный потребительский рынок. — Пемзс указал тростью на таблицы на стене у себя за спиной. — Перед вами график распространения бородавок. Видите, как упали кривые за последние десять лет?

Джек и Мэри посмотрели на график. Несмотря на всплески в период летней жары, неуклонное падение было налицо. Пемзс обратил их внимание на другую таблицу:

— А здесь бурсит большого пальца стопы. Упал на семьдесят процентов за десять лет. — Он перешёл к третьему графику. — Грибок. Устойчивое падение за последние двенадцать лет. — Он снова повернулся к детективам. — То, что хорошо для ног всего мира, плохо для Пемзса.

— А Шалтай-Болтай? — спросил Джек.

— Ах, — улыбнулся Пемзс, — это золотое яйцо!

— Продолжайте.

— Он был нашим главным акционером. Полгода назад на последнем совещании о продаже компании все внешние акционеры проголосовали за принятие предложения «Пан энд Пропалл». Но Болтай держался твёрдо. С его помощью мы сумели отклонить предложение. Его упорство поразило меня, но в то же время озадачило.

— Почему?

— Я решительно не понимаю, чем он руководствовался. Планы Болтая насчёт «Пемзса» для всех нас — сплошная загадка. Дураком он не был, я проверял. Но чего он хотел от «Пемзса», не имею не малейшего представления.

Он снова вздохнул и посмотрел на портрет первого доктора Пемзса, чьё изображение сурово взирало на мир, держа в одной руке модель ноги, а в другой — кусачки для ногтей.

Повисла пауза. Пемзс несколько мгновений изучал потолок, затем спросил:

— Чем ещё я могу вам помочь?

— Вы организовали доставку Болтая домой после его выходки на благотворительном вечере?

— Да, я. Знал бы, что он так... ну... напьется, никогда бы его за стол не пустил.

— Он утверждал, что ему ничего не стоит раздобыть пятьдесят миллионов фунтов. Как по-вашему, о чём шла речь?

— Может, о пакете рефинансирования? Кто знает? Как я сказал, его планы касательно «Пемзса» — полнейшая тайна для меня.

Джек внимательно смотрел на Пемзса, пытаясь найти трещину в самообладании этого человека. Пьютер говорил, что Болтай, возможно, хотел продать акции «Пемзса» Гранди, и Джека интересовало, как отреагирует хозяин кабинета на следующий вопрос:

— А вам не кажется, что он собирался продать их «Пан энд Пропалл»? Пемзс невозмутимо пожал плечами.

— Возможно, хотя, по-моему, он малость затянул с этим. Гранди просто ждёт, когда я утону, чтобы за бесценок скупить то, что останется. Это лишь вопрос времени. — Он поднял бровь. — Судя по вашим вопросам, обстоятельства смерти Болтая представляются вам сомнительными.

— Верно, сэр. Они наводят на размышления.

— Значит, я становлюсь подозреваемым?

— Для меня все подозреваемые, — вежливо ответил Джек. — Не расскажете ли вы нам о своих передвижениях по окончании благотворительного вечера?

Пемзс улыбнулся.

— Конечно. Меня привез домой в Касл-Пемзс Ффинкворт, мой слуга. Это было где-то в полпервого ночи. Боюсь, на время от часу ночи до завтрака в семь утра у меня свидетелей нет.

Мэри сделала себе пометку.

— Вы часто общались с Болтаем?

— До того вечера я с ним не виделся где-то год. Его смерть никому в «Пемзсе» не выгодна, совсем наоборот.

— Как вам кажется, кто мог желать ему гибели?

— Целая процессия рогатых мужей, брошенных любовниц, разозленных владельцев ресторанов и виноторговцев с неоплаченными счетами. Думаю, список получится очень длинным.

— А Соломон Гранди?

Пемзс на мгновение задумался.

— Вы слышали о крахе болтаевской Сплутвийской минеральной

компании?

Джек кивнул.

— Если вы посмотрите список обманутых акционеров, — продолжил Пемзе, — то не в последних рядах обнаружите мистера Гранди. Не думаю, чтобы Соломон решился на убийство, но вам все же следует об этом знать.

— Вы правы, — согласился Джек, делая пометку. — Мэри, у вас остались вопросы?

— Вы женаты, сэр? — спросила Мэри.

— Был. Сейчас я один.

— Больше вопросов нет.

Джек протянул Пемзсу свою визитку.

— Спасибо за помощь. Надеюсь, ваша компания выберется из кризиса. Всего доброго.

* * *

Они оставили хозяина взирать на модель его любимой фабрики. Джек сказал правду: никто не хотел падения «Пемзс». Компания так долго являлась частью Рединга, что её присутствие ощущалось во всём городе. Кроме Пемзвилля, курортной зоны «Пемзс» и мемориального парка того же имени имелись Пемзс-стрит и Пемзс-лейн, а за городом находился Касл-Пемзс, фамильная резиденция, выдержанная в сюрреалистическом стиле тридцатых годов.

— Что скажете? — спросила Мэри.

Джек на мгновение задумался.

— Он, похоже, искренне недоумевает, почему Болтай скупал акции его компании. Смерть Болтая ему невыгодна: поскольку акции описаны в официально заверенной копии завещания, их нельзя продать ни Гранди, ни кому-либо другому. «Пемзс» тонет, и это очень печально. Теперь едем в «Пан энд Пропалл». Вы за рулем.

Он бросил ей ключи, и вскоре они уже ехали к воротам мимо ящиков с нераспроданными мазями для ног.

— Мэри, а почему вы спросили, не женат ли Пемзс?

Мэри тихонько потянула рычажок включения поворотника, и реле «Лукас» отозвалось тихим металлическим щебетанием.

— Не сдержалась, извините. Уж больно он симпатичный.

Она вырулила на главную дорогу чуть быстрее, чем надо. Сзади

вынырнула маленькая спортивная машина с открытым верхом и замысловатым узором на капоте и, сигналив, пронеслась мимо них на огромной скорости.

Глава 19

Соломон Гранди

ГРАНДИ ЖЕНИТСЯ В ЧЕТВЕРГ

Миллиардер, филантроп и педикюрный магнат Соломон Гранди женится в следующий четверг, о чём было объявлено в среду на благотворительном матче по конному поло. Родившийся в понедельник^[38] шестидесятипятилетний финансист в прошлую пятницу чувствовал себя неважно, но в этот вторник намерен отправиться за город развеяться. Он отклонил призывы своего правления остаться в Рединге, пока не будет одобрено последнее приобретение. «К субботе я сдохну от усталости, — насмешливо заметил он ждущим его журналистам, — но в воскресенье снова заруюсь в работу. Эти ребята меня просто прикончат!»

«Жаб», апрель 2000 г.

Охранник у главного входа в «Пан энд Пропалл» маялся за пуленепробиваемым стеклом, как карась в аквариуме, и Мэри пришлось общаться с этим усталым и мрачным типом по домофону. После того как детективы несколько раз повторили свои имена, их наконец впустили. Они въехали в забитый паркинг для посетителей, расположенный по соседству с заросшим густой травой невзрачным ландшафтным холмом.

Запирая машину, Мэри думала, как же это странно, что два мировых лидера в сфере производства средств по уходу за ногами находятся всего в миле друг от друга. Почти как два корабля, готовые дать полный бортовой залп.

Штаб-квартира «Пан энд Пропалл» была выдержана в элегантном и скупом на детали модернистском стиле. Светлый просторный вестибюль взмывал ввысь на шесть этажей. Джек и Мэри представились на вахте, и тощий, как бритва, охранник попросил их подождать. Они расположились возле фонтана и стали смотреть, как снуют вверх-вниз стеклянные лифты, извергая из себя толпы шикарно одетых чиновников, которые с деловым видом разбегались в разных направлениях, имитируя бурную деятельность.

У Мэри в кармане зазвонил телефон. Она вытащила его из кармана,

увидела номер и застонала.

— Опять он? — спросил Джек. — Как там его... Арнольд?

— Да, сэр.

— Дайте телефон мне, — сказал Джек. — Я прикинусь вашим папочкой.

— Но я не...

— Он когда-нибудь видел вашего отца?

— Нет, сэр.

— Тогда давайте сюда телефон.

Она неохотно протянула мобильник Джеку. Тот прокашлялся и нажал кнопку приема.

— Арнольд? — произнёс он голосом строгого отца семейства. — Это Брайан, отец Мэри. Должен заметить, я несколько разочарован...

Он осёкся, несколько мгновений слушал, затем улыбнулся и сказал:

— Очень приятно слышать, Арнольд, но я должен окончательно дать тебе понять...

Снова пауза. Джек немного попыхтел, затем рассмеялся и посмотрел на Мэри.

— А она в курсе? Как насчет... Ты кем работаешь, Арнольд?

Мэри в ужасе уставилась на него. Она подавала знаки, проводя рукой по горлу, трясла головой и одними губами кричала: «Нет, нет, нет!!!»

— Да? — вновь заговорил Джек. — Да, конечно, мы чрезвычайно горды тем, что она поступила на службу в ОСП... конечно... инспектор Джек Шпротт... Нет, два «т»... именно... Нет, как я понимаю, настоящий великан был только один, остальные просто высокие... Она не...

Разговор продолжался таким образом несколько минут, и Мэри все глубже вжималась в кресло.

— Хорошо, — проговорил Джек, — тебе надо как-нибудь зайти к нам на чай. Мы с мисс Мэри будем рады тебя видеть. — Он снова помолчал, прикрыл телефон рукой и спросил у напарницы: — Где мы живем?

Она сердито зыркнула на него, скрестила руки на груди и процедила сквозь зубы:

— В Бейзингстоке.

— В Бейзингстоке, — повторил Джек в мобильный телефон. Снова рассмеялся. — Нет, нам вовсе не стыдно. Звони в любое время. У Мэри есть твой номер. И тебе тоже. До свидания.

Он нажал «отбой», покачал головой и улыбнулся. Затем вернул телефон напарнице и перехватил её убийственный взгляд.

— Ну? Отличный парень. Мне кажется, вам стоит быть с ним чуточку

помягче.

Мэри это не показалось забавным.

— Я-то думала, вы попробуете отвадить его.

Джек помялся, подыскивая благовидную отговорку.

— Нет, — сказал он наконец, — я обещал только изобразить вашего отца. Ну как, получилось?

Мэри вздохнула.

— До ужаса похоже, сэр.

— Инспектор Шпротт? — обратилась к ним тощая, как карандаш, женщина, словно сошедшая с обложки модного журнала.

— Да, — отозвался Джек.

Оба детектива встали.

— Я мисс Коккейт, референт помощника заместителя личного секретаря мистера Гранди. — Она пожала им руки. — Добро пожаловать в «Пан энд Пропалл». Мистер Гранди занятой человек, но понимает важность работы полиции. Он отложил заседание, чтобы встретиться с вами.

— Чрезвычайно любезно с его стороны.

— Мистер Гранди всегда готов помочь закону любым способом, — подтвердила барышня, утратившая чувство юмора по дороге к высокоотточенному профессионализму.

Она провела их через атриум к одному из лифтов, и тот понес их вверх, будто скоростной поезд, и высадил в тихом коридоре, ведущем в отделанный дубовыми панелями кабинет с большим овальным столом. Два вымуштрованных клерка, один из которых показался Джеку знакомым, как раз выходили. Помощница профессионально представила их мистеру Гранди, а затем испарилась.

Соломон Гранди являл собой полную противоположность Пемзсу. Рукопожатие его было вялым, улыбка неискренней, а на мучнисто-бледном лице поблескивали начисто лишённые эмоций ярко-голубые глаза. Костюм, сшитый по индивидуальному заказу на Сэвил-роу,^[39] сидел на его крупной, с массивным загривком фигуре как на корове седло. Этот человек напомнил Джеку гангстера, отчаянно стремящегося выглядеть респектабельным. Голову толстяка украшал безупречно подогнанный парик, а пальцы были щедро унизаны толстыми золотыми кольцами.

Гранди встал, приветствуя Джека и Мэри, и предложил им нарочито низкие кресла. Затем открыл серебряную коробку для сигар.

— Сигару не желаете? Кубинские.

Джек отказался, но Гранди, подмигнув, засунул одну ему в нагрудный

карман, а другую вручил Мэри со словами:

— Для вашего парня.

Он сел в своё огромное и явно удобное офисное кресло и крутанулся на нём, раскуривая сигару. Сделав полный круг, он остановился лицом к детективам, одновременно выключив зажигалку, положил руки на стол и выпустил облачко сигарного дыма. Всё это казалось хорошо отрепетированным привычным действием.

— Как я понимаю, наша беседа будет связана со смертью мистера Болтая?

— Просто неофициальный разговор, мистер Гранди.

— Ас чего бы ему быть официальным? Разве что обстоятельства смерти мистера Болтая кажутся вам подозрительными. Это так, инспектор?

«Нельзя стать девятым в списке богатейших людей Британии, не обладая пронизательностью, — подумал Джек. — Или он уже знает?»

— Да, сэр, кое-какие обстоятельства его смерти выглядят двусмысленно. А кто покидал ваш кабинет, когда мы входили?

— Два младших члена моего правления. Полагаю, вы узнали брата Фридленда?

— И давно он тут работает?

— Он имеет отношение к смерти Болтая?

— Нет.

— Я занятой человек, мистер Шпротт.

Джека бросило в жар. Ему только что без обиняков посоветовали не совать нос куда не следует. Гранди направлял разговор с той самой минуты, как они сюда вошли. Джек решил снова перехватить инициативу и воспользовался своим тайным планом: говорить с другими людьми так, как Фридленд говорил с ним.

— Я тоже, мистер Гранди, — произнёс он, холодно глядя на бизнесмена. — Человек — вернее будет сказать, яйцо — разбился насмерть, и, кем бы он ни был, он заслуживает всестороннего расследования обстоятельств его гибели. Потому ответьте мне: как бы вы описали свои взаимоотношения с Пемзсом?

Гранди усмехнулся. «Очко в мою пользу», — подумал Джек. С такими людьми, как Гранди, лучше говорить напрямик. Хотя тот по-прежнему не собирался облегчать полицейским жизнь, и его бесстрастные глаза сверлили их, как буравчики.

— Мы соперники. Это не секрет. Мы пытались купить его компанию полгода назад, но нас перехватил другой акционер.

— Шалтай-Болтай?

— Именно. Готов поспорить, старина Рэндольф рвет на себе волосы. Со смертью мистера Болтая его акции уйдут по завещанию. Пемзс обанкротится, и мы скупим на торгах всё, что захотим.

Он мерзко ухмыльнулся, и Джек поерзал в кресле. Гранди ему совсем не нравился.

— Похоже, его смерть оказалась вам на руку, мистер Гранди.

— На руку компании, мистер Шпротт. С тем же успехом он мог рухнуть с мотоцикла или умереть во сне. Корпоративный бизнес — опасный мир, но я — не вся моя компания, как и вы — не вся полиция Рединга. Акционеры воспримут смерть мистера Болтая без особой скорби. Мы думали, что Болтай, возможно, готовил пакет рефинансирования для «Пемзс», но его смерть положила этому конец. Не пройдет и года, как производственные линии «Пемзс» станут нашими. Надеюсь, я достаточно откровенен, мистер Шпротт?

— Весьма, — ответил Джек. — О чём вы с мистером Болтаем говорили на благотворительном вечере Пемзса?

Гранди рассмеялся.

— Вы хорошо информированы, инспектор. Он предложил мне свои тридцать восемь процентов акций Пемзса за десять миллионов. Я сказал ему, что время для сделок давно прошло, а он заявил, что через год в это же самое время мне будет вовсе не до смеха. Мы получим все необходимое с торгов. Я слышал, его личная жизнь была довольно пестрой. Почему бы вам не потолковать с его девушками? Ревность — сильное чувство, мистер Шпротт.

— Значит, это месть, мистер Гранди?

Гранди понял намек Джека.

— Вы говорите о Сплутвии, мистер Шпротт?

Джек кивнул:

— Насколько я знаю, вы потеряли там очень много денег?

Гранди задумчиво посмотрел на кончик сигары.

— А всё эти чертовы права на разработку полезных ископаемых. Не стоило мне в это лезть, но опять же — бизнес.

— Значит, вы не огорчились?

— Конечно, не огорчился. Я был взбешен! Давайте я лучше расскажу вам кое-что. Он создал акционерный капитал и потратил его не на покупку прав на разработку недр, а на оружие для мятежников, восставших против правящей военной диктатуры. Я пытался посадить его по обвинению в мошенничестве, но он хорошо заметал следы. Они даже сделали его полковником сплутвийской имперской гвардии, — со смехом поведал

Гранди.

— Мне кажется, это неплохой мотив, мистер Гранди.

— Не согласен, — спокойно ответил Гранди. — По милости Болтая я потерял всего две десятых процента моего капитала. Вот прикиньте: если ваш личный капитал по самой щедрой оценке составляет четыреста тысяч фунтов, то сравнительная потеря для вас составила бы только восемьсот фунтов. Два миллиона — это больше, чем вы увидите за всю свою жизнь, но я могу позволить себе терять такие деньги каждую неделю в течение десяти лет, прежде чем сочту себя разоренным. Я понятно излагаю?

Джек стиснул зубы. Он с удовольствием поставил бы этого типа на место.

— Вполне, мистер Гранди. Не расскажете ли, чем вы занимались после благотворительного вечера Пемзса в понедельник.

— Я вернулся домой, — ответил миллиардер. Ему очень не нравилось отчитываться перед кем-либо в своих действиях. — Мы с женой приехали вместе. Если хотите, можете спросить у неё, с моего благословения.

Джек уставился на Гранди, тот ответил ему бесстрастным взглядом. Шпротту очень хотелось пронять наглеца, и он попробовал пригрозить:

— Я бы хотел также допросить членов совета директоров и ознакомиться с протоколами заседаний правления за последние два года.

Гранди закатил глаза и стряхнул пепел в хрустальную пепельницу размером с тазик для бритвы.

— Для этого требуется судебное постановление.

Джек не отвел взгляда.

— Мне казалось, что вы готовы сотрудничать с полицией, мистер Гранди.

Блеф не прошёл.

— Конечно. То, чего вы просите, потребует значительных затрат времени и ресурсов. Судебное постановление развеет мои сомнения относительно необходимости того, о чём вы просите. Я не желаю бегать туда-сюда по капризу сказочного полицейского, даже не состоящего в Лиге. И вот что я вам скажу: меня нелегко запугать. Меня допрашивали ФБР, ЦБР, ДРП, МВД и МИД. Я вынес четыре обвала биржевого рынка и пережил такие финансовые потери, которые в четыре раза превышают ВВП Восточной и Западной Оппастании, вместе взятых. И уж вас-то я точно переживу.

Его голос оставался прежним, хотя на бледном лице выступили красные пятна. Джек посочувствовал младшим членам правления, которым приходится с таким сталкиваться. Гранди помолчал минуту, пока его лицо

обретало нормальный оттенок, и заговорил снова:

— У вас все?

— Пока да, — ответил Джек как мог жестко.

Зря старался. Получилось вяло и блекло, и Гранди это понимал. Он улыбнулся и пожелал им удачного Дня.

Изящная секретарша возникла словно из ниоткуда и проводила их к лифту, ухнувшему в вестибюль со скоростью свободного падения. Их поблагодарили за визит и через мгновение выпроводили.

— Никогда прежде меня так профессионально не выставляли, — пробормотала в благоговейном ужасе Мэри по пути к «аллегро».

— Наверное, то же самое чувствуешь, когда тебя вышвыривают с работы, — сказал Джек, — только на лифте не катают.

Глава 20

Пресс-конференция

ПОПУЛЯРНЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ ЖУРНАЛ НАЛАГАЕТ ЗАПРЕТ НА БЛИЗНЕЦОВ

«Криминальное чтение», популярнейший журнал, публикующий литературное изложение настоящих полицейских расследований, заявил о наложении запрета на прием «близнецы». Данная акция является частью новой жесткой кампании по борьбе с так называемым застоём в мире профессионального сыска. Под угрозой оказались и другие сюжетные повороты, в том числе излюбленный многими «преступник-левша» и все связанное с анаграммами. Запрет вызвал острое недовольство Лиги выдающихся детективов. Они утверждают, что с ними недостаточно консультировались, и намерены «энергично отстаивать право сыщиков использовать любые сюжетные повороты, которые оказываются под рукой в ходе расследования». Запрет вступает в силу с 1 августа.

«Крот», март 2004 г.

Войдя в управление, они сразу поняли: что-то происходит. Все здание незримо гудело: его обитатели обсуждали необычный случай. Наверное, Фридлинд постоянно ощущал такое напряжение во время работы, но Джек никогда прежде ничего подобного не испытывал. Эшли и Гретель ждали его в кабинете ОСП.

— Что творится, Гретель?

— Да все убийство Болтая, сэр. Похоже, у каждого имеется собственное мнение насчёт методов расследования. Суперинтендант звонит каждые двадцать минут и требует вас.

— И неудивительно, — откликнулся Джек. — Вы не обнаружили каких-нибудь нарушений в финансовых записях Болтая?

— Они очень сложные и запутанные, сэр, — посетовала Гретель. — Словно в тёмном лесу блуждаешь. Но я постепенно продвигаюсь. Как раскопаю что-нибудь основательное, сразу вам скажу.

Она отвернулась к своему столу и набрала очередной телефонный номер.

— Эшли, а как дела с рыжим волосом?

— Пока никак, сэр. Я просматриваю телефонный справочник. В Рединге много парикмахерских.

— Продолжайте. Тиббит выяснил, как зовут того парня на снимке?

— Нет, — ответил Эшли. — Но мы сделали перекрестный поиск по серебристым «фольксвагенам-поло» и имени Бесси. Её зовут Бесси Брук, она помощник ветеринара, возраст один-один-ноль-ноль-один. На работе её не видели с того самого утра, когда был обнаружен труп Болтая. Адрес у вас на столе.

— Отлично. Позвоните оперативникам и отрядите за ней кого-нибудь. Откажется ехать на допрос — арестуйте как возможную подозреваемую. Мэри...

— Да, сэр?

— Меня не убедили байки Гранди о том, что для него потеря двух миллионов ничего не значит. Вот запрос на ордер на обыск штаб-квартиры «Пана». Поручаю вам...

— Значит, убийство, Джек?

В дверях стоял Бриггс. И выглядел он вовсе не таким рассерженным, как ожидал Джек.

— Да, сэр.

— Могу поклясться, вчера речь шла о суициде.

— Я ошибся. Мы разговаривали с вами до того, как пришёл предварительный отчёт от миссис Сингх. Копия у меня на столе...

— Я уже читал, Джек. Значит, его застрелили. Кто?

Джек изложил то небольшое, что они успели выяснить. Бриггс не выразил особого восторга; впрочем, он вообще отличался сдержанностью. Его не волновали три поросенка, и на аферу с новым платьем короля он тоже реагировал без особого восторга. Но даже при этом его ответ удивил Джека.

— Ладно, — сказал он, дослушав отчёт. — Похоже, ты хорошо справляешься. Держи меня в курсе и, если тебе что-то понадобится — что бы это ни было, — звони мне. — Он помолчал и добавил: — Если, конечно, это не дополнительный персонал, время, деньги или... что-то ещё, чего я дать не могу. Я попрошу секретаря подготовить список. Прежнее требование скорейшего расследования остается в силе. Заседание по бюджету состоится на следующей неделе, и, если ты быстренько кого-нибудь арестуешь, это очень поможет продлить финансирование отдела. И

вот что: все вышеизложенное не снимает с тебя обязанностей по охране Священного Гонго. У меня не хватает персонала, а мы в этом году и так уже в перерасходе.

Он задумался на мгновение.

— Да, вот ещё что. Я только что говорил с шефом. Ему звонил сам Соломон Гранди и полчаса дрючил его из-за твоих угроз. Ты серьёзно считаешь убедить меня, что за этим стоит Гранди?

— Все возможно, сэр. «Пан энд Пропалл» твёрдо намерены завладеть всеми разработками «Пемзса». Болтай заблокировал покупку, а затем, похоже, приступил к выполнению какого-то плана по спасению компании.

— Какого плана?

— Не знаю. Но теперь, когда Болтай ушёл со сцены, ничто уже не помешает «Пан энд Пропалл» захватить «Пемзс». Пока это самый прямой мотив, и, более того, сам Соломон потерял два миллиона на достопамятной афере Болтая с правами на разработку недр Сплутвии.

— Это в девяностом? Четырнадцать лет назад?

— Да, — ответил Джек. — Именно.

— Доказательства?

Джек посмотрел на Бриггса.

— Для того нам и нужен ордер на обыск, сэр.

— Какой такой ордер на обыск?

— Вот этот.

Джек нерешительно протянул начальнику заполненный бланк.

Бриггс ожег его взглядом, взял бумагу и порвал её.

— Извини, Джек. Придумай что-нибудь получше. Огненные письма на стене, глас из горящего куста, ведьмы у котла. Что угодно. Но ни на какие слухи, подозрения и в особенности на интуитивные прозрения я не куплюсь. Ты не будешь докучать мистеру Гранди или «Пан энд Пропалл», пока я не увижу доказательств и не санкционирую их.

— Но...

— Никаких «но», Джек. Ответ — нет. К нам в город прибывает Джеллимен, и это большое дело. Сорок миллионов, которые Гранди пожертвовал, чтобы Священный Гонго оставался в Рединге, обеспечат огромный приток туристов в наш город. Кому нужен Рединг без Священного Гонго?

— А река? А Соммаленд? А музей Фриденда? Касл-Пемзс? Магазины?

— Тут не до шуток! Мысли масштабнее. Подумай о Рединге. — Бриггс повеселел и хлопнул Джека по плечу. — Извини, но это политика. Седьмой

этаж. Не забудь: найдёшь хоть какое доказательство — сразу ко мне. — Он взглянул на часы. — Ты не собираешься на пресс-конференцию, Шпротт?

— Да мне вроде незачем, сэр.

— По-моему, тебе стоит туда сходить.

— Потому что теперь это может кого-то заинтересовать?

— Вовсе нет. Просто Фридленд ещё раз блеснет на общем фоне.

— Ну как я могу отказать!

— Хорошо. И я хочу, чтобы полный отчёт лег ко мне на стол как можно скорее. И не стандартный шпроттовский «оставьте ОСП на плаву любой ценой». — Он радостно потер ладони. — Так. Ладно, мне ещё надо поговорить с Фридлендом, прежде чем он начнёт. Утром он закрыл ещё одно расследование — замечательный человек!

Бриггс собрал свои бумаги и вышел.

— Ну, — спросила Мэри, снова подходя к Джеку, — мы все ещё ведем это дело?

— Похоже на то, — нахмурился Джек, — но Бриггс сегодня что-то не орет и не угрожает меня уволить, как обычно. Надеюсь, он не заболел. Может, его устраивает текущее положение дел? Что думаете?

Мэри сглотнула. Во рту у неё пересохло. Все объяснялось очень просто. Она знала, что Фридленд намерен перехватить расследование, а Звонн с Бриггсом всегда приятельствовали. Да ещё при её помощи...

— По... понятия не имею, сэр.

— И я тоже, — пробормотал Джек, — но я не жалуясь. Какие новости по миссис Болтай?

— Пока никаких, сэр.

— Протоколы правления Гранди нам недоступны, так что придётся покопаться вокруг. Возьметесь?

— Да, сэр.

— Хорошо. Что там, Гретель?

— Скиннер прислал отчёт.

Джек внимательно прочел его.

— Гильзы не соответствуют, — заявил он, протягивая отчёт Мэри. — «Маркетти» действительно принадлежал дровосекам, но их застрелили не из него. Уже легче. Не испытываю ни малейшего желания ковыряться в старых расследованиях Фридленда. И глупо было думать, что он может ошибаться.

Он собрал свои бумаги и вышел из комнаты.

Мэри подошла к Гретель. Хотя баронесса формально подчинялась Мэри, но была опытнее и старше. Данное обстоятельство сообщало ей

неофициальное преимущество, и обе это понимали. Мэри не собиралась давить на Гретель, а та не собиралась ей этого позволять.

— Как продвигается дело?

— Неплохо. Судебная бухгалтерия — наука недооцененная. Вот посмотри: в июле Шалтай купил в Сплутвии тысячу тонн высококачественной меди на деньги, снятые со счета в банке Мыльвании. Затем обменял медь на тысячу галлонов соуса «Бернез». Соус заказчику не доставили, и Болтай получил возмещение за убытки. Возмещение было выплачено дочерней фирме в Оппастании, которая потом использовала эти наличные для финансирования развития гостиничного бизнеса во Всебякистане, что в свою очередь обеспечило Шалтаю убыток, который он сумел продать крупной мультинациональной корпорации, чтобы те могли списать часть налогов. За это Шалтай получил комиссионных восемь к одному на каждый цент. Таков путь от грязных сорока тысяч фунтов до отмытых восьмидесяти. Всего несколько коротких действий. Целая рать юристов угробила бы месяц на поиск того момента, где был нарушен закон, и ещё месяц разбиралась бы, какой именно.

Но Мэри подошла к ней не за этим. Она никого не знала в Рединге, кроме старой тетушки и нескольких бывших поклонников. Ей показалось, что Гретель — подходящая кандидатура для столь непродуктивного (и необходимого) дела, как простая болтовня.

— А ты и правда баронесса?

— О да, — ответила Гретель так, словно признавалась в том, что у неё две машины, — но это ничего не значит. Мы выходцы из Восточной Германии. У нас был большой дом и имение неподалёку от Лейпцига. Когда пришли русские, моя семья бежала в Западный Берлин, прихватив с собой только титул да чайную ложку с гербом. А ты из Бейзингстока?

— Родилась и выросла там. И ничего постыдного в этом нет.

— Да, — сказала Гретель, — мне так и говорили.

— Ты такая рослая, — заметила Мэри. — А тебя не беспокоит... э... репутация Джека?

— В смысле великанов-то? Нет. Самая мелкая его жертва была минимум на шесть дюймов выше меня. Так что я сильно не дотягиваю до его критериев. Ты сержанта давно получила?

— Четыре года назад, — ответила Мэри. — Я сдала экзамены на официального напарника, ну и что мне с этого? Скажи, ты ведь работала со Звонном. Какова вероятность, что он выгонит этого идиота Хламма? Он дурак, зануда, и язык у него грязный.

— Настоящий детектив с радостью бы это сделал, но я уверена, что

Звонн его не выставит. Хламму известно о Фридленде много такого, чего тот не хотел бы разглашать.

— Например?

— Никто толком не знает, и Звонна это вполне устраивает. А значит, Хламму, как это ни печально, останется при нем, сколько пожелает. А ты никак метишь на высший сержантский пост в Рединге?

— Ну, это план на очень отдаленную перспективу, — торопливо ответила Мэри.

— Звонновская следственная машина — обоюдоострый меч, — доверительно сказала Гретель. — Выгоды огромны. Ты играешь по его правилам и порой ненавидишь себя за это, но через полгода привыкаешь и начинаешь искать, кого бы затоптать в следующий раз.

Мэри задумчиво кивнула. Она часто себя ненавидела. Ну, поненавидит ещё разок, всего и делов-то!

* * *

— И, — торжествующе продолжал Звонн, — так мы узнали, что майор Страттон виновен. Он нарочно попытался навлечь на себя подозрения при помощи неоконченной игры в скрэббл и недоеденных макарон. Он надеялся, что его обвинят, а потом освободят, когда подтвердится его алиби, и рассчитывал, что полиция полностью исключит его из расследования. Но с помощью анализа высохшей слюны на обратной стороне марки мне удалось доказать, что Уэнтворт не посылал письма, якобы направленные из Комиссии по слияниям. Таким образом, поскольку Колышек страдал аллергией на порей и потому был выведен из строя, а Уилкс сидел тогда под арестом... — Он умолк, аудитория застыла в ожидании. — Это мог быть только майор Страттон!

Взрыв аплодисментов. Вспышки камер. Фридленд кивал, одобряя одобрение публики.

— Но что заставило вас вообще заподозрить майора Страттона? — спросил Джош Рубайлис.

— Это было легче легкого, — улыбнулся Звонн. — Майор был опытным игроком в скрэббл. Он никогда не согласился бы на «поиск» без бонуса при возможности поставить «вождь» с утроением. На уме у него наверняка было что-то ещё, а именно — убийство!

Снова взрыв аплодисментов.

— Вы очень добры, — скромно поклонился Фридлинд. — Полное изложение дела будет опубликовано под названием «Дело ароматной сливы». Леди и джентльмены, дело закрыто!

Джек стоял у боковой двери, когда Мэри подошла к нему. Они наблюдали, как Звонн отвечает на вопросы и объясняет мелкие детали расследования.

— Тут говорят, будто вы подавали заявление в Лигу, сэр, — проговорила Мэри.

— Это идея моей жены. Но поскольку в отборочной комиссии сидит Звонн, мои шансы стремятся к нулю.

Мэри промолчала.

— Могли бы и возразить, — буркнул Джек. — Сказать что-нибудь вроде «ну что вы, сэр». Хоть подбодрили бы меня.

— Ну что вы, сэр, — вздохнула Мэри. — Полегчало?

— Нет. Только хуже стало.

— Кто все эти люди? — попыталась она сменить тему, разглядывая пестрые ряды журналистов.

В зале толклись три новостные команды, японские телевизионщики, несколько независимых журналистов и маленький, испуганного вида человечек с видеокамерой, явно репортер местного кабельного канала.

— Вон тот тип с краю — Джош Рубайлис из «Крота». Рядом с ним Гектор Склизз, который пишет для «Жаба». Друг друга терпеть не могут. Парень в очках — Клиффорд Трезвер из «Совы», вероятно, единственный серьёзный журналист в этом зале. Здоровяк со слегка поддатым видом, что сидит в первом ряду, — Арчибальд Макхряк, издатель «Слепня». По бокам от него сидят Просек и Пиарсон, работающие на местные газетенки — «Редингский вестник» и «Редингский ежедневный вырвиглаз». Остальных не знаю, но предполагаю, что это ребята из национального газетного синдиката.

Звонн закончил отвечать на вопросы, и снова начались рукоплескания. Он повернулся налево, направо, чтобы фотографы смогли сделать ещё несколько кадров на выбор, затем эффектно покинул зал. В течение пяти минут помещение опустело. Остались только Макхряк и Склизз, пытавшиеся разобраться в собственной стенографии.

— Всем добрый день, — медленно проговорил Джек, поднимаясь на возвышение. — Вчера около часа пополуночи был застрелен Шалтай-Болтай, в то время как он сидел на своей любимой стене. Умер мгновенно. Вопросы есть?

Он уже хотел уйти, но тут прозвучал вопрос, и не со стороны

Арчибальда. Задал его Гектор Склизз, который обычно никогда не досиживал даже до появления Джека в зале и потому ни разу его не видел.

— Вы кто?

— Инспектор Джек Шпротт из отдела сказочных преступлений.

— Вы новенький? Я никогда раньше вас не встречал.

— Да я тут всего-то с семьдесят восьмого года, мистер Склизз. Просто вы всегда уходите раньше, чем я успеваю подняться с места.

— Ладно. Шалтай-Болтай? — недоверчиво повторил Склизз. — Вы хотите сказать, то самое большое яйцо?

— Верно.

— Подозреваемые?

— Нет.

— Мотив?

— Нет.

— Оружие?

— Нет.

— У меня все.

Гектор встал и вышел вон.

— Еще вопросы есть? — спросил Джек, обращаясь к комнате, в которой остался один Макхряк.

— Детектив Шпротт, — начал издатель «Слепня», — вы можете подтвердить, что в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году британское правительство вело переговоры по поводу репатриации мистера Болтая из Огапоги в обмен на информацию о залежах нефти в Огапогском бассейне?

Джек вздохнул.

— Мне неизвестно ни о каких сделках с Огапогой или иными странами, мистер Макхряк. Что вас интересует в деле Шалтая-Болтая?

— Я пишу его биографию, но чем глубже рою, тем больше вопросов.

— Неужели? — устало спросил Джек.

Он не собирался сообщать Макхряку, что у него у самого имеется аналогичная проблема.

— Да, — продолжал Арчи, подаваясь вперёд. — Но его арестовали не за контрабанду драгоценных камней. Я разговаривал с одним журналистом, и тот рассказал мне, что на самом деле Болтай поставлял оружие мятежникам, дабы те могли бороться с незаконно захватывавшими землю агентами правительства. Это правда?

— Это вы мне расскажите, мистер Макхряк.

— Разве это не часть вашего расследования?

— История мистера Болтая долгая и пестрая, — ответил Джек. —

Начиная с мелкого мошенничества и кончая земельными спекуляциями в Сплутвии. Предмет нашего расследования составляют все грани его бытия, но в первую очередь мы намерены пристально изучить его дела на родине.

— Вроде Оксфорда? — спросил Макхряк. — Вы знаете, что он учился в Крайстчерче?

— Да, — ответил Джек. — В тысяча девятьсот сорок шестом году. Едва не попал в национальную сборную по регби.

— В сорок шестом? — удивился Макхряк. — Вы уверены?

— Да. А что?

Макхряк драматически набрал в грудь воздуха.

— А вы знаете, что между сорок пятым и сорок седьмым в Крайстчерче учился сам Джеллимен?

— Они могли никогда не общаться.

— Сомневаюсь. Джеллимен был капитаном команды регбистов.

— Его преосвященство встречался в прошлом со многими людьми, — тут же возразил Джек.

— Конечно, — неуклюже сдал назад Макхряк, спеша уверить Джека, что ни в чём не собирается обвинять Джеллимена. — Я ни на мгновение не предполагал, чтобы он мог быть замешан в делах мистера Болтая, но это тем не менее интересно! А правда, что вы подали заявление в Лигу?

— Уже слухи пошли?

— Понимаю, вы вряд ли туда попадёте, но если вдруг, то не забудьте о своих друзьях в «Слепне», когда «Криминальное чтение» завернет ваш отчёт!

— Вы очаровательно умеете вести дела, Арчи.

— Значит, дело не в контрабанде драгоценных камней из Огапоги, — вполголоса проговорила Мэри, когда они возвращались в кабинет ОСП. — Он просто поставлял оружие мятежникам.

Джек задумчиво кивнул:

— Похоже, ему лично от собственных преступлений ничего не перепадало.

— Надуть финансовый истэблшмент Сити на сорок миллионов фунтов во имя свободы и демократии — в этом есть своя ирония, — продолжала Мэри.

— Согласен. Складывается впечатление, будто это яйцо отличалось совестью и не боялось рискнуть всем, если считало, что мир от этого станет лучше.

— Как в этой заварухе с акциями Пемзса, принесшей ему пятьдесят миллионов на перестройку ветхой и прискорбно отсталой психушки

Святого Церебраллума?

— Вроде того. Может, он и был жуликом, но благородным.

* * *

Когда Джек и Мэри вернулись в участок, Гретель корпела над бумагами и калькулятором. Не поднимая головы, она весело сделала им ручкой.

— Пулю на Гримм-роуд ещё не нашли? — спросил Джек.

— Пока нет.

— Я не помню, чай вы предпочитаете или кофе, — сказал Эшли, подавая Джеку дымящийся напиток, — потому заварил и то и другое.

— Спасибо.

— В одной чашке.

Джек вздохнул. Рамбозиец никак не мог привыкнуть к здешнему порядку вещей.

— Спасибо, Эшли. В следующий раз сделайте кофе с молоком и одним кусочком сахара, ладно?

— Да, сэр.

Мэри разговаривала в дверях с полицейским. Сделав несколько заметок, она поблагодарила его и вернулась в кабинет.

— Бесси Брукс сбежала, — доложила она и, отчаявшись найти в крохотной комнатенке лишний стул, примостилась на краешке стола. — Её квартиру обыскали, но она уже пару дней там не появлялась. Чемодана нет, одежда разбросана — видимо, собиралась в спешке. Можно, я выпишу ордер на арест? Проще выследить её по кредитной карточке.

Зазвонил телефон. Мэри сняла трубку, несколько секунд слушала, затем поморщилась.

— Спасибо. Мы уже едем.

Она положила трубку и посмотрела на Джека.

— Похоже, плохие новости, — медленно проговорил он.

— Миссис Болтай.

— Наконец-то! Когда мы сможем с ней поговорить?

— Никогда, если только у вас нет на примете хорошего медиума. На фабрике «Ням-ням» произошел несчастный случай. Вдова Шалтая... мертва.

Глава 21

Покойтесь с миром, миссис Болтай, и «Дело закрыто»!

ЗВОНН ИДЕТ НА МИРОВОЙ РЕКОРД В СКОРОСТНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

Второй в мировом рейтинге «Криминального читива» сыщик, старший инспектор Звонн попытается побить мировой рекорд инспектора Моржа по скорости расследования в два часа тридцать восемь минут, установленный в прошлом июле по делу, включавшему тройное убийство, пропавшее завещание, шантаж и финансовые махинации. «По-моему, мы сможем срезать несколько минут с рекорда Моржа», — уверенно заявил старший инспектор Звонн, приступая к тренировкам для штурма рекорда. Поскольку убийства по заказу не совершаются (даже ради скоростных расследований), Звонну придётся подождать подходящего случая. «Я готов, как никогда», — заявил он.

«Криминальное читиво», июнь 2002 г.

— Она инспектировала линию шоколадной дижестивной продукции, — объяснял им менее чем через полчаса ошарашенный менеджер.

Фабрика «Ням-ням» представляла собой безупречно организованный и почти стерильный лабиринт лязгающих механизмов и баков из нержавеющей стали, над которыми витал запах выпечки и жженого сахара.

— Во время дневного обхода она попросила меня принести ей из кабинета шаль. Вернувшись, я увидел группу рабочих, сгрудившихся возле промышленных пищевых миксеров. Разумеется, без толку. Мистер Эймсворт говорит, что видел, как она прыгнула в главную тестомеску. Там готовилась основа не только для дижестивов, но и для всей нашей выпечки, от булочек с заварным кремом до галет с тмином.

Он осёкся и приглушенно всхлипнул, затем высморкался в ярко-жёлтый носовой платок.

— Она была маяком «Ням-ням» с тех самых пор, как унаследовала

фирму от отца десять лет назад. Она знала песочные палочки как свои пять пальцев, а слоеное тесто — снизу доверху.

Джек и Мэри осторожно заглянули в огромный бак смесителя, куда, как им сказали, помещалось почти пять тонн теста. Они увидели только ногу и часть голубого платья миссис Болтай. Пожарные уже опустили в бак лестницу и пробирались сквозь вязкую массу, пытаясь извлечь то, что осталось от женщины.

— Мэри, возьмите-ка показания у парня, который видел, как она бросилась в бак. Я сам пойду в её кабинет.

Менеджер, продолжая оплакивать гибель миссис Болтай и её познания в области выпечки, проводил Джека к выходу из цеха. Они вступили в сияющую чистотой административную часть здания, поднялись на два лестничных пролета и вошли в кабинет миссис Болтай, откуда открывался бы прекрасный вид на Рединг, не виси над городом низкие облака.

— Вот её кабинет, — вздохнул провожатый. — Какой ужас! Мне кажется, сама она этого не хотела, ну, вы понимаете. У неё ведь было прекрасное настроение.

Джек обошел вокруг стола и увидел снимок в золотой рамочке, на котором супруги Болтай были запечатлены вместе. Рядом также стоял компьютер, телефон, лежали письма. Он остановился. На грессбухе покоился сложенный пополам листок бумаги, на котором было чётко написано его имя. Джек убрал с него авторучку и кончиком своего перочинного ножика приоткрыл письмо ровно настолько, чтобы разобрать текст. Дабы развеять сомнения, он прочел его дважды.

Инспектор Шпротт!

Я уверена, что именно вы прочтете это письмо, и хочу, чтобы вы знали: я сделала это из любви, а не из ненависти. Мы шли к примирению, и всё было хорошо, пока я не увидела его с какой-то девицей, и тут кровь у меня вскипела. Я отправилась к нему домой и, моля Бога о прощении, нажала на курок. Ваш вчерашний визит заставил меня понять, что от возмездия не уйти. Возможно, я избавила вас от многих трудов и забот.

P. S. Передайте, пожалуйста, мистеру Грилькуру, что я не смогу встретиться с ним сегодня вечером в 9.30.

Письмо было подписано: «Лора Гарибальди-Болтай». Джек открыл настольный ежедневник и сравнил руку. Почерк был весьма характерным и не оставлял ни малейших сомнений, что записку написала хозяйка кабинета. Шпротт просмотрел записи за последнюю неделю, но там не

обнаружилось ничего интересного — только время обедов, тенниса и всякое такое. Покойная не затевала ничего экстраординарного.

Мэри появилась в дверях, как раз когда Джек обследовал ящички стола.

— Взгляните, — сказал он, показывая записку.

Мэри прочла и тихо присвистнула.

— Значит, всё-таки это она убила его.

— Возможно, из этого пистолета, — ответил Джек, показывая на маленький никелированный пистолет тридцать второго калибра, обнаруженный под бумагами. — Позовите коронеров, чтобы забрали вещественные доказательства. Нам надо проверить подлинность записки и исследовать пистолет на предмет отпечатков пальцев. Правда, наличие у неё пистолета меня удивило.

— А меня — нет, — ответила Мэри, показывая на одну из множества развешанных по стенам кабинета фотографий.

На групповом снимке улыбающаяся Лора праздновала победу в британском чемпионате по стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Рядом с ней стоял Болтай с бутылкой шампанского в руках, а среди прочих фигурировал Рэндольф Пемзс. Похоже, она была знакома с пистолетом куда лучше, чем они полагали.

— Что сказал мистер Эймсворт?

— Он видел, как она перебралась через барьер, мгновение помедлила, а затем прыгнула. Он нажал аварийную кнопку, но было уже поздно.

* * *

Коронер прибыл через полчаса, но делать ему особо ничего не пришлось. Письмо вместе с тремя образцами почерка забрали, и один из полицейских, Шенстон, осторожно изъясил пистолет из нижнего ящичка стола. В обойме не хватало пяти пуль, но больше ничего не удалось обнаружить. Команда управилась за сорок минут. Но на главном этаже бисквитного производства дело обстояло иначе. Восемью пожарным, миссис Сингх и двум её ассистентам понадобилось почти шесть часов, чтобы собрать всё, что осталось от миссис Болтай. Производство было остановлено на неделю.

— Ситуация довольно прозрачная, — сказала Мэри, когда они ехали на «аллегро» назад в управление.

— Излагайте.

— Она убила его вчера рано утром, после нашего визита поняла, что окажется главной подозреваемой, испытала приступ раскаяния и затем... покончила с собой.

— Слишком чисто.

— Как это может быть слишком чисто? — воскликнула Мэри, волнуясь, не передумает ли Звонн брать её к себе в команду, раз дело Болтая уже нельзя перехватить. — Она же написала записку!

Джек пожал плечами. Мэри была права. Дело вырисовывалось яснее некуда, и хорошо, поскольку именно для этого он тут и находился. Но с чисто эгоистической точки зрения он чувствовал себя обманутым. Убийства попадают не каждую неделю, и он надеялся, что этот случай поможет ему загладить фиаско с поросятами. И ведь дело само шло навстречу с распростертыми объятиями — только чтобы выплюнуть простофилю недожеванным. Изначальная тайна быстро превратилась в очередное убийство из ревности, в жест отчаяния, разрушивший две жизни и сломавший ещё многие. Расследование завершилось, а вместе с ним, скорее всего, и история ОСП, и его собственная карьера. Джеку подумалось: наверное, именно так чувствует себя Фридленд, когда лакомая загадка на глазах превращается в расследование банального грабежа. И оттого что он чувствовал себя так же, как Звонн, ему сделалось ещё гаже. Кроме того, подобное расследование было ему нужно как никогда. Чтобы доказать Бриггсу и его проклятому бюджетному комитету, если не себе самому.

— Дерьмо, — пробормотал Джек.

— Сэр?

— Дерьмо, — немного громче повторил он, — и чушь собачья!

Он вздохнул, наконец смирившись с тем фактом, что дело закрыто.

— Под занавес всегда остается несколько неясных вопросов, Мэри. Но это расследование закончено, и я бы цеплялся за соломинку, если бы думал иначе. Нет. Лучше аккуратно закруглиться, как того и желает Бриггс.

* * *

Сказать, что Эшли, Бейкер и Канн де л'Абр были разочарованы, значит ничего не сказать. Разработка этого случая стала для них сущим праздником на фоне ежедневной тупой рутины, и они стонали и ворчали, пока Джек рассказывал им новости.

— Мы ждем результатов графологической экспертизы, чтобы закрыть дело официально, так что прошу все отчёты ко мне на стол ровно в десять.

— Сэр... — начал было Эшли, но Джек жестом заставил его замолчать:

— Это насущный вопрос, касающийся расследования?

— Нет, сэр.

— Ну так оставьте нас в покое и займитесь лучше бумажной работой.

Где Отто?

— Наверное, все ещё пытается идентифицировать того парня на снимке, который мы нашли на столе у Болтая.

— Надо его отозвать.

Эшли и Гретель переглянулись и молча занялись бумагами, как он и просил. Мэри тихонько выскользнула из комнаты.

Джек просмотрел стикеры с записками, приклеенные к его телефону. Здесь была заявка от Бо-Пип, которая снова потеряла своих овец, письмо из клуба владельцев «аллегро» с вопросом, проверил ли он ось. Было несколько записок от его матери, причём последняя с пометкой «срочно».

— Проклятье!

Он намертво забыл о поиске этих несчастных бобов.

Шпротт позвонил в «Палитру», и любезная секретарша сказала ему, что мистер Туппердэйс внезапно уехал по срочному вызову в Лондон, где он должен присутствовать на аукционе работ Стаббза, и не вернётся до пятницы. О бобах она ничего не знала и понятия не имела, почему Туппердэйсу понадобилось присутствовать на этом самом аукционе: по срочному вызову или по какой-то иной причине. Джек положил трубку и тупо уставился в экран компьютера.

Что-то было не так, но он не мог понять, в чем дело. Увы, такие категории, как «ощущение» и «интуиция», с Бриггсом по-прежнему не проходили, если ты не член Лиги. А вот если да, то можно позволить себе убить на одно расследование хоть тысячу человеко-часов.

— 1000 010011 1010010 10010, — приглушенно говорил Эшли по телефону Гретель в другом конце комнаты. — 10010 11010 00100111 1011.

— Треплешься с мамочкой по служебному телефону? — прорычал Джек.

— Извините, — послышался дрожащий голос, и все затихло.

Джек тупо уставился в свой скринсейвер с сорока четырьмя весёлыми чижками и сидел так до тех пор, пока не настало время отправляться на инструктаж по охране Джеллимена.

* * *

Пока Джек протирал штаны на инструктаже вместе с прочими полицейскими в ранге инспектора и выше, Мэри сидела в кафе «Блюдечко», чувствуя некоторую нервозность — и раздражение. Насколько она понимала, шансы на работу со Звонном пошли прахом. Если вдруг великий сыщик сбросит её со счетов, получится, что она рисковала своей репутацией впустую. А если всплывет, что она работала на других за спиной своего непосредственного начальника, то её наверняка переведут расследовать кражи овец в Леруик или ещё куда. Звонн сам ошибся насчёт дела Болтая, но это не имело значения. Мэри выполнила свою часть сделки и надеялась, что он выполнит свою. Она глотнула кофе и просмотрела свои заметки. Старательная девушка даже сделала фотокопию признания миссис Болтай.

— Мэри! — окликнул её Хламм, подходя к её столику с чашечкой кофе в руке. — Вы не против, если я буду называть вас Мэри? А вы, если захотите, можете называть меня Эдди.

Она улыбнулась и пригласила его сесть.

— Как дела? — спросил Хламм.

— А разве вы не слышали? Его убила бывшая жена. Мотив, возможность и, главное, предсмертная записка.

Похоже, Хламма это не особенно озаботило.

— Насколько я знаю шефа, положение сложное, но вполне поправимое. Он реанимировал столько безнадежных дел, сколько я за свою жизнь пончиков не съел. И все эти «глухари» в наши дни очень даже популярны. Как раз то, что нужно для летнего спецвыпуска «Криминального чтения». А теперь — что у вас есть для нас?

— Вот копия предсмертной записки, а это копии образцов её почерка. Я сделала несколько заметок и могу с вами об этом поговорить, если желаете.

— Отлично! — восторженно воскликнул он. — Шеф будет доволен. Вы явно поставили на нужную лошадку.

Следующие полчаса они проговорили о расследовании и обо всех относящихся к делу моментах, которые, по мнению Мэри, стоили упоминания. Хламм то и дело кивал и делал пространные заметки, приговаривая, что вот это шефу понравится, а вот из этого шеф сможет кое-что выжать. Когда Мэри поделилась всем, что знала, он поблагодарил, обещал в скором времени связаться с ней и ушёл, не допив кофе.

Несколько минут она сидела, собираясь с мыслями, затем вернулась в кабинет ОСП, как раз когда Джек воротился с инструктажа по Джеллимену.

— А, Мэри... Бриггс занимается убийствами-самоубийствами, и завтра в десять я докладываю ему о деле Болтая. Все вы понадобятся мне с утра для операции по охране Священного Гонго, так что собираемся сразу после доклада. Понятно?

— Да, сэр.

— Хорошо. Я еду домой.

Он ушёл, оставив её в маленьком кабинетике наедине с собственными мыслями. И надо признаться, весьма неприятными мыслями. Мэри была как никогда близка к тому, чтобы начать карьеру у Зонна, о чём мечтала всю жизнь, однако теперь это почему-то казалось ей неправильным. Цена и так оказалась высока, а могла стать ещё выше.

Глава 22

Титаны и бобовые стебли

ДВОРЕЦКИЙ ПОВЕРГАЕТ ВСЕХ В ШОК

Невероятный исход дела поверг в шок весь мир профессионального сыска: убийцей на самом деле оказался дворецкий покойного лорда Сардинопса. «Я совершенно сбит с панталыку, — говорит член Лиги инспектор Сворринг. — Тридцать лет расследую преступления, но никогда такого не слышал». Слишком банальная логическая посылка «это сделал дворецкий» автоматически исключала всех имеющихся дворецких из круга подозреваемых. Но больше такому не бывать. Мисс Мурпл, которая и вычислила виновного, была невозмутима. «Боже, ну и переполох же я вызвала!» — сказала она, прежде чем вернуться к своему вязанью.

*«Криминальное чтиво», август
1984 г.*

Когда Джек вошёл в дом, его поразила необычная тишина, хотя детям вот-вот пора было идти спать.

— Привет...

К его удивлению, телевизор был выключен. Отпрыски обычно смотрели его по очереди, и, поскольку в доме имелся только один голубой экран, зачастую возникали потасовки.

Мадлен была на кухне. Джек поцеловал её и тяжело опустился на большой стул во главе стола.

— Дело Шалтая только что закрыто.

— Ты его раскрыл?

— С моей стороны это усилий не потребовало. Его убила бывшая жена. Она только что покончила с собой на фабрике «Ням-ням». На твоём месте я бы некоторое время воздержался от булочек с шоколадной глазурью.

Джек снял галстук и убрал с сиденья игрушку Стиви.

— И что это означает для ОСП?

Джек пожал плечами:

— Думаю, нас разгонят. Через четыре года меня всё равно выпихнут на пенсию. Мне будет только сорок восемь. Наверное, пора начать новую карьеру.

— Куда же ты подашься?

— Да мало ли куда.

— Например?

Джек немного подумал, но так ни к чему и не пришёл. Работа в полиции была его жизнью. Больше он ничем не смог бы заниматься. Всё это слишком угнетало, и он решил сменить тему.

— А у тебя как дела?

— Хорошо. Прометей, оказывается, никогда не видел, как работает фотограф, потому вызвался помочь мне делать портрет леди Элен Мужланс-Тупорыллис. И всю дорогу рассказывал нам о своей жизни до заточения на Кавказе. Детишкам он нравится, и я отказываюсь понимать, почему ему не хотят давать британское гражданство. Эти типы в МВД настоящие козлы.

— Да нет, они просто боятся. Знаешь ли, выступить против Зевса при том, как он любит швыряться молниями направо и налево, не самая лучшая идея. И где Прометей сейчас?

— А ты сам посмотри.

Она показала на дверь в гостиную. Джек приоткрыл её и заглянул в щелочку. Прометей стоял перед телевизором, безоговорочно затмив его в этот вечер. Титан рассказывал в лицах какую-то историю, а Меган, Джером и Стиви сидели перед ним полукругом и внимали. Бен устроился в кресле рядом и делал вид, будто читает «Сайентифик американ», но на самом деле был зачарован так же, как и младшие. Никто не шевелился и не издавал ни звука.

— Когда Зевс, Посейдон и Аид свергли Крона, своего отца, они стали тянуть жребий из шлема Посейдона, из шлема тьмы, как вы помните, который был сделан для него циклопами. В общем, они тянули жребий, чтобы решить, кто станет владыкой на небе, на море и в мрачной преисподней.

— А на земле? — спросил Джером.

— Землю, юноша, они решили оставить общей для всех. Аид получил преисподнюю, Посейдон — море, а Зевс — небо. Посейдон возвел свой подводный дворец в море неподалёку от острова Эвбея, построил великолепные конюшни для своих коней, белопенных, меднокопытых и златогривых. Когда они везли Посейдона в золотой колеснице, утихали бури и морские чудовища поднимались из волн и играли вокруг него,

словно молодые дельфины...

Джек молча закрыл дверь.

— Ты говорил с матерью? — спросила Мадлен. — Она раз восемь звонила.

— Попозже перезвоню, — сказал Джек. — Наверное, потеряла одну из своих кошек или...

Джека прервал общий недовольный вопль, когда Прометей закончил рассказ. Потом, после паузы, дети тихонько вышли на кухню выпить по стакану теплого молока перед сном.

— Прометей останется у нас, Джек? — спросил Джером.

От молока над верхней губой у него образовались белые усы.

— Захочет — уедет. Он наш квартирант.

— В смысле, он как проститутка Китти Фишер?

— Нет, вовсе не так, — быстро сказал Джек.

После молока Джек и Мадлен погнали младших отпрысков наверх. Они уложили их всех и поцеловали каждого по очереди. Меган пришлось целовать дважды, на всякий случай. Затем они выключили свет и крадучись спустились вниз. Джек прошёл через кухню и наткнулся на Бена, который уже оделся, чтобы провести ночь в городе.

— Ты куда это?

— На охоту, — ответил Бен, тщательно причёсываясь перед зеркалом.

— Бедные зайчики! Неужели центры досуга в наше время готовы предоставить дичь на любой вкус?

Бен ожег Джека взглядом.

— Этой комедии нет конца, — саркастически ответил он. — Ты иногда такой зануда, пап!

— Ты к арфистке? — спросил Джек. — Мне казалось, она ушла к тубе и потеряна навсегда.

— Не навсегда, а на время, — ответил Бен после краткого раздумья.

Снаружи послышался клаксон, и юноша выбежал на улицу.

В этот момент распахнулась задняя дверь, и вместе с порывом холодного воздуха в дом, словно мохнатое перекасти-поле, влетела Рипван. Следом вошла плотно закутанная в большой пуховик Пандора. Она была на встрече с двумя профессорами, специалистами по физике частиц из ЦЕРНа,^[40] и дебаты заняли куда больше времени, чем она предполагала.

— Привет, Мадлен, привет, папа. Он ещё здесь? — тихо спросила она, выбираясь из многочисленных слоев тёплой одежды.

— Кто? — не понял Джек.

— Кто?! Да ладно тебе, папа! Прометей, конечно.

— Где-то тут. А что?

Дочка с нарочитой скромностью потупила глазки.

— Да ничего. Пока.

Девушка вспорхнула по лестнице наверх, бросив пуховик в прихожей, и на верхней площадке едва не столкнулась с Прометеем.

— Добрый вечер, — растерянно сказала она. — Я...

— Пандора. Я в курсе.

Создавалось впечатление, что он произнёс это имя через силу.

— Когда-то я знал женщину, которую звали так же, — печально добавил он. — Это было очень-очень давно.

Пандора уставилась на него, пробормотала нечто нечленораздельное, прямо как Стиви, и убежала.

Джек и Мадлен наблюдали за этой сценой. Мадлен хихикнула, но Джек отнесся к увиденному серьезнее.

— Видела?

— Она уже не ребёнок. Живи дочь отдельно от нас, ты не относился бы к ней как к восьмилетке.

— Я не отношусь к ней как к восьмилетке!

— Ну конечно!

Заверещал телефон. Джек снял трубку. Звонила миссис Шпротт.

— Джек!

Он ощутил в её голосе панику. Точно таким же голосом она сообщила ему о смерти отца. У Джека свело желудок, он лихорадочно пытался понять, что произошло.

— Джек, те бобы, что я выбросила в окно... Они растут!

* * *

Быстрый рост бобов пугал миссис Шпротт до судорог, и, когда Джек спустя двадцать минут позвонил в её дверь, он ожидал найти мать в состоянии, близком к обмороку. Но как ни странно, все оказалось совсем наоборот.

— Привет, дорогой! — прощебетала она нетвердым голосом. — Входи!

Она пригласила его в дом и, пока он снимал плащ и шляпу, улетучилась.

— Мама? — позвал он, пройдя мимо тихо тикающих напольных часов

в гостиную.

Комнату оккупировали старые друзья матери. С большинством Джек был знаком, и все они зачастую тайком просили его избавить их от штрафов за превышение скорости.

— Да у вас новый протез, миссис Дубоу, — вежливо отметил Джек, следуя за матерью к французскому окну, где его перехватила миссис Снодграсс.^[41] — Неужели? — сочувственно откликнулся он. — Вам надо есть больше грубой пищи.

Не успел он отойти, как его остановил майор Садо-Мазер, ткнув детектива мундштуком трубки в лацкан пиджака.

— Не слишком-то переоценивайте этих пришельцев, — пророкотал он. Его красный нос полыхал, как аварийный сигнал. — Да кто их вообще сюда звал?

— Мы, — ответил Джек. — Тем, что в семидесятых по телевизору без конца крутили комедийные сериалы. По-моему, им приспичило выяснить, почему мы так и не сняли третий сезон «Башен Фолти».^[42] Извините, я сейчас.

Маму Джек обнаружил на лужайке перед бобовыми стеблями. Стояла холодная ясная ночь, взошла луна, в свете которой молодые побеги казались ещё более волшебными. Прямо рядом с сараем пять темно-зелёных стеблей поднимались из земли, по пути сплетаясь в большую сложную косу, которая достигала двенадцати футов в высоту. На маленьких отросточках главных стеблей распускались листочки, и уже появились миниатюрные стручки с крохотными зародышами бобов внутри.

— Ты когда-нибудь видел такую красоту? — спросила мать, и в холодном воздухе повисло облачко пара.

Джек шагнул вперёд и замер на месте. На какое-то мгновение его охватил странный порыв взобраться по этой штуке наверх. Он стряхнул с себя наваждение и произнёс:

— Колоссально! И всё это — за один день?

Мать кивнула.

— А вечеринка по какому поводу?

— Знаешь, сначала я боялась этих стеблей. Я думала, что они разломают фундамент, дом провалится и все такое. Но потом я вдруг подумала: какого черта! Это же так необычно! Веришь ли, они и правда мне очень нравятся. Я вызвала на завтра ботаника, чтобы он осмотрел их.

Она оглянулась в сторону гостиной.

— Кто-то принес выпивку. Боюсь, мы все малость подшофе.

Джек вздохнул.

— Значит ли это, что ты хочешь оставить бобы себе?

— Почему бы и нет? Они что, кому-то мешают?

Джек был вынужден признать, что нет. Пока нет. Мать и сын несколько мгновений смотрели на растения. Стебли всё время подрагивали, выпуская побеги, и росли почти у них на глазах. Старушка вздрогнула от холода, и Джек набросил свой пиджак ей на плечи.

— Как думаешь, они зацветут?

— Понятия не имею. Но ты уверена, что хочешь оставить их себе?

Мать ободряюще погладила сына по руке.

— Подождём пару дней. Тогда и решим.

Они вернулись в дом, где приятели миссис Шпротт вцепились в Джека по поводу расположения камер слежения на трассе, и он еле от них вырвался.

* * *

Когда Джек вернулся домой, там царили покой и мир. Младшие дети спали, Мадлен сидела у себя в фотолаборатории, а Бен с Пандорой читали в гостиной. Кроме тихих печальных звуков лютни, доносившихся из комнаты Прометея в бабушкином флигеле, всё было тихо в доме Шпроттов. Джек прошёл в кабинет, включил лампу на столе и уселся за компьютер. Ещё час ушёл на то, чтобы закончить отчёт. Утром в десять он представит его Бриггсу и официально закроет дело.

По крайней мере, он так думал.

Глава 23

Сомнения Мэри

СОБАЧНИКАМ ЗАПРЕЩЕНО НАХОДИТЬ ТРУПЫ

Как было объявлено вчера, любой, кто обнаружит труп в процессе выгуливания собаки, может быть оштрафован согласно новому закону, ежели оный введут в действие. Новые меры, являющиеся частью «Билля об улучшении детективного повествования», предприняты с целью избежать следственных ходов, которые уже становятся штампами документальной драмы. Также под действие этого акта подпадают автомобилисты, которые, будучи остановленными за превышение скорости, издают раздраженные вопли: «Почему бы вам не ловить настоящих преступников/воров?» — если рядом вдруг оказывается группа репортеров. Борцы за гражданские права, автомобилисты и собачники в ярости.

*«Криминальное чтение», декабрь
1997 г.*

Мэри не могла уснуть. Она сидела в спальне своего ветхого плавучего домика и наблюдала за игрой бликов отраженного от волн света на потолке. Звонн упорно отказывался считать дело Болтая закрытым, и это не давало ей покоя. Данное обстоятельство не должно было настолько её задевать, и от этого она тоже не находила себе места. В полседьмого она встала, приняла душ и приехала в Рединг ещё затемно, когда единственными признаками жизни на улицах сонного города было медлительное передвижение поздних гуляк да суета ранних торговцев.

Она выпила кофе в конце ночной смены и в восемь утра отправилась в судебно-медицинскую лабораторию проверить, не является ли, часом, и Скиннер ранней пташкой. Он ранней пташкой не был, но ей позарез требовалось с ним поговорить, и потому она торчала возле его кабинета с чашкой кофе и бумагами в руках, пока он не приехал. Он даже не успел снять велосипедные зажимы.

— Сержант Мэри, — представилась она. — Я работаю с инспектором

Шпроттом.

Она ожидала усмешки, но её не последовало. Скиннер дружил с главой ОСП.

— Джек хороший парень. Заходите.

Хозяин кабинета отворил дверь и пригласил посетительницу внутрь. Замигали неоновые трубки, и после полумрака коридора Мэри пришлось зажмуриться.

— Итак, — произнёс Скиннер, почти сразу же догадавшись о её намерениях, — новые вопросы по убийству Болтая? Или насчёт миссис Болтай?

— По обоим пунктам.

Он снял очки.

— Валяйте.

— Из пистолета миссис Болтай было произведено пять выстрелов, — начала она, — но мы можем ответить только за один. Где остальные четыре пули?

Скиннера этот вопрос не смутил.

— Их отсутствие в обойме ничего не значит, Мэри. Может, они вообще туда не попадали.

— Значит, в этом нет ничего подозрительного?

— Боюсь, что нет.

— А почему мы не нашли стреляной гильзы в саду Винки?

— Умные преступники нередко подбирают гильзы, Мэри. Всем известно, что легко найти ствол по гильзе, как и по пуле, причём по гильзе зачастую даже проще. Именно поэтому преступники и предпочитают револьверы.

— Можно ли пробить скорлупу из тридцать второго калибра?

Скиннер почесал затылок.

— Я склонен согласиться с миссис Сингх. На мой взгляд, было задействовано оружие более крупного калибра. Рана получилась слишком большая. Но мы оба гадаем на пустом месте. Данных по прохождению пули через большое яйцо маловато, знаете ли.

— А если бы мы нашли пулю?

— Тогда да, — улыбнулся Скиннер. — Уж тогда мы знали бы наверняка.

Мэри поблагодарила его и направилась к двери, но Скиннер положил руку ей на запястье.

— Будьте осторожнее, Мэри.

— В каком смысле?

— Иногда все обстоит несколько иначе, чем кажется.

— То есть?

— Вы в Рединге недавно и не знаете Джека. Не надо его недооценивать. Он гораздо лучше, чем о нём думают.

— Все равно не понимаю.

Скиннер посмотрел на неё сквозь толстые стекла своих очков.

— Некоторые особы в Рединге слишком влиятельны для своей должности, — медленно проговорил он, кивая на толстый конверт на столе, рядом с пакетиком для вещдоков, в котором лежали две стреляные гильзы, подлежащие возврату. — И люди болтают много лишнего. Можете забрать гильзы, но если вы по ошибке прихватите и этот пухлый конверт, то я тут ни при чем. Вы поняли?

Мэри нахмурилась, но кивнула, пожелала ему доброго дня и взяла и гильзы, и конверт.

В машине она изучила добычу. В конверте лежали снимки с места убийства в Андерсеновском лесу. Очень неприятные снимки. Сержант просмотрела их раз, другой. Что-то в них было не то, но Мэри не могла определить, что именно. Она убрала фотографии на место, сунула конверт под сиденье и поехала в тренировочный зал Грилькура.

Мистер Грилькур проводил утреннее занятие по фитнесу с женской группой. Все дамочки малость запыхались и уже начинали багроветь. Мэри почти слышала их немые мольбы сделать перерыв или хотя бы снизить темп и с радостью им помогла. Она постучала по стеклу, надеясь, что Грилькур узнает её. Нехорошо размахивать полицейским удостоверением на рабочем месте у человека — разве что вы делаете это нарочно.

Однако он и впрямь её узнал. Объявил своим подопечным долгожданный перерыв и потрусил туда, где его ждала Мэри.

— Вы ведь сержант Мэри?

— Да, мистер Грилькур. Я хотела задать вам ещё несколько вопросов.

— Конечно. Мне очень жаль миссис Болтай. Она занималась у меня почти два года и, как и многие мои индивидуальные клиенты, была женщиной энергичной и с соответствующими аппетитами.

— Вы были близки с ней?

— Если вам угодно так это формулировать, то да. Может, вы и не одобряете подобные связи, но вреда это никому не приносило, и я выполнял важную роль. Лора была гораздо лучше многих других. Мне даже кажется, мы успели до некоторой степени привязаться друг к другу. Короче, у меня приятель работает в судебно-медицинской лаборатории, и

он сказал мне, что вроде как Болтая убили. Естественно, Лора попадала под подозрение. Разумеется, я знал, что она его не убивала, потому-то и позвонил вам сразу.

— Я что-то не поняла...

— Что конкретно?

— Насчет «она его не убивала».

— Ну, сержант, — сказал Грилькур, понизив голос, — ночь после благотворительного вечера Пемзса мы провели вместе. Доказательств у меня, понятное дело, нет, именно потому я вам и позвонил.

— Подождите, — сказала Мэри, — но мы же с вами не встречались с момента нашей беседы в «Веселом яичке» во вторник утром!

— Знаю. Вас не оказалось на месте, и я говорил с другим полицейским.

— С инспектором Шпроттом?

— Да нет, с тем типом, который всегда крутится по телику со своим отвратным напарником-кокни.

— С Фридлендом Звонном?

— Да, с ним. Я рассказал все ему. А он вам не говорил?

— Нет, — ответила Мэри, внезапно ощутив смятение.

Она поблагодарила его и пошла к машине. Если Хламм уже знал про Грилькура, когда вчера вечером сидел с ней в кафе, то почему он ничего ей не сказал? Разве она не в их команде? Конечно, Звонн славится нетривиальными методами ведения следствия... Может, это часть куда более обширного плана, а Хламм, как и она сама, всего лишь выполняет приказы? Ну а если дело не в этом? Вдруг Звонн ждёт, когда Джек закроет дело, чтобы открыть его снова? Это как раз в его показушном стиле. Она схватила мобильник и начала набирать номер Джека, но передумала. Ей требовалась кое-что уточнить. Она завела мотор и помчалась на Гримм-роуд.

* * *

Мэри припарковалась в переулке и, изучив выданную Скиннером схему, занялась вычислением места, где пуля упала на землю. Это оказалось довольно просто. Соединив точки входного и выходного отверстий раны Болтая, она получила зону поиска в виде клина в двадцать градусов, протянувшегося на сто футов от стены, на которой сидел Болтай,

когда его убили. Сержант начала с вершины треугольника. В течение сорока минут она с нарастающим азартом осматривала землю и рылась в грудях мусора, заполонивших указанный на схеме проулок. И вдруг в тот момент, когда она стояла на перевернутом мусорном баке, её осенило. Надо обследовать сточный желоб! Там пуля и лежала, маленькая, серая и безобидная. Она лишь немного деформировалась — почти идеальный образец для Скиннера. Вдобавок она была 44-го калибра. Даже если Грилькур и солгал — а причин для вранья у него вроде бы не имелось, — то миссис Болтай убила мужа из другого пистолета. Не бесспорно, но необычно. Этих двух фактов достаточно, чтобы снова возбудить дело.

— Так-так. Сержант Мэри!

Она резко обернулась. В переулке стоял Фридленд Звонн.

— Сэр, — воскликнула она, пытаясь скрыть нервозность и спрыгивая на землю, — что вы тут делаете?

— Полагаю, то же, что и вы, — ответил он. — Пытаюсь расследовать смерть Болтая до конца. Что вы нашли?

Мэри смотрела на него. Он — на неё. Она споткнулась, но ещё не упала. Только бы не сорваться!

— Утром я говорила с мистером Грилькуром.

Звонн даже ухом не повел. Он снова улыбнулся.

— Вы сами почуяли, что в этом деле что-то не так, Мэри? Впечатлен. Джек готов умыть руки в кабинете Бриггса. Но вы здесь в поисках истины. Не могу выразить, как вы пригодитесь в моей команде.

Два часа назад она сочла бы эти слова самым большим комплиментом из всех, какие слышала за свою недолгую жизнь. Но он не ответил на её вопрос. А Мэри предпочитала, чтобы ей отвечали.

— Когда вы узнали, что Болтай был застрелен, сэр?

— Намного раньше вас, — сказал он. — Миссис Сингх очень дотошна, даже слишком, на мой вкус. Она хотела убедиться в полученных результатах на все сто процентов, прежде чем звонить вам. А мне хватает семидесяти процентов, чтобы начать действовать.

— Вы знали, — тихо сказала Мэри, — вы ещё вчера вечером знали о выстреле и о Грилькуре. Вы скрыли от нас важнейшие для расследования факты.

— Ничего подобного я не делал. И если вы упомянете об этом ещё раз, это пагубно отразится на вашей карьере. Расскажите мне, что знаете, Мэри.

Она помолчала, закусила губу и опустила взгляд, демонстрируя все признаки человека, который никак не может решиться, и Фридленд бросился в атаку.

— По-моему, вам лучше все рассказать, — чуть настойчивее заговорил он. — Вы должны понять, что я, как правило, получаю все, чего хочу, и те, кто мне помогает, вознаграждаются. Напротив, те, кто утаивает от меня информацию, нередко сходят с дистанции. Я повторю вопрос, и на сей раз вы дадите мне ответ. Что вы нашли?

От взгляда, которым он её смерил, Мэри бросило в жар.

— Для меня правда найдётся место в вашей команде?

— Нам всегда нужна свежая кровь, — послышался сзади голос Хламма. — Мне кажется, в ваших интересах рассказать шефу всё, что ему нужно. Он и так все узнает, но тогда вы потеряете единственный шанс завоевать его ценную дружбу.

— Я нашла пулю, — в конце концов сдалась девушка. — Сорок четвертый калибр. Вместе с показаниями Грилькура этого хватит, чтобы возобновить дело.

Звонн и Хламм переглянулись.

— Мы сходимся во мнении. Bravo, bravo, Мэри. Мы вас недооценили. Хороший сержант на вес золота, на кого бы он ни работал. Следующий вопрос, который вы должны задать себе: что вы собираетесь делать дальше? Смотрите не ошибитесь. От этого зависит ваша карьера.

Она сглотнула и подняла глаза.

— Ну, по-моему, надо позвонить... э-э-э... коронеру... и, не знаю... инспектору Шпротту?

Воцарилось молчание.

— Весьма удручающий выбор, Мэри. Вы здесь новичок, поэтому я намерен сделать вам послабление. Подобные потенциально выдающиеся уголовные дела очень полезны для системы правосудия в целом. По большей части публике неинтересно, как мы работаем, однако пары незамысловатых расследований, связанных с убийством знаменитостей, вполне хватает, чтобы граждане были в курсе и одобряли наши усилия, особенно в летний период. Рейтинг полиции всегда подскакивает после того, как я успешно раскрываю очередное дело.

— Вы хотите сказать, что я не должна звонить своему инспектору?

— Посмотрите на это вот с какой стороны, — сказал Звонн, глянув на часы. — Сейчас без десяти десять. Джек будет разговаривать с Бриггсом примерно час. Если бы вы обнаружили гильзу через полчаса после этого, нам даже говорить ни о чём не пришлось бы. По-моему, Джеку совершенно незачем знать ни о пуле, ни о заявлении Грилькура, пока он не закроет дело официально. Один детектив закрывает дело, а другой торжественно и красиво снова открывает его — что может быть драматичнее? Вы не

согласны?

— Неужели обязательно выставить Шпротта идиотом?

— Шпротт и есть идиот, Мэри. Вы что, ещё не поняли? Послушайте, народу нужны герои. А вы нужны мне в моей команде. У нас лучшие средства и лучшие дела. Мы — сливки не только Оксфорда и Беркшира, но и остальных полицейских управлений. Мы нередко консультируем иностранных коллег, и даже его преосвященство Джеллимен порой спрашивает у меня совета. Хотите встретиться с Джеллименом, Мэри? — Он протянул руку. — Вот моя рука. Пожмите её и будьте со мной. Второй раз не предложу.

Мэри Мэри — напарник Фриденда Зонна! Она мечтала об этом с тех пор, как ей исполнилось девять. Мэри посмотрела на Зонна, сверкавшего победной улыбкой и прекрасными зубами.

Никогда ещё решение не давалось ей так легко.

Глава 24

Бриггс против Шпротта

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ОПОЗНАН

Мистер Джеймс Таффнелл, опознанный во время следственного эксперимента в ходе программы «Жаб-ТВ» «Поймай преступника», арестован. Он был замечен остроглазым и честолюбивым Десмондом Миллером, отцом троих детей.^[43] «У меня нет никаких сомнений, — сказал мистер Миллер нынче у себя дома в Моркам-Бее. — Этот человек в сцене вооружённого ограбления определённо актер, я уже как-то видел его в рекламе заварного крема».^[44] Безработный актер мистер Таффнелл нимало не смутился и заявил нам: «Да, признаюсь, я это сделал. Гордиться тут нечем, но деньги-то нужны. Я восемь недель сидел без работы. Хотите послушать в моём исполнении речь на тему "Что есть человек?"»

«Моркамский рупор», июнь 2003 г.

Бриггс жестом пригласил Шпротта в кабинет. Тому пришлось ждать, пока суперинтендант закончит разговаривать по телефону с рабочим, производившим косметический ремонт у него дома. После необычайно долгого обсуждения обоев для гостиной Бриггс положил трубку и воззрился на Джека.

— Признание принес?

Джек пустил по столу лист бумаги в прозрачной пластиковой папке, и Бриггс нацепил очки.

— Графологами заверено?

— Да, сэр. Это определённо почерк миссис Болтай.

— Хорошо, — сказал Бриггс, снимая очки. — По-моему, все предельно ясно.

— Но пистолет слишком малого калибра, и четыре гильзы пропали, и...

— И что?

— Просто мне кажется, что не она его убила. Мы допрашивали миссис

Болтай на следующее утро после убийства её бывшего мужа, в десять тридцать. И десяти часов не прошло. Она любила его, сэр, даже после развода, а ведь большинство людей стараются выкинуть своих бывших из головы, как только оформят документы. Но всё, что принадлежало ему, осталось в её доме на своих местах в целостности и сохранности. Не могла она оставаться такой спокойной, совершив преступление из ревности.

Бриггс взял со стола предсмертную записку.

— А это? Это тогда зачем? Цитирую: «Нажимая на курок, я молила Бога простить меня». У неё был мотив, была возможность, но что лучше всего, она написала предсмертное признание. Дело закрыто, Джек.

— Она не убивала его, сэр.

— Послушай, я знаю, что ОСП очень много для тебя значит, однако расходы на него неоправданно высоки. Нам придётся сделать тяжелый выбор, но, я уверен, бюджетный совет назначит щедрую пенсию всем сотрудникам, вынужденным преждевременно уйти в отставку. Ты проделал хорошую работу, Джек, но это вопрос приоритетов.

— Полагаю, это все из-за того, что решено упразднить отдел? — спросил Джек, вставая.

— Ты и есть отдел, — ответил Бриггс и тоже встал. — Где ещё ты собираешься работать? В департаменте уголовного розыска? Не заставляй меня оскорблять тебя, предлагая работу постового или что-то в этом роде! Дело Болтая закрыто!

— Совещание по бюджету в следующий четверг?

— Да, — резко ответил Бриггс, не понимая, к чему он клонит. — А в чем дело?

— Тогда позвольте мне продолжать расследование до этого времени. Я намерен доказать, что она этого не делала. Если не удастся, я закрою дело и коронер сможет зафиксировать самоубийство плюс убийство.

— Нет.

— Тогда двадцать четыре часа.

— Извини, нет.

— Хотя бы до завтрашнего утра!

— Нет!

— Двадцать лет, — произнёс Джек. — Двадцать лет я руководил ОСП! Да, не буду отпираться, за это время я несколько раз садился в лужу и убил пару великанов...

— Четырех. Их было четверо, Джек.

— Он едва достигал шести футов восьми дюймов, сэр. Послушайте, я никогда вас ни о чём не просил. Джеффри, пожалуйста!

Впервые он назвал Бриггса по имени, от души надеясь, что не перепутал его. Суперинтендант молчал пару секунд, глядя на него, затем помотал головой.

— Я не могу, Джек. Ты ничего не добился. Нет, я преувеличил. Ты добился даже меньше, чем ничего. Предоставь ты мне хоть одно убедительное доказательство, я с радостью оставил бы дело открытым, но в нынешней ситуации, сдаётся мне, у тебя имеются одни интуитивные предположения да смутные надежды. А для того чтобы оставить дело открытым, этого мало.

— С Фридлендом ты поступил бы иначе, — тихо сказал Джек.

— Ты не Фридленд, — медленно проговорил Бриггс. — Ты даже рядом не стоял.

— Сэр! — взмолился Джек, ошеломленный его непреклонностью.

— Разговор окончен, Джек. Извини.

— Бриггс!

— Тебе лучше уйти, Джек. Чувствую, ты готов ляпнуть нечто такое, о чём потом пожалеешь.

Шпротт вздохнул и направился к двери.

Запищал телефон внутренней связи.

— Да?

Секретарша Бриггса доложила о приходе сержанта Мэри. Джек поморщился. Могла бы хоть подождать, пока он выйдет из кабинета, и уж потом просить о переводе!

— Впустите её.

Мэри вошла довольно уверенно, глянула на Джека и направилась мимо него к столу Бриггса.

— Я только что сказал вашему начальнику, Мэри, что в это время через неделю ОСП будет распущен. Как я понимаю, вы пришли просить немедленного перевода?

Мэри закусила губу. Ещё не поздно передумать. Звонн или Джек? Два дня назад — нет, даже два часа назад — она даже и раздумывать не стала бы. Теперь все изменилось. ОСП? Почему-то это казалось правильным. Её место было здесь.

— Боюсь, нет, сэр.

Бриггс вскинул брови, и Джек остановился на полушаге.

— Я нашла пулю, убившую Болтая. Она упала в сточный желоб у соседнего дома. Коронер уже на пути туда. Пуля лишь слегка деформирована, и калибр определить несложно. Сорок четвертый. Если миссис Болтай действительно убила своего бывшего мужа, то стреляла она

из другого пистолета, не из того, который мы нашли в её столе.

Мэри подождала немного, чтобы Бриггс успел переварить информацию.

— Утром я говорила с мистером Грилькуром, её личным тренером. В момент убийства Болтая они были вместе. Провели вместе всю ночь. Они были любовниками.

Бриггс холодно посмотрел на неё.

— А это? — Он показал на предсмертное послание. — Что вы на это скажете? Кто-то заставил её написать эту записку?

— Признаюсь, это для меня загадка, — ответил Джек, который вернулся к столу Бриггса, — но мы сумеем её разгадать.

— Этот Томас Грилькур... такому типу совершенно нельзя доверять, — пробормотал Бриггс, цепляясь за соломинку. — Вряд ли хоть одно его слово заслуживает доверия.

— Я не говорила, что его зовут Томас, — заметила Мэри негромко.

Воцарилось молчание. Бриггс прокололся и сам это понимал. Он устало провел руками по лицу, сдвинув очки на затылок.

— Ладно, — сказал суперинтендант, откидываясь на спинку кресла. — Вы меня приперли к стенке. Я тут ни при чем. Звонн имеет значительное влияние на начальника полиции и, как вы знаете, жаждёт заполучить дело Болтая. В общем, я сильно подставляюсь, но у вас есть время до субботы. Если дело не будет раскрыто к отъезду Джеллимена, я передам расследование другому. А если вы не уберетесь из моего кабинета через десять секунд, я передумаю, и тогда все последствия за ваш счёт.

* * *

Как только они выскочили в коридор, Джек повернулся к Мэри.

— Вы успели как нельзя вовремя. А мне казалось, что вас тошнит от нашего отдела!

— Я тоже так думала, сэр. Но ведь вы сами сказали, что ОСП затягивает?

— Ну?

— Ну, и меня он тоже затянул. Сэр, знаете, я должна кое за что перед вами извиниться.

— Не надо. Вы с лихвой искупили всё, что бы там ни было.

— Нет, мне правда надо вам сказать.

— А я правда не хочу этого слышать. Если вы вчера вечером сидели в баре Лиги или беседовали с Хламмом в кафе «Блюдечко», то я ничего не хочу знать об этом. У вас могли быть на то свои причины. Они и с вами затеяли старую игру «Барнс уходит, и нам нужна замена»?

— Так вы знали? Почему же молчали?

Джек пожал плечами.

— Это вам было решать. Но мне казалось, что вы поступите правильно.

Мэри не находила слов. Он верил в неё, а она чуть не вонзила ему нож в спину!

— Я... я очень недооценивала вас, сэр...

— Да ладно. Меня и прежде недооценивали.

Мэри ощутила, как в её душе закипает гнев. Она злилась на себя за то, что была такой дурой, и на Звонна, который использовал её.

— Сэр, Звонн хочет забрать дело Болтая для летнего спецвыпуска «Криминального чтения». Он узнал, что Болтай убит, за сутки до нас и примерно тогда же говорил с Грилькурмом! Мы можем подать жалобу на серьёзное нарушение профессиональной этики!..

— Мэри, — негромко произнёс Джек, — успокойтесь. Думаете, вы первая, с кем это случилось? Я ведь вам уже говорил: он сущее дерьмо. Поберегите нервы. Гретель всего-то в задницу его послала, а её карьера в результате чуть совсем не рухнула. Представьте, что с вами будет, если вы подадите официальную жалобу? Лучше сосредоточимся на Болтае. И ни на чем больше. Идёт?

Она глубоко вздохнула.

— Идет, сэр. Но по-моему, я стала Звонну врагом на всю жизнь.

— Я тоже. Я не рассказывал вам почему?

— Нет.

— Невеста бросила его, когда он присвоил себе славу поимки Пряничного человечка.

— И?..

— Она бросила его ради меня. И стала моей первой женой.

— Той, что умерла?

— Да. Матерью Бена и Пандоры.

— Звонн получил Лигу, а вы — девушку...

Джек улыбнулся.

— В точку. Мне досталась лучшая часть, и он это понимал.

Теперь Мэри видела Джека совсем в ином свете.

— Но почему вы так долго оставались в ОСП, сэр?

Он пожал плечами.

— Отдел нуждается во мне. А я — в нем. Не могу объяснить. Просто вот так сложилось. Я ответил на ваш вопрос?

— Вроде того. О, чуть не забыла. — Она достала пухлый конверт из кармана пиджака. — Некто попросил меня передать его вам.

— Скиннер, что ли?

— Да.

— В своем репертуаре. Давайте посмотрим.

Он открыл конверт, просмотрел снимки, положил их обратно и потер лоб.

— Никому их не показывайте, вы поняли?

— Да, сэр. А что на них?

— Нечто более важное, чем все мы, вместе взятые. Забудьте о них.

— Сэр! — воскликнул Бейкер, когда они подошли к кабинету ОСП. — Только что получено сообщение от оперативников. Насчёт Вилли-Винки.

— Он опять уснул?

— Навсегда. В Палмер-парке. Миссис Сингх уже там. Дело Болтая закрыто?

— Как же! — рявкнул Джек через плечо, поскольку они с Мэри уже спешили по коридору в обратном направлении. — Оно вернулось и намерено отомстить! Прямо как вы в своё время. К моему возвращению подготовьте ответы кое на какие вопросы. ТИББИТ!!!

Глава 25

Спокойной ночи, Крошка Вилли-Винки!

ПРИНЦ РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПО ОБВИНЕНИЮ В УБИЙСТВЕ

Вчера в замок Эльсинор была вызвана полиция для расследования загадочной смерти одного из ближайших советников короля. Тело примерного семьянина и отца двоих детей мистера Полония было спрятано под лестницей в коридоре, хотя волокна, обнаруженные в колотой ране на груди покойного, соответствуют гобелену в комнате королевы. Инспектор Кизил,^[45] только что успешно раскрывший убийство Дездемоны, сказал нам: «Мы хотим депрессить принца, который тут же срылся с места преступления». Источники, близкие королю, сообщают, что принц Гамлет помешался сразу же после неожиданной, но совершенно естественной и ничем не подозрительной смерти своего отца, имевшей место восемь недель назад.

«Эльсинорский "Татлер"», июнь
1408 г.

Когда Джек, Мэри и Тиббит подъехали к ограде Палмер-парка, стадиона и излюбленного места отдыха горожан в восточной части Рединга, шёл сильный дождь. Полицейский в непромокаемом плаще показал им на белый тент над местом преступления, установленный за трибуной. Дождь разогнал всех зевак, и единственным представителем общественности был одинокий бегун, который плюхал по дорожке, не замечая ливня.

— Тиббит, пройдитесь по соседям, ладно? Я хочу знать, не заметил ли кто-нибудь чего-нибудь.

Юноша извлек из кармана блокнот и направился к ряду домов, выходящих окнами на стадион.

— Далеко ли отсюда до Гримм-роуд? — спросила Мэри, шагая рядом с шефом по мокрой траве.

— Пара сотен ярдов. Мы на другой стороне этой улицы.

Место преступления опоясывала стоп-лента. Распоряжавшийся там констебль Шенстон специально выгородил узенький проход так, чтобы снующие взад-вперёд коллеги не повредили возможные следы на земле. Мэри заговорила с полицейским, который первым прибыл на вызов, и тот облегченно выдохнул, узнав, что случай находится в ведении ОСП, а значит, писать ничего не придётся.

— Привет, Шенстон, — сказал Джек. — Что тут у нас?

Констебль поднялся — он рассматривал следы на земле.

— Доброе утро, сэр. По-моему, это дело подпадает под вашу юрисдикцию. — Он показал на землю. — Несколько хороших отпечатков, но не особенно вдохновляющих, — судя по виду, резиновые сапоги десятого размера. Но вот что странно: человек в резиновых сапогах постарался уничтожить некоторые улики. Видите, здесь следы подзатерты, здесь... и ещё здесь.

— Значит, их было двое и у одного имелась характерная обувь?

— Что-то вроде того.

Джек поблагодарил Шенстона и вошёл под белый тент. Тело Винки лежало в грязи ничком. Его ночная сорочка и колпак промокли и прилипли к бледной коже. Трава и земля вокруг потемнели от крови, рядом валялась свеча. Кисти рук убитого были обернуты пакетами, и миссис Сингх с помощниками уже собирались перевернуть его.

Джек присел на корточки рядом с патологоанатомом, радуясь возможности укрыться под тентом от дождя.

— Привет, Джек, — сказала миссис Сингх весело, — умеете вы развлечь девушку. Вы знали его?

Она подвинулась, чтобы он смог лучше рассмотреть труп.

— Его звали Уильям Винки. Сосед Болтая по Гримм-роуд. Как он умер?

— Скоро узнаем.

Патологоанатом дала несколько указаний своим ассистентам, и те осторожно перевернули тело. Вид покойник имел весьма непривлекательный. Глаза его были по-прежнему широко открыты, на лице застыл ужас. Причина смерти не вызывала сомнений. Джек отвел взгляд, но миссис Сингх наклонилась ближе. Для неё это было не человеческое тело, а загадка, требующая решения.

— Одна рубленая рана, очень большая и глубокая, в результате косого удара от правой ключицы до середины грудной клетки. Даже грудина рассечена.

— Секира?

— Вряд ли. Скорее, палаш или самурайский меч. Такая глубокая рана требует большой инерции. Он умер от шока и потери крови, вероятно, между тремя и шестью утра. Убийца подошёл к нему спереди и напал внезапно и яростно, однако полностью контролировал себя. Один удар — и все. Мистер Винки имел отношение к делу Болтая?

— Вообще-то нет. Он просто жил по соседству. Именно с его заднего двора в Болтая и стреляли.

Миссис Сингх подняла брови.

— Тогда то, что он держит в руке, предстает в новом свете. Взгляните.

Джек присмотрелся к кулаку покойника. Между большим и указательным пальцами были крепко зажаты уголки каких-то листов бумаги.

— Несколько пятидесятифунтовых купюр, — подсказала эксперт.

— Идиот, — пробормотал Джек.

— Не волнуйтесь, он вас не слышит, — откликнулась миссис Сингх, возвращаясь к работе, а один из её ассистентов принялся делать снимки.

— Почему патологоанатомы так любят шутить, миссис Сингх?

Женщина улыбнулась.

— Мы счастливые люди, Джек.

— Неужто? В чем же это проявляется?

— Как минимум никого не зарежешь во время операции. — Она пригляделась к губам Винки и пробормотала: — Ну-ка, ну-ка, что тут у нас?

Открыв его рот, она посветила туда фонариком и снова закрыла рот.

— Я надеялась, что больше такого не увижу.

Мэри вошла под навес, глянула на труп, прошептала: «Господи боже мой!» — прикрыла рот рукой и попятилась.

— Что именно?

— Ему отрезали язык.

— Порджа, — процедил Джек.

— Классическая подпись Порджа, — согласилась миссис Сингх. — На вашем месте я бы позвонила в собачий приют.

— Мэри!

— Да? — послышался снаружи голос девушки.

— Позвоните в Редингский приют для собак и попросите их откладывать для нас все анонимно поступающие мясные обрезки.

Мэри не совсем понимала, что творится, но раскрыла мобильник и позвонила в справочную узнать номер.

— Порджа... — с сомнением произнёс Джек. — Что-нибудь ещё?

— Скажу больше, когда доставлю его в лабораторию, — ответила миссис Сингх. — Но пока вы здесь, хочю посоветоваться. У меня возникли проблемы с динамикой растрескивания скорлупы Болтая.

— То есть?

— Вы меня знаете: я не успокоюсь, пока не получу ответы на все вопросы. Мы со Скиннером провели несколько тестов на страусиных яйцах. Он поставил их в ряд и выстрелил пулей двадцать второго калибра, а затем использовал полученные данные для построения соответствующей модели разрушения яиц. Вообще-то мы занялись этим из любопытства, но у нас возникли проблемы при сопоставлении характера разрушений скорлупы Болтая с полученными данными. Похоже, выстрела и падения оказалось недостаточно. Я ищу другие свидетельства повреждений уже после удара о землю, но, поскольку у меня сто двадцать шесть фрагментов, разобраться будет трудновато. Видите ли, страусиные яйца похожи на пушечные ядра, так что тест может быть не вполне корректным. Узнаю больше через день-два.

— А что говорит анализ белка?

— Ничего определённого. Но лаборатория округа Оксфорд и Беркли не приспособлена для анализа яиц. Я отправила мазки с внутренней стороны скорлупы на птицефабрику «Солнечная долина» для всестороннего оологического анализа. Думаю, через пару дней получу результаты.

Джек поблагодарил её и вышел из-под тента. Дождь прекратился, но небо оставалось тёмным и грозило очередной порцией ливня.

— Что новенького, Мэри?

— Его жену оповестили, — сказала она. Вид у неё был все ещё немного бледный. — Один из родственников приедет и побудет с ней.

— Кто нашёл Винки?

— Собачник. Он заметил тело раньше, но сперва принял его за банальную кучу тряпья. Вызов поступил в десять тридцать.

— Выясните, когда Винки вернулся со смены, и поговорите с его сослуживцами. Узнайте, не хвастался ли он неожиданно свалившейся на него кучей денег.

— Это связано с убийством Болтая? — спросила Мэри.

— Возможно. Рабочая гипотеза следующая: мистер Винки видел кого-то в ночь убийства Болтая и попытался шантажировать убийцу; тот договорился с ним о встрече, а потом уложил Крошку Вилли-Винки спать навсегда.

— Но язык?.. Зачем такие мерзости?

— Оэспэшная работа вообще довольно мерзкая, Мэри. Такова её природа. А отрезанный язык — это почерк преступного клана Порджа. Подобным образом они расправляются с каждым, кого подозревают в стукачестве. Чтобы сказок не рассказывали — так они говорят. Обычно они мелко крошат вырезанный язык, чтобы всем собакам в городе досталось по кусочку.

— Что-то мне это напоминает.

— Классическое сказочное преступление. Дело в том, что мы со Звонном двадцать лет назад упрятали их за решётку. Но клан Порджа был очень силен — возможно, и до сих пор. Позвоните в Редингскую тюрьму и устройте нам встречу. Думаю, имеет смысл побеседовать с самим Джорджо Порджа. Какие новости, Тиббит?

— Да ничего особенного, сэр. Никто ничего не видел. Но говорят о каком-то белом фургоне.

— С кузовом «лутон»?

— Они не могут сказать точно.

Джек и Мэри отправили Тиббита опрашивать остальных соседей и молча двинулись к «аллегро». Джек, глубоко задумавшись, облокотился о машину.

— Вы раскопали что-нибудь на Соломона Гранди?

— Чист как стеклышко. Никогда ни по какому делу не проходил, ни с каким криминалом не связан, даже за превышение скорости штрафа не выписывали. Порывшись в архивах «Крота», я поняла, что в бизнесе он безжалостен, но ничего для нас нового я там не нашла.

— Чёрт. Винки работал в «Пан энд Пропалл», а Соломонов мотив убить Болтая тянет аж на два миллиона фунтов.

— Это для него мелочи, сэр, — сказала Мэри. — Гранди — девятый в списке богатейших людей страны. Помните, он сказал, что может позволить себе терять по паре миллионов в неделю в течение десяти лет, прежде чем это начнёт его беспокоить? Это правда, я проверяла. Его состояние превышает миллиард!

— Мог и соврать. На самом деле он довольно мстительный тип. Беда в том, что Бриггс запретил мне его допрашивать, пока Джеллимен не проведёт церемонию открытия Центра Священного Гонго.

— А почему бы нам тогда не побеседовать с его женой? Вдруг она о чём-нибудь да проболтается?

— Шутите? Это же прямой способ взбесить Гранди и Бриггса!

— Да не совсем, — возразила Мэри. — Гранди сам разрешил спросить у его жены, где он находился в ночь убийства Болтая, причём сказал

буквально — «с моего благословения».

Джек улыбнулся. Мысль ему понравилась.

— Хорошая идея. Думаю, именно так мы и поступим.

Когда они отъехали, Мэри заметила, что с правого окна на пассажирское сиденье капает вода.

— А, — отозвался Джек, когда она указала ему на протечку, — это нормально.

Глава 26

Встреча с супругами Гранди

БЕЗОБРАЗНЫЕ СЕСТРЫ ПОДАЮТ ИСК ЗА КЛЕВЕТУ

Сводные сестры принцессы Эллы требуют компенсации за многочисленные публикации, которые очерняют, порочат и бесчестят их. Представитель сестёр заявил: «Мои клиентки устали от постоянного их описания в виде психически отталкивающих мерзких гарпий, а потому решили подать иск против 984 издателей, которые продолжают повторять необоснованные обвинения, не проверив их правдивости». Представитель издательства «Бинкум-пресс», издателей «Сокровищницы волшебных сказок для детей», сказал нам: «Естественно, мы будем отстаивать свою позицию, но мы приняли меры к уничтожению полумиллиона экземпляров с обидной для истиц сказкой. После того как мачеха Белоснежки отсудила себе компенсацию, с нашей стороны было бы глупо не принять дело всерьёз, хотя нам не кажется, что в данном конкретном случае имеются основания для предъявления иска».

«Слепень», апрель 1992 г.

Резиденция Гранди представляла собой воздвигнутый над Темзой отреставрированный особняк эпохи Якова I, окруженный ухоженным дубовым парком, тянувшимся до самой воды. Главный фасад смотрел на юг, в противоположную сторону от городских кварталов. Дом составлял такую же важную часть архитектурного наследия окрестностей Рединга, как Касл-Пемзс и Бэзилдон-хаус.^[47] Подъезжая по посыпанной гравием длинной дорожке к особняку, Джек и Мэри заметили элементы более ранней застройки. Церковь за особняком была явно старше самого дома, а амбары, пристройки и конюшни — и того древнее. Когда они въехали на задний двор, конюхи заботливо чистили холеных чистокровных скакунов, чьи тёмные бока лоснились даже в дождливый день.

Полицейские припарковали машину. Через парк в их сторону скакала женщина на большой гнедой лошади, из-под копыт великолепного животного летели большие комья мокрой земли. Перед дорожкой всадница придержала коня. Когда она подъехала ближе, Мэри разглядела длинную юбку в викторианском стиле и блузку со стоячим воротничком. Завершал костюм синий бархатный жакет для верховой езды.

— Привет! — воскликнула наездница, ловко спрыгивая с дамского седла и бросая повод конюху. — Вы прибыли по поводу жука-точильщика?

Ей едва исполнилось двадцать пять, и она была необычайно привлекательна: классическая английская красотка, большеглазая, с задорной улыбкой и фарфоровой кожей. На щеках играл лёгкий румянец, грудь вздымалась после скачки.

— Нет, миссис Гранди, — сказал Джек, показывая удостоверение, — мы из полиции. Я инспектор Джек Шпротт, а это сержант Мэри Мэри. Мы хотели бы поговорить с вами о Шалтае-Болтае.

На мгновение она растерялась, но быстро взяла себя в руки и приветливо улыбнулась им:

— Тогда лучше пройдемте в дом.

Затем она обернулась к конюху:

— Колум, подготовьте Стрейнджера к послеобеденной прогулке и проверьте Дюка, будьте любезны. Мне кажется, он потерял подкову.

По дороге к дому она взяла хлыстик под мышку и сняла перчатки.

— У нас в церкви проблемы с древоточцами, — пояснила хозяйка поместья. — Я-то думала, вы пришли посмотреть, что можно сделать. Жуткие твари — могут сожрать целый дом изнутри, будто раковая опухоль. Мне Солли рассказывал.

Они прошли внутрь сквозь парадную дверь, где их ждали четыре пса разной величины и лакей. Она потрепала по голове золотистого лабрадора, отдала хлыстик и перчатки лакею. Тот коротко поклонился. Хозяйка велела ему подать чай в гостиную и повела их через холл, увешанный портретами предков Гранди, причём все они — что мужчины, что женщины — смотрели на посетителей, одинаково набычив толстые шеи в неподражаемой манере истинных Гранди. Собаки следовали за хозяйкой, радостно виляя хвостами.

— Невероятное семейное сходство, — заметила Мэри.

— Не совсем, — ответила миссис Гранди с удивительной прямоотой. — Для них для всех позировал Соломон. Родовое древо Гранди на самом деле не имеет корней. Солли был найден завернутым в «Редингский вестник» возле Военного госпиталя шестьдесят девять лет назад. Оттого все его

достижения ещё более замечательны.

Она провела посетителей в просторную и богато обставленную гостиную, плюхнулась на софу и водрузила ноги на дорогой кофейный столик. У неё на коленях удобно свернулся терьер, остальные собаки попрыгали на другие диванчики.

— Пожалуйста, располагайтесь. Не бойтесь, спокойно спихивайте Макса, он нахал. Лежать, Спайк! Итак, чем могу быть полезна?

— Да ничего особенного миссис Гранди, обычная рутина, — сказал Джек. — Нужно, чтобы вы подтвердили местонахождение вашего супруга в ночь благотворительного вечера у Пемзса.

— Он под подозрением? — захлопала она огромными глазищами.

— Мы просто хотим исключить вашего мужа из круга подозреваемых, миссис Гранди.

— Пожалуйста, зовите меня Рапунцель, — произнесла она, снимая шляпу для верховой езды и вынимая заколку.

Пряди роскошных каштановых волос рассыпались по её коленям, по софе и по полу. При виде рыжих кудрей, прибоем хлынувших к их ногам, Джек и Мэри переглянулись.

— Хорошо, Рапунцель. Тот вечер вы провели с мужем?

— Конечно! Как всегда в подобных случаях, сопровождала его на вечеринку Пемзса. И была рядом с Соломоном весь вечер... как он любит.

— Значит, вы были с ним, когда Болтай предложил продать ему свою долю в «Пемзсе»?

— Да. Мне кажется, мистер Болтай был пьян. В любом случае Солли очень правильно отказался от его десяти миллионов: деловые разговоры не ведут в пьяном виде на благотворительном вечере!

— И вы не расставались с Соломоном до самого утра?

— Да, мы были дома.

Джек на минуту задумался. Он не собирался бродить вокруг да около и понимал, что вряд ли ему представится случай побеседовать с миссис Гранди ещё раз.

— Когда вы в последний раз были в кабинете у Болтая на Гримм-роуд?

Секунду-другую она ошеломленно смотрела на него, затем быстро огляделась — нет ли поблизости слуг. Их не было, но она всё равно понизила голос:

— Соломон не должен знать!

— Мы здесь не для того, чтобы устраивать вам неприятности, — сказал Джек. — Просто я хочу узнать, кто убил Болтая.

— Я тоже! — воскликнула она, и глаза её наполнились слезами. —

Заподозри я хоть на секунду, что его убил Солли, ноги моей здесь в тот же миг не было бы! Никто не знает Соломона лучше меня. Он вовсе не такой плохой, как все думают. Может, он и скупает старые почтенные компании и обчищает их догола, может, он и вызвал многочисленные увольнения да пару странноватых самоликвидации вполне благополучных фирм, но это же бизнес! А в душе он сущий плюшевый медвежонок! Белый и пушистый!

— Если он знал про вас и Болтая, — сказал Джек, — это давало ему очень сильный мотив.

— Рапунцель! — прогремел голос из холла. — Рапунцель, голубка моя!

Джек и Мэри замерли. Ошибки быть не могло: этот хриплый голос, пусть и смягченный домашней обстановкой, принадлежал Соломону Гранди. Оба полицейских почувствовали себя так, будто их застучали за чем-то недозволенным.

— Я здесь, любовь моя, — ответила Рапунцель, бросая на Джека и Мэри несчастный взгляд. — Я только что распустила волосы в гостиной.

Соломон, улыбаясь, вошёл в гостиную, но при виде Джека и Мэри улыбка сползла с его лица.

— Какого черта они тут делают?

— Исключают тебя из круга подозреваемых, душа моя.

Джек и Мэри встали, когда Гранди направился к ним. Он швырнул свой портфель на пол и остановился в нескольких дюймах от Шпротта.

— Мне ничего не стоит устроить так, чтобы вас обоих пристукнули, закопали и трупов не нашли, — злобно прорычал он, — но я не стану этого делать, потому что это не мой метод. — Он отступил на шаг и положил руку на плечо Рапунцель. — Как вы посмели заявиться ко мне домой? Вы сущее шило в заднице, инспектор!

— Это мой метод, сэр.

— И в нём вы мастак, судя по всему.

Гранди помолчал, задумавшись. Затем посмотрел на Рапунцель.

— Мне известно о неверности моей жены, инспектор.

Рапунцель ахнула и прикрыла рот ладошкой. Её супруг сел рядом с ней. Гнев его испарился, и этот огромный человек заговорил гораздо более мягким тоном — почти сочувственно.

— Я старый человек, женатый на молоденькой, — медленно произнёс он, — и понимаю, что у молодых женщин имеются свои потребности. Я был в курсе её визитов на Гримм-роуд, но решил ничего не предпринимать. Так лучше. Мне шестьдесят девять, я болен. Возможно, мне осталось всего

лет пять. И я хочу провести эти годы рядом с красивой женщиной, которой я даю все, чтобы удержать её рядом, даже если это означает смотреть сквозь пальцы на её шашни и обрастать рогами.

— О Солли! — воскликнула Рапунцель, прижимаясь щекой к ручище мужа и всхлипывая. — Прости меня!

Несмотря ни на что, она была искренне привязана к мужу.

— Если вы хотите узнать, не я ли убил Болтая, то ответ — категорическое «нет». Я деловой человек и не могу позволить себе такую роскошь, как жестокая месть. Я с радостью уничтожил бы его в финансовом смысле, но убийство? Это не вернет мне денег, и я неизбежно окажусь в тюрьме. Я человек рассудочный. Никогда не вкладываю в предприятие денег или времени, которые не могу себе позволить потерять. И уж никак не намерен терять хотя бы год из собственной жизни. Я давно уже понял, что состояние куда проще заработать, используя закон к собственной выгоде, а не нарушая его.

Он отвел взгляд и прижался щекой ко лбу жены. И в этот момент нежности между грубым тираном и привлекательной женщиной, годящейся ему во внучки, Джек ощутил, что он тут лишний.

— У вас ещё есть вопросы, инспектор? — спросил Соломон, не глядя на них.

— Нет, — сказал Джек, вставая. — Спасибо, что уделили нам время, мистер и миссис Гранди. Выход найдём сами.

Они оставили их обниматься в гостиной на софе в обществе четырёх собак и двадцати восьми футов роскошнейших волос.

— Я такого не ожидала, — сказала Мэри, когда они вернулись к «аллегро».

— Внешность бывает обманчива. Я уверен, что его конкуренты удивились бы, узнав, что у старика Гранди такая нежная душа. Невероятные волосы, правда?

— Да, — задумчиво ответила Мэри, затем прагматично добавила: — Но как подумаешь о том, что всё это надо расчёсывать!..

Глава 27

Загадки и сомнения

СЫН ВОЛЫНЩИКА ПОСАЖЕН В ТЮРЬМУ ЗА КРАЖУ СВИНЕЙ

Том Томм,^[48] сын первого волынщика Редингской филармонии был в конце концов обвинен в серийной краже свиней. «Я не знаю, что на меня находит, — сказал Томм, когда его попросили объяснить свои действия. — Как увижу свинью, так у меня все словно какой-то розовой пеленой затягивает, и в следующий момент я понимаю, что бегу с украденным поросенком под мышкой. Я ведь даже не люблю свинину — я вегетарианец». Суд заслушал обвинение, согласно которому Томм с двенадцати лет является серийным похитителем свиней и в общем счете украл 2341 штуку. В заключительной речи мистер Джастис Котлетт сказал ему: «Несмотря на многочисленные судебные постановления, обязывающие вас пройти курс коррекции навязчивого состояния, вы до сих пор не в силах контролировать своё поведение. У меня нет другого выбора, кроме как посадить вас на два года». Несколько свиней, присутствовавших на заседании суда, по словам очевидцев, были вне себя от радости.

«Редингский вестник», июнь 1990 г.

В ОСП времени зря не тратили. Первый нужный фрагмент нашёл Эшли. Он идентифицировал человека, который на снимке сидел во все ещё не найденном «форде-зефире» Болтая.

— Кто? — спросил Джек.

— Томас Тимоти Томм. Инспектор Друд^[49] из отдела розыска пропавших без вести узнал его. Я сделал вам распечатку его дела на поливиниловой пленке, чтобы вы могли по-прежнему видеть свой стол, когда будете читать.

— Очень... заботливо с вашей стороны, Эшли. Кажется, этот самый Томм был сыном первой флейты из Редингской филармонии. Не в силах

справиться с необъяснимыми порывами к похищению свиней, он в шестнадцать лет загремел в колонию для несовершеннолетних «для исправления». Но результат оказался прямо противоположным. Несколько раз отсидев в тюрьме за многочисленные преступления, он в конце концов сел на пятнадцать лет за вооружённое ограбление. Два года назад его освободили по специальному разрешению.

— Похоже, первоклассный клиент для ОСП, — пробормотал Джек. — Надо было его направить прямо ко мне. Где он сейчас?

— В том-то и дело, — заметил Эшли. — Его уже больше года не видели совсем. Он не приходил на обязательные проверки — вот нереализованный ордер на арест, — и в итоге родители подали его в розыск как пропавшего без вести. Я в данный момент пытаюсь связаться с полицейским, осуществляющим надзор за ним, в надежде выяснить что-нибудь ещё.

— Опять проблемы! — расстроился Джек. — И как назло, в тот самый момент, когда у нас хоть какие-то зацепки появились!

Бейкер проводил опрос в городе, но вернулся с пустыми руками. Никто не видел Болтая больше года, начиная с одного острослова из старожилов, который вообще удивился, что Болтай дожил до собственного убийства. Бейкер допросил его в первую очередь, но, похоже, тот имел в виду всего лишь несколько подмоченную деловую репутацию Болтая. Он употреблял слово «сомнительный», хотя ни он сам, ни все остальные не представляли себе, кто на самом деле мог иметь на покойного зуб. Действительно, все, с кем встречался Бейкер, отзывались о Болтае с приязнью. То, что он падок на женщин, знали все, но больше Бейкеру ничего узнать не удалось.

— Значит, он больше года не появлялся?

— Да, сэр, — ответил Бейкер. — За исключением его соседей с Гримм-роуд, никто вообще его не видел.

— Скрывался? — пробормотал Джек себе под нос.

— Тогда этот задрипанный офис на Гримм-роуд обретает смысл. Никто не стал бы искать его на городских задворках. Но если он прятался, то какого лешего вылез из укрытия и надрался на благотворительной вечеринке Пемзса?

— Прометей сказал, что, когда они виделись с Шалтаем в последний раз, тот попрощался с ним. Возможно, Шалтай знал, что ему недолго осталось. Он предложил все свои акции Гранди за десять миллионов. Последняя отчаянная попытка, так мне кажется. Есть ли что-нибудь по Бесси Брукс?

— По-прежнему пусто. Прошлой ночью она сняла двести фунтов наличными со счета в центре города. Так что она ещё где-то здесь.

— Я распространю через СМИ её снимок и данные.

— Сэр! — донесся голос Гретель.

Джек вошёл в оккупированную баронессой картотеку. Крохотная комнатка была завалена бумагами, факсами и финансовыми отчётами.

— Какие новости?

Она положила ручку и выпрямилась в кресле.

— Запутанные, сэр, очень запутанные.

— То есть?

— Да золото.

— Золото? — удивился Джек. — Что за золото?

— Такой драгоценный металл желтого цвета. Странно, что вы этого не знаете.

— Бородатая шутка, Гретель. Что там с золотом?

— Восемнадцать месяцев назад мистер Болтай получил огромное количество золотых слитков. Никаких пробирных клейм. Чистейшее золото, какое только имеется в мире.

Она протянула Джеку квитанцию.

— Он продает их, чтобы купить акции «Пемзс». Повторяет это спустя неделю, потом ещё через неделю. При этом объявляет своё золото ломом, который не требует документации. Постепенно лондонские рынки начинают подозревать неладное: ему предлагают все более низкие цены, поскольку думают, что золото краденое. Наконец он находит готовые рынки во Всебякистане, Мыльвании, Оппастании и ещё некоторых огрызках бывшего Советского Союза, где вопросов не задают. Только вот имеется одна проблема: они не могут заплатить ему в твёрдой валюте, каковая ему, собственно, и нужна. Он меняет золото на медь, лом, соус «Бернез», клубнику — на всё, что можно продать на Западе и обратить в реальные деньги. Если вы найдёте его паспорт, то наверняка обнаружите, что он налетал столько, сколько отсюда до Юпитера. Он мотался по всему миру, продавая золото, — и всё это только для того, чтобы скупить акции «Пемзс». Каждый раз, добыв наличные, он шёл к Пьютеру.

— Сколько же золота он сбыл? — спросил Джек.

— Примерно на два с половиной миллиона фунтов.

— Нехило. Как думаете, где он его взял?

— Может, за счёт нелегального производства золота из соломы? — предположил Бейкер.

— Не подходит. С тех пор как мы накрыли... как там его?

— Румпельштильцхена?

— Ага. Однако проверь, сидит он ещё или уже нет, — так, на всякий случай. Золото последнее время нигде не пропадало?

Гретель покачала головой:

— В том-то и дело. Краж такого объема драгметаллов в последнее время не зарегистрировано. Но подумайте вот о чём: первая партия акций «Пемзс» была куплена через четыре дня после убийства дровосеков.

— То есть вы хотите сказать, что дровосеки нашли какое-то золото, были убиты, затем Болтай — вряд ли он лично их прикончил — начинает продавать его?

— Такая вероятность не исключена, — заметила Гретель.

— Хм. Не впервые людей убивают за кусок желтого металла, — протянул Джек. — Хорошая работа, Гретель. С меня причитается. Посмотрите, не найдётся ли чего по источникам происхождения этого золота. Пропавшие грузы слитков — что угодно. Если понадобится, поднимите данные за последние пятьдесят лет.

К ним подошла Мэри.

— Я поговорила с отцом Тома Томма. Представляете, досрочное освобождение Тома спонсировал... Шалтай!

— Ага, хоть что-то. И?

— Два года назад он устроил Тома лаборантом где-то в Горинге. Через полгода Том бросает работу и получает откуда-то наличные. Покупает отцу новую машину, ставит матери новый бедренный протез, а где-то через год исчезает.

Джек склонил голову набок и задумчиво поскреб подбородок. Неожиданное богатство Томма и убийство в Андерсеновском лесу совпадали по времени. А поскольку Болтай в убийцы не годился, то, похоже, дровосека и его жену прикончил Том Томм.

— Слушайте все! — обратился Джек к сотрудникам ОСП. — Мы нашли определённую ниточку и подходящее время. Факты таковы: Том Томм и Болтай встретились два года назад, и Болтай заплатил за его досрочное освобождение. Болтай же подыскал Томму работу, где тот и обретался до момента убийства дровосека и его жены. — Он помолчал. — Я бы сказал, почти наверняка Том Томм убил дровосека и доставил Болтаю золото на продажу.

— Сэр...

— Да, Бейкер?

— Я думал, дровосека убили русские мафиози. Звонновское расследование этого дела подробно представлено в «Криминальном чтиве».

— Тогда, скажем, Том наткнулся на золото после того, как русская мафия расправилась с дровосеком, а потом доставил золото Болтаю. Что, Эшли?

— А не мог ли Том Томм убить Болтая?

— Мог, но зачем? Тому Томму в жизни не сбыть золото так ловко. В любом случае необходимо разыскать Томма. Он увяз в этом деле по уши. Да, Бейкер?

— Румпельштильцхен все ещё сидит, — доложил тот, поворачиваясь к ним от терминала полицейской базы данных. — Он не поставлял золота.

— Хорошо. О чём я говорил?

— О покупке акций Пемзса.

— Верно. Болтай пускает золото на покупку тридцати восьми процентов акций Пемзса, но сам последний год скрывается на Гримм-роуд. В субботу у него происходит бурная ссора с мисс Бесси Брукс, которую мы не можем найти. Затем он отправляется на благотворительную вечеринку Пемзса и предлагает весь свой пакет акций Соломону Гранди. Гранди наотрез отказывается, и Болтай заявляет, что через год его активы будут стоить куда больше. Затем он под влиянием минуты обещает пожертвовать пятьдесят миллионов на восстановление больницы Святого Церебраллума, потом его отвозят домой в личной машине Рэндольфа Пемзса, а через шесть часов убивают.

— Он полагал, что акции взлетят в цене, — заметила Мэри.

— Именно. Акции Пемзса падают день ото дня, а он всё равно скупает их — стало быть, знает что-то такое, чего не знаем мы. Он отправляется посидеть на стене, дабы проспаться, кто-то подкрадывается к нему сзади и стреляет с расстояния трёх-четырёх футов из оружия сорок четвертого калибра. Что говорила миссис Сингх насчёт времени его смерти?

— Где-то между часом и тремя утра.

— Верно. Болтай падает мертвым на задний двор, где в семь утра его находит домовладелица. Поскольку ночью лил дождь, большая часть следов смыта. Через день его бывшая жена признается в убийстве и кончает с собой. На самом деле она этого не совершала, но, по всей видимости, считала, что убила его. Волос длиной в двадцать восемь футов принадлежит миссис Гранди, которая состояла с Болтаем в связи. Гранди об этом знал и утверждает, что ему всё равно, тем самым отмечая мотив убийства из ревности.

Шпротт замолк и обвёл всех взглядом.

— По-моему, мы ещё даже не на полпути к решению загадки. Вопросы есть?

— Вилли-Винки, — сказала Гретель.

— Хороший вопрос. Винки, бывший сосед Болтая, зверски убит нынче утром. Возможно, он что-то видел и пытался шантажировать убийцу, но выяснить это наверняка мы не можем. То же касается замеченного возле дома Болтая белого фургона, а также места, где мы обнаружили тело Винки. Примите все вышеизложенное к сведению, хотя оно может ничего и не значить.

— А «Пан энд Пропалл» использует белые фургоны?

— Да, как и половина беркширских компаний. Ещё вопросы?

Вопросы кончились. Всем было ясно, что делать.

— Да, ещё одно, — сказал Джек. — Некий детектив по имени Фридлинд Звонн желает подгрести данное расследование под себя и сделает для этого все возможное. Я хочу, чтобы обо всех поползновениях его команды подбаться к делу сразу докладывали мне. Болтовню тоже свести к минимуму. Ладно, с этим все. Найдите Томма и место, где Болтай жил в минувшем году, а ещё надо побеседовать с Бесси Брукс.

Последовала непарламентская борьба за единственный в офисе стул. Гретель, как всегда, победила.

— Что вы думаете по поводу Винки? — спросил Джек у Мэри.

— Даже не знаю. Вот если бы его застрелили из сорок четвертого калибра, я могла бы что-то сказать. Может, его просто ограбили, а те пятидесятифунтовые купюры принадлежали ему.

— Согласен. Слушайте, если мы сумеем разгадать, каким образом Болтай собирался взвинтить стоимость своих акций, то найдём и мотив убийства.

— Тогда почему бы нам не побеседовать ещё разок с Пемзсом? — предложила Мэри. — В конце концов, от резкого подъёма стоимости акций он выиграл бы куда больше, чем Болтай.

Глава 28

Касл-Пемзс

КАША ИЗ ТОПОРА ЗАВОЕВЫВАЕТ РЫНОК

На этой неделе в Рединге наблюдался всплеск популярности «Каши из топора», после того как компания «Шизбургер» добавила к своей линии продуктов «Топорбургер», а производители супов «Быстровзуб», лапши «Тыдурак» и чипсов «Расстрелла» приступили к производству продукции с топорным запахом. Вкусное и здоровое варево, состоящее только из топора и кипятка, на протяжении многих месяцев сбивало с толку диетологов и учёных. «Очень странно, — заявил вчера ведущий специалист в области диетологии, — но питательные свойства каши из топора несомненны, хотя данное обстоятельство противоречит тому общеизвестному научному факту, что топор и горячая вода никак не могут быть питательнее горячей воды и топора, которые сами по себе питательными вовсе не являются. Вынужден признать, что мы в полном недоумении». Несмотря на растерянность научной общественности, вкусное блюдо продолжает завоевывать популярность как у молодежи, так и у людей старшего поколения, многие из которых улучшили первоначальный рецепт собственными добавками в виде соли, перца, картофеля, капусты, лука, моркови, чечевицы и мелко нарезанного бекона».

«Редингский вестник», январь 1984 г.

Рэндольф в этот день был не на фабрике, а дома. Домом же ему служил Касл-Пемзс, очень странное здание в духе неосюрреализма, построенное в тридцатые годы блестящим, но неменяемым доктором Калигари.^[50] Многие оспаривали художественные достоинства Касл-Пемзс, но существовало определение, с которым соглашались все: строение было причудливым.

Джек и Мэри остановились у нарядной чугунной решётки главных

ворот. Сторожка выглядела довольно обыкновенной, но в силу особенностей расположения создавалось впечатление, будто она погружается в землю. Домик имел наклон в тридцать градусов и уходил в грунт до притолоки. Окно верхнего этажа служило входом и выходом. Через открытые ворота посетители въехали на дорожку, которая была прямой и ровной, но казалась грубо сшитой из лоскутов асфальта и цемента.

— Надо бы получше за ней ухаживать, — заметила Мэри, когда шины зашуршали и заскрипели по разным участкам дороги.

— Дорога вовсе не разбита, это так и задумано, — возразил Джек, которому и прежде доводилось по разным поводам бывать в поместье. — Если ехать ровно двадцать девять миль в час, швы между плитами играют на покрышках «Иерусалим».^[51] Прислушайтесь.

Мэри выверила скорость и прислушалась. Действительно, шины выскрипывали «Иерусалим»! Негромкая рокочущая мелодия, тяжелая и настораживающая, как дальний гром.

— «...В древние времена!» — запел Джек.

Они проехали через безукоризненно ухоженный сад, в котором каждая травинка занимала строго отведенное ей место.

— Касл-Пемзс называют жемчужиной долины Темзы, — сообщил Джек. — Ландшафтный парк был разбит не столь известным Непостижимым Грином. Видите тот водоем?

Мэри посмотрела налево, где протянулось озеро в виде отпечатка ступни. Купы серебристых берез неторопливо сбегали по пологим склонам к воде.

— Да.

— Грин установил на дне озера большие гидравлические аппараты для подъёма воды, которые ходят вверх и вниз, чтобы зимой создавать впечатление атлантического шторма. Здесь имеется корабль с рваными парусами и потрепанным такелажем — тоже на гидравлических подъёмниках, чтобы всплывать и тонуть в мгновение ока.

— А для чего? — спросила Мэри.

— Для развлечения лорда Пемзса и его гостей. В двадцатые и тридцатые годы «Пемзс» была богатейшей компанией в Рединге, даже крупнее, чем «Саттон сидс» или «Хантли энд Палмерс».^[52] Соответственно и вечеринки у Пемзса устраивались самые роскошные.

— А мне бы надоело смотреть, как всё время всплывает и тонет корабль.

— Лорду Пемзсу тоже надоедало. Корабль можно было снять и заменить семидесятитонным фонтаном из каррарского мрамора, изображающим сражение Посейдона с морским чудовищем. Вон там находилось поле, где играли в воздушное поло на самолетиках «Джипси мот». Думаю, это было замечательное развлечение.

Несколько минут они молча ехали, разглядывая странные чудеса, открывавшиеся за каждым поворотом. Когда дорога выровнялась и под шинами отзвучали последние аккорды «Иерусалима», они свернули за угол и оказались перед причудливой и несообразной громадой Касл-Пемзс.

Не исключено, что определение «сюрреалистический» изобрели специально для характеристики резиденции Пемзсов. Все в нем отступало перед лицом эстетической условности. Определить количество этажей в Касл-Пемзс не представлялось возможным, поскольку окна разной величины и формы были разбросаны по стенам абсолютно случайным образом. Все пять башенок торчали под разными углами и кренились в разные стороны: три спиралью уходили в небо, две сплетались верхушками. Цинковые желоба на крыше, выложенной шиферной плиткой семи оттенков, отводили воду через горгулий, изображавших всех британских премьер-министров начиная с 1726 года. Часть кровли поддерживалась арочными контрфорсами, некоторые из них были выполнены в готическом стиле, остальные — в виде живых ветвей дерева. Один контрфорс простирался вниз на семьдесят футов и заканчивался в ярде от земли.

Джек и Мэри медленно подъехали к парадной двери и припарковались там, где их ждал седой слуга во фраке и белых перчатках.

— Добрый день, — произнёс дворецкий, слегка наклонив корпус. — Моё имя Ффинкворт. Я слуга Пемзсов. Соблаговолите последовать за мной.

Они подошли к парадной двери, имевшей вид покосившейся трапеции. Странно, но им показалось, что между двумя круговыми полосами латуни, охватывавшими здание по периметру, виднеется зазор. Более того, сам дом вращался!

— Касл-Пемз построен на поворотном круге, — объяснил Ффинкворт с ноткой гордости в голосе. — Мощные электромоторы в основании дома вращают его в любом направлении, чтобы его лордство из своего кабинета мог лицезреть розарий или озеро — всё, что ему будет угодно. При не столь суровой погоде, — добавил Ффинкворт, — мы можем даже следовать за солнцем, дабы малая столовая была освещена весь день.

Они вступили на вращающуюся платформу, сооруженную с такой точностью, что движения вообще не замечалось. Дворецкий отступил в

сторону, пропуская их, и детективы вошли внутрь, миновав пару гигантских бронзовых муравьедов, охранявших косую входную дверь.

Потолок холла подпирали беспорядочно установленные разномастные колонны. Одни были ионические, другие коринфские, некоторые дорические, отдельные и вовсе египетские. Остальные представляли собой смесь всех четырёх стилей. Пол был выложен белыми и черными мраморными плитками в шахматном порядке, да только все плитки имели разную форму. Ни в какой отчётливый узор они не складывались, но, если долго смотреть, голова начинала кружиться.

— Интересно... — начал было Джек, но Ффинкворт уже исчез.

— Жутковато, правда? — шепнула Мэри, прислушиваясь к тихому поскрипыванию дома, незаметно поворачивавшегося на платформе.

Джек хотел поближе взглянуть на висевшие вверх ногами картины, но тут услышал знакомый голос.

— Инспектор! — воскликнул Рэндольф, улыбаясь. — Как приятно снова видеть вас!

— Сержант Мэри! Надеюсь, мозоль на втором пальце левой ноги не слишком вам досаждала?

— Откуда вы знаете?

Он скромно улыбнулся.

— Я образованный и опытный ноговед, сержант. Ваша походка для меня — открытая книга. Вы впервые внутри Касл-Пемзс?

Оба кивнули.

— Он официально считается одним из семи чудес Рединга, — гордо сказал Пемзе. — Чаю хотите?

— Спасибо.

— Первый дом был построен в тысяча восемьсот девяносто втором, — рассказывал хозяин, ведя их по зеркальному коридору. — Неоготическое сооружение чудовищных пропорций. Зал, коридор и дверные проемы были сделаны такими огромными, что мой дед разъезжал повсюду на «форде-Т».

— А интерьерам это не вредило? — спросила Мэри.

— Пара царапин, только и всего. Дворец был по-настоящему поврежден во время гонок тысяча девятьсот двадцать четвертого года. Столкновение трёх машин в главном зале привело к тому, что всю дубовую обшивку между библиотекой и курительной пришлось заменить. — Он рассмеялся, представив себе масштаб разрушений. — Возле лестницы сделали общий поворот. Большой зал стал финишной прямой. Мне рассказывали, что в оранжерее было трудноато подрезать, зато в картинной галерее гонялись в два ряда. Мой дед установил рекорд в

восемьдесят шесть целых сорок две сотых мили в час на «Дилейдж тэлбот S-27». При этом он потерял машину и левую ногу.

Рэндольф остановился перед стеклянной витриной с выставленным в ней куском искореженного металла.

— Это часть турбокомпрессора «дилейджа». Два года назад мы обнаружили его на дереве в полумиле отсюда. Славные, славные деньки. Сюда, пожалуйста.

Он повернул налево, открыл клепаный стальной люк и повел их по коридору, напоминавшему внутреннюю часть подводной лодки. Сходство усугублялось капавшей с кранов водой и звуками отдаленных взрывов глубинных бомб.

— Все это, разумеется, кончилось плохо. На девятом кругу граф Игорь Дебровник вылетел на своем семилитровом «фиате» с верхней лестничной площадки, пробил витражное окно и проломил крышу часовни. Через несколько минут граф Садбери, спутав направление, влетел на своем «райлтоне» на скорости семьдесят миль в час в отдел антикварных книг, нанеся невосполнимый ущерб нескольким ранним изданиям Бэкона. К концу гонки с десятков других несчастных случаев превратили интерьер дома в руины, потому в тысяча девятьсот двадцать шестом году мой дед решил его перестроить при помощи блестящего, но сумасшедшего Вольфганга Калигари.

Лорд Пемзс отодвинул панель, и они оказались в комнате, уставленной старинными каменными кхмерскими изваяниями. Посреди возвышалось огромное фиговое дерево. Здесь было жарко и повсюду в изобилии росли тропические растения. Пока они глазели по сторонам, мимо пролетел попугай и уселся на каминную полку.

— Мы называем эту комнату «Ангкор-Ват»,^[53] — сказал Пемзс. — Крыша — средневековая, сводчатая, а окна — точное воспроизведение западного фасада в Шартре,^[54] только чуть повыше.

Он предложил им устраиваться на диване, совершенно не к месту поставленном на персидском ковре посреди комнаты. Чай уже подали.

— Замечательный дом! — сказала Мэри.

— Когда его построили, никто так не считал, — ответил Пемзе, разливая чай. — Ругали на все корки, как и прочие великие здания. От простого «уродливо» и более откровенного «безвкусно и лишено стиля» вплоть до явного преувеличения «творение Мефистофеля». В этом и все, и ничего, и ещё кое-что. Сахару?

— Спасибо.

— Итак, — произнёс хозяин, как только они взяли по чашечке чая, — у вас появились новые вопросы, инспектор?

— Несколько. Не догадываетесь ли вы, каким образом Болтай собирался поднять стоимость акций «Пемзс»?

— Я очень много думал об этом со времени нашей последней встречи, — ответил лорд, — но так и не пришёл ни к какому выводу.

Джек применил иную тактику.

— Мы говорили с мистером Гранди. По его словам, Шалтай действительно предлагал ему купить свой портфель акций во время благотворительного вечера «Пемзс».

— Гранди принял предложение?

— Нет.

— Тогда зачем мне убивать Болтая? Если таков был его козырь, то он разыграл его очень не вовремя.

— А что, если он и вовсе не планировал продавать акции Гранди? Может, он собирался перепродать их... вам.

Сэр Рэндольф нахмурился и посмотрел на обоих полицейских.

— Зачем?

— Чтобы вернуть фабрику семье.

Пемзс рассмеялся.

— Если так, то я должен был лет двадцать вынашивать этот план — ведь как раз столько лет у нас проблемы. Кроме того, купил акции Болтай, а не я. У меня нет таких денег.

— Мистер Болтай мог служить вам прикрытием. По-моему, выкупи вы вдруг свои акции, аналитики из Сити задались бы вопросом: «С чего бы это?» — и цены взлетели бы до небес.

Пемзс снова рассмеялся, внутренне начиная закипать.

— Будь я преступником, инспектор, я запустил бы руку в пенсионный фонд своих работников. Я и мои пожилые родственники — единственные попечители, так что это не составило бы труда. Там больше ста миллионов — с лихвой достанет, чтобы снова поставить компанию на ноги. Но это не мои деньги. Они принадлежат рабочим. Я много лет сражался с «Пан энд Пропалл» не из чувства ответственности перед сотрудниками и не ради поддержания фамильной чести Пемзсов, но потому, что мы считаем выпуск продукции по уходу за ногами своим моральным долгом.

Он произнёс эту речь величественно и без тени юмора.

— Выпуск продукции по уходу за ногами — моральный долг?!

— Можете смеяться, инспектор, но вы не разбираетесь в ноговедении так, как я. Империя Пемзсов построена на четырёх основных принципах

ухода за ногами. Без них мы ничто. Любой может производить специальные ножницы, стельки и мозольный пластырь. Однако наш принцип заключается в производстве эффективных препаратов для ног. «Пан энд Пропалл» не заинтересованы в моей фабрике или сети распространения товара. Они хотят заполучить мои патенты. Со своей сетью продаж и моими средствами от бородавок, мозолей, грибка и бурсита большого пальца они могут навсегда избавить ноги всего мира от болезней — если захотят.

— Если захотят? — переспросила Мэри.

— Именно так. Они могут сохранить наши патенты, но придержать их и не выпускать на мировой рынок. Средства, которые смягчают, но не лечат, — вот где лежат настоящие деньги! А «Пемзс», напротив, всегда считал своей целью служение обществу. Пожелай я играть на одной доске с «Пропалл», уже был бы миллиардером.

Голос Пемзса становился все громче и громче. Грандиозность перспективы явно захватила его.

— Без конкуренции с нашей стороны руки у них окажутся развязаны. Ноги сделаются золотой жилой, чего и добивается алчный Соломон Гранди!

Он покраснел, но вскоре взял себя в руки, глотнул чаю, извинился перед Мэри за несдержанность и пояснил:

— Мне невыносима мысль, инспектор, что в субботу Джеллимен будет пожимать этому типу руки и осыпать его похвалами. Если бы Джеллимен хоть что-нибудь понимал в ногах, он бы не почести Соломону Гранди воздавал, а возбудил против него уголовное дело.

— Вы не знаете, где мистер Болтай жил последний год?

— Боюсь, нет. Я не видел его ни разу, разве что во время благотворительного вечера.

Джек поставил чай и достал из кармана фотографию Тома Томма.

— Вам знакомо это лицо?

Пемзс надел очки и посмотрел на снимок.

— Да, вроде бы видел его с Болтаем пару раз.

— А этого? — сказал Джек, протягивая ему фото Винки.

— Боюсь, нет.

— Что вы можете сказать о Лоре Гарибальди?

— Это трагедия, инспектор. Настоящая трагедия. Ведь это я их познакомил, будь я неладен. Мы с Лорой были в редингской команде по стрельбе по тарелочкам. Она была хорошим стрелком и славной женщиной. По-моему, Болтай не заслуживал её любви.

— Благодарю за оказанную любезность, — сказал Джек, — и прошу прощения, если некоторые мои вопросы были для вас неприятны.

— Не стоит благодарности, — сказал Пемзе. — Идемте, я провожу вас.

Они встали и пошли между квазидревними каменными руинами. У них над головами, сверкая экзотически голубыми перьями на хвосте, пролетел попугай.

— Вот это птица, — прошептала Мэри.

— Норвежский голубой, [\[55\]](#) — с восхищением произнёс Пемзс. — Прекрасное оперение!

Глава 29

Лола Вавум

Лола Вавум была одной из величайших актрис семидесятых — восьмидесятых годов. Её открыли в 1969 году в косметическом магазинчике «Литтлвудс» и попробовали на роль Дейдре Фарлонг в пилотном эпизоде «Моржовой улицы, 65». Уйдя из сериала через четыре года, она прорвалась на большой экран в роли экстравагантной полицейской Джулии Хэтауэй в чрезвычайно успешном фильме «Улицы Вуттон-Бассета». За ним последовала целая череда хитов: «Убийства в Адуки-Бин», «Моя сестра пасла гусей» и «Неженатик из Ладлоу», за который она удостоилась «Мильтона». В середине восьмидесятых она получала по два миллиона долларов за фильм. Затем грянула катастрофа. Череда провалов, кульминацией которых стало в 1989 году «Дело Эйр», постоянные спекуляции по поводу содержимого шкафчика в её ванной — всё это заставило актрису навсегда уйти из кино. Присутствие на благотворительной вечеринке «Пемзс» в 2004 году стало её первым появлением на публике спустя четырнадцать лет.

«Вэлликхиллский киногид»

— Сколько?! — переспросил Джек, после краткого визита в больницу Св. Церебраллума выкроивший пять минут, чтобы проглотить бутерброд.

— Сто двадцать шесть, и ещё идут, — ответил Бейкер. — Нам некогда считать. Эшли и Тиббит внизу записывают имена и адреса и одновременно стараются выловить хоть крупицу информации, относящейся к делу.

— И как?

— Пока никак. Все просто хотят помочь.

— Известие о смерти Шалтая вызвало непредсказуемую реакцию в среде его бывших подружек, любовниц, партнерш и приятельниц. Цветы стали приносить к дому на Гримм-роуд сразу, как только в прессе появился некролог, и весь двор оказался ими завален. Поговаривали, что всю ночь

будут гореть свечи, а несколько часов спустя в участок потянулись бывшие его возлюбленные, готовые помогать следствию, и весь свободный персонал, которого и так было мало, занимался ими. Однако та одна-единственная его подружка, с которой им хотелось поговорить, так и не явилась.

— Спасибо, Бейкер. Передай, чтобы ребята бежали прямо ко мне, как только найдут что-нибудь важное.

Бейкер кивнул и взял мобильник.

— Итак, что вам удалось обнаружить? — спросил Джек у Мэри, которая тоже воспользовалась краткой передышкой, чтобы перекусить.

— Немного, — ответила она, глядя в свои записи. — Начальником Винки в «Пан энд Пропалл» является некто Вилан. Он уверяет, что Винки был блестящим работником и его все любили. Покойный страдал нарколепсией, но и с этим справлялись: у «Пана» хорошая репутация в смысле охраны здоровья работников. Ничем не упрекнешь. Имелось, правда, несколько случаев, когда можно было бы отпустить шуточку по поводу нарколептических расходов, но все промолчали.

— А каково мнение его сотрудников насчёт того, хватило бы ему порошу шантажировать киллера?

— Он был человеком занятым и немного нервным. Почему — никто не знает. Вы все ещё думаете, что тут замешан Соломон Гранди?

— Нет, не думаю. Он раскрыл перед нами все карты, и, как вы и сказали, у него достаточно денег, чтобы глазом не моргнув списать со счетов два миллиона фунтов.

Джек сделал глоток чаю. Его поездка в клинику Св. Церебраллума тоже оказалась малорезультативной. Лечащий врач Винки, весьма услужливый парень по фамилии Мерфи, сказал ему, что покойный лечился от нарколепсии амбулаторно почти девять лет, посещая врача два раза в неделю. Винки пропустил вчерашний прием, так что, возможно, у него что-то и было на уме. Джек также наткнулся на доктора Кватт, которая поинтересовалась у него, как продвигается дело. Она называла Шалтая Шолтом, и Джеку подумалось, нет ли в общей куче и её венка.

Он доел бутерброд, вытер руки и губы носовым платком и на мгновение задумался. «Все эти женщины...»

— Кстати, — сказал Бейкер, — Джорджо Порджа готов встретиться с вами завтра ровно в девять.

Внезапно Джека осенило, и он даже прищёлкнул пальцами.

— Конечно же! Бейкер, та квартира, которую Порджа передал Шалтаю в благодарность за отмычку денег...

— А что?

— Адрес у нас есть? Я знаю, что Шалтай прожил с Лорой в «Веселом яичке» восемнадцать лет, но он мог сохранить то жилье за собой. Должен же он был возить куда-то всех этих девиц!

Бейкер порылся в своих бумагах и наконец нашёл адрес в одном из старых ордеров на арест Шалтая.

— Вот! — объявил он. — Пемзс-Виллас, шестьсот четырнадцать.

* * *

Старое жилище Шалтая-Болтая представляло собой огромный многоквартирный дом, построенный «Пемзс билдинг траст» в начале прошлого века в наимоднейшем стиле той эпохи. В тридцатых-сороковых годах он считался очень престижным, но затем его популярность начала падать. Дорогое в содержании и ни разу не перестраивавшееся здание постоянно меняло хозяев, с каждым разом теряя в цене, поскольку каждый очередной домовладелец деньги-то брал, а вот привести имущество в порядок или хотя бы сделать необходимый ремонт не удосуживался. Некогда фешенебельные апартаменты превратились теперь в жалкую дыру — элитный вариант развалюхи на Гримм-роуд. Краска давно облезла, лепнина поплыла и размякла от ветра и дождя.

Джек, Мэри и Бейкер вошли в сырой холл, где их объял теплом густой запах тления. Из двухсот квартир, по словам дряхлого консьержа в выцветшей форме коридорного, заняты были едва ли восемь. Остальные были заколочены, а раковины, ванны и унитазы сняты, чтобы отводить бомжей. Дом принадлежал богатому финансисту, который ждал, когда съедут последние жильцы, чтобы снести ветхое здание и построить на этом месте элитную парковку. Консьерж показал им лестницу. Лифт, если верить его рассказам, сломался ещё в семьдесят втором.

Квартира Болтая находилась на шестом этаже, и, пока они шли следом за Бейкером по скрипучей винтовой лестнице, Джек рассматривал перила и куполообразную стеклянную крышу, тысячи трещинок в которой были заклеены скотчем. Перила еле держались, и от малейшего прикосновения к ним поднимались облачка высохшей плесени. На каждой лестничной клетке маячили запертые на висячий замок двери.

— Какая там у него квартира? — спросил Джек.

— Номер шестьсот четырнадцать, — шёпотом ответил Бейкер. — Это

туда.

Он медленно повел их по коридору через пожарный выход, заклиненный, чтобы не закрывался, мимо ржавых настенных светильников, в которых горели слабые лампочки. Когда они подошли к дверям квартиры Болтая, с древнего ковра поднялась пыль. При свете карманного фонарика Джека они разглядели, что ковер весь в грязи и клочьях пыли, а на дверной ручке поселился маленький паучок. Всё было покрыто толстым слоем пыли.

— Здесь давно никто не бывал, — заметил Бейкер.

Сзади им ответил низкий хриловатый женский голос:

— Да уж почти год, дорогие мои.

Они обернулись. Перед ними, пронзая взглядом стигийскую тьму коридора, застыла в эффектной позе женщина лет пятидесяти пяти. На лице тщательно отработанное выражение молчаливого безразличия, на губах блуждает полуулыбка. Волосы накручены на бигуди, в зубах дорогая сигарета. Губы наспех накрашены ярко-красной помадой, кружевная блузка растегнута ровно настолько, чтобы показать ложбинку между грудей. На плечи наброшена светлая кашемировая кофта, юбка до колена плотно облегает ладную фигуру. Женщина немного помолчала, облокотилась о косяк и окинула визитеров взглядом, который можно было бы назвать знойным, будь ей лет на двадцать поменьше.

— П-простите? — заикаясь, переспросил Джек, ошарашенный представшим перед ним завораживающим зрелищем.

— Почти год, — повторила она. — Я звонила им насчёт душа, но так никого и не дождалась. Сволочи они все, милый мой.

Она затянулась сигаретой и выпустила колечко дыма. Джек подошёл к ней.

— Я знаю вас. Вы — Лола Вавум. Вы были лучшей в кино.

— Дорогой, не думай, что я заглочу эту наживку. Не в моих правилах наступать на пятки Норме.^[56] А вы-то кто?

— Инспектор Джек Шпротт из отдела сказочных преступлений. А это сержант Мэри и констебль Бейкер.

Лола кивнула в сторону Мэри, даже не взглянув на неё. Зато Бейкеру она томно протянула руку, так что ему пришлось сделать шаг, чтобы пожать её.

— Детектив Бейкер, — проворковала актриса.

— Констебль Бейкер, — поправил он с лёгкой улыбкой.

Несмотря на поблекшую красоту и старомодные манеры, Лола сохранила определённый шарм и осанку, что делало её по-прежнему

привлекательной.

— Красиво звучит. Когда-то у меня был любовник по фамилии Бейкер. Он напоминал хомяка: раз начав, не мог остановиться.

— Это хорошо? — спросил Бейкер, не до конца уверенный, что понял правильно.

— Разве что если вы тоже хомяк.

Джек сумел замаскировать смехок кашлем. Бейкер покраснел, но Шпротт быстро взял ситуацию под контроль.

— Мисс Вавум, что вы тут делаете?

— Здесь, милый? — с улыбкой отозвалась она. — Живу.

— Мы думали, вы обитаете где-нибудь в Голливуде... или, по крайней мере, на Кэвершемских высотах, — добавила Мэри, которая вспомнила, что видела Лолу живьём в постановке «Зараза!», когда была совсем маленькой.

— Ха! Чтобы со мной возилась армия пластических хирургов? — презрительно фыркнула Лола. — Нет уж, спасибо. Я такая, какая есть. Сиськи у меня натуральные, и задницу мне не приподнимали. Никаких подтяжек, и рёбра все на месте — ничего такого. Все эти шлюшки на нынешнем киноэкране набиты силиконом под завязку. Они покупают свои груди с прилавка. «Что тебе угодно, малышка: большие, маленькие или средние?» Из нас делают сушеных насекомых и называют это красотой. Если бы кто-нибудь их габаритов в моё время вылез на публику, её бы хорошенько накормили и велели приходить, когда малость отъестся. Что плохого в здоровых формах? Любая женщина весом за шестьдесят килограммов сейчас рассматривается не как среднегабаритная, а как потенциальный потребитель. Крем для этого, таблетки от того, избыточные волосы, коллагеновые инъекции, диеты для быстрой потери веса... Когда это кончится? Нас заставляют тратить лишние деньги и прилагать страшные усилия, чтобы добиться «совершенных» форм, которые физически достижимы для одной женщины из миллиона. Вот вам звериный оскал капитализма, жирующего на заблуждениях, мальчики и девочки. Кроме того, совершенство всегда казалось мне перехваленным товаром.

Во время своей речи она повышала голос, закончив тираду на «до» верхней октавы. Она остановилась, взяла себя в руки, затем продолжила нормальным тоном:

— Когда-нибудь я вернусь, и тогда...

Джек и Бейкер не отрываясь смотрели на неё. Лола перевела взгляд с Бейкера на Мэри, затем снова на Джека, постучала каблук о косяк и

зажгла ещё одну сигарету.

— Ладно. Значит, вы из полиции. Я слышала о Шалтае. Жалко. Он был приятным парнем. Коротковат, на мой вкус, но уж каков есть.

— Когда вы виделись с ним в последний раз? — спросил Джек, собравшись с мыслями.

— Примерно в это же время год назад. — Лола стряхнула пепел. — Я видела, как Шолт выползал отсюда. Он не мог передвигаться быстро из-за своих коротеньких ножек. Вид у него был немного взбудораженный, и я спросила, все ли у него в порядке. Заметив меня, он слегка вздрогнул, заверил, что все в ажуре, и поспешил вниз. Я вернулась к себе, но по-прежнему слышала шум воды. Шалтай так и не вернулся, и на следующий день я вызвала сантехника. Тот не пришёл, и душ так с тех пор и течет. Мне кажется, кое-кто хочет, чтобы дом поскорее сочли аварийным и мы все отсюда съехали.

Она окинула взглядом дряхлый коридор и с отвращением отодрала кусок обоев. Бумага отошла легко, и звезда разорвала добычу на мелкие кусочки.

Внезапно Лола как-то сникла.

— Я пойду, ладно? Если понадобится, вы знаете, где меня найти. Я редко выхожу из дома.

Ответа она ждать не стала, просто обвела их взглядом, улыбнулась Бейкеру, вошла к себе и бесшумно заперла дверь.

Джек вздохнул и прижал ухо к стеклянной панели на двери Шалтая.

— Мы только что встретились с историей британского кинематографа, — заметил он.

— В своё время она была такой красоткой, сэр! — воскликнул Бейкер.

— По мне, так и до сих пор.

— Да, — сказала Мэри. — Если в пятьдесят выглядеть, как она, можно ни с кем не здороваться.

Джек приложил палец к губам.

— Помолчите секунду, ребята.

Они замерли.

— Лола права. Душ до сих пор течет.

Он отошёл и знаком велел Бейкеру взломать дверь.

Перешагнув через скопившуюся в прихожей гору рекламных писем, они подошли ко второй двери, отделявшей холл от остальной квартиры. Джек остановился и обменялся взглядами с Мэри и Бейкером, на лицах у которых отражалось дурное предчувствие, терзавшее и его самого.

При первом же прикосновении ручка двери отвалилась, а сама створка

рассыпалась грудой гнилых обломков. В лицо полицейским дохнуло сыростью. Невыключенный душ оказал на квартиру катастрофическое воздействие. Все вокруг пребывало в той или иной стадии разложения. Ковры и обивку покрывали жирные шапки плесени, обои отставали от стен и истлевшими клочьями спадали на гнилые плинтуса. Книги в шкафу превратились в спекшийся чернозем, и на всем лежал толстенный слой грязи. В воздухе стоял тяжелый гниlostный запах, по стенам уже пополз грибок. Паркетины ощутимо проседали под весом незваных гостей, и лишь узорчатый ковер не позволял им провалиться. Джек осторожно пробрался в спальню. Простыни сгнили начисто, а одежда в гардеробе попадала с вешалок заплесневелой полужидкой массой. Крикнув Бейкеру, чтобы тот выключил душ, инспектор внезапно зацепился взглядом за сильно попорченную гильзу на мокром ковре. В ходе тщательного осмотра помещения обнаружилась вторая гильза, затем ещё две. Джек наклонился и попытался отковырнуть одну шариковой ручкой, но кусочек металла прикипел к коврику намертво.

Шум воды стих. После короткой паузы послышался мрачный и чуть дрожащий голос Бейкера:

— Сэр, по-моему, вам стоит на это взглянуть.

* * *

Коронеры приехали меньше чем через час. С любопытством осматривая разлагающуюся комнату, они осторожно проходили по ненадежному полу. Там, где паркетины частично распались, вспухали зловещие бугры. Один из констеблей вырезал кусочки ковра с гильзами, но тех, кто занимался отпечатками пальцев, почти сразу же отослали.

Шенстон, увидев царящую в квартире разруху, поскреб затылок.

— И сколько же тут лило?

— Год.

Это сулило серьезные проблемы. Фотограф все ещё продолжал работу, когда появилась миссис Сингх, запыхавшаяся после торопливого подъёма по лестнице. Джек разбирал письма, большая часть которых представляла собой банковские извещения, приглашения на торжественные мероприятия или просьбы о благотворительных пожертвованиях. Тут были и сотни любовных писем, в основном от мимолетных знакомых. Самое старое, судя по штампу, пришло почти год назад, что совпадало с рассказом Лолы

Вавум.

— Джек, Джек, — печально покачала головой миссис Сингх, — что тут творится?

Джек повел её в ванную, найдя безопасный путь по прогнившему полу.

— Тело в душевой. Примерно год как мертвое.

— Год? Ладно, как я уже говорила, мертвецы...

И тут она увидела труп. В это мгновение, словно усиливая впечатление момента, сработала фотовспышка.

— Мне тут и делать особенно нечего...

— Да уж.

От трупа, собственно, мало что осталось. Поскольку тело около года пролежало под душем, плоть буквально смыло в канализацию. Жертва превратилась в желтоватый скелет, державшийся на самых крепких остатках связок и хрящей. На голове сохранился клочок кожи с волосами, и ещё уцелела левая ступня — единственная часть тела, оказавшаяся за пределами душевого поддона. Она сгнила и сделалась пристанищем для процветающей колонии грибов.

— Когда вы его нашли, душ все ещё работал? — уточнила миссис Сингх.

— Да. Его?

— Скелет мужской. На вид лет тридцати пяти, футов шести ростом. Но меня другое интересует.

Она показала на лежащие под трупом комочки свинца.

Когда все ткани сгнили, пули выпали из тела, но оказались слишком тяжелыми, чтобы их смыло водой. Миссис Сингх достала маркер, отметила один из шариков и попросила фотографа сделать несколько снимков, затем взяла пинцет и внимательно рассмотрела шарик.

— Похоже, тридцать второй калибр. Это что-нибудь вам говорит?

— По ковру позади вас рассыпаны гильзы этого калибра.

— И кто это, по-вашему? — спросила она, не глядя.

— Мне кажется, это Том Томм, тридцати четырёх лет от роду, пропавший без вести, — я нашёл его бумажник в гнилых джинсах. Есть ли смысл уточнять, как он умер?

Миссис Сингх опустилась на колени возле душевого поддона. Джек сел на корточки рядом.

— Да нет, — отозвалась она. — Одна пуля попала в нижнее ребро, но этот выстрел не был смертельным. Ещё одна пуля, расколовшая локтевую кость, показывает, что он вскинул руку, пытаясь защититься. Пуля,

застрявшая в бедренном суставе, вероятно, заставила его упасть, а две последние прикончили. Одна застряла в черепе, а другая царапнула по ребру.

— Откуда вы знаете, что его прикончили двумя пулями?

Она улыбнулась и с торжеством задернула занавеску. На уровне живота в ней виднелись три пулевых отверстия и ещё два — гораздо ниже.

Джек посмотрел на дырки и встал, почесал подбородок и переместился к двери ванной, которая находилась прямо перед душем. Поскольку гильзы валялись именно здесь, то, вероятнее всего, отсюда и стреляли.

— Значит, выстрелили трижды, услышали звук падения тела и добились ещё двумя?

Миссис Сингх встала.

— Вроде того. Пусть Скиннер посмотрит. Я оставлю тело здесь, пока он не закончит. — Она посмотрела на труп. — Трудно поверить, что душ лил целый год. Неужели никто не пожаловался?

— Соседка. Лола Вавум.

— Актриса?

— Она самая. Жаловалась, но её проигнорировали. Внизу никто не живёт. Там тоже разруха, все отсырело.

Миссис Сингх глубоко задумалась, но, как понял Джек, вовсе не о трупе.

— Значит, Лова Вавум? — оживилась она. — Я была, наверное, единственной, кому понравился фильм «Моя сестра пасла гусей», а «Неженатика из Ладлоу» мы с мужем смотрели восемь раз. Надо взять у неё автограф.

Она поспешно вышла, оставив полицейских рассматривать душевую занавеску.

— Вы думаете о том же, о чём и я? — спросил Джек.

— О миссис Болтай? — отозвалась напарница.

— В точку. Первые три выстрела на уровне поясицы. Шалтай был четырёх с половиной футов ростом. Если бы она думала, что в душе он, туда и стреляла бы.

— Как там она написала в своей предсмертной записке? — задумчиво проговорила Мэри. — «Я отправилась к нему домой и, моля Бога о прощении, нажала на курок...»

— Но когда мы пришли её допрашивать, она не знала, что мы расследуем утреннее убийство. Должно быть, решила, что мы в конце концов нашли тело.

— Теперь понятно, почему Болтай лег на дно, — добавил Джек. — Он явно не горел желанием дать ей возможность повторить попытку. — Детектив уставился на скелет в душевой. — Думаю, Лола увидела его как раз в тот момент, когда он нашёл тело Тома.

— Почему же он никому об этом не сказал? — удивилась Мэри.

— Да потому, — ответил Джек, — что он затевал пакость, большую пакость. Но это всё равно не объясняет, где же Шалтай обретался весь прошедший год.

— Значит... мы приблизились к разгадке того, кто убил Шалтая?

— Мы знаем, что стреляли из сорок четвертого калибра, что Винки предположительно видел убийцу и...

Он на мгновение задумался.

— ...и это все.

* * *

Они вышли из дома. Дождь уже прекратился, и свет уличных фонарей отражался в мокром асфальте. Консьерж, вдохновленный бурной деятельностью, игриво сдвинул шляпу набок и отдал честь, когда они проходили мимо.

— Бриггс звонил, — сказал Бейкер, провожая их до «аллегро».

— Дай угадаю. Пресс-конференция?

— Именно.

Глава 30

Ещё одна пресс-конференция

БОСС ПРЕСТУПНОГО МИРА ПОСАЖЕН ПОД АРЕСТ

Известный рэкетир и босс подпольной мафии Джорджо Порджа вчера был назван виновным в ста восьми случаях «принудительного ремонта жилья». Суд услышал, что Порджа и его шайка обычно использовали угрозы, жестокость и запугивание, чтобы заставить жильцов согласиться на вовсе не нужный им ремонт. Там, где сроду не водилось даже антресолей, делался чердак, двойные стекла переставляли по семь раз в одном и том же доме, без необходимости менялась проводка. Порджа приговорен к тридцати пяти годам заключения и уже признал себя виновным по пунктам о чудовищной безвкусице, жалком чувстве цвета и кривом наклеивании обоев. Ему также на всю жизнь запрещено владеть оранжереями.

«Жаб», март 1984 г.

— ...Но выяснить, о чём конкретно говорилось во время этого судьбоносного чаепития, не представлялось возможным, — продолжал Звонн под взорами внимающих каждому его слову репортеров, — пока я не изобрел метод, который назвал идентификацией узора рассыпанных крошек. Метод основан на следующем принципе: когда человек во время разговора ест печенье, крошки вылетают изо рта с разным ускорением, соответствуя произносимому слогу. Проанализировав разброс крошек по скатерти, я пришёл к выводу, что разговор шёл вовсе не о погоде, как утверждала миссис Питкинс, а об ошибочно диагностированном отравлении ботулотоксином. В итоге выстроенного определённым образом допроса подозреваемая разрыдалась и созналась во всём, что и послужило достойной завершающей сценой этого непростого расследования.

Как обычно, Фридлинду устроили овацию стоя. Тот скромно прекратил гром аплодисментов мановением руки. Последовало несколько технических вопросов о новом методе, касающихся различного веса

частичек печенья и применимости аналогичных схем к брызгам шоколада во время произношения слова «псориаз». Звонн дал исчерпывающий ответ, проиллюстрировав его сложными диаграммами на проекторе, в то время как сержант Хламм раздавал распечатки с изложением всех подробностей дела.

Джек, Бриггс и Мэри стояли в дверях зала.

— И что я тут делаю? — спросил Джек. — Мне нечего добавить. Я и правда не знаю, связана ли вообще смерть Винки с этим делом.

— Это все седьмой этаж, Джек.

В голосе Бриггса не слышалось энтузиазма. Кто-то давил на суперинтенданта.

— Что происходит, сэр?

Бриггс опустил взгляд и потер лоб.

— Лига очень могущественна, Джек. Извини.

Не успел Шпротт даже начать обдумывать услышанное, как мимо них прошествовал Звонн. Он вернулся «на бис», затем окончательно покинул конференц-зал, на ходу бросив с самоуверенной ухмылкой:

— Замерз, Джек? Ничего, сейчас тебя взгреют.

Он подошёл к Хламму и Барнсу, ожидавшим босса в дальнем конце приемной. Они тут же принялись хлопотать вокруг него, как тренеры вокруг только что вышедшего с ринга боксера.

Обычно Джек ждал, пока журналисты выйдут, поскольку от пишущей братии всегда много шума и если Арчибальд или кто-нибудь ещё вдруг решат остаться, то его хотя бы слышно будет. Но сегодня никто не вышел. В зале царило молчание. Поначалу Джек решил, что Звонн собирается туда снова, но его бывший напарник уже начал обсуждать со своими подчиненными вероятность разрешения загадки трёх культовых убийств в Слау до выхода завтрашних вечерних новостей.

— Сэр, — заметила Мэри, заглянувшая в зал и наткнувшаяся на полные ожидания лица репортеров, — похоже, они ждут вас.

— Это невозможно, — выдохнул Джек.

Сердце его на мгновение застыло. Он посмотрел на Бриггса — начальник отвел взгляд. Понятно: все подстроено.

— Чёрт!

— Что? — не поняла Мэри.

— Меня собираются вывернуть наизнанку.

— Вы можете отказаться.

— Да какая разница, сейчас или потом? Нет уж, давайте покончим с этим.

Он вошёл в зал под жужжание камер.

— Добрый день, — начал Джек, ощущая нечто подобное страху перед выходом на сцену, отчего в животе становится беспокойно. — Я, инспектор Шпротт, возглавляю отдел сказочных преступлений Редингского полицейского управления. В понедельник, примерно в час ночи, неизвестным или неизвестными был убит сидевший на своей рабочей стене Шалтай Алоизий Стьювесант ван Болтай. Он умер мгновенно. В настоящее время мы не готовы однозначно назвать мотив преступления.

Первым задал вопрос Джош Рубайлис:

— Как он был убит?

— Выстрелом в спину.

По толпе корреспондентов прошелестел шепоток. Пока всё шло не так плохо.

— У вас есть подозреваемые?

— Есть. Женщина по имени Элизабет (Бесси) Брукс. После пресс-конференции мы распространим её фотографию. Отдельно расследуются обстоятельства гибели соседа мистера Болтая, мистера Уильяма Винки. Он был найден в Палмер-парке сегодня утром. Мы не исключаем возможной связи между этими событиями.

— Самоубийство миссис Гарибальди-Болтай как-то связано с убийством мистера Болтая?

— Да, это прямое его следствие.

Гектор Склизз заглянул в наспех отксеренную подборку газетных вырезок.

— Инспектор, подтверждаете ли вы тот факт, что недавно пытались обвинить трёх поросят в убийстве мистера Волка?

Джек переступил с ноги на ногу. «Начинается!» — подумал он.

— Да, это так.

По комнате прошёл смешок, и Джека бросило в жар.

— И это провальное дело обошлось налогоплательщикам в четверть миллиона фунтов?

— Конкретная цифра мне неизвестна.

— Хорошо, — продолжил Гектор, помолчав. — Подтверждаете ли вы также, что отдел сказочных преступлений имеет самый низкий во всём Редингском полицейском управлении показатель раскрываемости?

— Это сложно сказать, не имея под рукой отчётов.

— Тогда я вам помогу, — пробормотал Гектор, просматривая свои вырезки. — Похищение овечек мисс Бо-Пип — два ареста, обвинений нет. Неспособность пастушка должным образом присмотреть за вверенным ему

скотом^[57] — один арест, обвинений нет. Убийство/самоубийство Джека и Джил Олсоп — никаких обвинений не выдвинуто. Похищение Гензеля и Гретель с намерением совершить акт каннибализма — один арест, обвинений нет. Синяя Борода — умер в ожидании суда. Гузи Гандер^[58] — освобожден по апелляции. Мистер Панч, арестованный за избиение жены, сбрасывание ребенка с лестницы и незаконное владение крокодилом, — все обвинения сняты.

Гектор отложил подборку.

— Я могу перечислять ещё долго. Не слишком хороший послужной список, а, инспектор?

Джек твёрдо посмотрел на него. Если бы служба уголовного преследования возобновила те дела, он добился бы куда большего количества обвинительных заключений. При желании кого-то обвинить, разумеется...

— ОСП — отдел, занимающийся...

— Я лично, — перебил его Гектор, — насчитал всего шестнадцать обвинительных приговоров за те двадцать лет, в течение которых вы возглавляете отдел. Раз в пятнадцать месяцев. Фридлинд Звонн выдвигает успешное обвинение раз в пять недель.

Это было нечестное сравнение, и Джек стиснул зубы. Фридлинду доставалось гораздо больше дел.

— ОСП, мистер Склизз, занимается совершенно особыми преступлениями, где понимание проблем персонажа зачастую позволяет мне остановить преступление прежде, чем оно свершится...

— Инспектор Шпротт, вы действительно достаточно компетентны для расследования убийства Болтая или пытаетесь прыгнуть выше головы?

— Этот случай, — медленно процедил Джек, — вне всяких сомнений, полностью подпадает под юрисдикцию ОСП.

— А вам не кажется, что Звонн сумел бы добиться обвинения трёх поросят?

— Конечно. Судьи почли бы за честь работать со Звонном.

Джек промедлил с ответом, и это его подвело.

— Молчание — знак согласия, инспектор. Вам не кажется, что благоразумнее передать расследование Звонну, дабы оно сдвинулось с мертвой точки?

— Я полностью контролирую ситуацию, — торопливо ответил Джек, только чтобы ответить и как можно быстрее убраться отсюда.

Но с ним ещё не покончили. Писаки хорошо подготовились. Заголовки

были припасены заранее — Звонн об этом позаботился, и это подхлестнет продажи газет. Очень подхлестнет. Джек посмотрел на Бриггса, который глядел на него из боковой двери. За его спиной маячил Фридлинд Звонн, на лице которого светилось плохо скрытое удовольствие. Последним детективом, пытавшимся оспорить у Звонна пальму первенства в Редингском управлении и отказавшимся передать ему своё дело, был блестящий сыщик по имени Друд. Он был переведен в безжалостно скучный отдел по поиску пропавших без вести.

— Инспектор Шпротт, — снова начал Гектор, — насколько мне известно, вы в прошлом убили нескольких великанов. Хотелось бы прояснить, что вы имеете против людей высокого роста?

Джек удержался от соблазна посоветовать мистеру Склизу, куда тот может засунуть свои упреки, глубоко вздохнул и произнёс:

— С меня давным-давно сняты все обвинения, мистер Склизз. Отчёт, кстати, опубликован. Кроме того, великаном был только один из них, остальные просто высокие. Ещё вопросы есть?

— Да, — сказал Склизз. — Не следует ли вам обратиться за помощью в расследовании к полицейскому более высокого ранга? К кому-нибудь с талантом и безупречным послужным списком? Например, к инспектору Звонну?

В том же духе продолжалось ещё минут двадцать, пока красный и потный, трясущийся от ярости Джек не сумел вырваться оттуда.

Бриггс и Фридлинд разговаривали в углу приемной, но, как только Шпротт вышел, разговор прервался.

— Если ты готов передать мне дело Болтая прямо сейчас, — деловитым тоном начал Звонн, — то я наверняка найду способ не допустить того, чтобы в завтрашних газетах появились губительные для тебя заголовки.

— Ты мог бы сделать это и за так, ради блага Редингского управления, — ответил Джек.

— Ну что ты, — не задумываясь возразил Звонн, — моё влияние на прессу чрезвычайно ограничено. — Он повернулся к Бриггсу. — Сэр, мне кажется, вы должны отстранить Шпротта от расследования убийства Болтая.

Бриггс закусил губу.

— Сэр? — снова сказал Звонн. — Мне кажется, вам следует приказать...

— Я слышал, что ты сказал. Если к вечеру субботы прогресса не будет,

то ты получишь это дело.

— Но я хочу его сейчас! — вскричал Звонн, словно капризный школьник. — Оно моё, и я его хочу!

Бриггс явно разозлился. Джек не раз испытывал на себе ярость Бриггса, но Звонну этого попробовать ещё не доводилось.

— Я дал слово, Фридленд.

— Все равно...

— Все равно — нет, — твёрдо сказал Бриггс. — Я твой начальник, и это я отдаю тебе приказы, а не наоборот. Понял?

— Конечно, сэр, — ответил Звонн, ошарашенный тем, что Бриггс осмелился противоречить ему. — Кажется, я где-то читал, будто вы играете на тромбоне? Говорящий на урду и играющий на тромбоне суперинтендант смешон мне точно так же, как может показаться смешным и другим читателям «Криминального чтива»...

— Фридленд! — перебил его Бриггс.

— Сэр?

— Пошел вон.

— Извините?

— Ты меня слышал.

Звонн побагровел, поджал хвост и сердито зашагал прочь. Его прихлебатели последовали за ним.

— Спасибо, сэр, — сказал Джек, как только они ушли.

— Какого черта! — сказал Бриггс, выпустив пар. — Я ненавижу тромбон и бросил на нём играть, когда мне ещё и тридцати не стукнуло. У тебя есть время до субботы.

Он ушёл, оставив Джека и Мэри в пустой приемной. За дверью храпел журналист из «Редингского ежедневного вырвиглаза».

— Становится жарко, Мэри. Вы уверены, что не хотите перевестись?

— Ни за что, сэр. Вас, меня, ОСП — всех уволят вместе.

По пути к лифтам Джек с улыбкой сказал:

— Я ценю вашу поддержку. Можете подбросить меня домой и взять «аллегро». Заберите меня завтра в восемь тридцать, и мы поедем на встречу с Джорджем Порджа.

— «Аллегро»? На весь вечер? — спросила Мэри тоном восторженной первоклашки.

— Да. Позаботьтесь о нем... и не гоняйте под кайфом.

Глава 31

Дома и стены помогают

ПОЧТАЛЬОН ПРИГОВОРЕН К НАМОРДНИКУ ИЗ-ЗА ПУТАНИЦЫ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Нынче утром весь Редингский уголовный суд катался от хохота, когда по нелепой случайности некие личности всучили взятку не тому, кому надо было. Это внесло в занудную процедуру некоторое разнообразие. Близкий к судье источник сообщил нам, что мафиози Джорджо Порджа, известный своей заточенной стамеской и привлеченный к суду по обвинению в принуждении к ремонту, из-за административной ошибки дал на лапу не тому служителю Фемиды. «Какая неразбериха! — с улыбкой говорил после перерыва мистер Юстиции Кар Манник. — В такие смешные моменты в суде так весело работать!» «Купленный» судья, разбиравший в соседнем зале дело об опасной собаке, нашёл подсудимую дворняжку невиновной и решил (совершенно беспрецедентно), что это почтальон укусил собаку. Почтальона обязали в течение месяца носить намордник и выплатить десять тысяч фунтов в порядке компенсации морального ущерба.

«Слепень», январь 1999 г.

Как и предупреждал Звонн, по всем радиоканалам развернулось обсуждение профессиональных качеств Джека и его способности продолжать расследование по делу Болтая. Джек и Мэри слушали их болтовню, пока Мэри везла Джека домой. Фридлинд потрудился на славу. Сомнения в компетентности и надежности Джека были главной темой репортажей. Они услышали даже коротенькое интервью с самим Звонном, который снисходительно изрек, что «полностью уверен в инспекторе Шпротте, но был бы более чем счастлив предложить свою помощь, ежели его об этом попросят». У дверей дома Джека подстерег репортер и пристал к нему с вопросом, правду ли пишет «Жаб», будто Джек «оторванный от

реальности упрямый дурак»? Шпротт проигнорировал его и вошёл в дом. Мадлен бросилась к нему навстречу и обняла.

— Я слышала всю эту ерунду по радио, милый. Звонн, да?

— Именно. Ублюдок стремится любым способом загрести это дело себе. Не думал, что он пойдёт на такую низость. Интересно, каков будет его следующий шаг?

— Думаешь, он может устроить что-нибудь ещё?

— Он в Лиге, дорогая. А эти типы способны почти на все.

— А как с Болтаем? Ты выяснил, кто его убил?

— Даже близко не подошёл. Я уже не уверен, что его убил Гранди, а Пемзс больше терял, чем получал от его гибели.

— Тогда кто это сделал?

Джек вздохнул.

— Бывшая подружка по имени Бесси Брукс.

— Ну, — сказала она, — если это поможет твоему расследованию, то у Стиви прорезался очередной зуб.

— Верхний или нижний?

— Верхний.

— Спасибо.

Он крепко обнял жену.

— Мы не помешали? — спросила Пандора, которая только-только вошла в дверь вместе с Прометеем.

— Нет, — ответил Джек, а Мадлен вернулась на кухню. — Где... где вы были?

— В киношке, — отозвалась дочь. — В «Колизее» идёт ретроспектива фильмов с Лолой Вавум. Мы посмотрели программу из трёх картин: «Моя сестра пасла гусей», «Улицы Вуттон-Бассета» и «Дело Эйр». Мы с Прометеем большие поклонники Лолы.

Прометей кивнул, и они прошествовали в гостиную.

Джек проводил их взглядом, затем бросился на кухню.

— Мадлен! — зашептал он. — Пандора и Прометей только что были в кино вместе!

Она не подняла глаз от фотожурнала.

— И что? Ей двадцать лет. Она может ходить в кино, с кем захочет.

— Почти двадцать, да, но он же старше её!

— У нас тоже восемь лет разницы. И? Может, и она предпочитает мужчин постарше.

— На четыре тысячи лет?!

— Послушал бы ты себя! Ему на вид едва тридцать, к тому же он

действительно симпатичный. И подумай, как он поможет ей с греческим!

— Да не в этом дело! — забормотал Джек, выглядывая в кухонную дверь, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. — Он квартиросъемщик. Я не могу, чтобы моя дочь... ну, ты понимаешь, с ним... он же титан, бессмертный!

Мадлен рассмеялась, и Джек уставился на неё.

— Что тут смешного?

— Да ты сам. Ты смешной. Дочки растут. Ты же прекрасно знаешь, что они не остаются Алисами, зайчиками и пупсиками из детского хора на всю жизнь.

— Я понимаю, — сказал он, немного успокоившись. — Но я отец. Я тревожусь за дочь. Отцам так положено.

— Только не строй из себя идиота.

— Постараюсь. Я буду очень объективен. Но за ужином они не будут сидеть рядом, держаться за руки под столом или что ещё.

— Ну так рассади их.

— Чтобы они на ноги друг другу наступали? Нет уж, спасибо!

Вошёл Бен с раскрытым «Теоретиком заговора» в руках.

— Привет, пап.

— Привет, Бен, — ответил Джек, наблюдая через кухонные двери, как Пандора смеется в ответ на что-то сказанное Прометеем. — Как дела?

— Небывалый всплеск увечий у валлийского скота, — пробормотал тот, не прерывая чтения, — но несчастные случаи с шаровой молнией пошли на убыль. Похищения инопланетянами остаются на стабильном уровне, хотя сами инопланетяне отрицают какую-либо причастность к ним.

— Не могу представить, чтобы констебль Эшли мог хоть кого-нибудь похитить, — задумчиво сказал Джек.

— У тебя работает инопланетянин? — изумился Бен и досадливо добавил: — И ты молчал?

Джек пожал плечами.

— Я не думал, что это важно.

— Ох уж эти взрослые! — поцокал языком Бен.

На кухню вошёл Прометей.

— Чем-нибудь помочь?

— А... Да. Можете разложить стол. Думаю, я посажу вас в этом конце, а Пандору — в этом...

— Телефон, — сказал Прометей за мгновение до того, как раздался звонок.

— Как вы это делаете?

— Что?

— Вот вы что-то говорите, и это тут же случается.

— Я так делаю? — удивленно нахмурился титан. — Не замечал. Кстати, звонит ваша матушка.

Джек снял трубку. Это и впрямь оказалась его родительница.

— Вот, опять!

— Правда?

— Ничего, ничего. Привет, мама, как дела?

Некоторое время Джек слушал болтовню матери о бобовых стеблях. Те вытянулись уже на сорок футов, и она по-прежнему не собиралась от них избавляться. Вроде бы Британское общество садоводов обещало прислать завтра эксперта посмотреть на них. Довольно много народу специально приезжает поглазеть на это чудо, и она уже провела пару экскурсий, предлагая чай с булочками и тур по саду за пять фунтов с человека. Она заработала небольшую сумму и спрашивала, не согласится ли Прометей помочь ей завтра.

— Согласен, — ответил титан прежде, чем Джек успел его спросить.

— Как продвигается битва по поводу экстрадиции? — спросила Мадлен, как только они уселись за ужин.

— Думаю, неплохо, — ответил Прометей, поливая свою порцию соусом. — Адвокаты Зевса хорошо подготовились. Они заявляют, что меня наказали в полном соответствии с законами Олимпа.

— Вряд ли это можно считать справедливым, — встряла Пандора с дальнего конца стола. — Зевс сам и есть закон Олимпа. Как он скажет, так и будет.

— Они также утверждают, — задумчиво продолжал титан, — что Геракл превысил свои полномочия, освободив меня, и что уничтожение цепи, которой я был прикован к скале, формально является преступным нанесением ущерба.

— Три тысячи лет провисеть прикованным к скале, да ещё чтобы внутренности каждую ночь клевали! — Джек помотал головой, представив себе наказание. — По-вашему, оно того стоило?

— Похищение огня и передача его людям? Да, я по-прежнему считаю, что поступил правильно. Но я также дал человечеству и страх смерти. Вы в курсе?

Об этом они не знали. Геракл предпочел не упоминать о столь щекотливом моменте, чтобы человечество не ополчилось на его клиента.

— А почему вы это сделали? — спросил Джек, подливая Прометею и Мадлен ещё вина.

— Да, почему? — поддержал отца Бен.

— Такова наша судьба, солнышко.

— Чтобы вы ценили собственную жизнь, — ответил титан. — До того вы жили под пятой богов и делали всё, что они требовали, не задумываясь о том, уцелеете или погибнете. Но, узнав страх перед неизвестностью смерти, вы поняли, что жизнь бесценна, — вот тогда вы стали совершать настоящие подвиги. Я дал вам архитектурные знания, астрономию, математику, медицину и металлургию. Посмотрите теперь на себя. Пирамиды, ядерный синтез, лазерная томография, космические путешествия, Интернет, компьютеры, эскалаторы, шезлонги фирмы «Паркер Нолл», кабельное телевидение! Я намерен смотреть «Моржовую улицу, шестьдесят пять» каждый вечер. А если пропущу, то на другой вечер серию повторяют по Редингскому каналу. Ваш удел воистину восхитителен, и я считаю его бесценным.

Он осушил стакан и показал на бутылку:

— Не возражаете?

— Пожалуйста, — сказал Джек. — Наливайте.

— А побочные эффекты? — не сдавалась Пандора. — Войны, обман, кровопролитие, ненависть, убийства, нетерпимость? Это все тоже стоит того?

Прометей посмотрел на неё.

— Конечно нет. Но вы должны смотреть масштабнее. Я видел альтернативу — вечное рабство у богов. Поверьте, по сравнению с этим то, что вы имеете, сущий рай. Подумайте: если бы не зависть, нетерпимость, ненависть, страсти и убийства, у вас не было бы ни произведений искусства, ни великих архитектурных сооружений, ни медицины, ни Моцарта, ни Ван-Гога, ни «Маппет-шоу», ни Луи Армстронга. Цивилизация, которая создает инфраструктуру, которая позволила сотворить все эти прекрасные вещи, является по большей части продуктом войны, то есть смерти и страданий, и коммерции, то есть обмана и неравенства. Даже ваша свобода обсуждать собственные недостатки основана на крови и жестокости.

— Какая угнетающая мысль, — прошептала Мадлен.

Титан снова пожал плечами.

— Вовсе нет. Вы должны больше внимания обращать на ваши достижения. Когда я создавал человечество, я считал вас рабами, тягловым скотом для грязных работ. Никто не видел в вас чего-то большего. Мы с друзьями-титанами и несколькими азартными богами решили посмотреть, как далеко вы зайдете в своем развитии. На изобретение одежды ставки

были равными, на одомашнивание животных — три к одному, на создание цивилизации в течение тысячи лет — семь к одному, создание языка с неправильными глаголами — тридцать к одному, а ядерный синтез в течение четырёх тысяч лет — тысяча к одному, причём этим самым одним оказался я. Могу сказать, я кое-что выиграл.

Джек, всегда стоявший на страже справедливости, заметил:

— Но ведь именно вы дали человечеству все эти знания. Разве это честный спор?

— Это было всего лишь невинное развлечение, — удрученно сказал Прометей.

После чего он впал в молчание, оставив всех недоумевать, что имеется в виду под «невинным развлечением»: само пари или дарование знаний.

— Как бы то ни было, — произнёс титан так внезапно, что сидящие за столом подпрыгнули, — факт налицо: вы превзошли все мои ожидания.

Некоторое время они ели молча. Джек думал обо всем понемножку: о Лиге, о том, удастся ли Звонну перехватить у него расследование, и, самое главное, не устроиться ли ему спать на коврик под дверь Пандориной спальни. Тем временем дочь, недовольная фатализмом Прометея, заговорила снова:

— Ваша точка зрения угнетающе груба. Вы хотите сказать, что сами мы ничего не можем изменить в себе к лучшему?

— Нет, это не так. Вы очень многое можете.

— Например?

— Постараться быть добрыми друг к другу, подольше дышать свежим воздухом, читать хорошие книги, смещать правительства, когда те начинают зажимать рот свободной прессе, попытаться отрегулировать государственную машину, чтобы она обходилась с вами по справедливости, и использовать, где возможно, дипломатию, дабы избегать вооружённых конфликтов.

— Но войны-то никуда не деваются!

— Конечно. Войны будут всегда. Это в вашей природе с самого...

Внезапно Прометей осёкся, поднял руку, чтобы все замолчали, и понюхал воздух.

— Чувствуете гарь?

Все принялись. Прометей был прав: в воздухе ощущался слабый запах горящего волоса, точнее, как оказалось, шерсти.

— Кошка! — взвизгнула Мадлен.

Рипван заснула слишком близко к камину и начала тлеть. Джек влетел в комнату, схватил полуиспекшееся животное и стал перебрасывать кису с

руки на руку, словно горячую картофелину. Затем положил её на кресло и принялся обмахивать журналом. Рипван решила, что это новая игра, и громко замурлыкала, совершенно не сознавая, какой переполох она вызвала. Джек оставил негодницу в кресле, собрал тарелки и сунул их в мойку. Когда он обернулся, Пандора уже сидела на его месте — рядом с Прометеем.

— Мне казалось, что здесь сию...

— Как насчёт кофейку? — спросила Мадлен. — Можем попить его в гостиной.

Она встала, и все последовали за ней, кроме Джека, который наполнял чайник, и Бена, который снова принялся за «Теоретика заговора».

Прометей сел рядом с Пандорой на диван и уставился в камин с видом глубокого разочарования и утраты.

— Вы говорили о... — подтолкнула его девушка.

Прометей вздохнул.

— Это неважно.

Но Пандора любила получать ответы на свои вопросы и не собиралась оставлять его в покое.

— Вы сказали: «Это в вашей природе с самого...»

Прометей взглянул в её умное лицо, и глаза его сверкнули, когда печальное и давнее воспоминание снова всплыло в его памяти.

— Была одна женщина... Осторожнее, Джек!

Через мгновение с кухни донесся грохот: Джек зацепился за табурет.

— Я сложил те части человеческой индивидуальности, которые считал нежелательными, в большой сосуд и крепко запечатал его. Я надеялся, что нетерпимость, болезни, безумие, пороки и жадность не достанутся человечеству. Но... — Он помолчал. — Та женщина открыла его против моей воли и выпустила их. И они заразили созданную мною расу.

— Пандора? — спросила Пандора, кое-что знавшая о своей древней тещке.

При звуке этого имени Прометей вздрогнул.

— Да. Её звали Пандорой. Она была невероятно красива. Самая необыкновенная и лучезарная дева, которая когда-либо ступала по земле. Её кожа была гладкой, как шелк, а глаза подобны изумрудам. Её тёмные струящиеся волосы весело развевались, когда она носилась по лугам, а смех её был подобен пению херувимов на утреннем ветру.

— Хм, — ответила Пандора, — я слышала, что она была немного... ветреной.

— О да, — торопливо ответил Прометей, — она была суетной, глупой,

вредной и ленивой настолько же, насколько прекрасной.

— И все же вы в неё влюбились?

Прометей кивнул.

— Я полюбил её, а она предала меня. Я понятия не имел, что Зевс подослал её специально, чтобы обрушить беды на расу людей. Увы, я ошибался. Пороки были выпущены из сосуда, и результат вы сами видите.

— Но ведь осталась ещё надежда, — сказала Пандора, пытаясь приободрить Прометея, который явно погрузился в депрессию.

— Обманчивая надежда, — тихо ответил Прометей. — Я поместил её туда для своеобразной страховки. Обманчивая надежда ложью своей удерживает человечество от массового самоубийства.

— И где теперь Пандора?

— Понятия не имею. После приговора мой брат — ну и дурак же он был! — женился на ней, дабы избежать моей участи.

— И вы никогда их больше не видели?

— Некоторое время они поддерживали отношения со мной, но вы сами знаете, как это бывает: открытки к дню рождения первые триста лет, а затем и вовсе ничего. Последний раз я слышал о них в тысяча двести шестьдесят восьмом году, когда Эпиметей работал сапожником, а Пандора зарабатывала на жизнь переводами. После освобождения я пытался найти их, но безуспешно. Без паспорта трудно путешествовать.

— А сосуд? — любопытовала Пандора.

Прометей пожал плечами.

— Он неуязвим, так что наверняка до сих пор существует. Но вот где он находится, не представляю.

— Кофе! — объявил Джек, прикидывая, не сесть ли между Прометеем и Пандорой, или это будет уже слишком.

Придя к выводу, что будет, он уселся рядом с Мадлен.

Они проговорили с Прометеем до позднего вечера. Пандора рассказала ему о своей учебе на астрофизика. Прометей заметил, что, по его мнению, Роберт Оппенгеймер сделал то же самое, что и он: похитил огонь у богов и отдал его людям. Разница только в том, сухо заметил он, что Оппенгеймера никто не покарал. Пандора поведала ему о теории Большого взрыва, а он ей — о том, что созвездия создал Зевс. Спор получился горячим, и они только-только перешли к обсуждению свободной воли людей, когда Мадлен вдруг заявила, что собирается лечь, и потянула мужа за руку.

— Я ещё посижу, — сказал Джек.

— Все в порядке, Джек, — отозвался Прометей. — Спать с вашей дочерью в мои планы не входит.

Его откровенность застала Джека врасплох, и он рассмеялся собственной глупости.

— Потрясающе! — сказал он наконец. — Я пошёл баиньки.

Пандора и Прометей продолжали разговор, пока огонь в камине сам собой не потух. Прометей указал ей на изъяны в теории эволюции — например, как птицы могли развить крылья, в течение миллиона лет не имея никаких бесполезных придатков, которые затрудняли бы им выживание. Пандора в ответ процитировала космическое правило номер один: происходит именно то, чего по идее происходить не должно. Действительно, с учетом временного масштаба и размеров Вселенной парадоксальные вещи становятся весьма обычными.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь? — спросил Джек, снимая рубашку в спальне.

— О чем?

— О Пандоре и Прометее.

— Наука встретилась с мифологией. Интересно, к каким выводам они придут под утро. Мне интересно мнение Прометея об окаменелостях.

— Хм, — отозвался Джек, натягивая пижаму и отпихивая в сторону безразличную Рипван.

Кошка шмякнулась на пол, но так и не проснулась.

Джек хорошо проспал всю ночь в обнимку с Мадлен, как ложки в ящике. Под ними в гостиной Прометей и Пандора проговорили до рассвета, а всего в миле от них, в саду у бабушки Шпротт, бобовые стебли стонали и поскрипывали, устремляясь все выше и выше, словно бамбук на тропической плантации.

Глава 32

Джорджо Порджа

КРИМИНАЛЬНЫЙ АВТОРИТЕТ БУДЕТ УПРАВЛЯТЬ ТЮРЬМОЙ

На прошлой неделе произошло историческое событие: в результате анонимного голосования Джорджо Порджа, некогда прославленный редингский криминальный босс и самопровозглашенный «бич народа», был единогласно избран начальником редингской тюрьмы. Такие неожиданные плоды принесло объявление открытого конкурса на замещение должности начальника, на которое и откликнулся мистер Порджа. Знаменитый в семидесятых годах прошлого века садист с паяльной лампой, Джорджо Порджа оказался, по общему мнению, наиболее квалифицированным кандидатом для управления тюрьмой, поскольку сам провел много времени в подобных заведениях и обладает беспрецедентным пониманием ума закоренелого преступника — своего собственного ума. Министр внутренних дел с удовольствием подписал это назначение, и уже в марте «начальник» Порджа приступит к работе.

«Сова», январь 1999 г.

Если бы не назначенное на послезавтра открытие Джеллименом Центра Священного Гонго, газетам оставалось бы писать только о деле Шалтая-Болтая. А так они были посвящены наполовину Шалтаю, наполовину Джеллимену. Но даже при таком раскладе шалтайская часть не радовала, поскольку журналисты продолжали гнуть заданную линию, именуя Джека кретином, слишком заносчивым для того, чтобы просить помощи у одного из самых выдающихся столпов детективного сообщества. Джек взял газеты с обеденного стола и сунул их в помойку, а затем выключил радио.

— Толпа собирается, — сказала Мадлен, глянув из окна на газетчиков и телевизионщиков, топтавшихся у калитки в ожидании реакции хозяев дома. — Я собираюсь сводить детей посмотреть на Джеллимена. Как

думаешь, тебе удастся составить нам компанию?

— Я сегодня нянчусь со Священным Гонго, — мрачно ответил Джек. — Извини.

Стиви восторженно завопил «Па-а-а-а!» и швырнул ложку на пол, раз уж подвернулась возможность. Мэри приехала в восемь тридцать и, не обращая внимания на репортеров, протолкалась к дому. Её представили семье, она вежливо со всеми поздоровалась, а затем они с Джеком сделали глубокий вдох и нырнули в толпу папарацци.

Их встретили вспышки фотоаппаратов и беглый огонь вопросов:

— Когда вы передадите расследование инспектору Звонну?

— Вы достаточно компетентны для расследования?

— Разве Шалтай не заслуживает лучшего?

— Вы будете на коленях просить Звонна о помощи?

— По-вашему, такой галстук подходит к этому пиджаку?

— Когда вы уволитесь?

— Сколько ещё человек должны погибнуть, прежде чем вы попросите о помощи?

— Что вы имеете против рослых людей?

— Это действительно ваш «аллегро»?

Джек и Мэри пробились сквозь толпу, сели в машину и поехали прочь, а вслед им неслись вопросы корреспондентов.

— Возле участка их будет ещё больше, — сказал Джек, опуская стекло, когда окна стали запотевать, и поднимая его снова, когда начало накрапывать.

Он вытащил из-под себя какой-то предмет, лежавший на сиденье. Это оказалась мужская шляпа.

— Чья она?

— Вы о чём? — смущенно спросила Мэри. — А, это... это шляпа Арнольда.

Джек рассмеялся.

— Вы катали его весь вечер на моём шикарном авто? Мне-то казалось, вы удавить его готовы!

— Я сказала ему, что этот «аллегро» мой, — призналась Мэри. — Надеюсь его отпугнуть.

— И как?

— Не помогло. У него «остин макси», и он спрашивал меня, давно ли я проверяла задний привод.

Они влились в систему одностороннего движения Рединга с крайней осторожностью, поскольку даже опытные водители, часто проезжавшие

город насквозь, порой плутали здесь часами, а то и целыми днями. Система эта уникальна не потому, что сначала вас приводит туда, куда вам не надо, а уж потом туда, куда вам надо; нет, редингское движение славится тем, что вас всегда выбрасывает как раз туда, куда вам вовсе не надо, как бы вы ни пытались добраться туда, куда вам надо. И признанным способом добраться до нужного места является езда в противоположную сторону, в результате чего вы совершенно случайно попадаете именно туда, куда стремились.^[59] Таким способом они и приехали к редингской тюрьме.

* * *

Дни, когда Джорджо Порджа волочился за женщинами, канули в вечность. Ему исполнилось семьдесят пять лет, и здоровье его изрядно пошатнулось. Времена, когда дамы падали в обморок, сраженные его обаянием, давно прошли, поток разгневанных мужей иссяк. Последние двадцать лет своей жизни Джорджо Порджа провел в тюрьме, которой предстояло стать и местом его последнего упокоения. Как и подобает человеку его ранга в преступном мире и пенитенциарной системе, престарелый гангстер жил в большой отдельной камере, прекрасно оборудованной и превосходно охраняемой. Не годится начальнику тюрьмы сидеть вместе с прочими заключенными, но, с другой стороны, человек, который в своё время использовал для укрепления дисциплины монтажную лопатку, ради всеобщей безопасности должен содержаться под строжайшим контролем. Поэтому до кабинета Порджа Джек и Мэри дошли в сопровождении начальника наружной охраны, а там были переданы человеку с сомнительной репутацией по имени Аардварк.^[60]

— Меня называют Аардварк, — пояснил неуклюжий костлявый тип, ведя их по коридору, — птамушта я правая рука мистера Порджа. А ещё я отсидел двенадцать из шестнадцати за вооружённое ограбление. Так что держите ухо востро.

Аардварк привел их в большую комнату с зарешеченным окном, со вкусом обставленную старинной мебелью. Большое кожаное кресло с высокой спинкой было повернуто к камину. Сморщенный указательный палец выстукивал на подлокотнике арию из «Мадам Баттерфляй».

Аардварк знаком велел им остановиться, затем что-то прошептал сидящему в кресле. Джек подтолкнул Мэри локтем и показал ей на фотографию Порджа вместе с Фридендом. По другую сторону от

гангстера находился ещё кто-то, но эта часть снимка была отрезана.

— Вы? — одними губами спросила Мэри, и Джек кивнул.

— Мистер Порджа просит прощения, — заявил Аардварк, — но он разговаривает только на языке своего сердца.

— И что же это за язык? — уточнил Джек, надеясь, что Мэри понимает итальянский.

— Английский, — ответил Аардварк. — Он сын Бракнелла Порджаса. Вы понимаете, что это значит.

— Конечно, — отозвался инспектор, не имея ни малейшего понятия, о чём идёт речь, да и не желая знать.

Они обошли кресло и увидели дряхлого старика, чьи колени прикрывал дорожный плед. Хозяин кабинета благосклонно улыбнулся каждому из гостей в отдельности, окинул Мэри взглядом с ног до головы, и на его лице промелькнули воспоминания бурной юности. Бесконечные женщины, бесконечные поцелуи...

— Прошу вас, — произнёс он с подчеркнутым итальянским акцентом, — присаживайтесь.

Они опустились на два старинных стула, придвинутые для них Аардварком.

— Вот мы и снова встретились, мистер Шпротт, — тепло сказал он. — Сколько же мы не виделись?

— Двадцать лет.

— А мне казалось, что только восемнадцать. Как поживает мистер Звонн?

— Все так же, сэр.

— Он устремился к великим свершениям. Я с интересом слежу за его расследованиями по «Криминальному чтиву». Так, Аардварк?

— Да, с большим интересом, сэр, — поддакнул Аардварк, потирая руки.

— А вы? — любопытствовал Порджа. — Вы по-прежнему в ОСП?

Джек не на шутку завелся:

— Работы непочатый край, сэр. Потому я здесь и хотел бы поговорить с вами о том образе действий, который вы некогда практиковали.

Глаза старика опасно сверкнули.

— Вас интересует моё криминальное прошлое? — резко спросил он.

— Да, сэр.

— Тогда я не могу, не буду вам помогать. Это закрытая тема. Если вы желаете побеседовать о функционировании вверенной мне тюрьмы, я с радостью... поддержу... разговор...

Его голос прервался, и внезапно показалось, что он куда больше интересуется Мэри. Та нервно глянула на Джека. Мистер Порджа трясущимися руками надел очки, и на его морщинистом лице расцвела улыбка.

— Красавица, которой красоту не в силах я изобразить словами, — начал он тихим голосом, почти шёпотом, — когда-нибудь ты извинишь меня. Не мной твой муж убит!

— Так где же он? — ответила Мэри прежде, чем Джек успел спросить, что творится. — О, как он кроток, добр и ласков был!

— Тем он нужней для Господа на небе, — мрачно продолжал Джорджо.

— На небе он, где не бывать тебе! — мстительно ответила Мэри.

Джорджо Порджа улыбнулся Мэри, и глаза его увлажнились.

— Вы Мэри Мэри, не так ли?

— Да, сэр.

— Я видел вас в Бейзингстоке в «Ричарде Третьем». Единственный раз, когда я выходил на волю с начала моего заключения. Начальник тюрьмы, то есть я сам, выдал себе специальный пропуск, чтобы посмотреть на вас. Вы были великолепны, сногшибательны, вдохновенны!

Мэри покраснела, и Джек внутренне перевел дух.

— Ваш уход со сцены — большая потеря для театра, Мэри.

— На две профессии времени не хватает, сэр.

— Если вернетесь на подмостки, дайте мне, пожалуйста, знать. Надеюсь, вы выпьете чаю?

— Нет, спасибо, мистер Порджа, но мы хотели бы задать вам кое-какие вопросы.

— Конечно! Вы уверены, что не хотите чаю? Мистер Аардварк очень хорошо его заваривает.

— Спасибо, нет.

— Может, кусочек кекса?

— Спасибо, нет.

— Ну ладно, — весело сдался Джорджо. — Чем могу служить?

Стоило ему узнать Мэри, как он смягчился. Полицейские могли бы полюбопытствовать, какого цвета у него носки, и он бы без промедления ответил.

— Мы расследуем убийство Шалтая-Болтая, — сказала Мэри.

Старик опустил очи долу и печально покачал головой.

— Это настоящая трагедия, мисс Мэри. Я слышал по радио. Но как это связано со мной?

— Мне интересно, как далеко распространяется ваше влияние, мистер Порджа, — вставил Джек в надежде перехватить инициативу после того, как Мэри его так переиграла.

Порджа подался вперёд и поднял брови.

— Что вы сказали, мистер Шпротт?

Джек тоже подался вперёд.

— Вчера нашли труп. Мы думаем, несчастный погиб из-за того, что видел убийцу Болтая.

— И вы думаете, что я как-то с этим связан?

Джек посмотрел Джорджо в глаза, пытаясь уловить там хоть искорку вины. Он мог бы точно так же смотреть из окна на облака и овечек, поскольку старик ничем себя не выдал.

— Ему вырезали язык и мелкими кусочками скормили собакам. Знакомо?

Порджа поцокал языком.

— Да, мы делали такое с болтунами. На врунах поджигали штаны, а наглецов карали, перебивая им ноги камнями и палками. Откровенно признаюсь, что такое было, мистер Шпротт, и за это я окончу свои дни в тюрьме. Я здесь за множество ужасных преступлений, совершенных на протяжении моей бесплодной жизни, и я искренне раскаиваюсь в своих грехах. Я также рад, что сумел позаботиться о достойных похоронах для своих родителей и приличном образовании для детей. Здесь мне нечего стыдиться. За моё краткое пребывание на этом свете я усвоил понятие о чести, инспектор, а другие усвоили, каково предать эту честь. И теперь я даю вам слово преступника, который будет расплачиваться за грехи весь остаток своей никчемной жизни, что никакого отношения к этим убийствам я не имею.

Он пронзил Джека взглядом, добавившим его словам убедительности.

— Может, кто-то хочет вас подставить?

Джорджо нервно рассмеялся и закашлялся. Аардварк тихонько похлопал его по спине прямо-таки с материнской заботой.

— Зачем? — спросил старик, справившись с припадком кашля. — Мне что, ещё один срок могут впать?

Джек согласился, что незачем.

— По-моему, кто-то пытается сбить вас со следа, — предположил Джорджо и печально вздохнул. — Я пришёл из иного мира, мистер Шпротт, мира, начисто сметенного примитивом. Ныне уличные банды, сутенеры, грабители и наркодилеры убивают без всякого стиля. Смерть утратила изысканность. Нынче тупо стреляют друг в друга. А закатывание

ног противника в цемент и утопление его в Темзе в наши дни считается давно вышедшим из моды. Мы обычно замуровывали людей живьём в опоры автомобильных мостов. Вот интересно, — ностальгически добавил он, — не обрушатся ли приподнятые секции десятой развязки? Говорят, я всего лишь грустный старый романтик. Сегодня ребята не уважают традиций. Ни страсти, ни стиля, ни изящества. — Его глаза блеснули. — Старые добрые времена. Да, вот это были деньки...

— Спасибо, мистер Порджа, — вклинился Джек, полагая, что самое время откланяться. — Вы очень нам помогли.

— Я надеюсь, вы найдёте убийцу Шалтая, — задумчиво произнёс старик. — Этот парень очень нравился мне, несмотря на то что сижу я здесь из-за него.

Джек удивился.

— То есть?

Порджа улыбнулся и стер платком струйку слюны, что постоянно текла из уголка его рта.

— Вы знаете, что Болтай три года отмывал для меня деньги? — спросил он.

Джек утвердительно кивнул.

— Работая на меня, он одновременно собирал компромат, чтобы со мной разделаться. Он решил, что некоторое ущемление его собственной свободы — небольшая цена за уничтожение моего преступного синдиката. Хитрец обвёл меня вокруг пальца. Я даже купил ему квартиру в Пемзс-Виллас — за молчание. Это он прислал вам и мистери Звонну досье на меня. — Порджа наклонился вперёд и улыбнулся, помахав костлявым пальцем. — Вот это был стиль, господин инспектор! Я десять лет не мог вычислить его! Мне рассказал об этом отставной коп. Я мог бы убить пройдоху, но подумал, что мир будет лучше, если Шалтай останется в нем. Я понимал, что он делает много хорошего.

— Зависит от точки зрения, мистер Порджа.

Старик рассмеялся тихим сиплым смехом и сделал глоток «Гиннесса», поднесенного Аардварком.

— Да уж, — устало ответил он. — Да уж.

— Еще один вопрос, господин управляющий, — сказал Джек. — Был такой представитель русской мафии, которого Звонн поймал после убийства в Андерсеновском лесу. Его звали Макс Зоткин.

Порджа внимательно взглянул на инспектора.

— Я знаю его, — медленно проговорил он. — Что с ним?

— Он здесь?

Старый гангстер глубоко вздохнул и несколько мгновений смотрел на Джека.

— Находится ли мистер Зоткин в редингской тюрьме — очень важная информация. Что вы собираетесь с ней делать, инспектор?

— Ничего, если только на меня не станут давить. Скажем так: это моя страховка.

— Вы первый, кто об этом спрашивает, и, хотя у меня имеются причины для уклончивого ответа, я не могу солгать вам. В этой тюрьме нет человека с таким именем и никогда не было. Воспользуйтесь этой информацией с умом, инспектор. Извините, но я не могу встать, чтобы попрощаться с вами.

Он тепло посмотрел на Мэри.

— Мэри, простися же со мной!

— Не много ль будет? — откликнулась девушка. — Но если ты склонил меня на лесть, то можешь думать, что уж я простилась.

Джорджо улыбнулся и одними губами прошептал:

— Adieu!^[62]

* * *

В глубокой задумчивости Джек вывел машину из дверей тюрьмы. Получалось, что некто специально обставил убийство в стиле Порджа, дабы сбить Шпротта со следа. А если так, то он явно идёт в нужном направлении. Мэри же думала о другом.

— Так вы собираетесь рассказать мне, где находится этот Макс Зоткин, если его нет в тюрьме?

— Нет, — задумчиво ответил Джек, — и, если повезёт, постараюсь, чтобы никто об этом так и не узнал.

У Мэри зазвонил телефон. Она схватила его, посмотрела на номер, выслушала Бейкера и отключилась.

— Новости?

— Можно сказать и так. Бесси Брукс. Её взяли, когда она пыталась сбежать из суиндонского отеля, не заплатив. В полдень её привезут в Редингское управление.

Глава 33

Что сказала Бесси Брукс в свою защиту

МЕДВЕДЯМ ОФИЦИАЛЬНО РАЗРЕШЕНО ГАДИТЬ В ЛЕСУ

Согласно принятому вчера биллю «О создании приемлемых условий для социализации медведей», медведям больше не вменяется в обязанность жить в городских домах, выделенных им властями. Новый закон был встречен медвежьим населением Рединга с распростертыми лапами. «Мы счастливы, — заявил Гас Косолапс, муж и отец семейства. — Больше не надо торчать в городе, мы уходим в лес!» Медведям будут выделены участки в Андерсеновском лесу, где семьи человекоподобных медведей смогут жить в маленьких коттеджах, совершать долгие прогулки и есть овсянку».

«Слепень», сентябрь 1989 г.

Джек одновременно нажал две кнопки «запись».

— Это запись допроса мисс Бесси Брукс. Время — двенадцать часов двадцать минут. Допрос ведёт инспектор Джек Шпротт. Также присутствуют сержант Мэри Мэри, констебль Канн де л'Абр и адвокат мисс Брукс, Сеймур Долгоносик.

Он взглянул на Бесси. Та угрюмо буравила взглядом стол.

Бесси, привлекательной брюнетке ростом не меньше шести футов и одного дюйма, было двадцать с небольшим. Темно-карие глаза её покраснели от слез, а дорогое платье помялось и испачкалось. Она не поднимала головы, не смотрела на полицейских, и пачка сигарет, выложенная Джеком на стол, оставалась нетронутой, хотя, судя по едва заметным пятнам на пальцах, девушка была курящей.

Сеймур Долгоносик, коротышка с тщательно зализанными назад волосами, бесстрастно наблюдал за процедурой допроса из недр костюма, который уже много лет назад мог бы считаться оскорблением человеческого достоинства.

— Мисс Брукс, вас доставили сюда для допроса касательно убийства некоего Шолти Алоизия Болтая. Вы не обязаны ничего говорить. Но если

сейчас вы не скажете того, на что могли бы сослаться потом, это может повредить вашей защите в суде. Все сказанное вами может быть использовано против вас. Вы понимаете?

Бесси Брукс еле заметно кивнула.

— Мисс Брукс...

Но Сеймур Долгоносик перебил инспектора:

— Моя клиентка готова отвечать на ваши вопросы, но она ощущает, что с ней обходятся как с преступницей. Она хочет, чтобы вы знали: она горячо любила мистера Болтая и понятия не имеет о том, кто его убил.

Джек пропустил слова Долгоносика мимо ушей.

— Не могли бы вы поведать нам, где провели ночь с девятнадцатого на двадцатое число нынешнего месяца?

Бесси не отвечала. Сеймур Долгоносик протянул ей платок — слишком дешёвый для неё, как заметил Джек, — и ласково сказал:

— Ваш ответ поможет полиции, но у вас есть право на молчание. Вы желаете воспользоваться своим правом?

Она подняла голову и посмотрела сначала на Джека, потом на Мэри. Глаза в потеках туши были полны слез.

— Он очень мучился? — тихо спросила она.

— Вряд ли, — бесстрастно ответила Мэри.

Джек положил перед ней на стол снимок, запечатлевший Бесси вместе с Шалтаем. Она чуть помедлила и взяла его.

— Откуда это у вас?

— Фотография стояла на столе у мистера Болтая.

По лицу девушки промелькнула улыбка: раз он поставил её фото на столе, значит, довольно сильно любил её. Она погладила пальцами лицо Шалтая на снимке и снова заговорила, но на сей раз её голос звучал увереннее.

— Это Вена. Июнь прошлого года. — Бесси тоскливо вздохнула. — Шолт ездил туда по делу. Продавал несколько тысяч тонн всебякистанского порошкового быстросупа. Он спросил меня, не хочу ли я поехать с ним.

Она наклонила голову набок, погружаясь в милые воспоминания о поездке.

— В тот вечер, когда был сделан этот снимок, мы с ним ходили в оперу на «Мадам Баттерфляй». В первом акте тенор, исполнявший партию лейтенанта Пинкертона, заболел, а дублер был пьян. На сцену вышел администратор, рассыпаясь в извинениях и объясняя, почему они не могут продолжать представление. К моему удивлению, Шолт встал и пропел без музыки шесть стрóf партии Пинкертона. Его тут же выпихнули на сцену, и

через десять минут представление продолжилось с Шолтом в роли лейтенанта. Меня посадили в королевскую ложу, администрация хлопотала вокруг, а Шолта восемь раз вызывали на бис. Этого вечера я никогда не забуду. — Она улыбнулась и покачала головой. — Мой рассказ вас не удивил?

— Мистер Болтай давно уже перестал меня удивлять, мисс Брукс, — ответил Джек. — Почему вы покинули город?

Улыбка исчезла с её губ, и она снова посмотрела на снимок.

— Я любила его, инспектор, больше, чем любая женщина может любить яйцо. — Она помолчала. — Не следовало мне так привязываться к нему, но перед ним трудно было устоять. Вы когда-нибудь встречались с ним, инспектор?

— Только раз, давным-давно.

— Он был замечательным человеком, — медленно проговорила она. — Просто замечательным. Он никогда не совершал преступлений ради себя.

— Он рассказывал вам о своих планах?

— Нет. У него в голове роилось множество замыслов, но какие именно — я не знала. В ночь после того благотворительного вечера он сообщил мне, что снова женился, и спросил, хочу ли я продолжать наши отношения. Боюсь, я ответила не слишком вежливо. Мы сцепились. Как он смеет жениться, когда мы почти три месяца были вместе?

— Потому вы и убили его, мисс Брукс?

Она разразилась сдавленными рыданиями. Сеймур отодвинулся, и Мэри с Джеком обменялись взглядами.

Мэри попыталась утешить её:

— Все в порядке, мисс Брукс, успокойтесь.

Они подождали пару минут, пока она возьмет себя в руки, затем послали за чаем, который появился незамедлительно.

— Я не могла жить без него, и мысль о том, что в его объятиях окажется другая женщина, что она будет гладить его гладкую белую скорлупу...

Девушка закрыла глаза и расплакалась.

— Давайте проясним кое-какие детали, — сказал Джек. — Где вы взяли пистолет?

— Пистолет? — удивленно переспросила она.

— Да, где вы его взяли?

Бесси посмотрела на Сеймура, который поднял брови и почти механически произнёс:

— Вы не обязаны отвечать ни на какие вопросы, мисс Брукс.

— У меня не было пистолета.

— Не было? — спросил Джек, и у него в груди зашевелилось нехорошее предчувствие. — Тогда чем же вы его?

— Тремя таблетками дурнопрадола. Я ведь помощник ветеринара.

— В кофе? — спросила Мэри.

Мисс Брукс печально кивнула.

— Чёрт! — выругался Джек, направляясь по коридору обратно в ОСП.

— Попытка убийства? — спросила Мэри, не уверенная в наличии состава преступления. — Ведь он даже не притронулся к кофе!

— Фактически да, но я не вижу, какого дьявола полицейскому управлению этим заниматься, если прежний опыт ОСП никому не нужен.

Узнав, что в конце концов Шалтая убила не она, мисс Брукс приободрилась. Однако, как ни странно, ей было известно о нём не больше, чем остальным. Когда он проводил с ней ночь, это всегда происходило у неё на квартире, которую уже обыскали, но совершенно ничего не нашли.

Линия расследования, на которую Джек возлагал столько надежд, окончилась ничем. Но все же одну интересную вещь Бесси им рассказала: Шалтай снова вступил в брак. Запись ещё не успела поступить в национальную базу данных, так что Эшли и Гретель обзванивали окрестности, пытаясь выяснить, когда и на ком он женился.

— Только исключишь из круга подозреваемых одну загадочную женщину, как вместо неё тут же появляется другая! — возмутился Джек. — У Шалтая была целая свита. Сколько шалтаелюбков пришли предложить нам помощь?

— Сто девяносто две, — ответил Бейкер. — Потребуется несколько недель, чтобы со всеми разобраться!

— У нас нет и недели.

В дверь просунулась голова Шенстона.

— Привет, Джек! — весело сказал он. — Хочешь узнать результаты чистки ковра на Гримм-роуд?

— Конечно.

— Одним словом: дерьмо.

— Ты про это дело? Мог бы и не говорить.

— Нет, я про пылесос. Это птичье дерьмо.

— Птичье дерьмо?

— Дерьмо птиц.

— Да знаю я, что такое птичье дерьмо, Боб, но откуда оно на Гримм-роуд?

— Не знаю. Оно было втоптанно в ковер.

— Свежее?

— И свежее есть, и старое. А свежее — очень свежее: птичка нагадила меньше недели назад.

— Всего-то? — Джек забрал отчёт и медленно прочитал вслух: — «На ковре отмечены следы экскрементов, весьма напоминающих помет водоплавающих птиц — лысух, уток, гусей и так далее...»

Он поблагодарил Шенстона, и тот молча исчез. Джек написал на доске: «Птичий помет?» — и подчеркнул. Затем добавил: «Золото» и «Акции Пемзса», а также «Вилли-Винки». Он плюхнулся в кресло и устался на доску. Дело упорно не желало проясниться. Что же затевал Шалтай?

— Инспектор Шпротт? — послышался незнакомый голос от дверей.

Все обернулись в ту сторону и увидели Бриггса с каким-то коротышкой, пронырливым на вид.

— Вы же знаете, что это я.

— Моя фамилия Любимчикс, я старший инспектор НКРЖП. Нам надо поговорить.

Независимая комиссия по расследованию жалоб на действия полиции (НКРЖП) являлась полицией, контролировавшей полицию. Они ястребами бросались на любого полицейского, который только мог быть заподозрен в неправомочных действиях.

— Добрый день, сэр, — ответил Джек, решив, что ему придётся давать показания против кого-то из коллег или что-то в этом духе. — Чем могу помочь?

— Сотрудничеством с НКРЖП, — вздохнул Бриггс.

— По поводу? Вы же обещали мне время до субботы, чтобы вычислить убийцу Шалтая!

— Это не имеет отношения к мистеру Болтаю, — произнёс инспектор Любимчикс холодным деловым тоном. — Дело касается трёх поросят. Они выдвигают против вас обвинение в притеснениях по видовому признаку, психологическом давлении и злонамеренном преследовании.

Глава 34

Под допросом

ПОРОСЕНОК В РОСТБИФОВОМ ШОКЕ

Вчера некий поросенок был застигнут за поеданием ростбифа, что прямо противоречит правилам использования продуктов на животной основе для питания животных. Поросенка, одного из пятерых в помете, изолировали, пока сотрудники Департамента внешней среды, продовольствия и сельского хозяйства пытались выследить остальных членов семьи. Представитель департамента сказал следующее: «К счастью для нас, один из поросят оставался дома, а другой, когда ему предложили жаркое, отказался. Четвертый визжал всю дорогу домой и сейчас находится в карантине. Мы по-прежнему пытаемся найти первого поросенка, который, похоже, отправился на рынок. Пока его не поймают, мы приказали убрать с прилавков все продукты на основе свинины и решили изымать всё, что попадётся на глаза, свиное или нет, просто на всякий случай».

«Слепень», март 2001 г.

— Уж не Звонн ли натравил вас на меня? — резко спросил Джек, садясь в жёсткое пластиковое кресло в комнате для допросов.

— Никто нас ни на кого не натравливал, — бесстрастно ответил Любимчикс. — Мы проведем полное расследование надлежащим образом. Вы имеете право ничего не говорить. Но ваше молчание может повредить вашей защите...

— Знаю я всё это, — перебил Джек. — Может, перейдем к делу? На мне ещё расследование висит.

— Мне кажется, будет лучше, если вы просто ответите на вопросы, — сказал Любимчике. — И ещё мне кажется, что некоторое время вы не сможете вернуться к работе.

Джек посмотрел на стоящего в дверях Бриггса.

— Сэр!

Суперинтендант пожал плечами. Тут он ничем не мог помочь.

— Если вы желаете получить адвоката или настаиваете на присутствии кого-нибудь из профсоюза полицейских, — продолжал Любимчикс, — то мы готовы это устроить, но будем настаивать, чтобы вас отстранили от расследования с полным содержанием до окончания разбирательства.

— Я отказываюсь от адвоката, — твёрдо сказал Джек.

— Назовите своё имя для записи.

— Инспектор Джон Реджинальд Шпротт, отдел сказочных преступлений, полицейское управление Оксфорда и Беркшира, номер жетона восемьдесят два шестнадцать.

— И вы вели дело номер семьсот двадцать два бис «Вероятно незаконное убийство Теофилиуса Бартоломью Волка, он же Злой дядя»?

— Я.

Любимчикс выложил на стол несколько листов бумаги. Это были донесения о содержании под стражей и аресте.

— Это ваша подпись?

— Да.

— Тогда, возможно, вы сумеете мне ответить, почему поросята «А», «Б» и «В» содержались в тщательно вычищенных и приведенных в порядок камерах и почему им предлагали чай, кофе и печенье, а не помой и не воду из лужи, на что они имели полное право?

— Что-что?

Любимчикс положил на стол ещё один листок бумаги. Это было письмо от Найджела Хватта, адвоката поросят, в котором перечислялись жалобы подсудимых на Джека.

— Они не выдвигали никаких особых требований, — ответил Джек, глядя на пункты списка жалоб со все большим раздражением.

Выиграй он это дело, ему было бы наплевать, но поросята жаждали мести — и, разумеется, денег.

— Это не их дело, — сказал Любимчикс. — Они также утверждают, что вы допрашивали их, поедая сэндвич с беконом. Почему?

Джек пожал плечами:

— Наверное, потому, что в столовой закончились булочки.

Любимчикс ожег его взглядом.

— Шпротт, вы что, считаете весь этот допрос забавой? — Он побарабанил пальцами по списку жалоб поросят. — Даже трёх из этих шести жалоб достаточно, чтобы покончить с вами, Шпротт. И они дорого обойдутся Редингскому управлению. Посмотрите только вот на это:

«Инспектор Шпротт и его помощник констебль Эшли делали замечания насчёт поджаристой корочки и яблочной подливки специально, чтобы поросенок «В» мог их услышать». Если это так, Шпротт, то это является угрозой применения к заключенному физического воздействия и может быть приравнено к настоящей пытке. Хватт ссылается на билль девяносто шестого года о равенстве животных (антропоморфных) и людей, и нам кажется, что он имеет на это все основания!

Джек вздохнул. Может, спустя шесть месяцев суд и оправдает его вчистую, но будет слишком поздно. Он должен остаться на свободе, чтобы продолжить расследование сегодня. Джек прекрасно понимал, что при желании НКРЖП могло бы послать поросят куда подальше, так что проблема заключалась не в восстановлении справедливости по отношению к трем кровожадным хрюшкам. И даже не в отстранении Джека, чтобы Звонн мог забрать себе дело Болтая. Нет, данная акция призвана была показать, что происходит с людьми, которые осмеливаются противостоять Лиге и Звонну. Увольнение Джека послужит предупреждением любому, у кого достанет глупости или упрямства настаивать на своем.

Он обернулся к зеркальному окну допросной. Наверняка Звонн там. Смотрит и злорадствует.

— Чего вы хотите, Любимчикс?

— Я хочу, чтобы все полицейские придерживались буквы закона в отношении арестованных, — ответил тот. — Полицейский, который сбивается с пути, — пятно на добром имени полиции и всех её честных служащих.

— Значит, буквы закона, да?

— Да.

— И чтоб кристальная честность в ходе расследования?

— Конечно.

— И это касается всех полицейских?

Джек задал вопрос настолько прямо, что Бриггс инстинктивно зыркнул в сторону зеркального стекла. Значит, Звонн и правда там.

— Тогда я готов сделать заявление, и мне кажется, что для всеобщей пользы вам лучше отключить диктофон.

Джек обращался прямо к стеклу. Поскольку реакции не последовало, он произнёс:

— Это касается убийства в Андерсеновском лесу и Макса Зоткина.

Сработало.

Через несколько секунд дверь распахнулась, и в комнату с перекошенным от злобы лицом влетел Звонн.

Старший инспектор Любимчикс, видя, что дело внезапно чрезвычайно усложнилось, быстро объявил перерыв в записи и отключил магнитофон. Он-то был уверен, что Джек — готовый агнец на заклание и склонится перед неизбежным, но непосредственное вмешательство Зонна в его планы не входило. И теперь, лишённый инициативы явлением столь выдающегося полицейского, он просто сидел и наблюдал за развитием событий.

— Ты видишь, как легко я могу тебя закопать? — орал Зонн. — Либо так, либо иначе! Хватит ходить вокруг да около! Отдавай дело, и, может быть, тебе оставят пенсию!

Воцарилось молчание. Оба сверлили друг друга взглядом. Зонн был очень влиятельным человеком и умел запугивать. Джек много раз уступал ему, но чаша его терпения переполнилась.

— Ты не сумел заполучить это дело, попытавшись обратить против меня моего же собственного сержанта, — тихо начал он, тщательно выбирая слова. — Ты не смог сделать этого, утаив от расследования важные сведения. И ты ничего не добьешься, натравив на меня НКРЖП.

— Слишком поздно для сделок, — рявкнул Зонн. — Тебе конец!

— Мне так не кажется, — ответил Джек, стараясь не поддаваться страху.

Однажды, ещё в школе, ему пришлось подраться с хулиганом, и тогда ощущения были точно такие же. Джек открыл пухлый конверт, который Мэри умыкнула у Скиннера, и выложил на стол снимки.

Зонн побледнел.

— Это фотографии с места преступления в Андерсеновском лесу, — объяснил Джек Любимчиксу и Бриггсу. — На них отчётливо видны гильзы от патронов «элей».

Он достал из портфеля пакетики и показал стреляные гильзы.

— А вот эти прислал мне Зонн.

Всем в комнате было ясно, что в пакетике гильзы от «экспресс».

— Почему Зонну понадобилось изображать, будто «маркетти», обнаруженный мной у Болтая, не тот же самый, из которого убили дровосека и его жену?

— Да потому, что я мог указать на огромную дыру в его расследовании. А может, и не было никакой русской мафии? Может, Зонн просто выдумал все детали расследования, поскольку ему позарез нужна была заметка в рождественском выпуске «Криминального чтения» за две тысячи третий год?

Воцарилась мёртвая тишина. Все прозвучавшее являлось кошмарной ересью. У Зонна на висках пульсировали жилы, а Бриггс и Любимчикс

нервно переглядывались. Если Джек сумеет всё это подтвердить, выйдет настоящая сенсация и полетят головы. Причём не одна и не две.

Звонн снял напряжение, рассмеявшись:

— Смехотворное предположение, Шпротт. Как раз на таких и строятся все теории заговоров. Да, по-видимому, в процедуре нанизывания доказательств была допущена ошибка. Это неприятно, но вполне поправимо. Я выслежу виновного и позабочусь, чтобы он был соответствующим образом наказан.

— Да делай что хочешь, — ответил Джек, с каждой секундой обретая уверенность, — но ведь проще всего допросить Макса Зоткина, последнего уцелевшего члена русской мафии, который дал такие красноречивые показания на собственном процессе, подтвердив каждое твоё слово. Вот только после того, как его посадили на десять лет, он почему-то исчез из виду. И кто он был? Актер?

Повисла пауза.

— Я не собираюсь уничтожить тебя или подрывать общественное мнение о Лиге, — медленно проговорил Джек. — Я всего лишь хочу найти убийцу Болтая и не желаю, чтобы мне мешали.

Звонн задумался на некоторое время, затем сказал:

— Хорошо. Его репатриировали по соглашению между Великобританией и Россией об обмене заключенными...

— Ты не можешь до бесконечности заниматься инсценировками, — перебил его Джек, — но если настаиваешь, я вызову тебя на очную ставку и начну задавать неудобные вопросы. Сколько ещё расследований ты приукрасил, чтобы взвинтить свой рейтинг в «Криминальном чтиве»?

Опять сгустилось молчание. Звонн обдумывал ситуацию. Бриггс нервно переглядывался с Любимчиксом. Им ещё не доводилось видеть, чтобы Звонна так припирали к стенке, и это зрелище — хотя они ни за что бы в этом не признались — не было для них неприятным. Знаменитость принудили сдаться.

— Ладно, — сказал наконец Звонн, — я отзываю все претензии на расследование дела Болтая.

— А ещё я хочу, чтобы ты проголосовал «за», если я все же дойду до финальной стадии принятия в Лигу.

— Можно, — ворчливо согласился Звонн.

В комиссии кроме него заседали ещё четверо, так что уступка была невелика.

— И ещё я хочу, чтобы ты ушёл из полиции.

Звонн расхохотался, и Джек понял, что перегнул палку. Несмотря на

все свои пороки, Звонн обладал почти неприкосновенным статусом. Сам Джеллимен просил его возглавить свою личную охрану во время субботнего визита. Этот человек был легендой. Подгнившей, конечно, но легендой. А легенды так легко не развенчаешь.

Звонн метнул на Джека злобный взгляд и наклонился ближе.

— Мы ещё не закончили, Шпротт, — прошипел он и покинул комнату.

Потом дальше по коридору хлопнула дверь, и стало слышно, как он орет на кого-то из своих подчиненных.

— У нас все? — поинтересовался Джек.

Бриггс и Любимчикс в который раз нервно переглянулись. Если Джек способен так разговаривать с Звонном, то он способен на все.

— Я вернусь, когда проведу дополнительное расследование, — протараторил Любимчикс. — Возможно, это займёт некоторое время.

Он извлек обе кассеты, бросил их в сумку и удалился не попрощавшись.

— Ну, Джек, — сказал Бриггс, когда они остались наедине, — горазд ты чесать против шерсти.

— Фридленд — подонок, одержимый рейтингом.

— Нет, — возразил Бриггс. — Фридленд — подонок, имеющий власть и влияние. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. По его разумению, я сейчас в твоём лагере. — Бриггс пожал плечами. — Я просто надеялся, что он упомянет меня в своих рассказах, дабы я мог возвращаться в обществе на собраниях Фридленда Звонна. Ватсон только тем и занимался, когда Шерлок ушёл на покой, — и нажил состояние. Но, думаю, в нынешней ситуации мне это не светит.

Джек расслабился. У него имелись все основания недолюбливать Бриггса, но он относился к начальнику довольно тепло. Суперинтендант был неплохим человеком, хотя и слабым.

— Если когда-нибудь попаду в Лигу, уж я-то включу вас во все мои рассказы.

Бриггс приободрился. Он много лет мечтал стать таким, как Фридленд Звонн, но теперь он думал, что предпочел бы походить на Шпротта. Немного неряшливый и за пределами ОСП почти незаметный, но честный.

— Если так, — сказал Бриггс, блестя глазами, — то можно мне отстранять тебя от дела хотя бы по разу в каждом расследовании?

— Конечно.

— И не сменить ли мне фамилию на Фёнготскилерни?

Джек улыбнулся и похлопал его по плечу.

— Вполне хватит и Бриггса.

Глава 35

Подведение итогов

НАЗВАН ОБВИНЯЕМЫЙ ПО ДЕЛУ О ПРЯДЕНИИ ЗОЛОТА ИЗ СОЛОМЫ

Вчера, на восьмой день процесса по делу о прядении золота из соломы, присяжные очнулись, потрясенные именем обвиняемого, которое наконец было объявлено. Безымянный доселе преступник, обвиняемый в прядении золота из соломы, издевался над британским судопроизводством, предлагая суду угадать его имя, прежде чем он согласится с иском. После семи дней и 8632 попыток судья наконец угадал имя, после чего Румпельштильцхен (это имя репортер так и не сумел правильно записать) впал в бешенство, обвинил судью в том, что тот подслушивал «в печную трубу», и стал топтать ногами так сильно, что по колено ушёл в пол. Поскольку преступник был таким образом идентифицирован, слушание быстро завершилось и обвиняемому дали двадцать лет.

«Слепень», апрель 1999 г.

— Как бы вы охарактеризовали свою манеру письма, Мэри?

— Немного старомодная, но добротная.

— Отлично. Наметилась призрачная вероятность того, что я все же попаду в Лигу. Если это произойдет, я хотел бы видеть вас моим официальным напарником.

— Сэр, я, конечно, польщена, но ведь в выборной комиссии сидит Звонн. Как вы рассчитываете его переубедить?

— Есть у меня один секрет. Какие новости?

— Миссис Сингх прислала первые результаты вскрытия Винки.

Джек взял отчёт и просмотрел его. Ничто из прочитанного не повлияло на его предположения, сделанные прошлым вечером. Одна рубленая рана, очень глубокая, приведшая к смерти от шока и потери крови. Выражение лица Винки, частичное трупное окоченение и мокрые штаны указывали на то, что перед смертью он увидел нечто ужасное.

— Ужасное! — задумчиво хмыкнул Джек. — Когда на тебя лезут с палашом, поневоле ужаснешься.

Джек вернул папку Мэри. Отчёт казался необычным, но разве хоть что-то в этом расследовании выглядело иначе?

— Ладно, ребята, — сказал Джек сотрудникам ОСП, которые терпеливо и немного нервно ждали возвращения шефа, полагая, что его почти наверняка отстранят от расследования руками НКРЖП. — День четвертый завершился. Количество трупов растёт, а мы так и не приблизились к ответу на вопрос, кто же убил Болтая. Пока история выглядит так: мистер и миссис Кристиан, дровосек и его жена, нашли пропавший груз золота. Эшли, в этом направлении что-нибудь есть?

— В последнее время ничего украдено не было, сэр, — обычные городские мифы о пропавших нацистских миллионах.

— Продолжайте. Мелкий жулик Том Томм убивает их из «маркетти», найденного нами у Болтая, и крадет золото. Он передает добычу своему старому другу и наставнику Шалтаю-Болтаю, который начинает сбывать партии золота ради покупки акций стремительно разоряющейся компании. Все идёт хорошо, пока Болтай не возвращается полгода назад в свою квартиру и не обнаруживает там в душе убитого Тома Томма. Он делает правильный вывод, что стреляла его бывшая жена Лора и что пули предназначались ему, и залегает на дно. Где — мы не знаем.

— Почему он молчал об этом? — спросил Отто.

— Наверное, потому что сам по уши завяз в отмывании денег после первоначальной кражи. Это сделало бы его соучастником.

— А-а.

— Затем он начинает скупать акции «Пемзс» на отмытые деньги от продажи золота, но даже Рэндольф Пемзс понятия не имеет, как он рассчитывал поднять курс акций: компания клонилась к упадку уже много лет. У Болтая имелась ревнивая любовница Бесси Брукс, которая безуспешно пыталась убить его, и сегодня мы узнали от неё, что за последние две недели наш клиент успел снова жениться.

Джек помолчал.

— В завещании сказано: «Все — жене». Так что пока акции «Пемзс» не обесценились, она состоятельная женщина и владеет тридцатью восемью процентами мозольного бизнеса. В воскресенье Болтай вылезает из укрытия на свет божий, напивается на благотворительной вечеринке у Пемзса и обещает дать пятьдесят миллионов на перестройку ветхой и удручающе отсталой клиники Святого Церебраллума, где он лечился свыше сорока лет. Он предлагает продать свои акции Гранди, но тот

отказывается. Той же ночью Болтая кто-то убивает. Похоже, Уильям Винки видел убийцу из окна своей кухни и попытался его шантажировать, кто бы то ни был. Потому прикончили и его.

— Напоминает почерк Порджа, — заметила Гретель.

— Да, — признал Джек, — но я совершенно уверен, что он тут ни при чем.

Мэри кивнула в знак согласия.

— Киллер мог так поступить в расчете направить нас по ложному следу, из чего логично вытекает, что мы на верном пути, — сказал Джек и, помолчав, продолжил: — Нам осталось выяснить две вещи: кто новая жена Шалтая и где он обретался весь последний год. На Гримм-роуд находился только его кабинет. Наверняка он провел на стене несколько ночей, но не более того. Гранди утверждает, что отклонил предложение Шалтая на десять миллионов, а жена Гранди Рапунцель имела с Шалтаем любовную связь, о чём Гранди знал и на что смотрел сквозь пальцы. Машина Болтая до сих пор не обнаружена, да ещё этот птичий помет...

По комнате прошёл смешок.

— Что тут смешного? Если он притащил всё это гуано на Гримм-роуд исключительно на собственных подметках, то должен был где-то в нем бродить по колено. И откуда бы это дерьмо ни взялось, оно происходит из того места, где он жил последний год. Эшли, по машине что-нибудь есть?

— Да ничего интересного, сэр. Мы проверили его мастера. Три месяца назад Болтай пригонял машину на профилактику, стало быть, она всё ещё где-то здесь.

— Ладно, а что насчёт брака Шалтая?

Эшли и Гретель покачали головами. Они прошерстили все регистрационные книги в Беркшире и Оксфорде и забрались ещё дальше. Как указала Гретель, он мог жениться хоть в Лас-Вегасе.

Джек обвёл взглядом лица подчиненных.

— Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Ладно. Отдыхайте, поскольку завтра нам предстоит с полудня до половины четвертого охранять Центр Священного Гонго.

Он перешёл к объяснению их задачи при помощи плакатов со схемами и наспех отксеренных брошюрок. Говорить особенно было нечего, но Джек постарался подойти к делу как можно серьезнее. Вдобавок имелся некоторый шанс увидеть Джеллимена. Все оэспешники внимательно слушали инспектора, но быстро поняли, что их роль сводится всего лишь к усилению штатной охраны Священного Гонго.

— Значит, мы там только для массовости? — спросила Гретель.

— Это приказ, так что сделаем все как можно лучше, — ответил Джек. — Организационные вопросы — к Мэри. Пока все. До завтра.

Глава 36

Заполнение сосуда

КОРОЛЬ ПРИКАЗЫВАЕТ УНИЧТОЖИТЬ ВСЕ ПРЯЛКИ

Вчера прядильная индустрия была до основания потрясена заявлением короля о немедленном уничтожении всех прялок. Необъяснимый приказ был издан вскоре после крестин единственной дочери его величества. По мнению экономических аналитиков, данная инициатива монарха может иметь далеко идущие и катастрофические последствия для торговли шерстью, пряжей и готовыми изделиями. «Мы пытаемся разрешить ситуацию законными способами, — сказала Дженни Челнок, глава профсоюза пряж и представителей сопутствующих ремесел. — При всей нашей любви к королю мы будем сражаться в суде за каждый стежок». Его величество, со своей стороны, потребовал судебного контроля за исполнением указа.

«Крот», июнь 1968 г.

Направляясь домой, Джек увидел бобовый стебель, подсвеченный двумя зенитными прожекторами, которые лениво водили мощными лучами туда-сюда по ночному небу. Охваченный любопытством, он развернулся и поехал к матери. Ближайшие к месту происшествия улицы оказались перекрыты, и толпы любопытных зевак толклись по соседству, таращась на невероятное зрелище — огромные бобовые стебли на заднем дворе самого обыкновенного пригородного домика.

Джек припарковался, где сумел, и принялся локтями прокладывать себе дорогу через толпу. Чем ближе он подходил, тем внушительнее смотрелись бобовые стебли. Они разветвились и сплелись в тугой, сам себя поддерживающий жгут темно-зелёного цвета и теперь достигали не менее семидесяти футов в высоту. Большие, с зонтик величиной, листья, словно балдахины, свисали с основного стебля, спиралью уходившего в небеса, а стручки могли размером потягаться с упитанной таксой. Джек понимал интерес толпы. Само по себе событие было беспрецедентным. Интересно,

что скажут по этому поводу ботаники? Пока он смотрел на стебель, у него снова возникло странное ощущение, будто он взбирается по стеблю наверх, но вскоре пропало.

— Джек! — воскликнула мать, как только он протопал по садовой дорожке и постучал в дверь. — Надо же, какая удача!

Она поманила его на кухню, где за столом сидел аккуратно одетый мужчина с коричневым портфелем в руках. Посетитель в маленьких очках в проволочной оправе и с зализанными назад жирными черными волосами имел запаренный вид, хотя было отнюдь не жарко.

— Это Персиваль Шмыггинс из редингского отдела градостроительства. Мистер Шмыггинс, это мой сын, инспектор Джек Шпротт.

— Просто мистер Шпротт, — поправил её Джек, прекрасно зная, как на бюрократов действуют чины и звания. — Так в чем дело?

Мистер Шмыггинс положил свой портфель на стол, мимо которого размазанными силуэтами пронесли несколько кошек миссис Шпротт.

— Как я уже говорил вашей матушке, для зданий, возводимых без разрешения отдела градостроительства, существуют известные ограничения по высоте. А эта... хм... штука...

— Бобовый стебель, мистер Шмыггинс, — подсказала миссис Шпротт.

— Именно. Этот так называемый бобовый стебель значительно превышает установленные нормы. Мне очень жаль, но вы нарушили правила градостроительства. Мы вызовем вас в суд и заставим уничтожить это строение за собственный счёт, кроме того, на вас может быть наложен штраф.

— Это настолько необходимо?

— Не я устанавливаю правила, — сказал Шмыггинс. — Я только провожу их в жизнь.

Разговор прервался, когда в помещение ввалился здоровенный мужик в твидовом костюме и войлочной шляпе. Он был бос, в длинной неряшливой бороде виднелись пятна лишайника. Под мышкой он держал огромный бобовый лист.

— Это профессор Бобовникер из Британского садового общества, — представила вновь прибывшего миссис Шпротт.

Профессор закатил глаза, но по большому счету его ничто, кроме растения, не интересовало. Джек заметил, что земля набилась учёному мужу под ногти не только на руках, но и на ногах.

— Как раз к чаю, профессор! — воскликнула миссис Шпротт. — Что вам удалось обнаружить?

— Ну, сказать трудно, — начал тот глубоким баритоном, от которого задребезжали чашки в угловом буфете, — но то, что у вас выросло, представляет собой *Vicia faba*, или боб кормовой обыкновенный.

Миссис Шпротт кивнула, и профессор сел, вцепившись в лист так, словно кто-то на него покушался.

— По какой-то причине, до сих пор не установленной, он минимум в пятьдесят раз больше, чем должен быть. У него сложная корневая структура, и по первичным прикидкам он может достигнуть в высоту двух-трёх сотен футов. Это совершенно беспрецедентно, уникально, экстраординарно!

— А тут вот представитель градостроительного управления, — ввернул Джек, — хочет его уничтожить.

Профессор Бобовникер побагровел и гневно уставился на мистера Шмыггинса, а тот надулся, словно рыба-шар, готовый отразить любые нападки.

— Нет, — прорычал с угрозой в голосе профессор Бобовникер, — мы этого не допустим!

— В этом отношении правила абсолютно ясны, — с негодованием возразил мистер Шмыггинс, — и я опираюсь на четырнадцать томов руководств по градостроительству!

— Да неужто? — встал на ноги Бобовникер.

— Вот так!

— Спасибо, ты меня выручил, — сказала миссис Шпротт, выпроваживая сына.

В кухне по-прежнему орали друг на друга Шмыггинс и Бобовникер. Короткая потасовка перешла в затяжной и все более громкий процесс обмена ругательствами.

— Да ладно тебе, мама. Если что-то ещё понадобится, дай мне знать.

Когда через десять минут Джек вошёл в боковую дверь собственного дома, Пандора разговаривала с Мадлен.

— Конечно, он креационист, но какой интеллект!

— Если он креационист, — сказала Мадлен, — то как он объясняет природу окаменелостей?

— Он пришёл к выводу, что они созданы нарочно для поддержания нашего любопытства. Он говорит, что полезно стремиться к знаниям, пусть даже предела познанию нет. Возможно, нам ещё двести лет придётся убить на выяснение того, откуда взялась Вселенная, или пятьсот на создание единой теории поля. Но когда мы наконец решим эти задачи, они всё равно окажутся чем-то несущественным, лёгкой разминкой, подготавливающей

нас к решению проблем невыразимой сложности и куда более значимых.

— Например? — нахмурилась Мадлен.

— Например, почему бутерброды всегда падают маслом вниз? Почему можно часами искать нужную вещь, а затем найти, случайно глянув куда-нибудь? Вот это и есть настоящие загадки, которые предстоит решить человечеству. Прометей утверждает, что существует общая теория, способная объяснить не только тот факт, почему очередь в кассу супермаркета, которую ты выбираешь, всегда оказывается самой длинной, но и почему поезда всегда уходят вовремя, когда ты опаздываешь, и опаздывают, когда ты приходишь вовремя.

— Но этого никто не знает, — с сомнением прошептала Мадлен, — просто так случается.

— Вот то же самое говорили о молниях и радугах, — ответила Пандора.

Джек поздоровался с обеими, подцепил из вазы для фруктов мандарин, направился в гостиную и, встав перед окном, принялся снимать шкурку. Он одержал верх над Фридлином и пресек его попытки перехватить дело Болтая, но на душе у него было отнюдь не так радужно, как следовало ожидать. Его не покидало чувство, что, сорвав со Звонна маску и выставив его шарлатаном, он выпустил джинна из бутылки, хотя всем было бы лучше, чтоб этот самый джинн никогда оттуда не вылезал. Звонн один такой или вся Лига детективов высасывает дела из пальца? С тех пор как в Оксфорде начал работу инспектор Морж, число загадочных преступлений в «городе дремлющих спилей»^[63] чрезвычайно возросло. А мисс Мурпл и тихая деревушка Майкл-Мид?^[64] Теперь она едва ли не тонула в крови, в каждом доме таился какой-нибудь ужасный секрет. Совпадение? Или умелое изобретательство талантливой официальной напарницы?

— Ваша дочь — исключительная женщина.

Это был Прометей. Он стоял в дверях, и свет бил ему в спину. Он казался бесплотным, почти нереальным.

— Она похожа на свою мать.

— И на отца.

— Пршлым вечером я несколько перебдел, извините, — произнёс Джек, когда Прометей вышел в круг света от торшера.

— Это не повлияло бы на моё решение, Джек. Я хочу жениться на ней.

— Что?!

Прометей повторил, и Джек присел на краешек стола.

— Но вы же бессмертны, Прометей. Мне как-то не хочется выдавать

дочь за того, кто останется молодым, когда она постареет.

— Речь идёт скорее о сотрудничестве, чем о семье. Я смогу получить британское гражданство, и тогда мы сумеем...

— Значит, это брак по расчету?

— Позвольте мне объяснить. Помните, что я вам говорил о бедах мира, которые первая Пандора выпустила из сосуда?

— Конечно.

— Ваша Пандора желает загнать их назад!

Джек нахмурился.

— Задача ещё та.

— Титанический труд, — усмехнулся Прометей. — Мифология слишком долго пребывала в застое, Джек. Я решил, что мы снова встряхнем её, и Пандора хочет помочь мне в этом.

Джек глубоко вздохнул и посмотрел в потолок.

— Никогда не думал, что зятем у меня будет титан. Пообещайте мне одну вещь.

— Говорите.

— Откажитесь от бессмертия.

— Я так и сделаю, после того как мы с Пандорой переловим все беды или, если не выйдет, когда Пандоре исполнится пятьдесят лет. Мы уже все распланировали.

Прометей улыбнулся, и Джек протянул ему руку. В момент рукопожатия он ощутил исходящую от титана мощь. С ним ещё многое оставалось непонятно, но теперь времени хватало.

— Выпьем? — предложил Джек.

— Нет-нет, — ответил титан, — в пятницу вечером я исполняю стриптиз в «Голубом попугае»... Шучу. Давайте же выпьем. И не по разу.

Глава 37

Представитель Лиги

АЛЬБИНОСЫ ТРЕБУЮТ ПРЕКРАТИТЬ ЭКРАННЫЕ ИНСИНУАЦИИ ПРОТИВ НИХ

Вчера, после очередного фильма с альбиносом в роли сумасшедшего киллера, сообщество альбиносов потребовало положить конец несправедливому изображению его представителей на экране. «С нас довольно, — заявил вчера на небольшом митинге альбиносов на лондонской киностудии "Пайнвуд студиос" мистер Сайлес.^[65] — Только из-за нашего необычного генетического отклонения Голливуд полагает, будто нас можно изображать психованными изгоями общества. Спросите себя сами: вот вы лично когда-нибудь становились жертвой преступника-альбиноса или знаете кого-нибудь, с кем подобное произошло?» Протест перекликается с состоявшейся на той неделе демонстрацией граждан Колумбии и мужчин с «хвостиками» против непереносимого изображения их наркоторсниками.

«Крот», июнь 2003 г.

Джек приехал в участок к девяти. Была суббота, и весь участок кипел бурной деятельностью в предвкушении приезда Джеллимена. Специальная группа телохранителей его преосвященства в сотрудничестве со старшим инспектором Звонном взяла дело в свои руки, и всем пришлось пройти через металлодетектор и получить бейджик с цветовым кодом, который обозначал, насколько близко его носитель имеет право подойти к Джеллимену. Степень приближенности к знаменитому гостю варьировалась по всему спектру от красного («ближайшее окружение») до фиолетового («приближаться не разрешается»). Джек получил фиолетовый.

Съев специальный шпроттовский «обезжиренный» сэндвич с беконом и выпив чашку кофе, он пошёл к себе в отдел, засел в кабинете и уставился на доску с ключевыми вопросами. Будь это нормальный убийный отдел, они располагали бы толпой констеблей и помещением размером с

гимнастический зал. Но это был ОСП. Джек знал, что ему недостает людей и что приходится работать с изгоями и неудачниками, которых никто больше не хочет к себе брать. Но ему нравилось думать, что он достигает приличных результатов при ограниченных возможностях.

Пока Джек сидел, пытаясь разобраться, что же всё-таки заставляло Шалтая надеяться на взлет акций «Пемзс», мимо открытой двери прошёл очень высокий человек. Через пару секунд он вернулся и, пригнувшись, заглянул в дверь:

— Это отдел сказочных преступлений?

— Мгмдм, — ответил Джек с набитым ртом. — Чемгм мгмогу вамгм помгмочь?

— Я ищу инспектора... как его... — Незнакомец заглянул в свою папку. — Джека Шпротта.

— Это я. Чем могу служить?

— Ага! — констатировал долговязый посетитель, снова заглядывая в папку и окидывая взглядом крошечный кабинетик, словно опасался, не ошибся ли адресом. — Моя фамилия Браун-Хоррокс.^[66] Я из Лиги детективов. Сегодня я понаблюдаю за вами и по результатам сделаю доклад для выборной комиссии.

Джек не сразу понял, о чём речь, но, когда до него дошло, тщательно вытер рот салфеткой и встал, чтобы позвать гостю руку.

— Добрый день, — произнёс он, старательно излучая профессионализм и деловитость. — Заходите и присаживайтесь, пожалуйста.

Браун-Хоррокс снова пригнулся и умудрился-таки втиснуться в крошечную комнатку и, неудобно подогнув колени, занять место Мэри.

— Спасибо, — поблагодарил он, возбужденно оглядываясь по сторонам. — А вам кабинет не маловат?

— Мы скоро переезжаем, — соврал Джек. — Эшли, не принесете ли мистеру Брауну-Хорроксу чашечку чаю?

Он выпалил это в тот самый момент, когда Эшли появился в дверях, лишь бы под каким-нибудь предлогом поскорее убрать того с глаз долой.

— Что это было?

— Констебль Эшли. Из штата ОСП.

— А с ним всё в порядке? Какой-то он... синий.

— Все рамбозийцы синие, мистер Браун-Хоррокс. Эшли — инопланетянин.

— Прощу прощения, видимо, у меня что-то со слухом. Мне почудилось, вы сказали, что он инопланетянин.

— А что тут такого?

Браун-Хоррокс уставился на Джека, сунул руку в карман пиджака, выудил ручку и сделал какую-то пометку у себя в блокноте. Джек попытался подсмотреть, что он там пишет, но Браун-Хоррокс специально подвинулся так, чтобы Джеку не было видно.

— Позвольте объяснить, в чем состоит моя работа, — дружелюбно произнёс представитель Лиги. — Насколько я понимаю, вы подали заявление в Лигу выдающихся детективов и сейчас ваша кандидатура проходит второй этап рассмотрения. Мы должны на практике оценить ваше мастерство детектива, а также ваши прочие качества, способные послужить дальнейшему преуспеванию Лиги и расцветить новыми красками её образ в глазах публики и издателей «Криминального чтения». Насколько мне известно, у вас за плечами четыре неудачных брака. Это правда?

— Да, — сказал Джек.

Он понятия не имел, что там понаписала Мадлен, поэтому приходилось подстраиваться на ходу.

— Также в вашей заявке говорится, что у вас имеются проблемы с алкоголем и что вы довольно замкнуты.

— Да. Пью слишком много, и моя семья окончательно махнула на меня рукой. Приходится довольствоваться мимолетными знакомствами с совершенно неподходящими и весьма опасными женщинами.

— Хмм, — сказал Браун-Хоррокс и сделал ещё одну пометку в блокноте.

— Ну как, неплохо?

— Так себе.

— Да нет, для заявки.

— Я не могу открывать вам что-либо касающееся моего доклада, инспектор, и с вашей стороны крайне невежливо об этом спрашивать.

— Конечно. А вот и ваш чай.

Эшли поставил чашку и блюдечко на стол и спросил:

— Вам с сахаром?

— Два, пожалуйста.

Эшли растерянно посмотрел на своего шефа.

— Это означает один-ноль, Эшли, — перевел Джек и пояснил Брауну-Хорроксу: — Эшли — рамбозиец. Они только бинарный код понимают.

— Только... бинарный... — медленно повторил Браун-Хоррокс, делая пометки в блокноте.

— Да, — подтвердил Джек, стараясь держаться как ни в чём не бывало. — Если нам нужно что-то сделать, скажем, в течение восьми дней,

мы просто говорим Эшли, что у нас один-ноль-ноль-ноль дней. Кроме небольших отклонений в здравом смысле, вызванных культурными различиями и вполне естественных для существа, родившегося в двадцати шести световых годах отсюда, он образцовый полицейский.

— Кстати, — сказал Эшли, показывая на чай Брауна-Хоррокса, — молоко кончилось, так что я использовал водоземulsionную краску.

— Видите?

— Да-а, — протянул Браун-Хоррокс, делая очередную пометку и с любопытством разглядывая пришельца. — Скажите, мистер Эшли, а каково это — быть пришельцем?

— Ох ты господи, — пробормотал Эшли, барабанив большими пальцами по виску, — знаете ли, я никогда прежде об этом не задумывался.

— Спасибо, Эшли, — вклинился Джек, пока не разразилась катастрофа. — Не проверите ли мой почтовый ящик?

Эшли понял намек и поспешно удалился.

— Как бы то ни было, — продолжал Браун-Хоррокс, — я получил копию вашего промежуточного отчёта и уже более-менее в курсе дела, хотя, честно говоря, несколько разочарован. Вы не допросили повторно главных подозреваемых, дабы извлечь дополнительную информацию, и два ложных признания все же несколько повлияли на расследование. Думаю, значительность второго можно приуменьшить. Честно говоря, — надменно добавил он, — я в жизни не видел настолько бестолково построенного расследования. Вы что, совсем не рассчитывали на публикацию, когда принимались за него?

— Это новая методика, — быстро ответил Джек. — Экспериментальная.

— Ладно, постараюсь сохранить беспристрастность, — произнёс Браун-Хоррокс тоном человека, который уже все для себя решил. — Чем вы намерены заняться сегодня? Допросить всех главных подозреваемых и найти убийцу в результате неожиданного поворота событий, способного удивить потенциальных читателей?

— Браун-Хоррокс, — медленно проговорил Джек, — это полицейское расследование, а не собрание писателей-детективщиков!

Браун-Хоррокс опустил ручку и уставился на Джека.

— Вы обнаружите, — сказал он, пытаясь скрыть откровенное недовольство, — что у членов Лиги множество обязанностей. И не только перед жертвами преступлений и перед обществом, которому в нашем опасном и жестоком мире необходима поддержка, но также перед издателями «Криминального чтива» и остальным развлекательным

бизнесом.

Джека так и подмывало посоветовать этому умнику свернуть блокнот в трубочку и засунуть куда подальше, но возможность вступить в Лигу выпадает не каждый день. А он хотел туда попасть, невзирая на Звонна. Да и деньги не помешают. И престиж. И может, хоть кто-то из обвиняемых получит по заслугам. Требовалось разрядить ситуацию, причём быстро.

— Как вам чай?

— Его невозможно пить!

— Отлично. А, Мэри! — В голосе Шпротта явственно слышалось облегчение. — Мэри, я хотел бы познакомить вас с мистером Браун-Хорроксом. Он из Лиги.

— Ой! — воскликнула Мэри, с первого взгляда оценив ситуацию, и с перепугу выпалила первое, что пришло ей на ум: — Вы очень высокий.

— И почему люди думают, будто я об этом не догадываюсь? — пробрюзжал Браун-Хоррокс.

— Да нет, просто про Джека говорят...

— Спасибо, Мэри. Сержант Мэри — мой официальный напарник, и у неё есть несколько интересных черт характера, которые, несомненно, развлекут читателя.

— И какие именно?

— Да, — сказал Джек, с надеждой глядя на Мэри, — какие же?

— Ну, — девушка крепко задумалась, — я живу в наполовину перестроенном гидросамолете.

— Мой дядя тоже, — возразил совершенно не впечатленный Браун-Хоррокс.

Эшли вернулся, и гость с любопытством посмотрел на него.

— А у вас, констебль Эшли, есть какие-нибудь интересные черты характера?

— Никаких, — глубокомысленно ответил инопланетянин. — Мне нравится играть в номера машин. Это как с номерами поездов, только с машинами. Я записываю их в тетрадку и обмениваюсь записями с друзьями. Ещё собираю банки от джема, подставочки под пивные кружки и строю в гараже гиперпространственный двигатель.

— Вы правы, — согласился проверяющий. — Ничего необычного.

— Доброе утро. — Вошла Гретель. — Мне дали фиолетовый пропуск... ой!

— Это констебль Гретель Канн де л'Абр, — представил её Джек, — ещё один член нашей команды.

Они обменялись рукопожатием. Браун-Хоррокс не сводил глаз с

Гретель, Гретель не сводила глаз с него. Иногда чересчур высокий рост становится причиной одиночества.

— Шесть футов... три с половиной дюйма? — спросил Браун-Хоррокс.

— Два с четвертью, — застенчиво ответила Гретель. — Это из-за ботинок.

— Ладно, — сказал Джек, которому отчаянно хотелось удрать подальше. — Я намерен ещё раз допросить Лолу Вавум и выяснить, не сможет ли она пролить свет на личность последней жены Болтая. Браун-Хоррокс? Как понимаю, вы останетесь здесь и подождёте результатов?

— Вовсе нет, — вздохнул тот. — Моя задача наблюдать за вами и вашей «экспериментальной» методикой в действии, нравится мне это или нет. Ведите.

Глава 38

Возвращение Лолы Вавум

ВАВУМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ДОБРОВОЛЬНОЙ ССЫЛКИ С ЗАЯВЛЕНИЕМ: «Я ХОЧУ, ЧТОБЫ МЕНЯ ОСТАВИЛИ В ПОКОЕ»

Вчера актриса Лола Вавум вышла из добровольного четырнадцатилетнего заточения с целью потребовать, чтобы пресса оставила её в покое. Пятидесятипятилетняя затворница, бывшая звезда экрана и сцены, имя которой не появлялось в газетах с начала девяностых, потребовала, чтобы журналисты прекратили следить за каждым её шагом и превращать её жизнь в кошмар. «Я думал, она умерла, — признался «Скок» Макхейл, обозреватель колонки развлечений в «Жабе». — Но теперь, когда выяснилось, что она жива и требует оставить её в покое, мы уж сумеем откопать нескольких её бывших мужей, дабы те порассказали нам о её постельных штучках ради хрустящей двадцатифунтовой бумажки и восьми минут славы». Завтра вечером мисс Вавум намерена дать интервью восьми телеканалам, чтобы поведать о том, как ей «не хватает уединения».

«Крот», апрель 2004 г.

— А вы никогда не видели «Чуму»? Ну, тот мюзикл, — спросил Браун-Хоррокс, когда они поднимались по скрипучей лестнице в Пемзс-Виллас к жилищу Лолы.

— Нет, думаю, эту ленту я пропустил.

— Блестящая работа! — благоговейно проговорил долговязый представитель Лиги. — Идею мюзикла об экспериментальной бомбежке шотландского острова Грюйнард бомбами с чумой могли бы счесть безвкусицей, но мисс Вавум в роли жизнерадостной учёной — военного биолога Макгонагл по прозвищу Буфера была и чувственна, и трогательна!

Пемзс-Виллас осаждали репортеры, жаждавшие поговорить с

актрисой, после того как она столь драматически сорвала покров с тайны пять дней назад. Но Джек, Мэри и Браун-Хоррокс без труда проложили себе дорогу локтями.

Они добрались до нужной квартиры, и Джек нажал на кнопку звонка. Тот не работал, поэтому пришлось стучать.

Лола распахнула дверь, словно порыв ветра, но, увидев полицейских, удивилась. Она была в кимоно, придававшем ей несколько игривый вид.

— А-а, это вы, инспектор. — Она лениво протянула ему руку, затем удостоила взглядом Мэри. — Сержант Мэри, не так ли?

Мэри кивнула.

— Что ж! Похоже, у всех у нас необычные имена. Какое невероятное совпадение, вы не находите? А кто этот великан?

— Это Браун-Хоррокс из Лиги детективов, мисс Вавум, и формально он великаном не является. Зато он большой ваш поклонник.

— О, Браун-Хоррокс, — проворковала Лола, — вы действительно мой самый большой поклонник!

— Пльщщнн.

В её присутствии Браун-Хоррокс совершенно лишился дара речи.

— Может, войдете?

Она скрылась внутри, не дожидаясь ответа, и все последовали за ней. В квартире пахло лавандой, а на стенах висели черно-белые снимки Лолы в молодости вместе со звездами экрана и сцены семидесятых — девяностых годов.

— Вы, смотрю, вращались в лучшем обществе, — заметил Джек, указывая на её фото с Джорджем Порджа.

Лола опустила жалюзи на одном из окон и визгливо рассмеялась.

— В молодости. Он был очаровательным мужчиной, инспектор. Когда ищешь обаятельных мужчин, способных питать уважение к даме, стараешься не обращать внимания на тёмные стороны их биографии. Джентльменов, подобных Джорджем, больше просто не существует — по любую сторону закона.

Комнату большей частью освещали настольные лампы. Стены кое-где были затянуты драпировками, и повсюду маячили памятные вещи из краткой, но блестящей кинокарьеры Лолы. На каминной полке, занимая самое почетное место среди впечатляющего собрания наград, стоял «Мильтон». Лола улеглась в шезлонг и указала остальным на кресла напротив.

— Прошу вас.

Гости сели.

— Пара вопросов, мисс Вавум, если не возражаете.

— Вовсе нет. Правда, я надеялась, что вы приведете с собой того симпатичного констебля... Чем могу помочь?

— Нам хотелось бы узнать побольше о Шалтае-Болтае — и его женщинах.

Лола возвела очи горе и склонила голову на плечо.

— Он был верен своей первой жене.

— Люсинде Маффет-Болтай?

— Да. Он никак не мог примириться с её смертью. Она разбилась на машине, когда он сидел в тюрьме. По-моему, Шалтай так себя и не простил. Он часто повторял, мол, будь он рядом, все бы обошлось. — Лола вздохнула. — Что бы там ни рассказывала вам его вторая жена, они никогда не были особенно близки. Повторной женитьбой Болтай надеялся хотя бы отчасти вернуть себе ту стабильность, которой наслаждался с Люсиндой, и, возможно, толику потерянных денег: как я понимаю, Лора Гарибальди — настоящий денежный мешок.

— Точнее, была им.

— Извините. Ужасно, правда? Как бы то ни было, это ему не помогло. Не прошло и полугода после его второй свадьбы, как я стала замечать, что он водит к себе девушек. Думаю, он не хотел расстраивать Лору, просто любил женщин. Он был весьма импозантным мужчиной, инспектор, умным, очаровательным и эрудированным.

— А что вы скажете, если я сообщу вам, что мистер Болтай снова женился?

Лола была шокирована.

— Шалтай? Снова женился? Я-то думала, последнего урока ему хватило.

— Вы знакомы с ней?

— Нет, я говорила о втором его браке. Он надеялся на счастье, как и в первый раз. Боюсь, его ждало разочарование.

— Так ведь всегда бывает при многочисленных браках, — сказал Джек. — Вечно уповаешь, что следующий окажется лучше первого.

Лола поморщилась. Джек явно наступил на большую мозоль. Она недобро зыркнула на него, затем встала и подошла к пианино.

— Когда раздавали тактичность, инспектор Шпротт, вы явно стояли в самом хвосте очереди. Я шестнадцать раз была замужем. И как вы и сказали, вечно ждала совершенства. Первый мой муж был водопроводчиком из Вантуза. Мы поженились, когда я ещё работала за прилавком косметического магазинчика. Он дал мне больше, чем граф

Санбери. А этот жалкий ублюдок только один раз подарил мне украшение со стразами и наградил триппером. Я до сих пор могла бы называться леди, стоило только захотеть, но тогда пришлось бы носить фамилию Санбери, а кому охота, чтобы его хоть как-то связывали с Санбери? Он был моим пятым мужем. Мы прожили в браке почти восемь месяцев, и после развода я поклялась никогда больше не выходить замуж.

Джек, Мэри и Браун-Хоррокс молчали, поэтому она продолжила:

— Потом я познакомилась с Люком. С ним было так весело. Молодой и беспечный, забавный и общительный, он был идеальным мужчиной.

— И что случилось? — спросила Мэри.

— Я вышла замуж за его брата. Играли двойную свадьбу, и в церкви случилась путаница. Мы развелись как можно скорее.

— А что, брак нельзя было аннулировать? — спросила Мэри. — Если он не был осуществлен, то...

Лола мрачным взглядом заставила её умолкнуть.

— Слишком велик был соблазн. Ведь неожиданный вариант мог оказаться лучше, но по здравом размышлении я предпочла Люка. Беда заключалась в том, что наутро он влюбился в свою случайную невесту. Они уехали в Лландудно и открыли рыбный магазин. Затем был Томас Принг. В начале ухаживания он преподнёс мне огромный бриллиант — легендарный алмаз Принга. Меня предупреждали о проклятии, которое лежало на этом алмазе, но я не стала слушать, и мы поженились.

Она подняла шейкер для коктейля.

— Как насчёт промочить горло?

Полицейские отказались. Звезда пожала плечами и налила себе martini.

— И тогда явилось проклятие Принга.

— И чем оно оказалось?

— Мистером Прингом. Вот уж свинья! Он стриг ногти в постели и редко мылся. Я развелась с ним по акту сорок седьмого года о личной гигиене.

Она снова опустила в шезлонг.

— Однако я разболталась! А вы, наверное, заняты. Чем ещё могу вам помочь?

— Разве что вспомните какую-нибудь из девушек Болтая, которая нравилась бы ему настолько, чтобы на ней жениться.

— Извините, понятия не имею.

Джек встал.

— Что же, думаю, пока хватит.

— Пока?

— Вы не против, если я ещё раз вас побеспокою, когда возникнут новые вопросы?

— Конечно нет!

— Хорошо. Ещё один вопросик. Не распишетесь ли на блокноте Браун-Хоррокса? Насколько я знаю, он хотел взять у вас автограф.

Они поблагодарили актрису и ушли. Как только за посетителями закрылась дверь, Лола встревоженно поднесла руку к лицу, быстро подошла к окну и подняла жалюзи. Затем схватила трубку телефона.

— Это Лола, — сказала она. — Он подозревает.

Глава 39

Красный «форд-зефир»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА ЛОЖНОГО СЛЕДА НЕОБХОДИМО КОНТРОЛИРОВАТЬ

Вульгарная заячья петля и надоевший сюжетный тупик загонят детектив в болото, если в этом году вступит в силу билль «О ложном следе». Противоречивый новый закон создан группой читателей и не может похвастаться обилием сторонников в Лиге детективов. Члены Лиги утверждают, что «проблем никаких нет» и что внутренних правил, выработанных в 1904 году, «более чем достаточно». «Мы немного просим, — объясняет представитель двадцатимиллионного лобби читателей «Техвахт», — мы просто хотим читать настоящие детективы, а не рутинный хлам, приправленный совершеннейшей чепухой». Билль последовал за успешно утвержденным в прошлом году так называемым актом «неожиданного убийцы», который запретил публикацию расследований, где убийца внезапно возникает за две страницы до конца, ни разу не будучи упомянутым до того в тексте из более чем ста тысяч слов.

«Сова», октябрь 1979 г.

Пемзс-Виллас находился всего в десяти минутах ходьбы от Редингского полицейского управления, и по возвращении Шпротта и компанию ждали новости.

— Нам только что позвонил аноним с информацией по машине Болтая, — сказала Гретель Джеку, глядя на Браун-Хоррокса.

— Кто?

— Не представился. Мужчина, звонил из телефонной будки в Чарвиле. Передал информацию и повесил трубку.

— Ну, хоть какая-то зацепка наконец.

Они столпились у карты Рединга и всего округа, которую пришлось повесить боком — иначе она никак не уместилась на крошечном участке

стены.

— Говорят, она находится где-то... — бормотала Гретель, изучая нацарапанный на обрывке бумаги адрес, и наконец, ткнув пальцем в зловеще близкую к Андерсеновскому лесу точку на карте, заявила: — Здесь.

Джек посмотрел на указанное Гретель место. Куда ни кинь, на целую милю вокруг не наблюдалось ни единого дома.

— Ладно. Мы с Мэри поедem туда, а вы проверьте всех владельцев ближайших строений — вдруг найдem какую-нибудь связь.

Перекресток, на котором им велели искать «форд-зефир», располагался в сельской местности к западу от города, на ближайшем холме темнел Андерсеновский лес. Одинокий облупленный дорожный указатель уныло торчал у дороги, и, куда ни глянь, не просматривалось никаких признаков жилья. После городской суеты последних дней сельская тишина казалась сущим блаженством. Рев магистрали М4 превратился в далекий тихий гул, и дождь вдруг перестал.

Они остановили машину и вышли. Браун-Хоррокс сумел втиснуться на пассажирское сиденье, но маленькая машина не годилась для его огромного тела, и бедняга всю дорогу затыкал коленями уши.

— Когда же вы заберете из мастерской свой «роллс-ройс»? — спросил он. — Невысокого я мнения об их работе.

— На той неделе, — отмахнулся Джек, надевая плащ, поскольку ветер был сильный. Он посмотрел на пустую дорогу. — Что-то я не вижу никакой машины.

— «Утка»? — предположила Мэри.

— Возможно. Но давайте проверим. Вы идете по той дороге, я — по этой. По пути высматривайте автомобиль.

— Слушайте, вы алкоголик или вылечившийся алкоголик?

— Бывший... но иногда срываюсь, — сказал Джек, попытавшись дать максимально удобный для Лиги ответ.

— Хорошо, — отозвался Браун-Хоррокс, делая очередную пометку.

Машину обнаружила Мэри: среди поля, почти заросший ежевикой, стоял еле живой сборно-разборный металлический барак. Мэри подозвала Джека, открыла дверь и вошла. Дверь покосилась и заперлась на ржавый засов, забитый деревянным кольшком от палатки. Джек осторожно вытащил кольшек, и дверь распахнулась сама. Внутри было сухо, полом служила плотно утоптанная земля. Оплетавшие барак плети ежевики закрывали дыры в ржавой крыше и начали уже заползать внутрь. Посередине барака стоял чистенький и новенький с виду «зефир». Мэри

осторожно подергала дверь.

— Заперта.

— У него не нашли ключей от машины, — сказал Джек. — Посмотрите в выхлопной трубе.

Мэри пошла к задней части машины, а Джек сложил руки домиком и заглянул в окно.

Водительское кресло было приспособлено для необычных форм Болтая. Оно больше напоминало мягкую подставку для яйца с высокой спинкой. Педали были специально удлинены для его коротких ножек, а рычаг передачи был сделан так, чтобы хозяин дотягивался до него своей короткой ручкой.

— Нашла! — крикнула Мэри, показывая связку ключей.

Она вставила ключ в скважину и повернула. Затем надавила на ручку и открыла дверь.

— Бежим!!! — заорал Джек, со всех ног вылетая из псевдогаража и надеясь, что Мэри и Браун-Хоррокс последуют за ним.

Он успел домчаться до середины дороги, когда машина рванула. Сначала он не услышал звука, просто ударная волна невидимой рукой сбила его с ног и швырнула в воздух, перебросив через живую ограду по другую сторону дороги, где он так приложился о землю, что аж воздух из лёгких вышибло. Джек прикрыл голову руками, и тут на него обрушился град мусора, а прямо перед носом упал кусок ржавого железа. В ушах звенело, все другие звуки исчезли. Инспектор поднялся на ноги, убедился, что не ранен, и сбросил с себя прожженный плащ. Останки машины пылали, вся дорога была усыпана обломками. Кроме ссадины на скуле, полученной при падении, других повреждений на нём не было.

— Вы в порядке? — спросил он Мэри, которая приземлилась шагах в пяти от него.

— Да вроде бы, — ответила та, отряхиваясь.

И только когда у Джека в голове немного прояснилось, он понял, что кое-кого не хватает.

— Браун-Хоррокс? — позвал он, высматривая на дороге хоть какие-то признаки жизни. — Браун-Хоррокс! — ещё раз позвал он, прибавив голосу, и бросился бегом к развороченному гаражу.

В груди зашевелилось нехорошее чувство. Наблюдателя из Лиги не было нигде, а машина выглядела так, словно её пытались надуть с помощью пневматического рукава. Крыша лопнула, двери снесло.

— БРАУН-ХОРРОКС!!! — завопил Джек, оглядывая место взрыва в надежде обнаружить хоть какой-то намек на то, что случилось с их

спутником.

— Где он? — спросила подбежавшая Мэри.

— Не знаю. Чёрт! Наблюдатель из Лиги погиб! Да ещё и великан! Меня в участке живьём съедят!

— Во мне шесть футов девять дюймов, — послышался сзади негодующий голос. — Я не великан!

Они обернулись и увидели Браун-Хоррокса, который, спотыкаясь, выбирался на дорогу. Его отшвырнуло в противоположную сторону, в кювет, полный жидкой грязи.

— Слава богу, — выдохнул Джек. — Повернитесь, пожалуйста.

Тот послушно затоптался на месте, и товарищи осмотрели его. Кроме опаленных кое-где волос, нескольких ссадин и синяков, никакого урона представитель Лиги не понес.

— Вы, наверное, позвоните завтра узнать, как идут дела?

— Нет уж, — решительно заявил Браун-Хоррокс. — Мне очень интересно, чем всё это кончится.

Джек потрянул свой мобильник, и оттуда что-то выпало.

— Сдох. Где ваш, Мэри?

— В машине.

Они вернулись к «аллегро» и обнаружили на капоте вмятину. Осколок пробил обшивку двери, словно арбалетная стрела.

— Посмотрите, что они сделали с моей машиной! — воскликнул Джек.

— Неужели нас пытались убить? — ахнула Мэри.

Её мобильник поймал сигнал.

— Похоже на то, — отозвался Джек, открывая дверь и садясь за руль.

Мэри дозвонилась до ОСП и велела Эшли поставить у дороги полицейское оцепление и вызвать на место происшествия пожарную и саперную команды. Затем она отключила мобильник и села на капот.

— Я обязана вам жизнью, сэр. Как вы узнали, что машина заминирована?

Джек провел рукой по волосам и выгреб из них какой-то мусор.

— Рычажок внутреннего освещения был опущен, и от него под дверь уходил провод. Может, это ничего и не значило, но я не захотел рисковать.

— Должна признаться, я очень этому рада.

— И я тоже, — поддержал её Браун-Хоррокс, сделав очередную пометку в своем грязном и обожжённом блокноте.

* * *

— Около двух фунтов мощной взрывчатки, — сказал Ли Бомглер, молодой майор из саперного взвода, — и взрыватель с небольшим замедлением. Через пару дней скажем вам, что за взрывчатка была использована, но, боюсь, больше ничего. Такие штуки сделать несложно — куда труднее добыть взрывчатку, но, когда мы выясним, что это за вещество, область поиска изрядно сузится. Вам повезло.

Они стояли на дороге среди нескольких армейских машин цвета хаки. Пока саперы обследовали место происшествия, район оцепили.

Джек поблагодарил майора и направился туда, где медик осматривал Мэри.

— Если пули полетели, значит, вы уже у цели, — процитировала Мэри армейскую мудрость.

— Да, — согласился Джек. — Но у какой именно?

— А вы разве не знаете? — удивился Браун-Хоррокс.

— Конечно, это риторический вопрос, — торопливо поправился Джек. — Я просто жду, когда они... сделают ошибку. Тут мы их и накроем.

— Понятно, — хмыкнул Браун-Хоррокс, явно не поверив ни единому слову Джека. — И сколько же покушений вы должны пережить до того, как они сделают ошибку?

— Все под контролем, сэр, — неуверенно заверил его Джек.

— Надеюсь. Кстати, сколько великанов вы действительно убили? Я спрашиваю лишь из любопытства и инстинкта самосохранения, ну, вы понимаете.

— Формально только одного, — вздохнул Джек. — Остальные трое были очень высокими людьми.

— Убийство одного великана ещё можно рассматривать как несчастное стечение обстоятельств, — медленно проговорил Браун-Хоррокс. — Но убийство четверых — это уже неосмотрительность.

— Я был оправдан по всем случаям.

— Конечно, — кивнул представитель Лиги и сделал ещё одну пометку в блокноте.

— Сэр, — окликнула шефа Мэри, бродившая вокруг в поисках вещественных доказательств, которые могли находиться в машине Шалтая.

Удивительно, как много всего сохранилось: взрывы — твари импульсивные. Большая часть обломков не представляла интереса. Кусок упаковки от птичьего корма, пара обугленных страниц из «Крота» за

прошлую неделю, остатки руководства по обслуживанию «зефира». Но одна деталь привлекла особое внимание Джека. Это был обрывок рекламы Горингского музея ноги. Джек и Мэри переглянулись, и девушка позвонила в офис, чтобы спросить Бейкера, не знает ли он чего-нибудь об этом музее. Некоторое время она внимательно слушала, затем отключила мобильник.

— Ну? — спросил Джек.

— Вы знаете дорогу в Горинг, сэр?

— Конечно. А вы не скажете мне зачем?

— Томас Томм работал там лаборантом. Именно эту работу добыл ему Болтай.

— Вот этого-то мы и ждали, — произнёс Джек в манере Звонна.

Браун-Хоррокс вскинул бровь, но ничем иным себя не выдал.

— Поеду сзади, — решил он. — В конце концов, я всего лишь наблюдатель.

И, извиваясь, втиснулся на заднее сиденье.

Глава 40

Горингский музей ноги

Нога, несомненно, является замечательной инженерной конструкцией. Она дала человечеству свободу передвижения на двух, а не на четырёх конечностях и таким образом позволила развить использование рук. Без ног у нас не было бы рук.

ПРОФЕССОР ПРЕАПЛЮСНУС
«Лекции о ноге»

Джек только однажды ездил в Музей ноги — когда учился в школе. Это было самое скучное событие учебного года. Впрочем, посещение Суиндонского музея заклепки или Бракнелловской коллекции дверных пружин было лишь немногим веселее. Музей являлся ещё одним наследием империи Пемзсов и представлял собой внушительное сооружение в греческом стиле. Хотя его с обеих сторон стискивали ресторанчик быстрого питания и супермаркет, здание музея почти не утратило импозантного великолепия.

Их встретил седовласый джентльмен лет шестидесяти. Он очень горбился и передвигался с трудом, опираясь на палочку. Ему приходилось смотреть на них искоса, поскольку его подбородок почти упирался в грудь.

— Профессор Предплюснус? Я инспектор Шпротт из отдела сказочных преступлений, Редингское полицейское управление. Это сержант Мэри Мэри.

— Я всё равно не запомню. Буду называть вас просто Рональд и Нэнси. А это кто?

— Это мистер Браун-Хоррокс из Лиги выдающихся детективов.

— А-а. Тоже будете Рональдом. Вы не слишком-то спешили.

Его низкий сиплый голос дребезжал, будто наперстки на стиральной доске.

— Прошу прощения? — переспросил Джек, не уверенный, что верно понял.

— Вы, парни, похоже, ничем не интересуетесь. У меня тут пара таких болталась вокруг месяца три назад, сразу после кражи. Рональд и... э-э... Рональд, кажется, так их звали. Пообещали провести расследование — и

все. Я называю это неудачной попыткой.

— Мы здесь не по поводу кражи, сэр.

Профессор, похоже, не слушал. Он повел их за собой вдоль длинного ряда витрин со всякими ножными экспонатами. Интерьер музея был старым и пыльным — точно таким, каким Джек помнил его со школьных времен: окна в свинцовых переплётах заросли грязью, плиты пола за три четверти века вытерлись от шарканья усталых ног. Предплюснус провел их в дверь с надписью «Посторонним вход запрещен», за которой обнаружилась вполне современная лаборатория. Вдоль стен тянулись полки, уставленные банками, в большинстве которых находились заформалиненные образцы ножных болячек.

— Что это? — спросил Джек, указывая на заключенную в стеклянный куб акрилово-полипропиленовую ногу в стоптанном кроссовке.

Предмет опрыскивали какой-то вонючей жидкостью.

— Наш испытательный стенд. Я зову его Майклом. Его можно запрограммировать на любую походку. Мы даже научились, — оживился профессор, — симулировать плоскостопие для исследования, какой тип обуви лучше всего подойдет в данном случае. Майкл выделяет питательный раствор, и мы можем потом исследовать бактерии, которые размножаются между пальцами. Не хотите ли посмотреть?

— Нет, спасибо, — быстро ответил Джек.

Профессор Предплюснус фыркнул, затем прошаркал к стене комнаты и сдвинул в сторону дверь большого стеклянного бокса. Замок был сломан. Внутри пустого бокса находилась большая ватная подушка величиной с камеру шины. На одной стороне бокса крепились датчики, которые контролировали температуру и влажность. Джек сморщил нос от наполнившего воздух сырного запаха. Предплюснус направил раздраженный перст на пустой бокс, словно каким-то магическим образом они могли вернуть ему собственность прямо сейчас.

— Простите, сэр, — сказал Джек, — мне неизвестны никакие подробности взлома. Мы расследуем несколько убийств в районе Рединга и надеемся на вашу помощь.

Предплюснус с подозрением взглянул на детективов.

— Убийства? И при чем тут Музей ноги?

— Томас Томм, профессор, — сказала Мэри. — Насколько мы знаем, он тут работал.

— Имена ничего для меня не значат, Нэнси.

— Он работал лаборантом по поручительству мистера Болтая. Вы могли знать его как... Рональда.

— Ну почему вы сразу не сказали? Да, я прекрасно помню Рона. Он был лаборантом у доктора Карбункула. Уволился почти год назад.

— Доктор Карбункул? — переспросил Джек, делая заметку. — Он здесь?

— Он раньше времени вышел на пенсию, — ответил Предплюснус. — Рон даже жил у него дома некоторое время, насколько я помню. Нэнси вам больше расскажет. НЭНСИ!

Он проревел это так громко, что Мэри с Джеком вздрогнули.

— Послышался тоненький голосок: «Иду!» — и появилась Нэнси. Она была примерно одних лет с Предплюснусом, но ни одного из его телесных недостатков у неё не наблюдалось. Юношеская походка, ярко-красные леггинсы, футболка с изображением ноги и кожаный пиджак. Она выглядела постаревшей фанаткой ноги.

— Нэнси, это Рональд и Нэнси. Они из полиции.

— Привет! — сказала Нэнси. — На самом деле меня зовут Фэй Богат.

Они представились друг другу, и Фэй ловко устроилась на одном из столов. Предплюснус смерил её неодобрительным взглядом.

— Вам доводилось встречаться с мистером Болтаем?

— Конечно. — Она чуть улыбнулась. — Он был приятелем доктора Карбункула и часто сюда приходил.

— О чем они говорили?

— Да так, о том о сем, по большей части о средствах ухода за ногами. Они были хорошими друзьями. Болтай жил у него дома.

— Болтай? У доктора Карбункула?

Фэй кивнула.

— Болтай посетовал, что вынужден съехать с квартиры. А Карбункул давно вдовел и жил в одиночестве на Андерсен-фарм, прямо на краю леса. Думаю, он пускал к себе жильцов ради компании.

Джек на мгновение задумался.

— Когда уволился доктор Карбункул?

— Три месяца назад. У нас была замечательная вечеринка. Болтай пришёл с высокой брюнеткой. Похоже, все специалисты по ножным недугам из центральных графств съехались тогда — Карбункул был весьма уважаем. Пемзс произнёс сердечную речь и наградил доктора Карбункула одной из своих прославленных «бронзовых ног» за беззаветную службу великому делу ухода за ногами.

— А взлом случился...

— Через два дня, — вызывающе ответила мисс Богат.

Профессор ожег её злобным взглядом.

— Эти два события никак не связаны! — объяснил Предплюснус. — Карбункул никогда бы не украл. Я почти тридцать лет его знаю!

Мисс Богат что-то пробормотала и уставилась в потолок. Похоже, спор длился не первый день. Джек снова посмотрел на сломанный шкаф, а Мэри заговорила с Фэй в надежде добыть ещё какую-нибудь информацию.

— Мне кажется, вы должны рассказать мне, что именно у вас украли, — сказал Джек.

— Здесь, — с гордостью сказал Предплюснус, — содержалась работа всей моей жизни. Тридцать лет назад я выделил её, потом выращивал, вскармливал, держал в тепле и сырости, защищал от паразитов, даже спас от урезания финансирования в семидесятых. Это была величайшая, колоссальнейшая бородавка в мире!

Он упал в ближайшее кресло, закрыл лицо руками и разрыдался.

— Бородавка? — повторил Джек. — Вы имеете в виду те самые грязные пупырышки, что растут на ногах? И все?

Предплюснус гневно воззрился на него.

— Это была необычная бородавка, Рональд. Геркулес был тридцатисемикилограммовым чемпионом! Самый большой и самый лучший на свете!

Оседлав любимого конька, профессор помолодел лет на двадцать.

— Он был мне как сын, которым меня обделила судьба. Единственной бородавкой, способной тягаться с ним, была жалкая крохотулька в двадцать три килограмма, принадлежавшая «Инститют дю пье»^[67] в Тулузе. Эрнан Лазо из Аргентины хвалился, будто у него есть особь в сорок семь килограммов, но оказалось, что это искусный муляж из папье-маше и гипса.

Джек снова посмотрел на взломанный шкаф, а Предплюснус продолжил:

— Геркулеса использовали в первую очередь для исследований. Доктор Карбункул работал с ним, когда ушёл на пенсию. Уверен, он занимался какой-то генетической инженерией. Экспериментировал с новыми вирусами супербородавки.

Внезапно дело начало обретать ужасающий смысл.

— Разве это не чрезвычайно опасно?

— Да нет, если эксперимент проводить по всем правилам. Как бы то ни было, ничего не вышло. Он работал над проектом почти два года, а потом заявил, что с него хватит, и ушёл на покой. Я пришёл на следующую неделю и увидел, что Геркулес исчез. Это единственный ценный результат его исследований. Без поддержания нужного тепла и влажности он

высохнет и умрет. И мне кажется, Рон — можно называть вас Роном? — что даже вы способны оценить бесполезность мертвой бородавки.

— Конечно, — встревоженно сказал Джек. — Мне нужен адрес доктора Карбункула.

Предплюснус схватил Джека за локоть, притянул его к себе и прошептал:

— Вы ведь найдёте Геркулеса, правда?

— Разумеется, — ответил Джек. — Он ведь был вам как сын.

* * *

По пути через Андерсеновский лес к дому доктора Карбункула Джек, Мэри и испытывающий все большее неудобство Браун-Хоррокс увидели громадную вереницу машин, направляющихся в город. Едва пробило десять, а открытие Джеллименом Центра Священного Гонго планировалось не раньше чем в полдень. После этого высокий гость отправится в торжественную поездку по городу, лично откроет несколько больниц и домов престарелых, встретится с членами общества, а затем даст ужин в здании «Квантекса», куда приглашены мэр и весь высший свет города, среди прочих — Пемзс, Гранди и Звонн.

— Ключ к разгадке — Геркулес, — сказал Джек, пока они неслись по дороге. — По-моему, я раскусил план Болтая. Только не знаю точно, каким образом он собирался привести его в исполнение.

— А вам не кажется...

— Кажется, — мрачно ответил Джек.

— Серьёзно? — отозвался Браун-Хоррокс, скрючившийся в три погибели на заднем сиденье. — А как именно?

Глава 41

Доктор Горацио Карбункул

СЫЩИКИ ЛОМАЮТ ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ

Как стало известно, планы создания Национальной генетической базы данных могут быть положены под сукно, если поперек дороги станет Лига детективов. «Интеллектуальные методы раскрытия преступлений и так в последние годы применяются все реже, — сообщает член Лиги лорд Питер Флимси^[68] финансовому комитету Министерства внутренних дел (согласно просочившемуся в прессу письму), — и наш общий долг — защитить индустрию традиционных расследований от дальнейших невосполнимых потерь». Члены парламента сочувствуют Лиге, но мистер Пипеткинс из Федерации судебно-медицинских наук не столь доверчив. «Откровенно говоря, они ноют с тех пор, как успехи в области анализа ДНК сузили поле их деятельности». Представитель Лиги гневно отменил это обвинение. «Мы начали нить гораздо раньше, — сказал мистер Сэльдери Чистер на спешно собранной вчера вечером пресс-конференции, — а если и дальше позволять навязчивым и скучным в повествовательном отношении методикам просачиваться в детективный бизнес, мы рискуем стать свидетелями нежелательного смещения фабулы от собственно расследования к описанию судебного процесса — чего никто из нас не желает».

«Жаб», март 1997 г.

Андерсен-фарм представлял собой небольшой двухэтажный сельский дом из красного кирпича с черепичной крышей, огородом и несколькими подсобными строениями в разных стадиях разрушения. За домом виднелась пристройка с односкатной крышей и небольшие поля, где паслось около десятка тощих овец. Вот и вся ферма. В грязном загоне

стояла дряхлая соловая кобыла, которая при приближении «аллегро» честно вздернула голову, но, поскольку она была страшно близорука, машина показалась ей, наверное, ядовито-зелёным слоном. В холодном утреннем воздухе из ноздрей кобылы валил пар. Наверное, ей вспоминались старые добрые деньки, когда она носилась по полям с другими лошадьми, перепрыгивала через живые изгороди и галопом мчалась за чем-то, что её всадник хотел поймать, но почти никогда не догонял. Она посмотрела на медленно плывущего мимо зелёного слона и снова сонно положила голову на перекладину ворот.

Детективы въехали во двор и остановились у покосившегося амбара, в котором на кирпичках стоял «Остин-10». Нигде поблизости никакой другой машины не наблюдалось, и не похоже было, что дома кто-то есть. Когда они вышли, Мэри указала Джеку на лестницу, прислоненную к стене, — у её подножия валялась куча пустых банок из-под пива. Шалтай тут явно бывал.

Джек медленно подошёл и постучал в переднюю дверь. Ответа не последовало. Он постучал громче. Затем приставил ладони шторками к глазам, чтобы заглянуть сквозь стекло, но никаких признаков жизни не заметил. Джек знаком велел остальным следовать за ним и обошел дом сзади, направляясь к размещавшейся в пристройке кухне. Там он снова постучал, затем подергал ручку двери. Дверь была заперта.

— Не подадите ли мне вон ту трость? — попросил Джек.

Браун-Хоррокс вскинул брови и что-то записал в блокноте, а Мэри протянула начальнику трость. Несколькими точными ударами Джек разнес окно, и мирную сельскую тишину разорвал звон осыпающегося стекла. Шпротт залез в кухню, проверил заднюю дверь на предмет ловушек, затем впустил остальных внутрь.

— Ваши действия весьма сомнительны, — предупредила Мэри. — Всё, что мы здесь найдём и захотим использовать в качестве доказательств, не будет принято во внимание.

— Я пытаюсь предотвратить серьёзное преступление, — отрезал Джек. — А о судебной процедуре подумаем потом.

Полицейские вошли в гостиную и чуть не дали тягу от страха, когда на них зашипела и сердито хлопала крыльями большая и очень злая гусыня. Они попятились, а птица уселась на диван, продолжая злобно шипеть на них. Пол был покрыт гусиным пометом.

— Гусыня?

— Теперь понятно, откуда взялся помет в офисе Болтая.

— Да, но почему в доме-то?

Пока они пялились на неё в полумраке, гусыня принялась устраиваться поудобнее, и в гнезде, под которое она себе облюбовала диван, вдруг что-то блеснуло. Мэри засучила рукав и подалась вперёд. Гусыня раскрыла клюв и зашипела на нахалку, но Мэри защёлкала языком и очень мягко просунула руку под птицу. Джек взглянул на часы. Ему редко приходилось общаться с домашними животными. В основном он сталкивался с ними тогда, когда они красовались в пластиковой упаковке на полках в «Теско» или возлежали на блюде в окружении печеной картошки и морковки.

Мэри вынула руку, и яйцо ярко засверкало в полутемной гостиной. Девушка торжествующе улыбнулась и передала яйцо Джеку. Оно было на удивление тяжелым и все ещё теплым.

— Значит, вот откуда он брал золото, — проговорил Джек. — Я мог бы и догадаться. Дровосеки нашли гусыню, но им не хватило ума помалкивать о ней. Том Томм жил здесь. Он услышал о гусыне, выследил их в лесу, его охватила жадность — и вот...

В комнате больше ничего не было, и взгляд Джека остановился на уходящей вверх лестнице. Детектив стал осторожно подниматься по ней, пока не оказался в верхнем коридоре. По полу тянулась узкая ковровая дорожка, по обе стороны от неё шёл голый паркет. В дальнем конце виднелось застекленное окно. Двери направо и налево вели в спальни. В первой они нашли кучу химического оборудования: реторты, грязные мензурки и подставки с пробирками. В воздухе висел гнилостный запах разложившегося сыра, а в дальнем углу, на грязном диване в окружении трёх электрокаминов, под грязным одеялом свернулось нечто вроде ребенка. У них на глазах оно едва заметно шевельнулось, и Джек произнёс самым командным тоном, на какой только был способен:

— Полиция! Ты, под одеялом! Вылезай! Медленно!

Ответа не последовало. Тогда Джек подошёл и осторожно стянул одеяло. Но под ним оказался не ребёнок. Там лежало нечто, больше всего напоминавшее большую и очень гнилую корявую картофелину, только величиной с пару арбузов. От него распространился запах потных ног, и всех сразу же замутило.

— Что это? — пробормотал Джек, глядя на непрестанно подрагивающий загадочный предмет.

Он зажал нос и рот платком и протянул уже было руку, чтобы осторожно ткнуть странную штуку пальцем, но Мэри ухитрилась перехватить его. Шеф непонимающе посмотрел на неё, а она молча указала головой на предупреждение на стене:

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ! ВЫСШАЯ МЕРА ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ!

— Господи! — выдохнул Джек, радуясь, что Мэри успела его остановить. — Это же Геркулес, бородавка-чемпион профессора Предплюснуса! Вы только посмотрите на его размеры!

Мэри с умным видом кивнула и передала ему пустую бутылочку, лежавшую рядом на столе. Бутылочка была чистая, но на ней имелась этикетка, и Джек, содрогаясь от ужаса, прочел:

КОНЦЕНТРИРОВАННЫЕ СПОРЫ
ЖИВОЙ БОЮДАВКИ.
ДЛЯ МАКСИМАЛЬНОГО ЗАРАЖЕНИЯ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ДОБАВЛЯТЬ В СООТНОШЕНИИ
1:100 В РЕЗЕРВУАР РЕГУЛЯТОРА ВЛАЖНОСТИ

Рядом обнаружилась и ещё одна бутылочка, подтвердившая опасения Джека. Наклейка на ней гласила:

СУПЕРБОЮДАВКА: АНТИДОТ

Шалтай не преувеличивал, когда в подпитии хвастался, что через пару месяцев его акции будут стоить целое состояние. Если бы вспыхнула эпидемия бородавки, справиться с которой могли только Карбункул и Шалтай, они имели бы все шансы разбогатеть. За антидот они могли запросить сколько угодно. Продали бы лекарство компании «Пемзс», и акции Шалтая в империи средств лечения ножных болезней взлетели бы в цене в сотни раз по сравнению с тем, сколько он заплатил за них полгода назад.

— Звоните Бриггсу, — велел Джек. — Пусть свяжется с Центром контроля контактных инфекций и объявит Центр Священного Гонго «горячей» зоной. Пока отряд биологической защиты не проверит помещение, нечего и думать об открытии Центра Джеллименом.

— Что?! — воскликнула Мэри.

— Теперь все стало ясно. Разве вы не понимаете? Центр Священного Гонго — идеальное место для распространения вирусной бородавки. Воздушное кондиционирование и контроль влажности, к тому же из уважения к святыне все гости будут босиком! Простая бородавка уже достаточно неприятна, но такое чудовище может натворить что угодно.

— Профессор Хардиман ожидал сегодня около десяти тысяч посетителей и более миллиона в следующие полгода, — заметила Мэри, лихорадочно набирая номер.

— И каждый унесет домой ультразаразную супербородавку. Неудивительно, почему Шалтай был так уверен, что сможет выделить пятьдесят миллионов клинике Святого Церебраллума.

— Так кто же убил Болтая? — спросил мистер Браун-Хоррокс.

— А разве это не очевидно? — отозвался Джек. — Доктор Карбункул. Они были партнерами. Болтай покупает акции, а Карбункул выводит вирус. Но Карбункул пожадничал. Он убивает Болтая, чтобы забрать все акции себе. Винки пытается его шантажировать, поэтому Карбункул убивает и его. Тут мы слишком близко подбираемся к нему, и он устанавливает бомбу в «зефире». Умен, но недостаточно.

Браун-Хоррокс поставил несколько галочек и набросал ещё какую-то заметку.

— А на ком был женат Болтай?

Джек остановился и задумчиво потер подбородок.

— Пока не знаю. Но если мы найдём Карбункула, то найдём и её.

— Тогда, полагаю, можно вас поздравить, — сказал Браун-Хоррокс. — Буду откровенен: при первом знакомстве я подумал, что вы полный идиот. Но сейчас я счастлив присутствовать при завершении расследования, которое временами было весьма не простым.

— Ну, — скромно сказал Джек, — в какой-то момент мне показалось, что дело швах.

— Сэр, — сдавленно шепнула Мэри из коридора.

— Не сейчас, Мэри. Итак, мистер Браун-Хоррокс, как ваш отчёт?

— Я не имею права обсуждать его с вами, инспектор, но...

— Сэр!

— Извините, минуточку.

Джек вышел в коридор.

— Ну что там?

— Доктор Карбункул.

— Где?

Она ткнула большим пальцем в направлении второй спальни.

— Да там.

Джек глянул на Браун-Хоррокса, но тот, слава богу, был занят своими заметками. Детектив вошёл в спальню и замер. На полу лежал Карбункул с огнестрельной раной в груди.

— Чёрт! Вы уверены, что это он?

— Полностью. Посмотрите на фото.

Он сравнил лицо убитого со снимком, который дал им профессор Предплюснус. Ошибки быть не могло.

— Проклятье! А я минуту назад заявил Браун-Хорроксу, что это Карбункул убил Шалтая!

— Проблемы? — спросил Браун-Хоррокс, которому стало любопытно, о чём они там говорят.

— Да не то чтобы, — сказал Джек. — Просто я, похоже, немного поторопился с выводами.

— Насчет Карбункула?

Не имело смысла запираяться, так что Джек плюнул на перспективу вступления в Лигу и как следует осмотрел дом. В комнате, где они обнаружили Карбункула, стояла также и кровать Шалтая — большой диван с овальной вмятиной посередине. Вокруг валялись журналы, множество номеров «Жаб-финанс» и несколько проспектов с призывами помочь делу перестройки больницы Св. Церебраллума. Джек сбросил матрас на пол и обнаружил под ним несколько любовных писем от Бесси Брукс, но больше ничего существенного. Он уныло поплелся наружу дожидаться коронеров и команду биологической защиты. Браун-Хоррокс что-то писал, а Мэри висела на телефоне. Джек все никак не мог успокоиться. Что-то он упустил. Но что?

Он посмотрел на небо, затянутое толстым слоем медленно ползущих облаков. Джек не помнил, когда в последний раз видел солнце. И тут на юге в облаках открылась маленькая щелочка, и оттуда ударил солнечный луч, теплый и манящий после долгой зимы и унылой весны. Яркий солнечный свет залил два поля вдалеке, чем напугал овец, забывших, что у них есть тени. Затем прореху в облаках затянуло, и кругом снова воцарился мягкий рассеянный свет.

И тут в голове у шефа ОСП словно что-то щёлкнуло.

— Он лгал нам, — тихо сказал сам себе Джек. — Он с самого начала лгал. У него имелся мотив, и не один. Какой же я дурак, что сразу не понял!

Он обернулся, выхватил у Мэри мобильник и торопливо набрал номер собственного отдела. Если он не ошибся, то теперь знал наверняка, кто убил Шалтая — и Карбункула.

* * *

Маленький «остин аллегро» мчался по узкой сельской дороге. Джек сидел на пассажирском месте, Мэри — за рулем, а на заднем сиденье сложился пополам Браун-Хоррокс. Несмотря на ошибочный вывод, он был решительно настроен досмотреть представление до конца, хотя бы из нездорового любопытства, что дальше станет делать Джек. Они покинули маленькое имение Карбункула, как только прибыл полицейский и взял ферму под охрану. Бриггс перезвонил Джеку и подтвердил, что Центр Священного Гонго оцеплен. «Звонн небось локти кусает, — думал Джек. — У него-то ни разу не бывало такого драматического момента, как угроза биологического заражения».

Ситуация на дороге была кошмарная. Нет, даже хуже. Весть о прибытии Джеллимена произвела магическое действие, и почти все население центральных графств вознамерилось попасть в Рединг, чтобы хоть одним глазком взглянуть на него.

— Думаю, подобное случается всегда, когда вы проверяете потенциальных членов Лиги, — сказал Джек, чтобы не молчать.

— Нет, — отозвался Браун-Хоррокс. — Должен признаться, для меня это совершенно новый опыт.

— Положительный или отрицательный?

— В своё время узнаете, — загадочно ответил наблюдатель.

Джек включил радио и с облегчением узнал, что Центр Священного Гонго закрыт до дальнейших указаний.

Зазвонил сотовый Мэри. Джек ответил:

— Инспектор Шпротт. — Несколько секунд он слушал. — Неужели? — Затем нажал кнопку «отключение звука». — Это Арнольд. Говорит, что у меня голос прямо как у вашего отца.

— Скажите ему, что я видеть его не желаю!

— Алло, Арнольд? Она тебе перезвонит.

Он отключил телефон и посмотрел на Браун-Хоррокса, который привычно вскинул бровь. Джек указал Мэри боковую улочку, которая, как он знал, здорово сократит им путь, и тут телефон снова зазвонил.

Это был Эшли.

— Подозреваемый дома, — отчитался он. — Мне звонил Бейкер. Когда они с Гретель постучали в парадную дверь, из верхнего окна донеслось несколько выстрелов.

— Все целы?

— Да. Я запросил вооружённое подкрепление, но все свободные силы направлены на охрану Джеллимена. Бриггс говорит, мол, раз нас освободили от охраны Центра Священного Гонго, мы должны справляться

сами.

— И как? Наставим на бяку пальчик и скажем «пиф-паф»? Пойдите к нему снова и передайте, что я его очень прошу.

— Есть, сэр. Миссис Сингх дозвонилась до вас? Они застряли в огромной пробке.

— Врубайте мигалку, Мэри, у нас мало времени.

Мэри включила сирену и шлёпнула на крышу «аллегро» магнитную мигалку. Джек вцепился в кресло, когда она въехала на тротуар и быстро обогнала увязшие в пробке машины.

— Миссис Сингх? — спросил Джек. — А что... ПОРЕБРИК!!!

Мэри едва успела выкрутить руль и свернула налево, на улицу с односторонним движением. Встречные машины перепуганно шарахались в стороны, пока она неслась посередине.

— Вы ещё на проводе, сэр? — спросил Эшли.

— Пока да. Не знаю, может и до лета доживу.

Джек вытянул ногу и нажал на воображаемый тормоз, когда Мэри на полной скорости проскочила на красный свет, промчалась по газону и через дырку в заборе влетела в Проспект-парк.

— Так что хотела сообщить миссис Сингх? — спросил Джек у Эшли.

— Она не сказала. Но подчеркнула, что это очень важно. Что-то насчёт Шалтая.

— Так. Ещё вопросы есть?

— Да. Арнольд нашёл Мэри?

Джек вцепился в ручку двери, когда Мэри поскакала по колдобинам парка, затем вынырнула с другой стороны, резко свернула налево, потом направо и перемахнула через горбатый мостик, при приземлении превратив восьмую часть дюйма поддона картера «аллегро» в фонтан искр. Браун-Хоррокс с глухим стуком врезался головой в крышу.

— Передайте миссис Сингх, что я перезвоню ей при первой возможности. Скажите Бейкеру, чтобы ждал нас... — он глянул на Мэри, — скоро. Как только Бриггсу удастся выделить нам подкрепление, сразу звоните.

Эшли ответил утвердительно и отключился.

Теперь они выезжали с другого конца города, в противоположном плотному потоку машин направлении, — всем хотелось хоть одним глазком взглянуть на Джеллимена. «Аллегро» набрал скорость, стрелка спидометра дрожала на восьмидесяти. Джек нервно поглядывал то на термометр (тот уже покраснел), то на Мэри, которая сосредоточилась на дороге. Он обернулся к Браун-Хорроксу, чтобы подбодрить его улыбкой, но тот

скорчился на заднем сиденье, мрачно глядя на дорогу перед собой. Через десять минут они подъехали к цели — к Касл-Пемзс.

Глава 42

Возвращение в Касл-Пемзс

КИСКА И СЫЧ^[69] ЖЕНЫТСЯ

После месяца напряжённых размышлений Сыч и Киска объявили о своем намерении вступить в брак во время следующего полнолуния. Эта свадьба обещает стать самой знаменитой церемонией года, и список гостей пока держится в секрете. Фанаты бесстрашной пары, чьи подвиги во время кругосветного плавания на «Голубом челноке» вошли в легенду, пришли от новости в восторг. «Это так круто!» — воскликнул один из множества фанатов, собравшихся вчера у ворот особняка Сыча. Пиар-агент четы в основном помалкивает. Он рассказал только, что основу свадебного пира составят мятные конфеты и ломтики ветчины, подаваемые с закусочной вилочкой. Хотя место проведения церемонии ещё не названо, фанаты утверждают, что, скорее всего, она развернётся на поляне в Лимонном лесу, а священником будет индюк.

«Слепень», август 1998 г.

Шины «аллегро» горестно застонали, когда Мэри резко свернула на подъездную дорожку к Касл-Пемзс, и загрохотали по полосам, на сей раз исполняя переложение «Иерусалима» для автомобильных покрышек в темпе *molto prestissimo*.^[70] Оставив позади заросли рододендронов, машина вдруг странно вздрогнула, нырнула в сторону, и одно из задних колес слетело. Какое-то мгновение оно дрожало на месте, а затем поскакало через лужайку, словно камушек по поверхности озера, и исчезло в оранжерее под звон разбитого стекла и треск разрываемой в клочья листвы.

— Приехали, — сказал Джек.

Машина плюхнулась на брюхо, поехала вбок и, грубо оборвав мелодию «Иерусалима» металлическим скрежетом, пропахала опрятный дорожный желобок и сползла на траву. Наконец она остановилась задом наперед. Мэри осторожно заглушила мотор.

— Заднее колесо отвалилось, — без особой необходимости объяснил

Джек в воцарившейся после резкой остановки тишине. — На этих машинах они — самое уязвимое место.

Браун-Хоррокс мрачно глянул на него и выбрался наружу.

— На самом деле у вас нет никакого старинного «роллс-ройса»?

Внезапно Джек почувствовал себя идиотом.

— Нет.

— Это ваша машина, не так ли?

Джек посмотрел на останки «аллегро». Старушка неплохо послужила ему, но громадные вмятины сзади на капоте и на крыше ясно показывали, что их сотрудничество закончилось.

— Да.

— И никаких проблем с алкоголем?

— Никаких.

— Чем ещё вы приукрасили ваше заявление в Лигу?

— У меня замечательная жена и пятеро ужасных детишек.

— А вы — вы тоже совершенно обычный человек, правда?

Наблюдатель обратился к Мэри, и та подпрыгнула, словно её ткнули стрекалом.

— У меня куча бывших бойфрендов, — с готовностью выпалила она.

— Мой начальник говорит на урду, — добавил Джек, пытаясь вновь обрести почву под ногами, — и может, если его подтолкнуть, сменить фамилию на Фёнготскилерни. И ещё он играет на тромбоне.

— Плохо играет, — заметил Браун-Хоррокс. — Он настоял, чтобы я его послушал, пока я просматривал ваше личное дело.

Он вздохнул и сунул блокнот под мышку.

— Вы действительно надеетесь попасть в Лигу, инспектор?

— Хотелось бы, — ответил Джек, — но дело в том, что я более двадцати лет разбирался с проблемами сказочных персонажей, да так ничего и не добился. По крайней мере, будь я в Лиге, служба уголовного преследования могла бы обратить на меня внимание и жертвы добились бы хоть какой-то справедливости. Дайте ОСП шанс — если захотите, конечно.

Браун-Хоррокс сдержанно кивнул, но ничего не сказал. Они оставили машину на траве и поспешили к парадному входу.

— Почему Пемзс, а не Гранди? — спросил наблюдатель, когда они миновали пруд в форме стопы. — У Пемзса репутация филантропа, а такое непросто переломить.

— Потому что он лгал. Он утверждал, будто виделся с Шалтаем только один раз в этом году — на благотворительном вечере компании. Но они оба присутствовали на вечеринке по поводу выхода на пенсию доктора

Карбункула. Более того, мы видели ящики препаратов для лечения ножных болезней на фабрике Пемзса. Это вовсе не нераспроданные остатки — это запас. Что может быть лучше для спасения его гибнущей империи, чем массовая вспышка заразной бородавки?

— Неплохо, — одобрительно заметил Браун-Хоррокс. — Тогда на ком же женился Болтай?

— А вот в этом, — пропыхтел Джек, когда они оказались в виду самого здания, — я до сих пор не уверен.

* * *

Гретель поджидала перед домом, притаившись за большим пальцем ноги, выполненным из розового мрамора. Он имел футов пятнадцать в поперечнике и покоился на чёрной мраморной плите. Это был дар его величества Сулеймана ибн-Дауда, знак благодарности первому лорду Пемзсу за избавление Сулейманова королевства от особо заразного грибка в 1878 году. Джек огляделся по сторонам.

— А где Бейкер?

Гретель явно нервничала.

— Он вошёл внутрь. Я пыталась остановить его, но он заявил, что подкрепления неделю не дождёшься, а в доме наверняка есть слуги, которых надо немедленно оттуда эвакуировать. Он ещё сказал, что ему всё равно, потому как у него опухоль мозга и он, мол, и недели не протянет.

— Это правда? — поинтересовался Браун-Хоррокс.

— Да нет, — ответил Джек. — Бейкер ипохондрик. Он поступил к нам в отдел шесть лет назад и с тех пор постоянно твердит, что ему осталось жить два месяца. Он...

Приглушенный звук выстрела прервал Джека. Они выглянули из-за статуи и уставились на парадную дверь. Она была распахнута настежь. Внутри никакого движения не наблюдалось.

— Позвоните в управление и вызовите судебных медиков, но не впускайте их, пока я не разрешу. И ещё прихватите с собой бронежилет.

Гретель бросилась к машине Бейкера, чтобы передать запрос Джека по радиации. Джек весь обратился в слух и наконец услышал то, чего ждал. Это был, несомненно, голос Бейкера. Констебль был ранен и стонал. Вернулась Гретель с бронежилетом. Жилет хорошо защищал от ножа, но мог остановить и пулю, если только она небольшого калибра, или выпущена из

недальнобойного оружия, или на низкой скорости. В идеале — сочетание всех трёх факторов.

— Вы ведь не пойдёте туда один, сэр? — спросила Мэри.

— Поскольку из-за приезда Джеллимена подкрепления не предвидится, то выбор у меня невелик.

— Но это против правил, сэр!

— Да, однако Бейкер ранен, а я не оставлю товарища в беде. Позвоню, как смогу.

Он взял у Мэри мобильник, отключил и сунул в нагрудный карман.

— Осторожнее, сэр.

Инспектор посмотрел на озабоченное лицо Мэри.

— Спасибо.

* * *

Джек осторожно приближался к экстравагантному зданию. Он понимал, что его решение идёт вразрез со всеми полицейскими процедурными рекомендациями, но внутри находился раненый полицейский, и Джек не мог сидеть сложа руки. Он нырнул за одного из гигантских бронзовых муравьедов и снова услышал крик Бейкера. Джек пробежал вперёд и осторожно вошёл в здание. Свет не горел, внутри было грязно, и где-то далеко кто-то играл на скрипке. Джек ждал, пока его глаза привыкнут к темноте, и тут сзади послышался вежливый кашель. Джек подскочил от неожиданности, обернулся и увидел... Ффинкворта.

— Доброе утро, инспектор, — торжественно произнёс дворецкий. — Надеюсь, ваше здоровье в порядке?

— Вам лучше покинуть здание, Ффинкворт. Лорд Пемзс вооружён и опасен. Я не хочу, чтобы пострадали мирные граждане.

Похоже, Ффинкворт рассердился, когда его обозвали «мирным гражданином». Какое-то мгновение он сверлил Джека злыми зелёными глазами.

— Что вы, сэр. Не думаю, что мне грозит хоть какая-то опасность со стороны его милости лорда Пемзса. Ффинкворты верно служили Пемзсам более ста лет, и я весьма сомневаюсь, чтобы лорд вынашивал в сердце планы разрушения столь благоприятного союза. А если я попаду под так называемый «перекрестный огонь», то, уверен, кевларовый панцирь меня защитит.

Он постучал себя по груди, и Джек увидел, что на дворецком и вправду надет бронезилет. Он спрятал улыбку. Ффинкворт бесстрастно смотрел прямо перед собой.

— Даже если и так, — ответил Джек, — мне кажется, вам лучше уйти.

— Всеми своё время, сэр. Не угодно ли стаканчик мадеры? По общему признанию, дом кажется куда лучше после глотка огненной воды.

— Нет, спасибо. Вы видели, как сюда входил ещё один полицейский?

— Конечно, сэр. Констебль Бейкер. Как я понимаю, он получил пулю в ногу. Рана довольно болезненна, но опасности для жизни нет. Это все, сэр?

— Где они?

— Его милость в Западной библиотеке. Мистер Бейкер с ним. Насколько я понимаю, его можно охарактеризовать как «удерживаемого в качестве заложника», сэр.

Джек окинул взглядом несколько коридоров, веером расходившихся от входа.

— Который ведёт в библиотеку?

— Извините, сэр, — надменно ответил Ффинкворт, — но я получил приказ не оказывать вам никакой помощи. Если же вам понадобится что-нибудь другое, звоните не стеснясь.

Он чопорно поклонился и исчез в люке, словно цирковой фокусник.

Джек огляделся и стал медленно подниматься по богато украшенной резьбой деревянной лестнице. Все ступеньки различались по глубине и высоте, так что не споткнуться на полированном дереве было трудно. Сосредоточенно глядя под ноги, он стукнулся головой о потолок. Лестница не вела никуда — верхний коридор оказался обманкой, нарисованной маслом на потолке. Джек вернулся в переднюю. Он пошёл по правому коридору и наугад распахнул дверь, за которой оказалась гостиная. Изысканную обстановку заливал яркий электрический свет, ставни были закрыты. В дальнем конце гостиной виднелась ещё одна дверь, поэтому Джек закрыл первую дверь и осторожно направился ко второй. Первый признак того, что все не так просто, Джек засек, когда внезапно потерял равновесие и упал. Мобильник Мэри выпал у него из нагрудного кармана, и не успел Джек его сцапать, как он вдруг пополз в ту сторону, откуда детектив только что пришёл. Телефон разогнался, нырнул под стол и с резким стуком врезался в дверь. Прежде чем Джек сообразил, что происходит, какая-то непреодолимая сила поволокла его в том же направлении. Он попытался встать, но снова упал и следом за «нокией» ударился о дверь, ободрав подбородок о ножку кресла, попавшегося по дороге. Он снова оказался на исходных позициях, однако лежал не на полу,

а на двери, словно притянутый магнитом. Джек схватил мобильник, встал на трясущиеся ноги и с удивлением обнаружил, что стоит на стене. Пол со стеной поменялись местами. Сердце неистово колотилось, а разум пытался хоть как-то разобраться в происходящем. Все вокруг снова накренилось, Джек опять упал и заскользил вверх по стене к лепному потолку, мимо двух ухмыляющихся гипсовых херувимов. В груди шевельнулась паника, но тут один апельсин из большой вазы с восковыми фруктами на столе снялся с места, приземлился на потолок и медленно покатился туда, где распластался на карнизе детектив. Джека мгновенно осенило: комната медленно вращалась. Стоило ему понять, в чем дело, как он сумел выпрямиться, спокойно прошагал по лепнине мимо люстры и спустился вниз по противоположной стене. Через пять минут, когда комната совершила полный оборот, он открыл дальнюю дверь и снова оказался в коридоре. Джек облегченно выдохнул и привалился к стене.

Музыка сделалась громче. Шпротт неторопливо двинулся на звук и, свернув за угол, увидел играющего на скрипке Ффинкворта.

— Здравствуйте, сэр, — сердечно приветствовал его дворецкий. — Вы ещё не нашли его милость?

— Нет!.. — выдохнул Джек, проводя трясущейся рукой по волосам. Он заметил на маленьком столике серебряный поднос с отвергнутой им мадерой. — Как вам это удалось?

— Сэр?

— Я имею в виду скрипку. Я же слышал её, когда разговаривал с вами в холле!

— Как вы, вероятно, уже сумели обнаружить, сэр, — сказал Ффинкворт, отвешивая поклон, — Касл-Пемзс редко оказывается таков, каким выглядит. Обычные физические законы времени и движения обходят стороной его извилистые коридоры. Видите ли, сэр, Калигари действительно был гениален.

Он поднял поднос с мадерой и снова предложил её Джеку.

— Вы не передумали, сэр?

— Нет, спасибо, я...

— С вашего позволения, сэр, мне нужно работать. Если вы желаете узнать, где находится его милость, то на вашем месте я поискал бы в столовой. Она дальше по коридору слева.

Джек бросил взгляд в указанном направлении. Коридор казался бесконечным. Когда детектив снова обернулся, Ффинкворт уже исчез: небось нырнул в какой-нибудь потайной ход — это дьявольское место наверняка пронизано ими, словно муравейник. Какой-то звук заставил

Шпротта обернуться. Дальше по коридору, напротив бильярдного стола, привинченного к стене прямо с шарами из незаконченной партии, виднелись две большие двери. Одна из них чуть приоткрылась, и Джек подобрался. Затем медленно подошёл к ней и сунул голову внутрь. Там никого не было, и он вошёл.

Вероятно, эта комната служила чем-то вроде столовой. Украшавшая потолок затейливая лепнина в виде вереницы пирующих херувимчиков перекликалась с узором на темно-красном шелке обоев. В помещении царил громадный дубовый стол, окруженный двенадцатью креслами под стать. Над дверью за спиной у Джека висела картина, изображавшая снятие осады Мейфкинга.^[71] Напротив располагалось огромное зеркало, точно отражавшее всю обстановку — картину, стол и прочее. Детектив медленно пересек комнату и тут заметил такое, отчего внутри у него все похолодело. Комната отражалась целиком и полностью, лишь одного в ней не было — самого Джека. Пока он стоял и таращился в зеркало, пытаясь подвести под увиденное хоть какую-то логическую базу, там, в зеркале, отворилась дверь. Джек обернулся и увидел Ффинкворта со свежесполированными серебряными подсвечниками в руках. Он снова повернулся к зеркалу. Дворецкий вместе с подсвечниками там был, а вот его самого не было. Джек ощутил, как сердце сжала ледяная рука, а в горле пересохло.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь, сэр?

— Мое отражение, Ффинкворт, где оно? — пролепетал Джек, чувствуя, как страх сдавил грудь.

— Думаю, в зеркале, сэр.

Ффинкворт встал рядом с Джеком и поднял руку. Отражение проделало то же самое, но оно было единственным в этом огромном зеркальном изображении комнаты.

— Разве вы не видите себя, сэр? — с невыносимым спокойствием спросил Ффинкворт.

— Нет, чёрт побери! — взорвался Джек. — Что здесь творится?

— Мне жаль, сэр, но я понятия не имею. По мне, так зеркало совершенно обыкновенное.

Джек подошёл ближе, голос его понизился до рыка.

— Послушайте, вы...

— Мне было велено попросить вас отдать мобильный телефон.

— Что?

— Это пожелание его милости. Он передает вам, что ответит на ваши вопросы и отпустит констебля Бейкера, если вы отдадите указанный предмет.

Ффинкворт бесстрастно смотрел прямо перед собой, и Джек неохотно протянул ему мобильник Мэри.

— Благодарю вас, Ффинкворт. Это все.

Джек сразу же узнал голос Рэндольфа Пемзса, кроме того, он увидел его в зеркале. Пемзс стоял, прислонившись к дверному косяку под картиной о взятии Мейфкинга. Джек обернулся к нему, но Рэндольфа в комнате не оказалось. Пемзс, как и Джек, имел место только по одну сторону зеркала — но по другую.

Шпротт снова повернулся к зеркалу, а Рэндольф ухмыльнулся при виде его растерянности и подошёл к тому месту, где следовало находиться зеркальному двойнику Джека, заставив инспектора нервно взирать на отражение, которое ему не принадлежало.

— Привет, Джек, — весело сказал Рэндольф. — Мои дела не слишком хороши, верно?

— Что здесь происходит?

Пемзс рассмеялся.

— В Касл-Пемзс редко что оказывается таким, каким выглядит. — Он с восхищением огляделся по сторонам. — Калигари действительно был гениален.

— Где Бейкер?

— С ним всё в порядке. Ему ничто не угрожает.

— Рэндольф Пемзс, вы арестованы за убийство Шалтая-Болтая, Уильяма Винки и доктора Карбункула. Вы имеете право хранить молчание. Но это может...

Пемзс снова рассмеялся.

— Ну и хватка у вас, Джек! У меня был терьер точно с таким же характером. И тоже Джек, Джек Расселл. Если во что вцепится, то уж не отпустит. Это меня восхищает. Мы с вами могли бы стать хорошими друзьями.

Он достал из кармана яблоко и надкусил.

— Комиссия Центра контроля контактных инфекций объявила Центр Священного Гонго и Андерсен-фарм зоной биологической опасности категории «А», — сказал Джек. — Даже без всяких убийств вам светит пожизненный срок за преднамеренное распространение заразной болезни. Почему бы не облегчить себе жизнь?

Пемзс улыбнулся.

— Я вряд ли сдамся, инспектор. По-моему, в тюрьме мне покажется не слишком уютно. Ффинкворта мне туда взять не позволят, а мысль о двадцатипятилетней отсидке без паштета, тетеревашины и шампанского или

любого другого из десятков маленьких излишеств, которые делают нашу жизнь сносной, меня определённо угнетает. Тюрьма — для маленьких людей, Джек. Я не намерен туда садиться.

— Зачем вы в это ввязались, Пемзс?

— Всё началось с того, — проговорил Рэндольф с непонятной улыбкой на губах, — что Том Томм приобрел гусыню. Он принес птицу Шалтаю — он обожал его, — а уж Шалтай измыслил всю эту аферу с доктором Карбункулом и со мной. Без наличных для покупки акций наша схема никогда не сработала бы, но возможные выгоды были настолько огромными, что Шалтай не смог устоять. Его вовсе не радовали убийства в Андерсеновском лесу, но он отчаянно хотел перестроить клинику Святого Церебраллума. Неудивительно: эта развалина почти сорок лет не давала ему спать. Не думаю, чтобы кто-нибудь из нас понимал, каково это — быть очень большим яйцом. Наверное, это ужасно.

Он на мгновение задумался, улыбнулся и продолжил:

— Когда Шалтай понял, каким могучим может оказаться Геркулес, у него душа в пятки ушла. Он по сути своей был хорошим человеком, и сердце у него к этому не лежало. Я больше месяца планировал избавиться от него.

— А доктор Карбункул?

— Он поддерживал «Пемзс» и ненавидел «Пан энд Пропалл», но убийство в его планы не входило. Как только вы начали расследование, он пораскинул мозгами и в результате собрался на меня наступать. Весьма печально. Он был блестящим учёным-ноговедом.

— А вы, Пемзс? Вы же предали все то хорошее, за что всегда боролась компания «Пемзс»! Зачем вы поставили всё это под удар?

Глаза Пемзса гневно сверкнули, и он стукнул кулаком по столу.

— Неужели вы не понимаете? Я пошёл на это, чтобы защитить все, чем славился «Пемзс». Мою фабрику, моих рабочих, Касл-Пемзс, Музей ноги, двести приютов, которым я ежегодно выделяю деньги. «Пан энд Пропалл» захапали бы всё это и распродали по частям! Они планировали превратить этот дом в парк развлечений! Парк развлечений! Я пошёл на это, чтобы остановить расползание разрушительной и эгоистичной деловой политики двадцать первого века! Скажите честно, Джек, какую компанию вы предпочитаете?

— Вашу.

— Сказано без раздумий! — торжествующе воскликнул Рэндольф. — Значит, вы согласны!

— Нет, если для этого нужно убивать.

Рэндольф воздел руки к небу.

— Убийство? — раздраженно сказал он. — Если мне и пришлось убить несколько человек, значит, такова цена. Нужды большинства перевешивают нужды немногих, мистер Шпротт. Вы работаете в полиции и прекрасно понимаете, о чём идёт речь. Дабы уголовное судопроизводство не буксовало, в тюрьму, как это ни прискорбно, иногда должны попадать невинные люди. Это нечестно, но так лучше для блага большинства. Эффективная система не может быть честной, а честная — эффективной. И с бизнесом то же самое. Ради получения прибыли и удовлетворения нужд общества некоторые люди, как ни печально это звучит, должны умереть. Приюты «Пемзс» дают кров тысячам престарелых, и живется им там куда лучше, чем в государственных домах. Как вы думаете, сколько жизней я спас? Десять? Сто? Тысячу? Если «Пемзс» рухнет, несчастные, которым я давал кров, окажутся выброшенными на улицу, и тогда умрет гораздо больше людей. Взгляните на вещи шире. — Он раскинул руки, словно охватывая и дом, и землю, и все остальное. — Разве я мог позволить всему этому погибнуть, мистер Шпротт?!

Глаза у Пемзса были совершенно безумными.

— Все равно непонятно, как вы собирались завладеть акциями Болтая.

Словно в ответ на это, дверь за спиной у Пемзса отворилась и вошла Лола Вавум в женском комбинезоне образца шестидесятых годов прошлого века. Джек оглянулся — он по-прежнему был в комнате один. Лола и Рэндольф существовали только по ту сторону зеркала.

— Привет, душка-инспектор, — проворковала Лола, обнимая Пемзса за талию. — Мне никогда не нравилась сама идея о привидениях, но для вас я бы сделала исключение.

Она рассмеялась, и Джек недоверчиво посмотрел на неё.

— Вы двое...

— Да, инспектор, — перебила его Лола. — Мы с Шалтаем были женаты. Его оказалось нетрудно к этому подтолкнуть, он ведь обожал меня. Мне полагалось унаследовать тридцать восемь процентов акций «Пемзс» после безвременной гибели супруга в «зефире», потом все подцепили бы инфекционную бородавку через Центр Священного Гонго, и не успели бы вы произнести «косолапость», как «Пемзс» снова оказался бы на высоте!

— Благодаря какой-то бородавке?

— Ну, это только начало, — возразил Пемзс. — Доктор Карбункул разрабатывал мозольную сыворотку для заражения водных ресурсов Британии. На начальной стадии производства чулочно-носочных изделий в них должны были вводиться споры грибка. Меньше чем через год, мистер

Шпротт, я мог бы скупить этих слюнявых псов из «Пан энд Пропалл» с потрохами. Я бы распродал все их имущество по частям, как они хотели поступить со мной, а затем вышвырнул бы всех тамошних шишек вон, предварительно пообещав перенанять их с повышением оклада. И вот тогда мы с Лолой могли бы снова пожениться.

— Снова?

— На самом деле, — проворковала Лола, — это будет уже пятый раз. Рэндольф был моим третьим, седьмым, десятым, пятнадцатым, а теперь станет восемнадцатым мужем. У нас нечто вроде романа с перерывами.

Парочка слилась в горячем поцелуе.

— А что скажете о Вилли-Винки? Он видел вас на Гримм-роуд.

— Мне кажется, мы достаточно поговорили, — отрезал Рэндольф. — Настало время пожелать друг другу доброго пути.

— Почему просто не сказать «до свидания»?

Рэндольф на мгновение задумался.

— Нет, лучше «доброго пути». Мой дед построил пневматическую железную дорогу, выходящую на поверхность за пределами имения. Там мы с Лолой сядем на мой «хорнет мот»^[72] и улетим в Европу. У меня есть друзья в Швейцарии, и мы прибудем в Женеву как раз вовремя, чтобы услышать о моей — и вашей — гибели в десятичасовом выпуске новостей. Вы, дом, ваш коллега наверху и, к сожалению, Ффинкворт погибнете от взрыва вот этой штучки.

Он открыл пластмассовую коробку для бутербродов и достал оттуда маленький треугольный сэндвич на картонной тарелочке. На двух уголках треугольника была прикреплена фольга. При помощи «крокодилов»^[73] Пемзс присоединил каждый из них к батарее, а потом к детонатору, помещенному между шестью соединенными вместе шашками динамита. Затем он положил на стол фен, направил на сэндвич и включил на режим «горячий воздух». Сэндвич тут же начал сворачиваться в трубочку, и Джек мигом понял жуткую простоту устройства. Через несколько минут сэндвич свернётся совсем, два уголка соприкоснутся, динамит взорвется и...

Он содрогнулся.

— Это особый сэндвич с чесноком и салатом из меню «Лондонских и Северо-Восточных железных дорог». Такие сворачиваются лучше прочих. В шестидесятых железнодорожники обращались к нам по поводу разработки антискручивающей добавки. Мы разработали требуемое на основе нашего средства для траншейной стопы. Добавка ухудшает вкусовые качества, но это не важно. Этот сэндвич, мистер Шпротт, не был

обработан. На случай если вы опасаетесь, что динамита не хватит, я припас ещё тонну под столом. От Касл-Пемзс останется только дымящаяся воронка.

Пемзе открыл дверь по свою сторону зеркала.

— Адье! — Он весело помахал рукой. — В утешение могу сказать, что сильно недооценивал вас. Будь главой ОСП Фридленд, я не осмелился бы даже пытаться провернуть подобное дельце. Я считал вас обычным неповоротливым тупицей. Ладно, пора ту-ту!

Он вышел в обнимку с Лолой и тихо закрыл дверь за собой.

— Меня и прежде недооценивали, — прорычал Джек себе под нос.

Он бросился к двери и подергал ручку — напрасно. Его заперли. Каминная труба оказалась на поверку слишком узкой. Джек вернулся к зеркалу и уставился на сэндвич, который скручивался все сильнее. При такой скорости в запасе оставалось минут пять, а то и меньше. Джек хотел позвать на помощь, но вовремя сообразил, что тогда Мэри и остальные окажутся в доме, а это катастрофа. Он вздохнул, пододвинул себе кресло и сел. Снял бронежилет, ставший вдруг неудобным да и вообще ни к чему, и тот упал на пол. Джек подумал о Мадлен и детях и пожалел, что не может с ними попрощаться. Его не будет на дне рождения Стиви. Ни на чьем дне рождения его уже никогда не будет. Джек начал прикидывать, как бы исхитриться оставить им весточку, и вдруг его взгляд упал на кнопку вызова слуги рядом с мраморным камином. Попытка не пытка. В конце концов, Ффинкворт был джентльменом на службе у джентльмена, к тому же сам просил вызвать его, если что-то понадобится. Джек бросился к стене и нажал кнопку. Где-то в чреве дома прозвучал звонок, и менее чем через тридцать секунд из люка в полу явился Ффинкворт. Как заметил Джек, отражение дворецкого сделало то же самое.

Ффинкворт отряхнул и поправил ливрею.

— Чем могу служить, сэр?

— Мне надо выбраться из этой комнаты.

— Невозможно, сэр. Дверь крепко заперта, я сам это сделал.

— А ваш люк?

— Боюсь, механизм спуска выведен из строя.

Джек посмотрел на сэндвич. Тот уже почти свернулся, и уголки отделяло друг от друга всего полдюйма.

Он указал на зеркало.

— Видите ту штуку на столе, Ффинкворт? Это бомба. Если вы мне не поможете, мы взлетим прямо на небеса. КАК ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ЭТОЙ КОМНАТЫ?

Ффинкворт хранил невозмутимое спокойствие.

— Я слышал, что в тюрьме весьма гнетущая обстановка и что там не место таким людям, как его милость. Он объяснил это нам обоим. Думаем, так будет лучше.

Джек был потрясен хладнокровием слуги. Будучи на волоске от смерти, он до конца оставался верен своему хозяину.

— Ффинкворт, я...

Джек осёкся и взгляделся в тощего лакея, который бесстрастно смотрел прямо перед собой. Его вдруг осенило.

— Обоим? — переспросил он. — Кому «обоим»?

Впервые Ффинкворт занервничал, и глаза его метнулись к отражению.

— Прикажите своему брату пригнуться, — крикнул Джек, хватая большую мраморную пепельницу и швыряя её со всей силой в зеркало.

Брат Ффинкворта пригнулся, а Ффинкворт, стоявший рядом с Джеком, прикрыл обеспокоенное лицо ладонью.

Джек бросился к разбитому стеклу и перепрыгнул в абсолютно такую же комнату по ту сторону «зеркала». Иллюзия была полной. Для создания этого сна наяву даже «Снятие осады Мейфкинга» не поленились переписать в зеркальном отражении. Джек, не останавливаясь, пробежал по хрустким осколкам стекла к столу и сунул между уголками сэндвича свою карточку клуба владельцев «алLEGRO». Она тут же оказалась зажата. Шпротт выдохнул и вырвал шнур из динамита. Ффинкворт-второй вылез из укрытия и теперь осторожно отряхивался. Его слегка поцарапало осколком стекла, но в остальном он не пострадал. Ффинкворт-первый выглядывал из комнаты, которую только что покинул Джек.

— Это все, сэр? — хором спросили близнецы.

— Нет, — ответил Джек, испустив облегченный вздох. — Вы оба арестованы.

Ффинкворты снова поклонились, и тоже с явным облегчением.

— Как скажете, сэр.

* * *

Джек вынес Бейкера из Касл-Пемзс, и к нему тут же бросились на помощь Гретель, Мэри и два фельдшера.

— Если я не выкарабкаюсь, — прошептал Бейкер, — скажите Сьюзи, что я любил её.

— Бейкер, — ответила Мэри, — это всего лишь царапина. Не трясись ты так.

— То есть я не умру? — осведомился он у медиков.

— Сегодня точно не умрете, — успокоил его первый медик, осматривая незначительную рану Бейкера.

— Вы тут не видели или не слышали недавно шум легкого самолета? — спросил Джек.

— Он облетел здание и направился к югу минут пять назад. Это Пемзс улетел? — спросила Мэри.

— Вместе с Лолой. В Женеву.

— С Лолой?

— Тут все непросто. Мне надо переговорить с Бриггсом. У кого мобильник близко?

— Ну что ж, — изрек Браун-Хоррокс через несколько минут после того, как Джек сообщил о бегстве Пемзса и разъяснил все ему и Мэри. — Полагаю, расследование на этом закончено. Пемзс убивает Болтая, Карбункула и свидетеля Винки, пытается поднять стоимость акций своей рушащейся компании путем заражения всех бородавкой. Это не стандартный материал для «Криминального чтива», но, осмелюсь сказать, подписчики с радостью почитают о чём-то новеньком. Возможно, придётся несколько уменьшить роль близнецов, но в остальном неплохо, очень неплохо.

— Да, — задумчиво проговорил Джек, — думаю, вы правы.

Он выпрямился и направился к машине Гретель. Двое Ффинквортов вышли из дома и сдались властям. Они даже сняли свои ливреи и собрали два одинаковых чемоданчика. Браун-Хоррокс неодобрительно смотрел на них, пока Джек сверялся с часами. Близился полдень.

— А что с Центром Священного Гонго?

— Оцеплен на расстоянии двухсот ярдов, — доложила Мэри. — Вы не поверите, как сложно, оказывается, бороться с опасностью биологического заражения! И Департамент внешней среды, продовольствия и сельского хозяйства, и Метеорологическая служба, и Агентство по охране окружающей среды встали на уши. Бриггс провел пресс-конференцию от вашего имени и объяснил причину. Никаких беспорядков не предвидится, просто все надеются, что Центр закрыт не надолго и Священный Гонго не пострадает.

— Но Джеллимен всё равно будет его открывать?

— Да, однако место проведения церемонии переносится к муниципалитету.

Джек внезапно ощутил страшную усталость, и ему больше всего на свете захотелось поговорить с Мадлен и детьми. Он позвонил домой, но их там не оказалось — наверное, поехали смотреть на Джеллимена.

В этот момент, скрипнув тормозами, перед ними резко остановился фургон. Он принадлежал Редингскому отряду быстрого реагирования по ликвидации биологической опасности. Из фургона выскочили два чиновника и команда в прорезиненных желтых костюмах.

— Кто из вас Джек Шпротт? — спросил один из чиновников, с блокнотом в руках.

Джек назвал.

— Пожалуйста, отойдите от этих людей и встаньте отдельно, сэр. Мэри Мэри!

— Я.

— Подойдите к нему. И мистер Браун-Хоррокс тоже. Ещё кто-нибудь вступал в контакт с этими людьми?

Бейкер, Гретель и два фельдшера покорно подняли руки.

— Что происходит? — спросил Джек.

— Вы объявлены источником инфекции категории «А». Вас вымоют, вычистят, обследуют и сделают профилактические прививки. Всю вашу одежду сожгут, а личные вещи обработают в автоклаве в течение тридцати минут при ста двадцати одном градусе Цельсия.

— Даже мой блокнот? — в ужасе воскликнул Браун-Хоррокс.

— Все, — отрезал биодезактиваторщик бодрым тоном человека, который только что получил неограниченную власть и жаждёт её применить. — По правилам, вы вообще не имели права покидать горячую зону Андерсен-фарм — вы ведь могли разнести бородавку по всему Беркширу. Разве вы не читали семисотдвадцатистраничную инструкцию по устранению очагов инфекций, передающихся контактным путем?

— А вы? — саркастически поинтересовался Джек.

— Большую часть прочел, — на удивление честно ответил борец с заразой.

Все, ворча, послушно уселись маленькой группкой на траву и сидели так, пока команда обеззараживателей оцепляла их. Из «скорой» принесли кое-какие лекарства для Бейкера, которому вроде бы полегчало.

В течение часа прибыли пожарная бригада, ещё одна «скорая» и спасатели, и все тут же принялись за дело. В целом хороший день заканчивался довольно кисло. Пока Джек ждал своей очереди на обработку в портативном душе, его вдруг посетила беспокойная мысль: что-то странное было в том, что сказала Лола... Когда он высох и получил синий

комбинезон вместе с разрешением отбыть домой, беспокойная мысль переросла в полноценное сомнение. В сомнение, которое говорило ему, что все до сих пор не то, чем кажется.

Глава 43

Незавершенные сюжетные линии

ИСПЫТАНИЕ УСТРОЙСТВА ПО ТРАНСМУТАЦИИ ТЫКВ

Как сообщает в своем выпуске новостей месяца Беркширское радио, учёные из «Квантекса» чрезвычайно довольны новым устройством по трансмутации тыкв. Технологическая компания, базирующаяся в Рединге, экспериментировала с тыквами в течение многих лет, но добиться успеха никак не удавалось. Новое устройство, продукт высоких технологий, впервые наглядно продемонстрировало наличие громадного прогресса в области тыквенных превращений. «Тыквы, — сказал вчера представитель «Квантекса», — можно превращать практически во что угодно путем бомбардировки их двойным гамма-лучом, смещающим частицы, и последующего перемещения заряженных частиц в находящуюся в магнитном поле матрицу нового предмета. Успешная трансмутация тыквы в карету была предпринята на прошлой неделе и завершилась полным успехом — на некоторое время. На данном этапе мы ещё не научились закреплять новую форму насовсем, и примерно в полночь карета превратилась в тыкву».

«Крот», апрель 1988 г.

Если не считать отсутствия самого артефакта и того обстоятельства, что церемония проводилась совсем в другом месте, открытие Джеллименом Центра Священного Гонго прошло на высоте. Все присутствовавшие говорили о том, с каким бесконечным тактом, серьёзностью и почтительностью происходило действо. После церемонии открытия Джеллимен отправился на обзорную экскурсию по городу, останавливаясь по пути у разных достопримечательностей.

По оценкам полиции, несмотря на плохую погоду и некоторую возможность подцепить бородавку, на церемонию пришло примерно три

тысячи человек. Около десяти процентов от этого числа действительно хорошо видели Джеллимена, тридцать видели мужчину в белом костюме, который махал рукой, ещё тридцать видели только белое пятно, десять процентов утверждали, будто что-то видели, но на самом деле не видели ничего, а остальные действительно ничего не видели.

Мадлен, Стиви, Бен, Пандора, Меган и Джером попали в последнюю категорию. Они выехали слишком поздно и застряли в пробке, а потом ещё продирались сквозь толпу и отбивались от уличных торговцев-шарлатанов, которые продавали все, начиная от брелоков и настольных ламп с изображением Джеллимена до дисков с записями его речей и кукол, которые с соответствующим видом изрекали мудрые сентенции, если потянуть за ниточку у них на затылке. Пандора и Бен держали Меган и Джерома за руки, чтобы не потерять их в толпе. Когда они добрались до здания муниципалитета, Джеллимен как раз вошёл внутрь. Когда он спустя два часа вышел, подъехал полицейский фургон и загородил им обзор. Так что они видели только зад его белого лимузина «даймлер», когда Джеллимен направился в новую клинику Св. Септика для законченных язвителей. Мадлен хотела подождать три часа, пока Джеллимен выйдет, но дети устали, и начал накрапывать дождик. Они вернулись домой в подавленном настроении. Всё равно что приехать на пляж в единственный день в году, когда он закрыт.

* * *

— Мои поздравления, Джек!

Бриггс горячо пожал инспектору руку, но Джек даже не улыбнулся. Процесс обеззараживания нередко действует на людей подобным образом.

— Они сбежали, сэр. Так что результат не самый блестящий.

— Ошибаешься, — возразил Бриггс, протягивая Джеку и Мэри бокалы с шампанским. — Это отличный результат. Если бы не вы, более десяти тысяч человек подцепили бы невероятно заразную бородавку доктора Карбункула, а в последующие месяцы могли заразиться миллионы. Бассейны, пляжи и спортивные залы превратились бы в запретные зоны, а обувные магазины приобрели бы славу мест опасных и подозрительных. Пемзс получил бы что хотел, а мы так и остались бы с носом. Нет, это действительно отличный результат.

Джек пригубил шампанское. На поверку в бокале оказалась яблочная

шипучка.

— Мы по-прежнему на посту, — ответил Бриггс на вопросительный взгляд Джека. — Твоё здоровье, Джек!

— Ваше здоровье, сэр.

Бриггс уселся за стол. Близился вечер, и дневные хлопоты по обеспечению безопасности постепенно сходили на нет. Джеллимен был на своем последнем официальном мероприятии — на банкете в обширном здании «Квантекса», где воздавал должное научным, промышленным и художественным достижениям Рединга. Джека и Мэри вызвали в кабинет Бриггса довольно неожиданно, и они очень удивились, застав там Браун-Хоррокса. Тот по-прежнему был в синем комбинезоне, слишком коротком для него: бледные лодыжки торчали из штанин как минимум на семь дюймов.

— Команда ликвидаторов отправилась к дому доктора Карбункула. Они собираются накрыть его бетонным саркофагом, поскольку не рискуют даже трогать бородавку с места, — сообщил Бриггс. — Музей ноги просто залит бактерицидами и закрыт на полгода. Я беседовал с руководителем Центра контроля контактных инфекций. Они говорят, что с радостью пожали бы вам руку без латексных перчаток, — с их стороны это великая честь.

— Да, но как же Лола и Пемзс, сэр?

Бриггс покачал головой.

— В Европе они не найдут убежища. Преднамеренное распространение заразной болезни — серьёзное обвинение. Полиция всего континента, без сомнения, будет начеку.

Джек злился. Благодаря сообщениям очевидцев отследить передвижения Пемзса и Лолы по югу Англии не составило труда. Затем они вылетели из Лалворта и направились через Ла-Манш. Французы выслали на перехват два патрульных самолета. Но через три часа они были отозваны, поскольку «хорнет мот» так и не появился.

— Ты видел свежие газеты? — спросил Бриггс.

Он показал Джеку последний номер «Жаба», в котором содержался блестящий отчёт о невероятной драме, разыгравшейся сегодня в Рединге, и на Джека изливалось столько же хвалы, сколько вчера — грязи.

— Все идёт ужас как хорошо. Пресса жаждёт твоего заявления. Может, ты придумаешь себе какую-нибудь эффектную фразу вроде... ну... «дело закрыто» или что-нибудь в этом роде?

— Я бы тогда соврал, сэр.

— То есть?

Браун-Хоррокс оторвался от заметок, сильно пострадавших в автоклаве, и поднял голову.

— Что-то не так, — уныло сказал Джек. — Пемз планировал убить Шалтая, но он не убивал. Его кто-то опередил.

— С чего ты взял?

— Лола сказала, что ей полагалось унаследовать акции Шалтая после безвременной гибели супруга в «зефире». Будь она замешана в этом деле с самого начала, то знала бы, что его застрелили. Тогда почему она говорила про «зефир»? Они именно так намеревались от него избавиться, но жизнь внесла свои коррективы. Затем, когда мы пришли к ней во второй раз и стали задавать неудобные вопросы о новой жене Болтая, они решили взорвать в «зефире» нас.

— Да? — усмехнулся Бриггс. — И это единственная причина твоих сомнений?

— Именно. Шалтая убил кто-то другой.

— И кто?

— Киллер, работающий на Соломона Гранди.

— Да не дури ты! Это мы уже проходили. Гранди сказал, что он в курсе жениных измен и что ему всё равно. Мне нужны доказательства, Джек, доказательства!

— Мало ли что он говорит, сэр. На том самом благотворительном вечере Гранди отверг предложение приобрести тридцать восемь процентов акций Шалтая за десять миллионов. Чарльз Пьютер объяснил мне, что такая цена ниже плинтуса. Гранди должен был ухватиться за этот шанс, а он не стал этого делать. Он знал, что нет смысла суетиться, ведь Шалтаю оставалось жить не более трёх часов. Гранди знал это, потому что уже нанял киллера. И вся эта комедия с «понимающим мужем» работала лишь прикрытием — Гранди очень переживал из-за шашней своей жены.

— А Винки?

— Он наверняка узнал убийцу. Это был кто-то с фабрики «Пропалл», где Вилли работал.

Бриггс побарабанил пальцами по столу и переглянулся с Браун-Хорроксом. Затем набрал в грудь воздух.

— Отказ заплатить десять миллионов за сомнительные акции — это, несомненно, самое слабое доказательство из всех, какие мне когда-либо предъявляли. Ты ошибаешься. Лола могла просто перепутать, упомянув «зефир».

Джек закусил губу. Бриггс был прав. Версия действительно выглядела высосанной из пальца. Как ни печально, но значение имела не истинность

утверждения, а его доказуемость.

— Я согласен, основательности моим выкладкам не хватает, сэр.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Да, более чем не хватает, — сказал наконец Бриггс. — И они в лучшем случае некстати. У меня полная комната прессы, жаждущей узнать, как именно Пемзс убил Шалтая.

— Позвольте выдвинуть предложение, — вклинился Браун-Хоррокс.

— Конечно, — позволил Бриггс.

— Я поговорил с издателями «Криминального читива», и им очень понравилась эта цепочка «педикюр — биотерроризм — сказки-считалки», так что они возьмут всё, что у вас есть. Беспрецедентный случай. Я предлагаю представить историю для читателя таким образом, чтобы Пемзс действительно убил Болтая. Мне неприятно это говорить, но лишние навороты, ложный след и незаконченные сюжетные линии сильно подпортят публикацию.

Воцарилось молчание.

— Он прав, — сказал Бриггс. — Пока Пемзс не сел, дело в любом случае остается открытым. Если мы опубликуем те сведения, о которых упомянул Браун-Хоррокс, то это пойдёт на пользу полиции, а тебе поможет вступить в Лигу.

Джек промолчал, и Бриггс, почувствовав, что тот чего-то недоговаривает, зашёл с другой стороны:

— До меня уже дважды сегодня дозванивался начальник полиции. Он считает, что нам не следует распускать ОСП, а тебя надо повысить до старшего инспектора. Он не слишком обрадовался, узнав, что всё дело об убийствах в Андерсеновском лесу Звонн сфабриковал. По мнению начальства, неплохо бы выдвинуть из рядов Редингского управления ещё кого-нибудь, на всякий случай. Он готов оказать тебе любую посильную помощь, дабы ОСП достиг такого же успеха, как Звонн. Времена меняются, Джек, и мы обязаны меняться вместе с ними. Одобрение общественности — это валюта, которой мы не можем разбрасываться. Конечно, всё будет зависеть от твоего умения подыграть. Ты поднялся на очередную ступеньку, Джек. Ставки повысились — но и награда тоже.

Бриггс и Браун-Хоррокс выжидательно смотрели на инспектора Шпротта.

Джек задумчиво уставился в пол. Он бы не отказался от почёта, престижа, прибавки к жалованью и собственного места для парковки. Да и старшим инспектором стать не помешало бы. Но больше всего он мечтал, чтобы в ОСП все осталось как есть. Однако две вещи за последние

несколько дней он усвоил твёрдо: что «Криминальное чтиво» и Лига не имеют права превращать убийство, трагедию и насилие в рыночный товар на потеху публике и что ни в коем случае нельзя приближаться к тридцатисемикилограммовой бородавке.

Он вздохнул.

— Вот так, наверное, и начинал Звонн. Умолчал кое о каких мелочах здесь, немножко приукрасил там. Дело не в том, как лучше, а в том, как правильнее. Звонн перепутал одно с другим и подмочил не только собственное реноме, но и репутацию полиции да и правосудия в целом. Полный отчёт по делу Шалтая я передам вам в понедельник утром вместе с рекомендациями касательно Соломона Гранди. А теперь извините, я должен пойти поблагодарить ребят.

Джек подошёл к лифту, нажал кнопку вызова и повернулся к Мэри.

— Понимаете, сержант, принципы стоят денег. И если я чему-то и научился за последние пять дней, так это...

— Сэр, — перебила его Мэри, прежде чем он успел разразиться несомненно нудной речью о нравственном релятивизме, — вы действительно верите, что Шалтая убил Гранди?

— Боюсь, что да. Но Бриггс прав. Доказать это будет очень трудно. Нам придётся добыть признание у самого киллера о том, что его нанял Гранди.

— Мы можем заняться этим в понедельник, сэр.

Едва двери лифта открылись, к ним бросился Браун-Хоррокс.

— Я не передумаю, — сказал Джек.

— Нет-нет, — быстро объяснил Браун-Хоррокс, — день ещё не закончен, а в мои обязанности входит наблюдение и за вашей личной жизнью, хотя, судя по тому, что вы мне рассказали о вашем прискорбно тихом и моногамном житье-бытье, ничего интересного тут не предвидится. И все же приказ есть приказ.

* * *

Эшли, Тиббит, Бейкер и Гретель встретили Джека и Мэри аплодисментами и налили им настоящего шампанского, пусть и в пластиковые стаканчики. Эшли предупредительно приклеился к потолку, но в комнатухе всё равно было слишком тесно, поэтому Браун-Хоррокс и Гретель вышли в коридор, где им обоим не приходилось горбиться. Глаза

их снова встретились. Браун-Хоррокс был первым человеком, на которого Гретель смотрела снизу вверх, а она была самой высокой женщиной, с которой доводилось встречаться Браун-Хорроксу, и, на его взгляд, ещё и самой красивой.

— Вы самая... высокая женщина, которую я когда-либо видел, — после долгого молчания выдавил Браун-Хоррокс.

Гретель ничего не сказала, покраснела и не знала, куда девать руки.

— Спасибо, — наконец нашлась она. — Мне нравится ваш комбинезон.

— Итак, — произнёс Джек и хлопнул в ладоши, привлекая внимание остальных, — есть какие-нибудь новости о Пемзсе?

— Самые свежие таковы, — доложил Бейкер, на ноге у которого красовалась широкая повязка, хотя он вовсе не производил впечатления страдальца. — Французская береговая охрана обнаружила обломки легкого самолета на воде у побережья Нормандии. Они узнают больше, когда завтра с рассветом продолжат поиски.

— Ну и ладно, — сказал Джек, поднимая свой стаканчик с шампанским. — За каждого из нас и за всю команду. Вы были неподражаемы. Когда мы с вами давно уже обратимся в прах и хроники великих приключений нашего маленького отдела станут известны всем, люди узнают...

— Инспектор Шпротт? — послышался низкий голос со стороны двери, прервав в зародыше очередную длинную и нудную речь.

Все обернулись и увидели трёх мужчин в тёмных костюмах и серых плащах. Все они прятали глаза за черными очками, а значит, точно были из разведки.

— Это я.

Они смерили Джека взглядом. В синем комбинезоне он больше походил на маляра, чем на полицейского.

— У вас есть нечто, что мы хотели бы получить, инспектор.

— Нечто чрезвычайно ценное, — пояснил второй.

— Гусыня, — сказал третий, державший в руке переноску.

— А что вы собираетесь с ней делать? — спросил Джек, которому вовсе не хотелось отдавать разведчикам что бы то ни было, особенно живое существо.

— Не думаю, что вас это касается, — отрезал тот, что заговорил первым.

— Ее будут изучать лучшие учёные, — пояснил второй.

— Лучшие учёные, — эхом откликнулся третий, с переноской. — Где

объект?

Джек вздохнул.

— Ладно. У кого гусыня?

Тиббит повел их в картотеку, где на полу лежал кусок пластика, а на нём стояла большая картонная коробка, выстланная соломой. Когда третий агент грубо схватил птицу за шею и бесцеремонно затолкал в переноску, гусыня зашипела и даже ухитрилась клюнуть обидчика, к великому удовольствию Джека и Отто. Один из оставшихся агентов забрал четыре золотых яйца и сунул в сумку для образцов.

— О ней будут хорошо заботиться? — спросил юноша, который успел сильно привязаться к птице.

— Надо выяснить, как она работает, — ответил второй.

— Не бойся, парень, — добавил третий. — У нас работают профессионалы. А это вам.

И он протянул Джеку расписку в получении одной гусыни и четырёх золотых яиц. Затем недобро хохотнул, и без лишних слов вся троица исчезла.

— Сэр, — громким шёпотом обратился к Джеку Тиббит, — я должен кое-что вам сказать.

— Ну?

— Они ведь препарируют гусыню, чтобы понять, как она устроена, и обнаружат, что это обыкновенная гусыня, правильно?

— В ОСП никогда нельзя быть на сто процентов уверенным в правильности истолкования событий, но похоже на то.

Юноша несколько мгновений колебался, подыскивая слова, и наконец изрек:

— Вы согласны, что один гусь очень похож на другого?

Джек улыбнулся.

— Согласен, — ответил он. — Осмелюсь сказать, что именно так дело и обстоит. Но я ничего не знаю и знать не хочу. Если кто-то подменил гусыню, то удачи ему, пока этот кто-то использует богатство с умом. Если же нет, то я могу и вмешаться.

Тиббит улыбнулся.

— Спасибо, сэр.

Джек вернулся в кабинет, чтобы продолжить речь.

— О чем бишь я? Да, когда мы с вами давно уже обратимся в прах и...

К счастью для сотрудников ОСП, его снова перебили. На сей раз это сделала миссис Сингх, которая вплыла в комнату, словно галеон под всеми парусами.

— А, вот вы где! — воскликнула она. — Я весь день пыталась до вас дозвониться. Вы вообще когда-нибудь снимаете трубку?

— Я был занят. Ниспровергал вторую по величине империю средств по уходу за ногами в мире и ловил одного из наиболее почтенных граждан Рединга. В процессе мой мобильник взорвался.

— Могли бы одолжить у Мэри.

— Его забрал один из дворецких-близнецов.

— А сотовый того парня из Лиги?

— Расплавился в автоклаве.

— Ладно. Я получила результаты по Шалтаю из лаборатории птицефабрики «Солнечная долина».

— И?

— Большое количество алкоголя, следы марихуаны и около шестидесяти восьми видов сальмонеллы, четыре из которых, вероятно, признают смертельными в ближайшие полгода. И ещё следы хориоаллантаиновой мембраны.

Все в комнате подались вперёд.

— Чего-чего?

— Хориоаллантаиновой мембраны. Это сильно пронизанная кровеносными сосудами окружающая зародыш пленка, служащая для переноса питательных веществ и удаления шлаков в период эмбрионального развития.

— Эмбрионального развития? — эхом отозвался Джек. — Вы хотите сказать...

— Именно. Он не погиб от выстрела и не разбился, упав со стены. Из него что-то вылупилось.

— Вылупилось? Вы хотите сказать, что Шалтай-Болтай кого-то родил?

— Именно это я и хотела сказать, — ответила миссис Сингх, — хотя в данном случае «родил» — неподходящее слово. Он был яйцом, Джек, а из оплодотворенных яиц вылупляются.

— Я знаю, что происходит с яйцами, миссис Сингх. Но что из него могло вылупиться? Трехсотфунтовая несушка?

— Берите выше! Даже по самым скромным прикидкам, столько может весить только что вылупившийся цыпленок, а взрослая курица потянет тонны на две-три.

— Мне надо присесть.

— Да вы и так сидите. Как мы со Скиннером ни старались, нам не удалось смоделировать подобное катастрофическое разрушение скорлупы, — продолжала судмедэксперт. — Такое не под силу никакой

пуле. А вот если что-то вылупилось — совсем другое дело.

— Но пуля прошила Шалтая насквозь!

— Наверное, случайно прошла между телом цыпленка и его крылом или ногой... или чем-то ещё, — пожалала плечами миссис Сингх.

— Минуточку, минуточку, — вклинилась Мэри, пытаясь переварить услышанное. — Для начала, он ведь был парнем, так? Даже при том, что фактически являлся просто очень большим яйцом?

— Да, — ответила миссис Сингх, — у него наличествовал весь необходимый инструментарий.

— И чередка подружек, которые не стеснялись этим инструментарием пользоваться, — добавил Джек.

— Отлично. Ему было больше шестидесяти пяти лет, поэтому мы можем спокойно сказать, что он родился — был снесен, если угодно, — диетическим. Как и большинство яиц.

— Правильно.

— Так когда же он был оплодотворен?

Миссис Сингх на мгновение задумалась.

— Это скорее касается специалистов по птичьим патологиям. Но если сравнить его объем и экстраполировать на модель развития страусиного яйца, то можно с уверенностью сказать, что где-то с полгода назад.

— Но как?

— Через те просверленные в скорлупе дырочки, которые я обнаружила, — сказала миссис Сингх. — Модифицированная процедура искусственного оплодотворения.

— Но это всё равно убийство, — прошептал Джек. — Что бы ни росло у него под скорлупой, оно медленно пожирало его изнутри. Вопрос: зачем?

— Мне думается, промышленное птицеводство весьма заинтересовалось бы трехтонными курами, сэр.

— Да не смешите, Мэри. Где вы возьмете такую большую духовку? Кроме того, что за злобный, жестокий и безумный гений способен поставить столь нелепый и извращенный эксперимент на живом существе?

Они переглянулись, щёлкнули пальцами и одновременно воскликнули:

— Доктор Кватт!

— В точку. У неё была возможность, умение, знания. А главное — полное отсутствие каких-либо моральных устоев. Гретель и Эшли, берите пару полицейских и отправляйтесь в клинику Святого Церебраллума. Арестуйте доктора Кватт. Бейкер, позвоните оперативникам и узнайте, не видели ли в Рединге разгуливающего на свободе гигантского цыпленка, особенно в районе Гримм-роуд. Я хочу узнать место появления, время,

размеры и прочее: так будет проще отследить его по карте.

Все бросились выполнять поручения. Эшли помчался по потолкам к лифту, а Гретель попрощалась с Браун-Хорроксом, застенчиво пробормотав что-то вроде: «Еще увидимся, наверное».

— Спасибо вам, миссис Сингх, вы настоящее чудо. Не останетесь выпить? — сердечно проговорил Джек.

Но она вежливо отказалась, поскольку ей предстояло сидеть с двумя маленькими внучатами, затем смерила профессиональным медицинским взглядом Браун-Хоррокса и ушла.

— Наконец-то! — воскликнул Джек. — Хоть какой-то результат. Не знаю, как вы, но лично я спекся. Меня взрывали, обеззараживали, катали по потолку, мой «алLEGRO» накрылся окончательно, и меня чуть не отправил к праотцам сумасшедший ноговед. А утром мне придётся ловить разгуливающего по Редингу гигантского цыпленка. Ну, ваше здоровье.

— Ваше здоровье, сэр.

— Как думаете, коллеге Канн де л'Абр понравится в зоопарке? — поинтересовался Браун-Хоррокс, у которого в голове явно бродили совсем другие мысли. — Знаете, у них жирафенок появился!

Глава 44

Вот и сказке конец

ВЗЛОМ ТИПОГРАФИЙ

Вчера в четверг в полицию поступил вызов из типографии в дунгской свтской газты «Слпнь». Банда взломщиков украла все их литры «». Сначала эта история озадачила полицийских, хотя уж поступали известия о подобной оптовой краже литр А, Б, В, Г и Д в Байфлит. «Мне кажется, — сказал старший инспектор Палатино, — что начинают проступать некая схема». Арчибальд Макхряк, издатель «Слпня», заявил, что эта провокация не остановит выхода его почтой газты. «Обычные деловы разборки!» — сказал он.

«Слпнь», сентябрь 1955 г.

Стояла ясная ночь, и звезды лукаво мерцали в небесах. Сквозь бобовые стебли возле дома миссис Шпротт смотрела полная луна, резко очерчивая листья и трубчатые лозы. К самому верхнему побегу подвесили красный фонарь: представители гражданской авиации ещё днём приняли меры безопасности. К тому времени, как сюда прибыли Джек и Мэри, толпа на соседних улицах давно рассосалась и на мостовой валялся мелкий мусор да банки из-под прохладительных напитков. После утомительного дня все разошлись по домам отдыхать.

Все, кроме доктора Кватт, которой не оказалось ни в клинике Св. Церебраллума, ни дома, куда ей упорно названивали Эшли и Гретель. Джек выдал ордер на её арест и расставил полицейских по всему городу. Пока никаких известий о бегущем на воле цыпленке какого бы то ни было размера не поступало.

— Спасибо, что подбросили, — сказал Джек на подъезде к дому. — Мадлен сказала, что они потом пойдут к маме, там я их и перехвачу. Оп-па, а это ещё что?

Дорогу перед ними перекрывали две полицейские машины. Рядом топтались два констебля в бронезилетах и с автоматами.

— Что вам угодно, сэр? — деловито осведомился один из них, когда Джек вышел и направился к ним.

— Инспектор Шпротт, ОСП.

Он показал удостоверение, и полицейский почтительно вытянулся по стойке «смирно».

— Благодарю вас, сэр. От себя позвольте заметить, что меня лично потрясло, как вы раскололи дело Болтая. Мне приходилось иметь дело с бородавками. Мерзкие мелкие бугорки! А вы всегда носите синий комбинезон, сэр?

— Нет, это следствие дезактивации. Что случилось?

Полицейский наклонился к нему и понизил голос:

— Сюда с частным визитом прибыл Джеллимен. Хочет лично осмотреть бобовые стебли — и поговорить с хозяйкой.

Это было удивительно и очень почётно, особенно с учетом напряжённого графика Джеллимена, не позволявшего ему в эти дни заглядывать куда-либо помимо протокола.

— Хозяйка дома — моя мать, и моя семья тоже там. Можно мне пройти?

— Минутку, — сказал полицейский и передал просьбу по рации.

— Добрый вечер, — обратился Джек ко второму полицейскому. — Скажите, как давно стоит здесь этот белый фургон?

Полицейский посмотрел на фургон, припаркованный менее чем в пятидесяти футах от них.

— Не знаю, сэр. А что?

— Да так.

Мэри заглушила мотор «БМВ». Внезапно город показался на редкость тихим и спокойным. Ни собачьего лая, ни гула машин. Все сидели по домам. Джек посмотрел на часы. Пять минут одиннадцатого. Люди, небось, у экранов смотреть основные моменты визита в новостях. На разных отрезках улицы маячили вооружённые полицейские, а рядом с маминой садовой калиткой замер белый лимузин «даймлер». Мэри подошла к Джеку и протянула полицейскому своё удостоверение. Тот посмотрел на Джека, Джек кивнул.

Они подождали пару минут, пока рация снова не затрещала:

— Пусть войдут.

Полицейский проводил их к калитке, где их ждал Фридлинд Звонн. Поскольку он возглавлял службу охраны Джеллимена, его присутствие было вполне естественно. Неприятно, но естественно. При виде Шпротта лицо у него окаменело, но профессионализм возобладал.

— Неплохой результат, Джек, — проворчал он, явно продолжая считать, что дело должно было достаться ему. — Сержант, вам придётся

подождать здесь. Внутри допускаются только члены семьи. Бейнс отведет тебя к парадному входу, Джек.

Шпротта передали человеку с головным телефоном. Слева под мышкой пиджак у провожатого многозначительно бугрился. Он тоже спросил у Джека удостоверение.

— Почему оно такое мятое?

— Тридцать минут пролежало в автоклаве.

— Понятно, — отозвался тот, как будто подобное случалось по десять раз на дню. — Благодарю, инспектор. Следуйте за мной.

Джек двинулся за ним по дорожке. Бейнс, обладатель наплечной кобуры и головного телефона, словно попугай, затараторил инструкции:

— Говорите, только когда вас спросят. Не пытайтесь пожать руку. Когда вас представят, поклонитесь. Не перебивайте, когда говорит он. Не прикасайтесь к нему. Не чихайте в его присутствии. Не упоминайте о политике и всегда обращайтесь к нему «ваше преосвященство».

Он постучал в переднюю дверь, та чуть приоткрылась. За ней обнаружился ещё один полицейский, с огромными усами, который взглянул на Джека и поторопил его войти. Как только Джек попал в переднюю, тишина сказала ему, что напольные часы остановились. Он посмотрел на них и с изумлением узрел застывший на полувзмахе маятник. Что поразило его ещё больше, так это гиперактивные мамы кошки, тихонько сидящие рядом у двери, словно кегли. Однако времени поразмыслить об этих чудесах ему не оставили, поскольку провели в знакомую гостиную.

Вся его семья собралась здесь. Мадлен стояла позади всех, держа на руках Стиви, а остальные дети либо сидели, либо стояли рядом с бабушкой. Невероятно, но Пандора была в платье, и, что ещё более невероятно, Бен причесался. Меган стояла впереди всех, перед большим кожаным креслом, некогда принадлежавшим отцу Джека. В кресле, окруженный мягким сиянием, исходившим словно не от его белого костюма, а изнутри его, восседал Джеллимен.

Присутствие Джеллимена можно было ощутить, но не описать. Могучие волны надежды и утешения, исходившие от его личности, окутывали всех, кто оказывался рядом с ним. Говорили, что улыбка Джеллимена может осветить самые мрачные моменты жизни и что его слово способно утихомирить самую горячую ярость. Джек, как и многие другие, относился к слухам о мощи этого великого человека скептически, но за несколько проведенных в его присутствии секунд понял: всё, что о нём говорили, — правда.

Джеллимен сидел, подавшись вперёд, подперев кончиками пальцев

подбородок, и хотя он говорил с Меган шёпотом и слов было не разобрать, они наполняли комнату, будто камерная музыка в зеркальном зале. Меган горячо кивала в ответ. Закончив, он возложил руку ей на голову и улыбнулся. Меган едва не растаяла, а Мадлен украдкой смахнула слезу.

Референт Джеллимена стукнул жезлом об пол и громким чистым голосом произнёс:

— Ваше преосвященство, позвольте вам представить детектива Джека Шпротта!

Джек шагнул вперёд и попытался вспомнить инструкции, протараторенные Бейнсом во время короткой прогулки по садовой дорожке. Он забыл всё, кроме того, что нельзя чихать, но это не имело значения. Джеллимен повернулся в кресле и воззрился на Джека пронзительно голубыми глазами.

— Мистер Шпротт, — с загадочной улыбкой произнёс он, — у вас очаровательная семья.

— Б-благодарю, ваше преосвященство.

Джеллимен встал и подошёл к Джеку. Он был крупным мужчиной, но, возможно, так казалось под влиянием его могучей личности. Он говорил просто и ясно. Никогда нельзя было запомнить, какие в точности слова он произнёс, но смысл отпечатывался в сердце навсегда.

— От имени всего народа хочу поблагодарить вас за спасение нас от эпидемии бородавки.

— Это мой долг, сэръ.

— Даже если и так, примите нашу благодарность. Я хорошо знал Шалтая — мы вместе учились в Оксфорде. Я слышал, он склонился к тёмной стороне бытия, но в душе Шолт был славным яйцом. Его убил Рэндольф Пемзс?

— Нет, ваше превосходительство. Мы подозреваем, что это сумасшедшая доктор Кватт.

Джеллимен печально покачал головой.

— Извратительница естественного порядка вещей, — с негодованием произнёс он. — Я запретил ей заниматься научной работой, но, видимо, следовало принять более крутые меры. Почему она убила его?

— Кватт не убивала его лично, но смерть явилась неизбежным следствием её решения превратить Шалтая в живой инкубатор. Как только из Шалтая-Болтая что-то вылупилось, это стало убийством.

— Как увлекательно! И что же вылупилось?

— Цыпленок. Кватт наверняка...

Джек осёкся. Нехорошая мысль зашевелилась в его голове. С чего он

взял, что это цыпленок? Перед его глазами возникли фотографии изуродованного тела Винки. От удара грудная клетка бедняги треснула, как орех. Винки, наверное, услышал выстрел, вышел и увидел... не киллера, который уже удрал, а доктора Кватт, которая несколько дней ждала своего часа в белом церебраллумовском фургоне. Винки вернулся домой, прочел газеты, сообразил, что Шалтая убила Кватт, и тогда — дурак несчастный — попытался её шантажировать. Она явилась расплатиться с ним, но не одна, а вместе с тем, что вылупилось из Шалтая, — существом настолько жутким, что Винки, обмочившись от страха, даже не пытался защищаться. Треска с головой котенка — это ещё цветочки. Доктор Кватт создала нечто невыразимо мерзкое и вырастила это в лишенном сердцевины желтке Болтая. Но зачем? А чтобы использовать это существо против человека, который сломал её научную карьеру!

— Инспектор, — окликнул его Джеллимен, — что вас так встревожило?

— Вы в опасности. Мы все в опасности. Мадлен, мама, сейчас же прячьте детей в погреб и запирайте дверь. Вы, с усами, пусть полицейские снаружи проверят белый фургон, тот, что припаркован чуть дальше по улице, и немедленно уводите Джеллимена в безопасное место!

Всё это он произнёс не допускающим возражений тоном, и, пока Мадлен уводила детей вниз по лестнице под вопли «да, но почему?», усатый охранник уже бормотал что-то по рации. Передняя дверь приоткрылась. Явился Звонн.

— Что за чертовщина тут творится, Шпротт?

— Кватт вывела какую-то шалтайскую дрянью, чтобы убить Джеллимена. Тварь чрезвычайно сильна, а когти её способны рассечь человека пополам.

— Не пори чушь!

И тут, словно в ответ, снаружи раздались выстрелы и крики. Звонн поспешно нырнул в дом, а усатый охранник выхватил пистолет и что-то рывкнул по рации. В ответ донеслось что-то неразборчивое и ещё пять выстрелов. Затем воцарилась тишина. Чуть позже послышался стук в дверь и внутрь ввалился мокрый от пота Бейнс.

— Вы видели эту штуку? — спросил Звонн.

Усатый охранник направился к кухонной двери.

Джеллимен и его референт спокойно ждали.

Звонн чуть приоткрыл переднюю дверь и выглянул наружу. У садовой калитки вооружённый полицейский, карауливший заднюю дверь лимузина, призывно помахал рукой. Звонн захлопнул дверь и повернулся к Бейнсу и

Джеку.

— До машины всего двадцать метров. Если мы сгрудимся вокруг его преосвященства, то, может, сумеем прорваться.

— Твой выход, Фридлинд.

Звонн снова открыл дверь — как раз вовремя, чтобы увидеть, как нечто мерзкое и чешуйчатое пробежало мимо лимузина и невероятно быстро и жестоко расправилось с вооружённым полицейским.

— План меняется, — выдохнул Звонн. — Его преосвященство идёт в погреб.

— Я отказываюсь, — решительно произнёс Джеллимен. — Они ищут меня. Нельзя подвергать риску невинных людей.

Конечно, он имел в виду детей Джека. А поскольку протокол запрещал тащить Джеллимена насильно, то выбор был невелик — оставалось молча согласиться.

Снаружи донесся ещё один выстрел и крик.

— Что теперь? — спросил Бейнс.

— А ничего, — сказал Звонн. — Вы остаетесь здесь и защищаете Джеллимена, а я буду координировать действия подкрепления... из другого места.

И, не тратя больше слов, он открыл дверь и исчез. Джек проследил взглядом, как его бывший напарник бежит через улицу и неловко перепрыгивает через живую изгородь у дома напротив.

— А где подкрепление? — спросил он, закрыв и заперев дверь.

— Едет.

— Тогда подождём.

Снова послышались выстрелы и крик, на сей раз из сада.

— Эй! — крикнул полицейский из кухни. — Только что нечто темное и чешуйчатое прошмыгнуло мимо окна и, похоже, достало Симпсона.

— Направленный огонь по всему, что попытается проникнуть в дом! — крикнул Бейнс. — Беречь патроны!

Они с Джеком пробежали через гостиную и заклинили дверь в прихожую, просунув в дверную ручку ножку стула. Затем Бейнс занял позицию между Джеллименом и кухонной дверью.

— Констебль Бейнс, — обратился к нему Джеллимен, — вы свободны. Смерть меня не страшит, а нужен им только я. Вы тоже свободны, инспектор, и вы, мистер Вон.

Джек посмотрел на Бейнса и Вона, референта Джеллимена. Никто из них не двинулся с места.

— Он всегда так вежлив?

— Всегда, — ответил Бейнс и бросил через плечо: — Прошу прощения, ваше преосвященство, но на этот счёт у меня имеется абсолютно четкий приказ.

Раздался треск, кухонная дверь разлетелась в щепки, и загрохотали сопровождаемые вспышками выстрелы: дежуривший в кухне констебль медленно выпускал пулю за пулей в нечто находившееся вне поля их зрения. Стрельба прекратилась, и они услышали глухой металлический звук, с которым пустая обойма упала на плитку пола. Владелец шикарных усов так и не успел перезарядить оружие. Снова донесся треск ломаемой мебели, и рука полицейского, все ещё крепко сжимавшая пистолет, пролетела мимо открытой двери и ударилась о холодильник. Джеллимен закрыл глаза и что-то тихонько произнёс, несомненно готовясь к концу.

Из кухни послышалось громкое шипение и скрежет мебели — тварь пробиравалась к гостиной. По косяку царапнула чешуйчатая лапа с вытянутым средним пальцем, украшенным когтем размером с кухонный нож. Следом появилась голова, напоминавшая ожившую иллюстрацию из джеромовской «Большой энциклопедии хищных динозавров». Тварь стояла на мощных задних лапах, используя в качестве противовеса слегка подергивающийся хвост. И была она не выше Джека — просто намного сильнее. Тело её покрывали костяные пластинки, как у панголина, а тёмные глазки метались из стороны в сторону, пока не остановились на Джеллимене. Тварь снова зашипела и целеустремленно двинулась в комнату, оставляя глубокие борозды на отполированном паркете.

Бейнс выстрелил, но пуля срикошетила от чешуйчатого бока твари и разбила вазу на серванте. Джек сделал первое, что пришло ему в голову: схватил тварь за хвост и попытался сбить с ног. Зверюга заверещала, хлестнула мускулистым хвостом, словно бичом, и Джека вышвырнуло в кухню, где он врезался в сервант, сложившийся от удара, будто карточный домик.

Бейнс стоял на месте и выпускал пули через регулярные промежутки времени. Это не помогало. Тварь подошла к нему и одним движением отбросила его в другой конец комнаты. Теперь между зверем и Джеллименом не осталось никого. Тот смотрел на существо с отрешенным спокойствием. Джек отчаянно озирался по сторонам в поисках хоть какого-то оружия, способного пробить шкуру твари, но безуспешно — кухня его матери не была приспособлена для разделки искусственно выведенных чудовищ, порожденных больной фантазией фанатички, жаждущей мести.

Чёрт! До сих пор всё было так хорошо! Сообрази он раньше, что к

чему, убудочный отпрыск Шалтая не готовился бы сейчас убить единственного честного политика на планете. Отпрыск?! Строго говоря, тварь не являлась отпрыском Шалтая, доктор Кватт использовала покойника только для вынашивания, но все же...

Джек встал и заорал:

— ШАЛТАЙ!

Тварь ненадолго остановилась, подумала, затем сделала ещё шаг к Джеллимену, который простил чудовище и закрыл глаза. Зверюга подняла могучую лапу, готовая довести месть доктора Кватт до логического конца, когда... столовое яйцо ударило её по затылку.

Эффект получился словно от удара током. Тварь взревела так громко, что коллекция фарфоровых зверюшек миссис Шпротт задрожала на полочке за стеклом. Джеллимен был мгновенно забыт, тварь обернулась к новому агрессору, пригвоздив Джека взглядом — так кошка, наверное, пригвождает к месту мышь. Джек превратился из помехи в добычу.

Джек демонстративно уронил яйцо на пол. Оно лопнуло с отчётливым треском. Тварь злобно взревела, заскребла лапами. Её когти разрезали паркет, будто маргарин.

— Ай-яй-яй! — воскликнул Джек. — Какой же я растяпа! — Он ткнул пальцем вправо и завопил: — Осторожно! ГИГАНТСКИЙ МАНГУСТ!

Тварь дернулась и взглянула туда, куда он показывал, что дало Джеку время схватить остальные яйца и перебежать в другой угол кухни. Зверюга угрожающе заворчала и шагнула к нему. Где-то в глубине её крохотного умишка, где помещалась только мысль убить Джеллимена, шевельнулось нечто смутно знакомое. Крохотное следовое ощущение, незаметно переданное ему от яйца, погибшего ради того, чтобы дать ему жизнь. Это были беспокойства и страхи Шалтая.

— Ох, мамочки, снова!

Джек уронил ещё одно яйцо и попятился к выбитой кухонной двери.

Тварь фыркнула и зарычала, сделала к нему три быстрых шажка и занесла лапу. Но Джек был к этому готов. Он схватил с полки мамину яйцеварку и замахал ею перед чудовищем, будто крестом перед вампиром. Зверюга на мгновение попятилась, затем щёлкнула зубами и рванулась вперёд, схватила яйцеварку и запустила её через всю кухню.

— А это тебе как? — Джек цапнул таймер для варки яиц, стоявший рядом с плитой. — Три минуты для яйца «в мешочек»! Гоголя-моголя никто не желает? С голландским соусом?

Он попятился наружу и уронил ещё одно яйцо. Разъяренная и сбитая с толку тварь выскочила за ним в сад за домом и принялась мотать головой,

рычать и бросаться, пока Джек дразнил её веселкой.

— Яичница на тосте! — орал он. — Яйца жареные, пашот, вареные... СУФЛЕ!

Он пятился через сад, выкрикивая яичные оскорбления, пока не упёрся спиной во что-то твердое. Это был бобовый стебель. Блестящий, темно-зелёный, с прекрасным гладким стволом, он казался почти несокрушимым.

— Тортилья! — крикнул Джек и со всей мочи швырнул веселку в тварь.

Чудовище схватило её зубами и злобно перекусило.

Джек сунул три оставшихся яйца в нагрудный карман комбинезона и начал карабкаться вверх. Это оказалось легче, чем он думал, — за листья было удобно хвататься. Но если он надеялся таким образом спастись, то просчитался. Тварь раза два клацнула челюстями в воздухе, когда Джек прокричал: «Яйца-кокотт!» — и бросилась следом.

Пробираясь между созревающими стручками, Джек поднялся достаточно высоко, чтобы увидеть дорогу — и лимузин Джеллимена, несущийся прочь на огромной скорости. Инспектор облегченно вздохнул, но долго ему прохладиться не пришлось. Он внезапно осознал, что, хотя его преосвященство в безопасности, самому-то ему ещё только предстоит разобраться с пятьюстами фунтами опасно взбешенной шалтайской твари.

— На самом деле, — сказал Джек, — я ненавижу яйца.

Тварь снова злобно щёлкнула на него челюстями.

— Нет-нет, — торопливо поправился он, выругав себя за тупость, — я хотел сказать, что не ем их. Разве что меренги... ой!

Это не возымело никакого действия. Тварь ловко вспрыгнула на ветку прямо под Джеком и яростно хлестнула его хвостом по ногам. Джек вцепился в побег у себя над головой и подтянулся, но поздно. Ступню пронзила резкая боль. Он глянул вниз. Тварь снесла не только ветку, на которой он стоял, но и его ботинок, носок и, хотя он ещё об этом не знал, мизинец. Джек скривился от боли и полез дальше, стараясь опираться на свод покалеченной стопы. Он слышал вой сирен — подходило подкрепление, но это не слишком утешало его. Через несколько минут он добрался до красного авиационного маяка и бросил короткий взгляд вниз. От земли его отделяло футов сто, и родительский дом казался отсюда маленьким-маленьким. Снизу послышалось рычание — тварь продолжала карабкаться вверх, и Джек торопливо взобрался выше фонаря. Тут он и понял, что столкнулся с новой, непредвиденной проблемой: тварь по-прежнему пребывала в ярости, а бобовый стебель кончился.

Он зацепился ногой за лист и достал из кармана яйца. Но руки у него

тряслись, и три оставшихся столовых яйца второй категории выскользнули из пальцев и полетели вниз, во тьму. А с ними пропала и последняя надежда на сделку.

— Проклятье! — выругался Джек. — Ну и денек!

Брызгая слюной, издавая шипение и треск, тварь ещё раз взмахнула хвостом. На сей раз Джек сумел увернуться, но передышка оказалась недолгой. На этой высоте стебель был тоньше и гибче, и лист, за который держался Джек, начал отрываться от ствола. Инспектор отчаянно вцепился в другой лист, но тот тоже остался у него в руках. Джек покачнулся, потерял опору и спиной вперёд полетел в пустоту.

Он мельком увидел залитое красным светом чудище, затем осталась только мешанина бобовых листьев и стручков, сопровождаемая громким шумом падения. Перед тем как грохнуть на крышу сарая, Джек успел испытать странную смесь облегчения и предчувствия новой опасности. Во все стороны от места падения полетели ухвертки, обломки трухлявого дерева и куски рубероида. Сознание на миг покинуло Джека. Открыв глаза, он увидел зияющую дыру в крыше сарая и уходящий в ночное небо бобовый стебель. Джек выбрался из-под обломков крыши, рухнувших на три мешка шерсти, застонал и поковылял наружу. Над глазом у него тянулась глубокая ссадина, а ступня и щиколотка начали пульсировать болью. Ему пришлось поднапрячься, чтобы оглушенный мозг смог осознать случившееся. Затем он поднял глаза и обнаружил, что этот кошмар ему вовсе не приснился: тварь начала спускаться.

Джек помотал головой, пошатнулся, попятился и задел ладонью рукоять топора, вонзенного в колоду. Решение пришло сразу. Он прохромал в сарай, порылся в обломках и откопал старую цепную пилу, принадлежавшую ещё его отцу. Джек включил её и дёрнул за тросик. Она не завелась. Он дёрнул ещё и ещё раз, тем временем обходя бобовый стебель со стороны дороги. Если он завалит стебель на крышу маминого дома, то конца истории так и не узнает. На четвертом рывке пила ожила, и ночную тишину разорвало её хрипкое стаккато. Сталь легко вгрызлась в жесткий стебель, и скоро образовался достаточно глубокий пропил. Джек перешёл на другую сторону, чтобы сделать последний надрез. Он уже слышал многообещающие скрипы и треск, когда раздался громкий хлопок, посыпались искры и пила замерла. Джек не понял, что случилось, но тут раздался голос, который заставил его обернуться.

— Я недооценивала вас, — прорычала доктор Кватт.

Она стояла перед Джеком с дымящимся пистолетом в руке, и по её виду было понятно, что она с радостью снова пустит его в ход.

— Меня много кто недооценивал, — ответил Джек, морщась от боли в тысяче и одной ссадине и синяках, — причём люди получше вас.

— Надоедливый идиот! — рявкнула она. — Этот ублюдок Джеллимен сбежал! Десять долгих лет я вынашивала свой план — и все впустую! Знаешь, сколько у меня времени ушло на конструирование моего дружка?

— Вы же сами только что сказали. Десять...

— Не смей разговаривать со мной как с дурой! — взвизгнула доктор Кватт, грозно сверкая глазами. — Мои исследования были направлены только на спасение человеческой жизни!

— А как же Шалтай? Его жизнь вы тоже спасли?

— Шалтай был яйцом, — отрезала она. — А для чего ещё нужны яйца, если не для вынашивания жизни?

— А как насчёт омета? — предложил Джек, скривившись от боли: заняла ушибленная спина.

— Иди сюда, дитя моё, — позвала доктор Кватт отпрыска Шалтая, застрявшего на середине стебля, который стонал и трещал под его весом. — Вот тебе ещё один лакомый кусочек.

— Но Шалтай был вашим пациентом!

— И ценным реципиентом для моего главного научного проекта, — горделиво сказала доктор Кватт. — Я сначала забеспокоилась было, когда в него выстрелили, но все оказалось в порядке. Мне только пришлось помочь малышу вылупиться.

Джек содрогнулся. Она оказалась ещё омерзительнее и бесчеловечнее, чем он думал.

— Значит, Шалтай пережил падение?

— Ну да. Он узнал меня и попросил помочь ему, поэтому я взяла ножку от стула...

Послышался глухой металлический стук, и доктор Кватт внезапно замолчала и тяжело рухнула лицом вниз. Мэри от души треснула её по затылку лопатой.

Ноги у Джека подломились, и он опустился на землю у садовых качелей. Стебель зловеще скрипел. Мэри пинком отбросила пистолет Кватт в сторону и кинулась к Джеку.

— Простите, сэр, но, по-моему, мы слышали достаточно. С вами всё в порядке?

— Нет, Мэри. Мне очень плохо. Я только что упал со ста футов, проломил крышу сарая... и вам надо уходить отсюда.

— Без вас я не пойду.

Она попыталась приподнять шефа, но он оказался на удивление

тяжелым. И не мог стоять от слабости.

— Уходите, Мэри, пока не...

Поздно. Тварь прыгнула с высоты оставшихся пятнадцати футов и с треском приземлилась в песочницу Стиви, сделанную в форме черепахи. Она злобно забила хвостом и зашипела на обоих, но вдруг заметила неподвижное тело доктора Кватт. Чудовище осторожно толкнуло её носом, тихонько заскулило, а затем очень нежно подняло её. Стебель скрипел и содрогался под собственным огромным весом, поврежденные волокна начали лопаться.

Мэри схватила топор, но Джек остановил её.

— Оставьте их, — дрожащим голосом сказал он. — Сдается мне, я знаю, чем всё это кончится. Мы же из ОСП...

Тварь ещё раз зашипела на них и поскакала из сада с доктором Кватт в передних лапах, злобно огрызаясь на подоспевших полицейских. Те не были вооружены, да и будь у них оружие — толку-то!

— Скажите, чтобы не мешали им, — тихо проговорил Джек.

— Отойдите от... твари! — крикнула Мэри. — Она не уйдёт далеко — это же оэспэшное дело.

Джек с благодарностью кивнул. Бобовый стебель снова заскрипел, задрожал и стал медленно заваливаться. Тварь огромными скачками неслась по улице, набирая скорость. Она почти добралась до первой полицейской машины, и только один, последний прыжок отделял её от свободы, когда сверху обрушился бобовый стебель. Он раздавил несчастное чудовище и доктора Кватт, разбросав по окрестностям стручки размером со спальный мешок. Мощный глухой удар всколыхнул землю, расколол асфальт и снес крышки с двух канализационных люков. Четыре машины буквально разорвало пополам, и мгновенно поднялась какофония автомобильных сигнализаций.

— Откуда вы знали? — с восхищением спросила Мэри. — Он накрыл их!

— В том и состоит прелесть сказочных преступлений, — сказал Джек, закрывая глаза и улыбаясь. — События обычно кончаются именно так, как ты ожидаешь, даже если и развиваются совершенно непредсказуемым образом.

— Как в истории с убийцей Шалтая-Болтая?

— Конечно. Миссис Болтай полагала, что застрелила его, Бесси думала, что отравила его. Гранди считал, что его убил нанятый им киллер, а Пемзс заминировал его машину. Но Болтая никто не убивал, даже чокнутая доктор Кватт. Великанская тварь, в которую он превратился, была убита

человеком по имени Джек, подрубившим бобовый стебель.

Между завалами огромных стручков прокладывала себе путь «скорая».

— Вы поправитесь, сэр, — сказала Мэри, подзывая медиков и зажимая рукой глубокую рану в боку инспектора.

— Зовите меня Джеком, — прошептал он. — Мы через многое вместе прошли.

— Ты выздоровеешь, Джек.

— Честно говоря, Мэри...

— Ты тоже можешь звать меня по имени, Джек.

— Извини. Честно говоря, Мэри...

— Так-то лучше.

— ...я думал, ты долго у нас не удержишься.

— Ты почти угадал. Но, понимаешь, не знаю почему, мне кажется, что моё место здесь. Ты не находишь это странным?

— Нет. Сдается мне, Бриггс, при всех его недостатках, знал об этом, когда посылал тебя ко мне.

— А откуда он знал?

— Понятия не имею, — ответил Джек, почти незаметно пожав плечами, когда благодатное беспамятство, тяжелое и темное, подступило к нему. — Иногда просто имя подходит...

* * *

Шалтая-Болтая похоронили в июне того же года. Тридцать тысяч человек пришли проводить его яйцеобразный гроб, который был пронесен через весь город. Сотни тех, кому он когда-то помог, принесли венки, и среди присутствовавших были замечены личный референт Джеллимена, Мэри Мэри и Джек Шпротт.

Джек Шпротт полностью выздоровел и вернулся к работе в Редингском полицейском управлении. Его повысили до старшего инспектора, а Джеллимен вручил ему награду «За выдающееся мужество перед лицом невыразимой жути». Несмотря на многочисленные мольбы со стороны Лиги, он ещё не вступил в неё.

Мэри Мэри по-прежнему работает со старшим инспектором Шпроттом. Расследование, известное как «Тайна выеденного яйца», было напечатано в нескольких выпусках «Криминального чтива», и вскоре по нему будет снят телесериал. Мэри пока так и не сумела отделаться от

Арнольда.

Лола Вавум и **Рэндольф Пемзс** числятся «пропавшими, предположительно утонувшими». Слухи о том, что их видели в разных местах от Элис-Спрингс до Чикаго, отвергнуты как безосновательные.

Софи Маффет-Болтай вычеркнута из раннего наброска данного романа и больше не появлялась.

Бесславное «тактическое отступление» **Фридленда Звонна** во время нападения на Джеллимена привело к его увольнению из рядов полиции Оксфорда и Беркшира. В настоящее время он является президентом Лиги выдающихся детективов.

Гусыню увезли в чрезвычайно засекреченный правительственный научный центр. Внутри у неё оказалось только то, что обычно наличествует у любой обыкновенной гусыни. Она скончалась на операционном столе.

Стаббз в конце концов оказался подлинным. Мистер Туппердэйс стал консультантом полиции.

Мистер и миссис Гранди в настоящее время проживают в Восточной Сплутвии, которая весьма кстати — и совершенно случайно, как утверждает супружеская чета, — не имеет с Британией договора об экстрадиции. Дела у них идут неплохо, и миссис Гранди ожидает первенца.

Отто Тиббит больше не работает с Джеком. Он уволился из полиции и занялся разведением гусей. Также он является агентом по продаже золота и президентом благотворительного трастового фонда. В настоящее время пишет палиндромическую книгу, озаглавленную, как несложно догадаться, «Умер, и мир ему».

Центр Священного Гонго после длительного процесса обеззараживания все же открыли. За первые шесть месяцев в нем побывало полмиллиона посетителей, и он прочно держит первое место среди туристических достопримечательностей Рединга.

Прометей и Пандора поженились спустя полгода. Прометей получил британское гражданство и постоянное политическое убежище. Во время церемонии бракосочетания в церковь ударила молния, перепугала паству и серьёзно опалила восьмерых человек. Это событие описывалось как «божья кара», хотя со стороны какого именно бога, указано не было.

Касл-Пемзс перешёл в ведение Национального треста.^[74] Он открыт шесть дней в неделю с десяти до четырёх, исключая вторники и Рождество. Малолетних детей можно возить в коляске, а посетителей вращающейся комнаты очень просят приносить с собой мягкие тапочки.

Отдел сказочных преступлений так и не был ликвидирован и функционирует по сей день.

notes

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Указаны реальные компании, кроме «Пемзе». (Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных.)

2

С лёгкой руки У. Гилберта и А. Салливана название этого города стало синонимом слов «Успокойся!», «Остынь!». В их оперетте «Рудигор» восклицание «Бейзингсток!» было кодовым словом, которым предупреждали Безумную Маргарет, что она близка к тому, чтобы впасть в слепую ярость. (Примеч. ред.)

3

Конечно, все помнят инспектора Морса — героя романов Колина Декстера и популярного телесериала.

4

Возможно, фамилия сыщика образована путем анаграммы фамилии Вульф, принадлежащей знаменитому Ниро из романов Рекса Стаута.

5

Арти Шоу — король свинга, кларнетист, композитор, дирижер джазового оркестра, чрезвычайно популярный в 1930-40-х годах.

6

Джеллимен Келли, который «still loves jelly», — персонаж песни Джеймса Тейлора. Джеймс Тейлор вместе с Дэвидом Брауном составляют популярный британский дуэт «Swayzak».

7

Имеются в виду сказка «Пряничный человечек» — вариант «Колобка» и фильм-триллер «Пряничный человечек», где действует сумасшедший убийца, сбежавший из психушки.

8

Сказки «Джек — победитель великанов» и «Джек и бобовый стебель».

9

Джек Шпротт (Sprat) — персонаж «Сказок матушки Гусыни». Он не ест ничего жирного, зато его жена не ест постного, и потому они живут в полнейшей семейной гармонии.

10

Джакомо Пуччини (1858–1924) — знаменитый итальянский оперный композитор. Генри Мур (1898–1986) — один из самых ярких представителей модернистского искусства. Рене Магритт (1898–1967) — бельгийский художник, один из видных сюрреалистов.

11

Соломон Гранди — персонаж детской считалочки из «Сказок матушки Гусыни», позже стал героем комиксов.

12

Шмыко Дав, Синий Бабуин, мистер Почесончик и мистер Донг — персонажи стихов Эдварда Лира в переводе И. Родина.

«Банти — обычная девчонка» — английский комикс для девочек, издававшийся с 1958 по 2001 гг. Мактвинкль — название типографского шрифта. *(Примеч. ред.)*

14

Шанди — смесь простого пива с имбирным или с лимонадом.
(Примеч. ред.)

15

Джордж Стаббз (1724–1806) — английский художник, прославился портретами домашних животных аристократии, в первую очередь портретами лошадей.

Те самые три мешка шерсти от барашка: «Один мешок — хозяину, другой мешок — хозяйке, а третий — детям маленьким на теплые фуфайки».

Мэри Мэри, конечно, тоже из «Сказок матушки Гусыни». (Примеч. ред.)

Жуткая история из «Сказок матушки Гусыни». Воробей откровенно признается, что застрелил петушка из лука, а остальные персонажи трогательно рассказывают о похоронах.

Крошка Вилли-Винки — ещё один персонаж из «Сказок матушки Гусыни».

Морской курорт на северо-западе Уэльса.

Имеется в виду огромное колесо обозрения в парке развлечений Пратер в Вене. *(Примеч. ред.)*

Фильм режиссера Лукино Висконти (1972 г.). *(Примеч. Ред.)*

Миссис Хаббард — персонаж романов Агаты Кристи «Хикори, дикори, док» и «Убийство в Восточном экспрессе». *(Примеч. ред.)*

Рецина — греческое смоляное белое (или розовое) вино, известное как минимум 2700 лет. (Примеч. ред.)

Грек Зорба — герой одноименного романа Никоса Казандакиса.
(Примеч. ред.)

«Три козлика и злобный тролль» — норвежская сказка. Козлики переходят через мост, под которым сидит злой тролль. Они его обманывают, говоря, мол, подожди, за мной идёт мой брат, он куда жирнее меня. Третий козлик, действительно очень большой, пыряет тролля рогами, тот падает в речку и тонет.

Станислав Ожеховский (Ореховский) (1513–1566) — польский публицист и историк XVI века, блестящий оратор. Действительно страдал вышеописанным расстройством. (*Примеч. ред.*)

Джорджи-Порджи — персонаж «Сказок матушки Гусыни». Целовал девочек так, что они плакали, но, когда выходили играть мальчики, убегал.
(Примеч. ред.)

Замок Лланаба — место действия романа Ивлина Во «Упадок и разрушение». *(Примеч. ред.)*

Мисс Маффет — персонаж стишка из «Сказок матушки Гусыни»,
девочка, напуганная пауком.

Хитри-Вихляй — персонаж стихотворения Э. Лира «Шляпа Хитри-Вихляя» (Quangle-Wangle's Hat). *(Примеч. ред.)*

По-английски слово jack имеет несколько значений, в том числе «человек», «парень», «мальчик на побегушках», «самец животного», а на американском сленге ещё и «сыщик». Так что каждый мог понять Мэри, как ему хотелось. *(Примеч. ред.)*

Явная отсылка к герою детективных романов Иэна Рэнкина, шотландскому детективу Джону Ребусу.

Только в сказках самая прославленная английская куртизанка XVIII века может квартировать в доме инспектора уголовной полиции.

То есть EGG 3 1/4, (стандартный размер пасхальных яиц Фаберже — три с четвертью дюйма). *(Примеч. ред.)*

Диего Ривера (1886–1957) — мексиканский художник-монументалист.

Траншейная стопа — поражение стоп при длительном воздействии холода и сырости; вид отморожения.

Как следует из детской считалочки, Соломон Гранди родился в понедельник, был крещен во вторник, женился в среду, заболел в четверг, в пятницу ему стало совсем плохо, в субботу он умер и был похоронен в воскресенье. В 1944 году, уже будучи героем комиксов, он выбрался из могилы, за годы мутировав в зомби, и помнил только то, что родился в понедельник.

Сэвил-роу — фешенебельная лондонская улица, где в разное время начинали великие мастера британской высокой моды. Там же находится мастерская придворного портного её величества Елизаветы II. (Примеч. ред.)

CERN — Европейская организация по ядерным исследованиям, крупнейшая в мире лаборатория физики высоких энергий. *(Примеч. ред.)*

Миссис Снодграсс — персонаж романа Ч.Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». *(Примеч. ред.)*

42

Английский комедийный сериал.

Возможно, это тот самый мельник (по-английски miller), один из трёх сыновей которого получил в наследство кота. (*Примеч. ред.*)

Описываемый эпизод напоминает «Последнее искушение» Вэл Макдермид — там тоже в грабителе опознают актера.

Полицейский пристав из комедии Шекспира «Много шума из ничего»
(перевод Т. Щепкиной-Куперник). (Примеч. ред.)

«Татлер» — журнал о новостях светской жизни, издаваемый в Лондоне. Выпускается с 1709 года. (Примеч. ред.)

Бэзилдон-парк — поместье XVIII-XIX веков. Место съемок телесериала «Гордость и предубеждение».

Том, сын волынщика, — персонаж «Сказок матушки Гусыни», укравший и съевший свинью, за что и был бит. (Примеч. ред.)

«Тайна Эдвина Друда» — незаконченный роман Конан Дойла, ещё более таинственный оттого, что главный герой пропадает без вести.

Вольфганг Калигари — главный персонаж немого фильма ужасов «Кабинет доктора Калигари» (1919) немецкого режиссера-экспрессиониста Роберта Вине.

Песня Брюса Дикинсона, вокалиста «Айрон мейден».

Реально существующие знаменитые редингские компании (по продаже семян и луковиц и кондитерская).

Гигантский храмовый комплекс в Камбодже, среди развалин древней столицы государства кхмеров, посвященный богу Вишну.

Собор Нотр-Дам в Шартре был заложен на месте древнего друидского святилища епископом Фульбером в XI веке. Западный вход, именуемый Королевским порталом, украшенный статуями королей и королев, датируется 1145 годом и демонстрирует переход в скульптуре от романского стиля к готике. Над ним располагаются четыре окна со знаменитыми витражами XII века.

Цитата из скетча «Дохлый попугай» из шоу «Монти Пайтон».

Норма Толмедж (1895–1957) — знаменитая американская актриса времен немого кино. Сегодня её мало кто помнит, но ту, которую назвали в её честь, помнят почти все — это Норма Джин Бейкер, взявшая псевдоним Мэрилин Монро. Мэрилин Монро родилась 1 июня 1926 года, когда Норма Толмедж была на пике популярности.

Имеется в виду стишок «Little Boy Blue». (Примеч. ред.)

«Goosey, goosey, gander» — стишок о глупом гусе, который забрался в хозяйскую спальню. (Примеч. ред.)

На данную закономерность указывает Алисе Чёрная королева в «Алисе в Зазеркалье» Кэрролла. *(Примеч. ред.)*

Африканский муравьед (англ.).

Шекспир У. Ричард III. Перевод А. В. Дружинина.

62

Прощай! (фр.)

Так назвал Оксфорд поэт Мэтью Арнольд.

Место действия романов Агаты Кристи о мисс Марпл — деревушка Сент-Мэри-Мид.

Чокнутый монах-альбинос из романа Дэна Брауна «Код да Винчи».

Видимо, намек на сэра Брайана Хоррокса (1895–1985), британского генерал-лейтенанта, «церемониймейстера с чёрной булавой», создателя документальных телефильмов по военной истории, издателя книг, посвященных истории различных полков британской армии.

Институт ноги (фр.).

Лорд Питер Уимзи — знаменитый детектив, герой романов Дороти Сейерс. *(Примеч. ред.)*

Герои стихотворения «Сыч и Киска» Э. Лира.

Очень скоро (*ит.*); музыкальный термин. (*Примеч. ред.*)

71

Город в Южной Африке. Во время Второй англо-бурской войны 1899 года 217 дней находился в осаде.

«Хорнет мот» — английский скоростной бомбардировщик времен Второй мировой войны. *(Примеч. ред.)*

Зубчатые зажимы с длинными щечками, применяются в электротехнике. (Примеч. ред.)

Британская организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест.

Содержание

[Джаспер Ффорде «Тайна выеденного яйца, или Смерть Шалтая»](#)

[Примечания автора](#)

[Глава 1 Мэри Мэри](#)

[Глава 2 Джек Шпротт](#)

[Глава 3 Жертва падения](#)

[Глава 4 Миссис Хаббард, псы и кости](#)

[Глава 5 Прометей](#)

[Глава 6 Миссис Лора Болтай](#)

[Глава 7 Отдел сказочных преступлений](#)

[Глава 8 Арсенал](#)

[Глава 9 Снова в конторе](#)

[Глава 10 Чарльз Пьютер](#)

[Глава 11 Священный Гонго](#)

[Глава 12 Клиника Св. Церебраллума](#)

[Глава 14 Встреча с детективом](#)

[Глава 15 Недовольство миссис Шпротт](#)

[Глава 16 Миссис Сингх даёт делу новый поворот](#)

[Глава 17 Расследование начинается](#)

[Глава 18 Лорд Рэндольф Пемзс IV](#)

[Глава 19 Соломон Гранди](#)

[Глава 20 Пресс-конференция](#)

[Глава 21 Покойтесь с миром, миссис Болтай, и «Дело закрыто»!](#)

[Глава 22 Титаны и бобовые стебли](#)

[Глава 23 Сомнения Мэри](#)

[Глава 24 Бриггс против Шпротта](#)

[Глава 25 Спокойной ночи, Крошка Вилли-Винки!](#)

[Глава 26 Встреча с супругами Гранди](#)

[Глава 27 Загадки и сомнения](#)

[Глава 28 Касл-Пемзс](#)

[Глава 29 Лола Вавум](#)

[Глава 30 Ещё одна пресс-конференция](#)

[Глава 31 Дома и стены помогают](#)

[Глава 32 Джорджо Порджа](#)

[Глава 33 Что сказала Бесси Брукс в свою защиту](#)

[Глава 34 Под допросом](#)

[Глава 35 Подведение итогов](#)
[Глава 36 Заполнение сосуда](#)
[Глава 37 Представитель Лиги](#)
[Глава 38 Возвращение Лолы Вавум](#)
[Глава 39 Красный «форд-зефир»](#)
[Глава 40 Горингский музей ноги](#)
[Глава 41 Доктор Горацио Карбункул](#)
[Глава 42 Возвращение в Касл-Пемзс](#)
[Глава 43 Незавершенные сюжетные линии](#)
[Глава 44 Вот и сказке конец](#)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)

[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)

[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)